

ВЕЛИКИЕ ПСИХОЛОГИ

Ростов-на-Дону
«ФЕНИКС»

Серия «ИСТОРИЧЕСКИЕ СИЛУЭТЫ»

© Составление: Самыгин С. И., Столяренко Л. Д., 2000

© Оформление: Изд-во «Феникс», 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга адресована тем, кто интересуется историей психологии, и в первую очередь студентам, изучающим ее в высших учебных заведениях. Она представляет собой серию биографических очерков, посвященных жизни и научному творчеству крупнейших психологов конца XIX и XX века, основателей известных психологических направлений и школ.

Среди множества самых разнообразных концепций и имен зарубежных психологов составители данного сборника постарались отобрать только те, что составляют общепризнанное достояние современного психологического знания. Имена Вундта, Фрейда, Юнга, Келера, Пиаже и других великих психологов не нуждаются в представлении.

Мы не ставим своей целью дать авторскую версию биографий выдающихся психологов или по-новому оценить их взгляды. Задачей составителей было подобрать наиболее интересные материалы, ознакомить читателя со свидетельствами людей, лично близко знавших героев книги.

Нами были использованы тексты Барбары Росс, Ирвинга Э. Александера, Роберта Л. Торндайка, Майкла Вертхеймера, Томаса Бласса, Генри Глейтмана, Роберта Шеррилла-младшего, Курта Шлезингера, Даниеля В. Бьорка, Артура Л. Блументаля и других.

Составители выражают благодарность Т. В. Ковалевой, О. А. Ковалеву и Т. И. Чмпоеш за помощь в переводе материалов.

УИЛЬЯМ ДЖЕЙМС: ИСПОРЧЕННЫЙ РЕБЕНОК АМЕРИКАНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Примерно за полтора года до смерти Уильям Джеймс удостоился следующей характеристики от Лайтнера Уитмера (1909):

«Философ-психолог, страстно интересующийся мистицизмом, профессионально занимающийся философией и временно принимающий на себя роль психолога... испорченный ребенок американской психологии, свободный от какой-либо серьезной критики, и любимый идеал широкого и образованного круга..., [который] с момента публикации его «Принципов психологии» безусловно ослабил традиционные интеллектуальные поводы, призванные обуздывать человеческие желания».

Хотя современники Джеймса никогда не считали его абсолютно непогрешимым, они в некотором смысле «избаловали» его. Несмотря на то, что Джеймс неоднократно подвергал критике большую часть экспериментальных работ, проводившихся в лабораториях Германии и США на ранних этапах развития классической психологии, коллеги Джеймса в течение всей его научной карьеры одаривали его самыми высокими профессиональными наградами. Он был избран президентом Американской Ассоциации психологов в 1895 году, президентом Американской Ассоциации философов в 1906 году и получил степень доктора права от Гарварда в 1903 году.

Джеймс и ребенком был избалованным, но в более привычном смысле этого слова. Он вырос в состоятельной семье и был старшим из пятерых детей. Между Уильямом и его младшим братом, Генри, ставшим впоследствии известным романистом, было всего 15 месяцев разницы, и братья оставались близки в течение всей своей жизни, изобиловавшей событиями. Братья пользовались благами, которые обеспечивало им состояние их отца, Генри Джеймса-старшего.

Генри Джеймс-старший вырос в большой семье в Олбани, штат Нью-Йорк; он был сыном Уильяма Джеймса, деда и тезки героя нашего повествования. Первый Уильям Джеймс был ирландским иммигрантом, к началу XIX века ставшим вторым по состоятельности человеком в штате Нью-Йорк после Джона Джейкоба Астора. Генри-старший описывал свою мать как демократичную и добрую женщину, а отца — как сурового человека, следившего за тем, чтобы его дети строго придерживались канонов пресвитерианской церкви, главными из которых считались благочестие и умеренность. Генри-старший отверг религию своего отца вскоре после поступления в Юнион-Колледж. Он бежал в Бостон, где несколько месяцев перебивался самостоятельно. После этого он помирился с отцом, вернулся в Юнион-Колледж и в 1830 году получил степень. Два года спустя его отец умер, оставив своим детям достаточно средств для того, чтобы ни у одного из них не было необходимости зарабатывать на жизнь.

Хотя Генри-старший отверг кальвинистские убеждения своего отца, он не отказался от религии полностью. Примерно в возрасте 20 лет его познакомили с трудами «примитивных христианских мистиков», и он начал верить в то, что спасение души каждого отдельного человека зависит от спасения общества. Он посвятил свои зрелые годы писанию книг, в которых говорилось в основном о неудовлетворительности традиционной морали и официального института церкви. Для него не имел никакого значения тот факт, что его произведения не пользовались успехом — было продано всего несколько экземпляров его книг.

Два первенца Генри-старшего, его сыновья Уильям и Генри-младший, родились в Нью-Йорке в 1842 и 1843 годах. Позже у них появились еще два младших брата и сестра. Возможно, по причине расхождений во взглядах со своим отцом, Генри-старший создал в собственной семье духовно и социально демократичную атмосферу. Дети были окружены любовью и не сдерживались запретами. Их отец потакал им, храня «внутреннюю уверенность в том, что характер его детей

невозможно испортить».

Семейство Джеймсов отличала любовь к путешествиям. Они много раз пересекали Атлантический океан. Первое путешествие семья совершила, когда Уильяму Джеймсу не было еще и двух лет. Дети Джеймсов не получили систематического школьного образования, они время от времени посещали частные школы в тех городах, где на разные сроки селился их неутомимый отец — в Нью-Йорке, Олбани, Ньюпорте, Лондоне, Женеве, Париже и в нескольких городах Германии.

За исключением психически уравновешенной матери Уильяма, все прочие члены семьи в тот или иной период своей жизни испытывали приступы ипохондрии. Когда Уильяму было 2 года, его отец пережил необъяснимое, мистическое, катастрофическое состояние, которое без успеха пытались вылечить ведущие врачи и которое служило причиной расстройства всей семьи в течение почти двух лет. Наконец, в творчестве шведского мистика Эмануэля Сведенборга Генри-старший нашел исцеление и основу для своих последующих духовных книг, писанию которых Генри-старший и посвятил весь остаток своей жизни. Не по годам эмоционально развитый Уильям, вероятно, осознавал трудности, испытываемые его отцом. В возрасте 20 лет Уильям тоже пережил трудное время, даже помышлял о самоубийстве. Годы спустя, после самостоятельного исследования чувства беспокойства, Уильям пришел к выводу, что невротическое состояние его отца проистекало из его подавленного детского чувства вины за бунт против собственного отца и его религии.

Мальчиком Уильям проводил химические опыты и собирал коллекцию мелких морских животных. Его отец прочил ему карьеру ученого. Возможно, по причине своего бессистемного свободного образования и общей неусидчивости Уильям долго и трудно искал свой путь в жизни. Сначала он кратко познакомился с искусством. Несмотря на разочарование Генри-старшего по поводу того, что сын не избрал стезю науки, отец разрешил Уильяму учиться живописи под руководством ньюпортского художника Джона Ла Фаржа в 1860 и 1861 годах. Интерес к живописи продлился недолго.

К началу гражданской войны 1861 года Уильяму и Генри было почти по 20 лет, — подходящий возраст для вступления в армию, однако ни один из братьев не испытывал наклонности к этому.

У Генри было заболевание спины, а у Уильяма — проблемы с нервами. В течение всей своей взрослой жизни Уильям испытывал повторяющиеся приступы болезни, которую в наши дни, возможно, определили бы как психосоматическое заболевание. Генри-старший не стал бы возражать, если бы его сыновья захотели записаться в армию, но, поскольку он был убежден в том, что и у Уильяма и у Генри-младшего имеются склонности к интеллектуальному труду, он поддержал их желание остаться в стороне от военных действий.

Осенью 1861 года, возможно, потому, что он чувствовал, что должен совершить нечто конструктивное — и к восторгу своего отца, — Уильям поступил в Научную Школу Лоуренса в Гарварде. Там он изучал химию под руководством Чарльза У. Элиота, соседа Джеймсов по Кембриджу, который, как выяснилось, оказался гораздо более талантливым администратором и организатором, чем ученым. Позднее Элиот стал президентом Гарвардского Колледжа и сыграл значительную роль в карьере Уильяма.

На втором году обучения в Школе Лоуренса боли, которые испытывал Уильям, и необъяснимая нервозность вынудили его взять академический отпуск на 8 месяцев или около того. Вернувшись в Школу, он переметнулся с химии на сравнительную анатомию, но его цели все еще не были определены. После обычных для него мучительных раздумий о собственном месте в жизни он решил попробовать заняться медициной и в 1864 году поступил в Гарвардскую Медицинскую Школу. Однако, вполне естественно, что вскоре внимание Уильяма оказалось поглощенным предстоящей экспедицией в Бразилию, которую собирался возглавить знаменитый гарвардский профессор зоологии и геологии Луис Агассиз.

Уильям Джеймс принял участие в этой экспедиции. К тому времени ему было уже 23 года, и он надеялся, что путешествие даст ему возможность разобраться в себе и определить свои жизненные цели, — но этого не произошло. Хотя временами Уильям получал удовольствие от экспедиции, он вернулся из нее домой измученным физически и морально и пришел к выводу, «что конституция каждого человека ограничивает его конкретные эмоциональные и физические возможности».

Летом 1866 года Джеймс прошел краткосрочную интернатуру в больнице общего профиля в Массачусетсе. Вернувшись к занятиям медициной, Джеймс начал верить в то, что ступил на стезю медицины для того, чтобы стать психологом. И весной 1867 года он еще раз прервал свои занятия на продолжительный срок.

Как оказалось, весна 1867 года положила начало нескольким годам душевных и физических мук Джеймса. В этот период он испытал приступы серьезной депрессии, но его гибкая натура помогла ему сохранить общее психическое здоровье. В какой-то момент частые боли в спине привели Джеймса в Германию с целью начать принимать ванны для облегчения болей. Но, помимо указанной, у Джеймса была еще одна причина для этой поездки. Медицинские занятия привели его к знакомству с германской экспериментальной физиологией, которая заинтересовала Джеймса; он решил посмотреть, что происходит в германских лабораториях, и одновременно усовершенствовать свой немецкий язык.

Приехав в Европу, Джеймс отложил прием ванн на несколько месяцев и все это время с увлечением посещал художественные галереи и театры. Его письма тех лет отражают перепады между периодами, когда к Джеймсу возвращались силы и он посвящал время чтению французских романов и философских произведений, и периодами плохого самочувствия, отмеченными меланхолическими размышлениями, ощущением бесцельности существования и сомнениями в правильности избранной профессии. С точки зрения психологии, можно было бы предположить, что основной конфликт натуры Джеймса заключался в том, что Джеймс колебался между бескомпромиссным спиритуализмом своего отца и собственным признанием того, что научный детерминизм в том виде, в каком его преподавали в Научной Школе Лоуренса, может иметь смысл, по крайней мере, в некоторых обстоятельствах. Джеймс рассматривал вселенную как нечто незавершенное и пребывающее в непрерывно меняющемся состоянии, что сильно затрудняло интерпретацию человеческого опыта. Детерминистский взгляд затруднял поиски смысла жизни; ценности идеалистов находились на таком абстрактном уровне, что не могли иметь никаких точек соприкосновения с реальностью современного мира. Хотя Джеймс признавал ценность детерминистского мировоззрения, он не мог принять детерминизм, не дававший удовлетворительного объяснения понятию зла. Если зло нельзя преодолеть, хотя бы частично, то верить в то, что единственный выход заключается в абсолютном пессимизме, просто цинично. Если Бог сотворил зло только для того, чтобы затем искоренить его, то человеческая воля есть не что иное, как фикция, а жизнь есть не что иное, как царство скуки. Джеймс нуждался в компромиссе, и его последние произведения свидетельствуют о том, что в конце концов он отыскал для себя такой компромисс. В своих произведениях Джеймс предлагает миру прагматичную философию, которая, как он надеялся, поможет сблизить противоречивые взгляды.

Тем временем Джеймс пытался найти для себя лично нечто такое, во что он мог бы верить и что помогло бы ему вытянуть себя из душевной депрессии. Он нашел частичное решение проблемы в работах французского философа Ренувье, которого он позже окрестил «эмпириком-недетерминистом». Определение свободной воли, данное Ренувье — «придерживаться мысли «потому что я так захотел» — несмотря на то, что у меня могут быть и другие мысли», — дало Джеймсу точку опоры. Первым актом свободной воли со стороны Джеймса явилось то, что он уверовал в свободную волю. Впоследствии, рассказывая о компромиссе Джеймса, А. Дж. Эйер писал, что Джеймс «воспользовался преимуществом быть реалистом в отношении любых фактов и практических проблем и идеалистом в отношении морали и теологии».

Месяцы, проведенные Джеймсом в Европе в 1867–1868 годах, не избавили его ни от болей в спине, ни от раздумий о будущем, однако увлеченное чтение литературных и философских произведений принесло ему несомненную и огромную пользу. Кроме этого, по мере того как поправлялось в Берлине его здоровье, Джеймс посещал лекции по физиологии Эмиля Дю Буа-Реймонда и приступил к выработке идей о том, как подойти к психологическим вопросам с точки зрения физиологии. Первым шагом в достижении этой цели являлось получение медицинской степени.

Возвращение Джеймса в Кембридж и мысли о предстоящих экзаменах по медицине привели к возврату депрессивного состояния. Несмотря на все волнения, Джеймс справился с ситуацией. Он тщательно подготовился к экзамену, выдержал его и наконец в 1896 году получил степень доктора медицины.

После получения медицинской степени Джеймс в течение нескольких лет не совершил ничего значительного. Он отдавал время чтению и отдыху и продолжал расстраиваться из-за отсутствия основного направления в своей жизни. Джеймс решил, что его здоровье не позволит ему справляться с теми нагрузками, которых требовала рутинная врачебная практика и лабораторные исследования. И, что было еще важнее, он обнаружил, что медицина лишена полета ума. Все еще без определенной цели он время от времени посещал лекции в Гарварде. Отец обеспечивал его средствами для путешествий и бездействия, полагая, что со временем Джеймс определится в своих намерениях.

Именно в тот момент бывший учитель и сосед Джеймса, Чарльз Элиот, помог Джеймсу избавиться от хандры, предложив ему в 1872 году в течение полугола вести занятия по сравнительной анатомии и физиологии в Гарварде. Уильяму было к тому времени 30 лет, но у него до сих пор не было постоянной работы, и он все еще жил как испорченное дитя в защищенной от невзгод атмосфере родительского дома. Он воспринял предложение Элиота как дар божий и принял должность в надежде на то, что она поможет рассеять его «философическую ипохондрию».

Избавившись наконец от чувства вины, какую он мог испытывать по причине своей зависимости от родителей и отсутствия цели в жизни, Уильям достиг большого успеха как преподаватель. С детских лет принимавший участие в интеллектуальных дискуссиях, обычных для либеральной атмосферы его родного дома, Джеймс легко находил общий язык со своими студентами, а они — с ним. Студентов привлекали его разносторонние знания и попытки связать учебный материал с жизненными ситуациями. Его обширный опыт, начитанность, талант общения и подкупающие манеры способствовали росту его популярности. Похоже на то, что с тех пор как Джеймс в 1870 году познакомился с трудами Ренувье, он выработал свой практический подход к обучению и к жизни в целом. Хотя его задача заключалась в обучении студентов физиологии, он толковал свой предмет достаточно широко, что давало ему возможность познакомить студентов со многими собственными идеями, причем студенты реагировали на это положительно. После этого первого успеха Джеймсу предложили в следующем учебном году провести полный курс занятий. Несмотря на то, что его преподавательская деятельность прибавила ему уверенности в собственных силах и уменьшила депрессию, Джеймс чувствовал: прежде чем он окончательно определится, ему необходимо еще один год провести в Европе. По прошествии этого года он до конца жизни продолжал работать в Гарварде.

Многим студентам, посещавшим занятия Джеймса, было суждено сделаться знаменитыми. Хорошо известен тот факт, что в числе студентов Джеймса были такие люди, как Джордж Сантаяна, Гертруда Стайн и Г. Стэнли Холл. Помимо названных, студентами Джеймса были также Мортон Принс и Борис Сидис, внесшие значительный личный вклад в американскую психиатрическую и психоаналитическую науку. Джеймс Джексон Путнэм, близкий друг Уильяма Джеймса, стал важной фигурой в психоаналитическом движении, причем могло случиться так, что если бы не влияние Джеймса, Путнэм вообще бы не занялся психоанализом.

Общение Джеймса с Мортонем Принсом оказало решающее влияние на профессиональное становление Принса. Подобно Джеймсу, Принс принял подходы Жана и Шарко к неврологии и клинической медицине и получил всемирную известность благодаря своим книгам. Он отстаивал «научную психопатологию», основал «Журнал аномальной психологии» и в течение многих лет занимал пост редактора этого журнала.

Примерно десять лет тому назад Давид Шаков вспоминал, что через Джона Дьюи Джеймс вошел в его жизнь и стал его неизменным героем. Историкам досталось от Шакова за их «ограниченный взгляд» на факторы, которые, по их мнению, сыграли решающую роль в развитии психоаналитической мысли. Он писал:

«Подобная нечувствительность проявилась в невнимании к выводам, проистекающим из двух фундаментальных принципов Джеймса. Одним из этих принципов, названным Торндайком самым значительным открытием Джеймса в области психологии, является существование «краевых» психических состояний. Другой принцип заключается в том упоре, какой делал Джеймс на концепции, до некоторой степени связанной с первым принципом — концепции «привычки», то есть повторяющихся и, казалось бы, незначительных событий в наших жизненных обстоятельствах и наших поступках..., могущих играть важную роль в формировании наших мнений, восприятий [и] реакций».

По мере того как Джеймс приобретал известность, он начал делиться своими знаниями и философскими воззрениями не только со своими студентами и коллегами, но также с другими преподавателями, широкой публикой и с образованными людьми в целом. Число предметов, не удостоившихся внимания Джеймса, можно пересчитать по пальцам. Он анализировал социальные и политические вопросы в статьях о патриотизме, войнах, линчевании (самосуде), аскетах, гениальности и скрытых энергетических возможностях человека. Сын Джеймса, Гарри, писал, что Джеймс «не был склонен недооценивать бойцовский инстинкт», который он рассматривал как крайне легковозбудимую силу, лежащую в основе общественных структур всех доминирующих рас. Он выступал в поддержку международных судов, сокращения вооружений и прочих «мер, способных противостоять страсти к разжиганию войны». Джеймс предлагал перевести «бойцовский инстинкт» в созидательное русло и выступал против тех, кто пытался утвердить социальную психологию, основанную на предполагаемой гедонистической природе человека.

По мнению Джеймса, в основе человеческой природы лежит творческий потенциал индивидов, который успешнее всего реализуется во взаимодействии с общественным порядком. Джеймсова концепция «социального я» использовалась в более поздних разработках психологической и социологической теории как основа для анализа индивидуальных и групповых поступков.

«Запойный» читатель на нескольких языках, Джеймс был для своего поколения главным вестником нового, принесшим в Америку зарубежные идеи в области психологии, медицины и неврологии — особенно информацию об исследованиях, проведенных во Франции. Он проделал обзор работы Либо еще в 1868 году.

Французская неврология и психиатрия привлекали Джеймса потому, что стояли ближе к старым метафизическим понятиям, чем германский экспериментализм. Джеймс одобрял внимание французских ученых к высшим психическим функциям, а также к эмоциональным и практическим потребностям людей. Французская психиатрия достигла особых успехов в области неврологии и в интерпретации органических психозов. Клиницисты искали причины, лежащие в основе заболеваний.

С помощью наблюдения временных изменений, изучения историй болезни и проведения аутопсии клиницисты постепенно начинали классифицировать четко выраженные нозологические формы, определяемые частично по присущим им симптомам, а частично по анатомическим поражениям, лежащим в основе таких заболеваний. Успехи в диагностике функциональных нарушений также

производили на Джеймса впечатление, особенно работа Жане и Бине по истерии и расщеплению личности. Он находил, что их работа полна «тонкой психологии, к которой каждый психолог обязан отнестись со вниманием». Он предсказывал, что эта работа вызовет споры и стимулирует профессиональный интерес.

Знакомство Джеймса с европейской психологией и психиатрией побудило его к поощрению изучения многих тем, бывших непопулярными в научной психологии, например гипноза, расщепления личности, галлюцинаций, исследований психики, истерии, нарушений и в целом исследований, проводившихся в области психопатологии.

Его многолетнее содействие проведению таких исследований в значительной мере заложило исследовательский фундамент, побудивший психологов обратить свое внимание на изучение динамических процессов и психоаналитической теории. Изложенное Джеймсом в первом томе «Психологического обзора» (Psychological Review) содержание оригинального доклада Брюера и Фрейда явилось первым в Америке печатным упоминанием о работах Фрейда. В статье утверждалось, что истерия вызывается «психическим шоком», воспоминания о котором попадают в подсознание (подпороговое сознание). Оставшиеся там, они действуют как «шпы в душе», по выражению Джеймса. Для исцеления необходимо вывести их на поверхность в гипнотическом состоянии, позволить им оказать на пациента полное эмоциональное воздействие, даже жестокое и болезненное, и таким образом помочь им «выработать» себя и исчезнуть. Джеймс не видел в этом способе ничего оригинального, потому что в Англии, на много лет раньше, Майерс «заявил, что истерия есть заболевание гипнотического пласта», а Фрейд и Брюер просто дали подтверждение более ранней работе француза Жане. Во время визита Фрейда в университет Кларка в 1909 году, когда большинство психологов и психиатров в Америке отвергали психоаналитические интерпретации, Джеймс писал Флурнау, женевскому психологу, что он надеется на то, что «Фрейд и его ученики распространят свои идеи до самых отдаленных пределов... Они не могут не пролить свет на природу человека».

Джеймс ощущал не только проблематичность ситуации в области психологии, существовавшей в его время, но также остро чувствовал проблемы общества. В Америке XIX века материализм, корпорации-гиганты, высокие скорости, шум и неуверенность в собственном положении влекли за собой нервное истощение, неврастению или то, что Джеймс определил как «американизм». По Джеймсу, это новое заболевание нервной системы возникло потому, что люди, вытесняемые машинами, боялись потерпеть неудачу и потерять работу и вследствие всего этого начинали испытывать состояние, знакомое нам как стресс.

Традиционная медицина мало что делала для разрешения этих проблем живых людей. Вопрос о терапии душевных заболеваний всерьез не ставился, и надежд на возможность их лечения было мало. Ограниченные реформы, имевшие место в больницах для душевнобольных в 1880-х и 1890-х годах, проистекали не из заботы о здоровье пациентов, а из попыток утвердить психиатрию в статусе официальной отрасли медицины, делая с этой целью упор на значимости физических нарушений. Психиатры хотели вывести психиатрию за пределы государственных институтов и сделать ее достоянием общественных программ или частной практики. В 1873 году в своем обзоре работы Айзека Рэ»» Вклад в психопатологию» Джеймс критиковал Рэя и прочих психиатров за то, что они уделяют слишком большое внимание административной работе и забывают о том, как важно делать новые открытия, которые могли бы способствовать успешному лечению людей. Джеймс также предпринимал практические усилия по исправлению этого положения. Он являлся членом-основателем Национального Комитета по психогигиене, известного также как Общество Бирса, и оказал ему помощь на раннем этапе работы, предоставив заем в размере 1 000 долларов. Назначение этой организации состояло в осуществлении роли посредника между административными кругами больниц, пациентами и общественностью.

Джеймс всю жизнь проявлял интерес к системам ценностей всех видов, особенно к религии. Он фокусировал внимание не на конкретных догмах отдельных религий, а

на личной вере каждого верующего. Он рассматривал лечение внушением или психотерапию как альтернативу религии хронического беспокойства, которая была характерна для евангелистских кругов Англии и Америки начала XIX века. Во времена Джеймса религия в Америке переживала критический период. Дарвин и эпоха естественных наук пошатнули основы традиционной веры в Бога. Томас Хаксли и Герберт Спенсер расширили рамки теории Дарвина таким образом, чтобы полностью вытеснить религию. Психотерапия предлагала оптимистические жизненные перспективы и предназначалась для блага многих людей.

В Америке подходящим моментом воспользовались различные группы психотерапевтов, исповедовавших принцип лечения внушением, например «Христианские ученые». Джеймс твердо верил в то, что величие Америки зиждется на таких качествах ее граждан, как решительность, энергичность и энтузиазм, и что предлагаемое направление в психологии подвигнет людей в направлении успеха. Лечение внушением было направлено на то, чтобы исподволь внушить людям основы Священного Писания в соответствии с принципом о том, что временные психические расстройства личности способствуют быстрому проникновению религиозных идей в подсознание. Джеймс подчеркивал универсальность подсознательного «я», которое он называл «признанной психологической единицей». Он считал лечение внушением практическим и продуктивным методом терапии и связывал этот метод лечения с работой английских исследователей над проблемой сублимированного сознания и французских исследователей над проблемой бессознательного.

С точки зрения Джеймса, огромная ценность метода лечения внушением состояла в том, что он позволял высвобождать мощные энергетические возможности человека. Джеймс напомнил своим читателям о том, что в физике понятие энергии является строго определенным и коррелирует с понятием работы. Однако психическая и моральная работа, «хотя мы не можем существовать, не упоминая о них, представляют собой термины, которые пока еще едва ли подвергались анализу». К великому сожалению Джеймса, терминология, необходимая для обсуждения концепции энергии, участвующей в психической деятельности, не соответствовала уровню психологии тех лет, и Джеймс понял, что ему придется долго ожидать прогресса в этом направлении.

Все это привело к тому, что, как и можно было ожидать, методы психотерапии, несмотря на горячую поддержку Джеймса, не были восприняты всерьез американскими академическими или психологическими кругами. Он рассматривал психотерапию как типично американский вклад в психологию, который в высшей степени соответствовал практическому и оптимистическому складу характера Джеймса. Когда медики увидели в психотерапевтах своих конкурентов, они в 1898 году направили в законодательное собрание штата Массачусетс законопроект о том, что психотерапевты обязаны иметь степень доктора медицины, чтобы получить разрешение на практику.

Джеймс понимал, что требование о сдаче экзаменов на докторскую степень приведет к ликвидации этого движения, и потому выступил перед законодательным собранием штата с речью, призывающей не принимать подобный законопроект, но тщетно. Медики-профессионалы добились того, чего хотели.

Джеймс пытался научить американских психологов большей восприимчивости к временному и гипотетическому характеру основ научной психологии и расширить их концепцию гуманности путем прослеживания значимых взаимосвязей между данными, поступающими из разных источников. В сентябрьском выпуске «Американского журнала по психологии» за 1890 год в своем письме к редактору Джеймс попросил содействия в сборе информации для научного исследования — по «статистике галлюцинаций».

Неослабное внимание, проявляемое Джеймсом к подобным феноменам, а также к уникальности и индивидуальности психологических фактов и личного опыта, стало причиной его споров с ведущими специалистами в американской психологии о предмете и методах психологии. Характерное для маститых психологов начала

века отношение к психологии отличалось от взглядов, которых придерживался Джеймс.

Можно сказать, что это было проявлением силы духа одного человека против многих других. Джеймс отлично понимал, что в академических кругах его мировоззрение не принималось, и говорил: «Я чувствую себя как человек, который должен как можно скорее загородить спиной открытую дверь, если он не хочет увидеть, как эта дверь будет закрыта и заперта на замок» (1902).

Конечно, Джеймс не избежал критики, что естественно следует из вышесказанного. Когда, спустя 12 лет подготовки, были опубликованы «Принципы психологии» (Principles of Psychology) Джеймса (1890), старая гвардия психологов не смогла промолчать по этому поводу и с полной уверенностью заявила, что сделанные Джеймсом предположения вряд ли можно воспринимать серьезно. Хотя труд Джеймса производил впечатление своими экспериментальными находками и интроспективными глубинами, «Принципы» оказались провокационной книгой. Джеймс воспользовался примерами из истории и тривиальными случаями из повседневной жизни.

Г. Стэнли Холл назвал книгу Джеймса «импрессионистской», а Вундт заявил, что это беллетристика, а не научный труд — «вердикты», до некоторой степени спровоцированные огромным количеством экспериментальных данных и серьезных аргументов, приведенных Джеймсом. В любом случае, невзирая на критику, «Принципы» имели ошеломляющий успех. По этому поводу говорилось, что с публикацией «Принципов» Джеймс стал признанным источником самой живой психологической мысли в стране.

Из «Принципов психологии» и всех прочих произведений Джеймса очевидно, что слово «амбивалентный» наиболее полно характеризует мнение Джеймса о традиционной психологической науке. Он с уважением относился к эмпирическому методу, но считал, что если результаты эмпирического подхода не могут помочь в решении вопроса, следует рассматривать такой традиционный научный метод как ограниченный.

Большая часть аргументов Джеймса основывается на примере ученых, которые отрицают веру и заявляют, что научный метод является совершенно объективным. Джеймс был не согласен с их презрительным отношением к предметам, выходящим за рамки науки, и высказал предположение о том, что такие ученые не сумели разглядеть свою собственную веру в исключительной правоте материалистического мировоззрения, которое не в состоянии объяснить многие проявления человеческого опыта. Подобно Маху, Джеймс настаивал на том, что научный язык является изобретением человека. По Джеймсу, гипотезы есть просто способы толкования, а не буквальные копии реальности. Он полагал, что в некоторых случаях стоит воспользоваться конкретными религиозными интерпретациями.

Проявляя дипломатичность в оценках, но не прекращая при этом критиковать современные ему доминирующие направления в психологии, Джеймс особенно выступал против членов Ассоциации психологов, редуccionистский анализ которых он заменил своим «потокосознанием». В 1894 году, в своем президентском обращении к Американской Ассоциации психологов Джеймс продолжал предъявлять обвинения в адрес традиционной психологии. Он забраковал лабораторную работу и подчеркнул свое несогласие с позицией членов Ассоциации. Он выступил в защиту исследований психики и объявил, что отказался от той материалистической позиции в отношении к сознанию, которой придерживался в своих «Принципах». С другой стороны, он выступил с отрицанием «доктрин души» приверженцев трансцендентальной философии, искажавших психологию.

Джеймс Маккин Кэттелл отреагировал на выступление Джеймса отрицательно, за исключением пункта, где Джеймс поддерживал исследования психической деятельности человека. Возражая Кэттеллу, Джеймс заявил, что, как ему кажется,

Кэттелл не принимает во внимание один важный довод, который состоит в том, что исследования психики «все еще остаются в целом загадочной областью, поскольку в бесчисленных случаях полученные данные невозможно ни сделать более точными, ни проигнорировать, найдя для этого подходящее объяснение... В этом случае речь может идти только о возможности и невозможности». Похоже, основное предназначение Джеймса состояло в том, чтобы протестовать, в психологии и в жизни, против применения искусственных анализов и механистических подходов к изучению человеческого опыта.

Не обязательно полностью и безоговорочно разделять взгляды Джеймса для того, чтобы понять, что ему принадлежит множество фундаментальных открытий — открытий, важность которых была признана его коллегами и признается до сих пор. Неполный перечень достижений Джеймса включает следующее: его отчет о пространственном восприятии; его, совместные с Ланге, революционные открытия в области эмоций; включение исследования инстинктов в науку о человеческом разуме как неотъемлемой части этой науки; его концепция привычек как основного принципа ментальной организации; использование данных о патологической стороне ментальной жизни для освещения нормальной психической деятельности; его психология «я», включающая вариант того, что позднее превратилось в концепцию самоактуализации Маслоу; его трактовка памяти в виде фаз, которая превзошла популярную в настоящее время модель обработки информации; его оценка универсальной значимости торможения в поведенческой структуре, а также его сознательная и систематическая борьба за признание всего эфемерного, преходящего и мистического.

Как явствует из его психологии и его жизненной философии, характер Джеймса не подчиняется стереотипному определению. Он совмещал в себе множество личностей, ни одна из которых не была независимой от других. Его интерес к аномальным явлениям иногда толкуется как один из аспектов личного склада Джеймса. В один из периодов депрессии Джеймса его мать писала: «Беда в том, что ему (Джеймсу) необходимо выразить в словах каждый оттенок чувств и, в особенности, каждый неблагоприятный симптом... (Его) темперамент отличается безнадежно болезненной впечатлительностью».

Такая болезненная впечатлительность была лишь одним из аспектов его чувствительной натуры. Он жаловался на то, что его отвлекают от работы, но при этом не смог бы прожить без таких отвлечений. Интеллектуальный авантюрист по натуре, он обожал перемены и, испытав на себе действие газообразной закиси азота, писал в статье, опубликованной в сборнике «Майнд» («Разум»), что этот опыт сравним с идентификацией противоположностей Гегеля. Он экспериментировал с мескалью (мескаль — мексиканская водка из сока алоэ) и не исключал возможности того, что йога представляет собой методологический способ пробуждения глубинных уровней силы воли с целью повышения энергетической мощи человека.

Несмотря на то, что временами Джеймс бывал унылым, упрямым или впадал в пессимизм, он мог также быть любезным, благожелательным и обаятельным. Его беспокойный характер проявлялся в перепадах его настроения, в частой перемене мест и в разнообразии интересов. Он осознал, что живет во времена путаницы в психологии, и в искренней попытке понять и разрешить проблемы рассматривал все существующие точки зрения. Его отказ принять какую-то одну сторону и упрямо защищать ее не имел параллелей в те дни, когда психологии была присуща классическая строгость. Джеймс не категоризировал свои идеи, его мышление развивалось не в соответствии с аккуратно настроенной шкалой, на которую нанесены деления от материализма до мистицизма. Он одновременно придерживался стольких концепций, что случайному читателю они могли бы показаться безнадежно противоречащими друг другу и совершенно несовместимыми. Традиционные пробелы, оставленные другими психологическими школами, Джеймс сумел наполнить позитивным, основанным на опыте содержанием с привлечением данных о направленности, значимости и взаимосвязанности, а его принципы плюрализма и прагматизма открыли

возможности для человеческих свершений и явились альтернативой смирению и отчаянию, свойственным для детерминистского мировоззрения.

ЛЕЙПЦИГ, ВИЛЬГЕЛЬМ ВУНДТ И ЗОЛОТОЙ ВЕК ПСИХОЛОГИИ

Как это любили показывать в старых фильмах о путешествиях, среди пыли и гари, на многолюдном Лейпцигском вокзале сошел с поезда в 1875 году Вильгельм Максимилиан Вундт — так закончилось его долгое путешествие из Цюриха.

Его путешествие по страницам истории новой научной психологии, где ему приписывалась честь стольких открытий, где порой его обвиняли в монополизме, — это главное путешествие только начиналось. В 1875 году Вундт еще не был согбенным седобородым полуслепым восьмидесятилетним мудрецом, каким его запомнили последующие поколения — это был твердо стоящий на ногах, сильный духом человек с острым взглядом, в котором вызывающе вспыхивал честолюбивый огонек.

Честолюбивым Вундт должен был быть непременно. К концу столетия он был уже не просто ректором Лейпцигского университета, — историк Фриц Рингер (1969) именует его «немецким мандарином».

В книге Рингера повествуется о том, как различные силы, объединившись, обрекли Вундта на страдания при виде быстрого упадка немецкой чиновничьей культуры. Восхождение Вундта к великим вершинам было фактически следствием захватывающего дух помрачения в умах, воцарившегося среди пламени и хаоса, которые вихрем завертели все вокруг в период от начала первой мировой войны и до конца мировой войны номер два.

Немаловажной составляющей этого хаоса был радикальный поворот в умах, обрекший Вундта на забвение и дискредитировавший порядок, существовавший в XIX веке. Это было более разрушительным для разрабатываемой психологии, чем война, антигерманские настроения или потеря популярности среди студентов. Самый предмет его науки отрицался, даже запрещался, как ненаучный и непознаваемый. Поскольку психология Вундта была наукой о сознании.

Учение Вундта о природе сознания базировалось на нескольких принципах, в которых широко использовались понятия волевого акта и целеполагания; радикальная форма в настоящее время называется конструктивизмом. Эта более поздняя ориентация была заявлена в его первом и основном принципе «креативного синтеза» (Schöpferische Synthese) — этот принцип гласит, что непосредственный опыт не может организоваться в единое целое снизу вверх, путем соединения отдельных элементов. Вундт изложил этот принцип в своих ранних работах и постоянно подчеркивал его первостепенную важность вплоть до 1920 года, когда он, будучи уже при смерти, диктовал мемуары своей дочери Элеоноре. После смерти Вундта о его работах практически забыли; до самого последнего времени очень мало было серьезных исследований, посвященных описанной им системе мышления. В этот период стараниями многих составителей учебников о психологии Вундта сложился некий миф, легко воспринятый читателями. В большинстве случаев в них даже не упоминалось понятие «креативного синтеза» или другие центральные идеи вундтовской психологии.

Учение о креативном синтезе касается внешних проявлений сознания — продуктов деятельности коры мозга, обуславливающих характеристики схем организации опыта. От этого исходного пункта вундтовская система развивалась как совокупность принципов, объясняющих наличие колебаний в процессе сознания, по мере того как оно подпадает под влияние самоконтроля. Вся система основана на следующем доводе: психология (ее предмет), коренным образом отличается от естественных наук, а потому не может быть понята с помощью проведения каких-то аналогий с ними. Здесь Вундт, по-видимому, в первую очередь имел в виду химию и физику.

Для Вундта психология была основой всех прочих наук: ведь она изучает процессы,

которые лежат в истоке любой науки, чем и объясняется ее приоритет перед философией, логикой, лингвистикой и социальным анализом. В последние годы жизни Вундта такой подход стал известен как «психологизм»; это слово стало отрицательным эпитетом среди ученых и студентов, желавших изгнать из других наук все, что имело отношение к психологии. Вскоре, после смерти Вундта, его академическое и университетское наследие поделили между собой, с одной стороны, враждебные марксистско-ленинские интерпретаторы с Востока, а с другой стороны — враждебные им американские бихевиористы и их коллеги с Запада. Вся эта история, как он разворачивалась в Германии, с Вундтом в главной роли, недавно была хорошо описана Кушем.

В наше время, в конце XX века, стиль исследований и теоретические изыскания Вундта вновь вызывают интерес. Наметившийся поворот к более менталистически ориентированной когнитивной психологии вызвал к жизни буквально бурю исторических параллелей с Вундтом.

В настоящей главе мы лишь бегло коснемся этих дискуссий, но сосредоточимся на историческом контексте, который способствовал возникновению психологии Вундта, и на центральных идеях, пронизывающих все его труды.

НЕНАДЕЖНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА

В 1875 году Лейпциг был старым грязным городком, местом сборища торговцев со всего света — это был перекресток искусств, свободомыслия, политической оппозиции и радикализма. Если углубиться в историю, вспомнить описания путешественников XIX века, поднять записи в городском архиве, данные о демографическом положении, о состоянии культуры, — мы обнаружим, что новообретенное место жительства Вильгельма и Софии Вундт, где они и останутся до конца жизни, было шумным и беспорядочным. Этот Лейпциг контрастировал с картинками позднего периода нацистской эпохи 1930-х **годов**, когда он стал приглашенным, ухоженным, аккуратным и мещанским — грустное зрелище, если знать все ужасы, скрывавшиеся за этим сияющим фасадом.

Лейпциг обладал собственной физиономией, отличавшей его от прочих немецких городов. Как замечает американский психолог Дж. С. Холл (1881) в своих записках, у него был «особенный характер», который город «не уставал всячески культивировать: никто так не влюблен, так не гордится своим городом, диалектом, народными праздниками, старинными обычаями и прочим, как рядовой житель Лейпцига». Этому городу предстояло вскоре получить признание как месту рождения экспериментальной психологии, — а то и всей современной психологии, Маннгейма и Гейдельберга. Вундт, проживший определенное время в Цюрихе, не мог не вписаться в атмосферу Лейпцига, со временем он стал одним из жителей, определявших ее.

Холл пишет также, что на улицах и в ресторанах старого Лейпцига каждый второй встречный оказывался более или менее известным профессором, писателем или критиком. Вундт общался с ними, гуляя по этим улицам каждый день и обсуждая злободневные проблемы в ресторанах. Невозможно себе представить атмосферы, более насыщенной духом интеллектуального соперничества. Город был к тому же столицей книгоиздательства в Центральной Европе, — там располагалось 50 издательств и более 200 книжных магазинов — превосходное место для такого плодотворного автора, как Вундт. Лейпциг был еще и мировой музыкальной столицей — родиной Баха и великого оркестра *Gexmndhaus*, существующего и по сей день. Как раз, когда туда прибыл Вундт, в Лейпциге обосновался маэстро Рихард Вагнер, ставивший свои оперы на сцене великолепной Лейпцигской оперы. Маэстро Вундт тоже был накануне «выхода на сцену» своей психологии — в среде, которая ко многому обязывала, перед широкой аудиторией. Жизнь Вундта в Лейпциге была редкой смесью исторических влияний, благоприятных возможностей, амбиций и удачного момента. Город, где появилась новая психология, был стар и украшен идолами и иконами германского искусства, науки, литературы и философии, прошествовавшими через его порталы. Не так давно здесь появились другие идолы — в честь великих представителей ранней психологии. При взгляде на эти

изображения ощущался исполненный гордости германский шовинизм — спор за интеллектуальное превосходство, которому с началом первой мировой войны предстояло пробудиться у большинства представителей местного интеллектуального общества, в том числе и у Вундта. Все философские теоретические разногласия, раздиравшие местные университеты, отступили на второй план, и ведущие представители культурной элиты подняли голос в поддержку своей нации как раз накануне того, когда разразившаяся национальная трагедия отправила многих из них в небытие.

В глазах многих своих студентов, как немецких, так и иностранных, включая большинство представителей первого поколения американских философов, собравшихся в Лейпциге поучиться у Вундта, сам город казался шумнее и многолюднее опер Вагнера или лекций Вундта. Тут было еще кое-что, придавшее Лейпцигу то неповторимое своеобразие, о котором писал Холл. Уже с XI столетия Лейпциг был торговым перекрестком Центральной Европы, где каждый год проводились большие ярмарки, становившиеся центром всей городской жизни. Вот почему население Лейпцига представляло собой смесь разных национальностей и этнических групп — настоящий котел, о котором Вундт еще напишет подробно в своей «психологии народов» (*Volkerpsychologie*). Возможно, именно своим многообразием город, как магнит, притягивал радикальные политические силы. В XIX веке он был местом постоянных стычек между этими силами и противостоящим им германским консерватизмом. На всех углах перед рабочими социалисты держали пламенные речи. В молодые годы Вундт слегка увлекался политикой, примыкая к левым, близким к центру; он и позднее продолжал писать политические статьи. Большие международные торговые ярмарки привлекали в Лейпциг толпы торговцев — они прибывали отовсюду, даже из Африки и Средней Азии; на улицах Лейпцига выстраивались палатки и киоски, заваленные товарами. Вместе с толпой появлялись приспешники радикалов, воришки, мистики и прочая братия — в надежде на легкую поживу.

Лейпциг был празднеством, Лейпциг был карнавалом. На одной улице вы могли увидеть изысканный фарфор и керамику. В старом еврейском квартале были выставлены лучшие меха, собранные со всего континента. На другой улице не представляло труда найти образчики блюд любой национальной кухни. Из многочисленных уличных ресторанчиков лилась музыка, раздавался разноязычный гомон. Во время ярмарки можно было встретить торговцев скобяным товаром, шерстью, коврами, книгами и прочим. Здесь, как ни в каком другом месте Европы, легко было отыскать самых лучших изготовителей технических и научных приборов, что сыграло немаловажную роль в становлении лабораторного стиля новой психологии Вундта.

Это коммерческое и развлекательное направление приумножило благосостояние Лейпцига, а вместе с ним расцветал и университет, становился все великолепнее, то же происходило и с Психологическим институтом Вундта, являвшимся неотъемлемой частью университета. Две комнатки, которые Вундт занимал вначале, к концу 1870-х превратились в крупный, щедро финансируемый многоэтажный Центр психологических исследований, достигший своего наивысшего развития накануне первой мировой войны.

Однако число американских студентов, вначале преобладавших среди обучающихся, постепенно сокращалось. В Америке повсеместно начали появляться психологические школы и собственно программы изучения, новые разделы психологии, которые оказались ближе прагматичному и физикалистскому мировоззрению молодых американцев.

Присутствие американских студентов в Лейпциге означало столкновение двух культур. Характер американских колледжей в ту эпоху в корне отличался от духа германских университетов. Например, в Германии наблюдался повсеместный отход от традиционных религиозных воззрений, столь прочно укорененных в американских колледжах. В Германии можно было встретить атеизм, натурфилософию, различные виды пантеизма, восточный мистицизм. В то же самое время в Америке переживало подъем пуританское движение,

проповедовался более простой, обыкновенный, прагматический, менее интеллектуальный образ жизни.

Первые американские психологи, враждебно настроенные по отношению к религии, должны были быть крайне осторожны в этих вопросах, если они хотели удержаться в американской академии. Они не имели возможности беспрепятственно использовать новые научные инструменты и с их помощью кое-как латать священную душу. Таким образом, бихевиоризм оказывался здесь более приемлемым, поскольку он не пытался вмешаться в области, интересующие церковь. В Америке же появился и тот особый практически ориентированный менталитет, который так высоко ценился пуританской этикой.

С этих позиций главным было определение насущных проблем, определение ценности науки в ее прикладных аспектах — совершенно чуждое основополагающему разделению между наукой и технологией, характерному для Германии. Это культурное противоречие между Америкой и Германией можно почувствовать в следующем заявлении Дж. Стэнли Холла: «Мы нуждаемся в психологии, которую можно применить с пользой, чтобы облегчить процесс мышления, жизни и труда, и хотя идеи Вундта теперь столь успешно культивируются в академических садах, они никогда не приживутся здесь, поскольку противоречат американскому духу и характеру» (1912).

В самой Германии тоже с давних пор существовало культурное противостояние между аполлоническим Севером и дионисийским Югом. Более свободный, расслабленный (*gemutliche* — беспечный, добродушный) Юг контрастировал с формалистичным, милитаристским прусским Севером. Конфликты, позднее отделившие вундтовское направление в психологии от направления исследований некоторых из его северных коллег (например, Герман Эббинхаус; Дж. Е. Мюллер), отражают это соперничество между Югом и Севером, сомнительное и смешное. Это видно по критическому подходу Вундта к его северным прусским коллегам и по тому, как именно он их критикует. По своему происхождению и склонностям Вундт принадлежал скорее культуре Юга, что он не упускал случая продемонстрировать, раздражая некоторых своих коллег. Именно это противостояние объясняет также отчасти тот факт, почему в экспериментальной психологии у Вундта было гораздо больше студентов, чем у великого представителя Севера Дж. Е. Мюллера. Мюллер был известен своими жесточайшими и строжайшими требованиями, предъявляемыми при отборе студентов. А Вундт допускал к себе на занятия всех студентов, интересующихся его программой, независимо от их подготовки или теоретических пристрастий.

Юность Вундта была периодом грез наяву, рассеянности, разброда в мыслях. Когда он повзрослел, родительская воля направила его на путь медицинской карьеры — несомненно ошибочное решение относительно человека с непоследовательным умом. Мышление Вундта носило четко выраженный теоретический характер. Он опасался, что его постоянное обдумывание философских вопросов может быть в конце концов опасным для жизни его пациентов. По этим соображениям он сменил факультет и занялся теоретической физиологией, что привело его к необходимости изучения психологии, культуральным исследованиям и в итоге к преподаванию философии в Лейпциге, где он оставался, следуя примеру героев Вагнера, до конца своей жизни.

Вундт был призван к преподавательской деятельности в момент, когда общее мнение склонялось к тому, что философия, всегда имевшая очень сильную психологическую окраску в Германии, страдает от недостатка новых идей. В некоторых университетах развивалось позитивистское движение, целью которого было использовать для нужд философии естественнонаучные методы. Вундт, как представитель нового поколения научных философов, способствовал становлению новой сциентистски ориентированной философии в Лейпцигском университете. В итоге появилась экспериментальная психология.

Хотя Вундт заявил об экспериментальной психологии как о новой науке, он всегда рассматривал ее как фундаментальную часть философских наук, а не как

революционное направление, порывающее с традициями. Именно так вскоре она стала расцениваться в американских университетах. В Германии философы, напуганные растущим числом психологов-экспериментаторов в своей среде, в итоге вытеснили их.

Развитие в таком направлении привело к кризису в немецкой психологии, о чем Вундт (1913) рассуждал в эссе «Борьба психологии за свое существование» (*Die Psychology im Kampf ums Dasein*). В этой работе Вундт стоит фактически всецело на стороне большинства философской оппозиции. Он согласен с тем, что ограничение рамками какой-то одной частной методологии при проверке теории способно изуродовать любую дисциплину. Хотя он сам отчасти был виновен в их появлении, Вундт говорит об экспериментальных психологах, что они, как кажется, больше интересуются собственно приборами, нежели чем бы то ни было еще, что полезнее было бы, если бы они тратили свое время и талант на совершенствование технологии изготовления швейных машинок.

Вскоре после прибытия Вундта в Лейпциг его научная школа стала широко известна (по крайней мере, в Европе, если не в Северной Америке) как «волюнтаристская» школа — из-за ее подчеркивания роли волевого акта и самоконтроля. Такая направленность соответствовала изрядному своеобразию языка немецкой философии тех дней, однако она не освещалась в большинстве американских учебников. Как правило, психологии Вундта в учебниках ошибочно приписывалось название Корнуэлльской научной школы — «структурализм», хотя Вундт никогда не использовал этот термин для обозначения развиваемого им научного направления.

В действительности школа структурализма Тичене-ра, зародившаяся на британской почве, имела очень мало сходства с Лейпцигской волюнтаристской школой. На протяжении всей своей научной деятельности Вундт отстаивал немецкую лейбницевскую традицию, противопоставляя внутренние движущие силы ума локковской традиции эмпиризма и заодно идеям ее американских последователей. Этот крестовый поход воздвиг барьер для беспристрастного изучения трудов Вундта в англо-американском мире. Американская психология развивалась как передовая новаторская научная дисциплина нового мира; четко было выражено стремление к объединению психологии с естественными науками. Антиматериалистическая, историческая направленность школы Вундта представляла собой прямо противоположную тенденцию.

В XX столетии, когда повсеместно ощущалось американское влияние, такие тонкости, как уточнение и правильная интерпретация чуждой теоретической системы Вундта, никого не интересовали. Вундт был, можно сказать, мишенью в споре, иллюстрировавшем, как заблуждались некоторые из немецких предшественников бихевиоризма. Для многих американцев в то время не было оснований подходить к Вундту с тем же вниманием, с каким изучалось, скажем, учение Павлова.

Вундт, безусловно, был бы взбешен, если бы дождался того, чтобы увидеть, какому истолкованию подверглись его взгляды в результате ряда неверных переводов его работ на английский язык. Вундт, в противоположность впечатлению, которое складывалось из этих переводов, — поскольку правда противоречила складной истории о том, почему психология в начале XX века пошла по тому пути, по которому она пошла, — был, возможно, самым прославленным в истории борцом против использования классической академической интроспекции (самоанализа). Неприятием интроспекционизма пронизаны его работы в «*Philosophische Studien*» и в «*Psychologische Studien*», также как и более крупные его работы, в которых он рассматривал в деталях методологию (напр., в его «Логике», 1908).

На факт неприятия Вундтом интроспекции необходимо указывать многократно и настойчиво, если психология собирается, наконец, нарушить традицию авторов учебников соединять имя Вундта с интроспекцией. Как полагает Данцигер (1990) в своем подробном анализе, на сегодняшний день это самая удачная попытка исправить такое заблуждение. Если бы покойник на самом деле способен был

переворачиваться в гробу, тело Вундта перевернулось бы неоднократно, случись ему узнать, что ему приписывают роль отца интроспекционистской школы. В молодые годы Вундт неоднократно пытался распутать проблемные узлы старой рефлексивной психологии — термин, используемый в ту эпоху для обозначения глубинного изучения скрытых ментальных процессов как способа получения научных данных. Вундт с самого начала предложил свою новую психологию в противовес этому наследию, противопоставляя старой интроспекции новый метод самонаблюдения (*Selbstbeobachtung*), который был научным постольку, поскольку речь шла об объективных методиках, воспроизводимых и регулируемых.

Если не знать, как использовались эти термины и какой смысл в них вкладывался в XIX столетии, легко перевести *Selbstbeobachtung* как *интроспекция*. К несчастью, немногие историки, заметившие эту ошибку, были слишком скромны в своих попытках исправить положение, возможно, потому, что поправка противоречила взглядам, глубоко внедрившимся в тексты популярных учебников, где теория интроспекциониста Вундта использовалась для объяснения студентам некоторых пост-вундтовских течений в этой области.

Вундт определял психологию как науку, изучающую сознание. Как предметом астрономии являются звезды и планеты, так предметом психологии является сознание. Он основывал свое исследование сознания на принципе актуальности — представлении, что сознание является естественным процессом и непосредственной реальностью, а не неким мистическим или духовным понятием. Мы можем естественным путем наблюдать сознание в чередовании сна и бодрствования, в провалах внимания, в его колебаниях, которыми, по Вундту, можно управлять и которые возможно измерять в лабораторных условиях. Для Вундта отрицание, что предметом психологии является сознание, было подобно отрицанию астрономами реальности существования звезд и планет. Сказать, что здесь нет явлений, подлежащих изучению, что сознание описывается только физическими и химическими процессами, происходящими в мозгу, или что язык психологии может относиться только к поведению и внешним объектам окружающей среды, для него означало бы согласиться с невозможностью существования самой науки психологии — это были бы только физика, химия, биология и зоология.

Первым экспериментальным вопросом, который Вундт начал изучать в новой науке около 1860 года, были временные характеристики колебаний сознания, которые случаются, когда индивид пытается следить сразу за двумя раздражителями — так называемый усложненный эксперимент. Эта исследовательская традиция была продолжена в XX веке, например, в дихотических слуховых экспериментах или в современных работах по ментальной хронометрии, как мы видим, например, в «Хронометрическом исследовании умственных способностей» у Познера (1978).

Взгляды на подлинную сущность сознания, аналогичные взглядам Вундта, прекрасно изложил Дж. Е. Мюллер столетие спустя в 1981 году в своем обзоре направлений американской когнитивной психологии. И Мюллер, и Вундт полагают, что все живые существа, способные самостоятельно передвигаться, должны обладать сознанием, поскольку именно их способность иметь местоположение обнаруживает его в определении безопасных траекторий движения. С точки зрения этих теоретиков, любая совокупность поведенческих признаков отражает существование сознания. Если все движущиеся формы жизни обладают сознанием, то процесс сложного автоматического бессознательного контроля является результатом прогрессивного развития, происходящего по мере усложнения организмов. Это означает, что все ментальные поведенческие способности по Вундту — Мюллеру имеют предтечей осознание. Теорию Вундта отличает особый упор на одном определенном аспекте сознания, который он считает ключевым, — это импульс, желание или побуждение (немецкое слово *Trieb*, термин, ставший синонимом психологии Вундта, по крайней мере, среди многих континентальных авторов; у Вундта этот термин не имел коннотаций с «инстинктом» — более механистическим, менее эмоциональным представлением).

Вундт полагал, что весьма важно никогда не позволять себе мыслить о сознании

как о материальной субстанции, что бы не впасть ненароком в материалистический мистицизм. Он полагал также, что сознание не следует представлять как некую сцену, где какие-либо конкретные явления фигурируют в течение некоторого времени, а затем удаляются за кулисы, чтобы позднее по вызову появиться снова. Это противоречит завоевавшему позднее популярность принципу Вильямса Джеймса, суть которого в том, что сознание является непрерывным потоком. Поток постоянно изменяется, никогда не повторяясь. Содержимое памяти — это лишь новая конструкция, которая относится к прошлому, однако, с точки зрения логики, невозможно воскресить реально ни одного мгновения прошлого, так как его больше не существует. Если что-то и остается от сменяющих друг друга образов, эмоций или мыслей, то единственное, о чем мы можем говорить с логических позиций, так это некие гипотетические изменения в умозрительной нервной системе. Вундт полагал, что, хотя мы можем обнаружить и описать эти изменения с позиций неврологической науки, мы никогда не найдем в них сознания. Сказать, что в конце концов, глядя в микроскоп на участок нервной ткани, мы увидим чувство боли, было непереносимой для Вундта бессмыслицей. Для него говорить о каком-то сознании вне того, что находится внутри непосредственного сознания, было грубейшим нарушением логики. В психологии Вундта сознание рассматривалось как «*Entwicklmg*» — постоянное созидание, воспроизведение или обновление опыта. Оно никогда не отдыхает, за исключением периодического отключения во время сна или при провалах внимания. Однако скорость и мощность его потока может быть измерена — основная догма экспериментальной лаборатории Вундта раннего периода.

Вундтовский принцип реальности сознания также находится в выраженной оппозиции к классической факультетской психологии, поскольку, с его точки зрения, мы должны рассматривать сознание как базовый процесс. Ссылки на восприятие, распознавание, память, мышление, грезы наяву отсылают только к различным граням одного и того же процесса. Принципы работы сознания действуют в основном однообразно во всех сферах. Все они подразумевают наличие центрального фильтра избирательности внимания. Все они ограничены тем же самым центральным временем реакции. Все они выказывают те же ограничения в мощности и в протяженности. Все они равным образом подчиняются одним и тем же ограничениям одного и того же объема краткосрочной памяти. На всех на них влияют сходным образом аффективные и мотивационные состояния. Все они отражают одни и те же неожиданные феномены, связанные с холистической природой ментальных событий, которая предполагает, что целое всегда больше, чем сумма составных частей. Ассоциативные феномены (которые Вундт видел как затрагивающие только периферические аспекты сознания) имеют одни и те же пути во всех формах сознания. При изучении развития все формы сознания отражают одинаковые паттерны роста.

Рассеянный, многословный стиль вундтовских писаний, а к тому же общеизвестные трудности в переводе немецких концептуальных терминов на английский язык также препятствовали распространению учения Вундта за пределами Германии. Удручающее впечатление производят его «Основы психологии» (1896), переведенные С. Х. Джуддом — по большей части сухая и скучная книга. Джудда не раз критиковали за неуклюжий перевод немецкого текста на английский язык (например, пропуски и противоречивое употребление слова «интроспекция»).

В первой половине книги рассматриваются качественные характеристики опыта — «система координат: ощущения, восприятие и эмоции». Во второй половине появляются типичные кардинальные теории воления — мотивации. Книга не дает верной картины основ экспериментальной психологии; для этой цели вы должны довольно глубоко зарыться в трехтомные «*Grundzuge der Physiologischen Psychologies* — «Основы физиологической психологии» Вундта, перегруженные техническими подробностями и насыщенные философскими и интеллектуальными отступлениями.

При литературном переводе полное название книги Вундта «*Grundzuge der*

psychologies звучит как «Основы физиологической психологии». Что-то несправимо старомодное, церковно-приходское сквозит в использовании прилагательного «*физиологический*» в этом названии, на котором настаивает Вундт. Оно использовалось в Германии довольно непродолжительное время в середине XIX столетия в определенном смысле, который ускользнул от историков, писавших о Вундте столетием позже. В старом патриархальном немецком сленге слово «*физиологический*» указывало на стиль исследований, использовавший новую в тот период и успешно развивающуюся экспериментальную физиологию середины XIX столетия, детище великого экспериментатора, учителя Вундта, Гельмгольца. В издании своих «*Grundzuge*» 1894 года Вундт уже отмечал, что использование им термина физиологический в значении экспериментальный соответствовало местной традиции и в принципе могло привести к путанице из-за позднейшего использования выражения «физиологическая психология» в совершенно другом смысле. Вундт отмечал, что его книга строго соответствовала своему названию, и потому он чувствовал, что не может его изменить. В результате такое своеобразное обозначение — *экспериментальная* — перешло и во все последующие издания. Трехтомная работа была частью постоянно пополняемого и пересматриваемого обобщающего труда в этой области, который Вундт начал писать в середине 1870-х и продолжал дорабатывать до самой своей смерти в 1920 году. Переиздания этой работы публиковались примерно каждые 10 лет. Подготовка к последнему изданию была прервана смертью автора.

Когда в американских учебниках по психологии описываются выдающиеся ученики Вундта, то особо подчеркивается, что они отошли от его теорий и переметнулись на позиции позитивизма, которые со временем были противопоставлены учению Вундта. Те, что остались верны Вундту и способствовали распространению его учения (Вирт, Крюгер, Клемм, Мейманн, Диттрих, Сандер, Вокельт, Джудд — лишь немногие), редко упоминаются в дискуссиях и обзорах.

Студенты Вундта были весьма многочисленны и принадлежали самым различным, часто конфликтующим, интеллектуальным направлениям. В конце XIX века множество молодых американцев чуть старше 20 лет, с одним-двумя годами учебы в немецких колледжах, приезжали в Лейпциг на два года, которые были необходимы для получения докторской степени в Германии. Эта степень соответствовала приблизительно степени магистра в современной Америке, то есть означала намного меньше, чем докторская степень, появившаяся вскоре в системе американского образования как высшая академическая степень. Дело в том, что в Германии существовала еще одна степень, помимо докторской, *Habilitation*, для получения которой требовалось обучение в немецком университете.

Вундт привлекал студентов из большинства стран земного шара, где интерес к высшему образованию был велик. Возвращаясь домой, они переосмысливали интеллектуальный багаж, полученный в Лейпциге, в рамках представлений, свойственных их родной культуре. Сегодня американские историки испытывают раздражение, сопоставляя воспоминания о вундтовской психологии, опубликованные его американскими студентами, с совершенно отличной версией в изложении, скажем, последователей Вундта из Индии (например, 1932, том «Индийского Психологического журнала»), или даже с воспоминаниями, опубликованными в самой Германии. Со страниц книг американских авторов встает некий вестернизированный Вундт, значительная часть работ которого подверглась пересмотру, и этот Вундт, ряженный в мало подходящие ему одежды ассоцианистского и механистического теоретика, довольно нелеп.

Те из студентов Вундта, которые пошли по материалистическому пути раннего бихевиоризма, составляют поучительный контраст со старым Лейпцигским мастером. Одним из наиболее интересных можно считать знаменитого Гуго Мёнстерберга, которого в начале 1890 годов Вильям Джеймс отозвал из Германии, чтобы поручить ему организацию первой крупной психологической лаборатории в Гарварде. Серьезные теоретические разногласия и прежде проскальзывали между предшественником бихевиоризма Мёнстербергом и Вундтом, когда, например,

Мёнстерберг преподнес Вундту свою докторскую диссертацию 1888 года, оспаривающую волюнтаристскую теорию Вундта. Мёнстерберг защищал антивундтовскую теорию, которая сводила весь смысл сознания к восприятию ощущений. Волевое аффективное пространство ментальных процессов Вундта отменялось. С точки зрения Вундта, Мёнстерберг высказывался за старую, скомпрометировавшую себя периферическую теорию, признававшую только сенсомоторные процессы. В противоположность Мёнстербергу, Вундт учил, что раздражители не являются строго определенными порциями информации из окружающей среды, но, скорее, поступающая в чувственном опыте информация отбирается из совокупности различных раздражителей окружающей среды в соответствии с желаниями и потребностями индивида. Ориентация на цель, возражает Вундт Мёнстербергу, определяет избирательное поступление информации в непосредственном опыте в виде тех или иных конкретных раздражителей.

Волевой и напористый Мёнстерберг, выходец из известной прусской семьи, обосновавшейся в Данциге на северном побережье, до некоторой степени был подобием немецкой версии американского президента Тедди Рузвельта, которым он так восхищался по прибытии в Гарвард. Хэйл (1980) хорошо изложил поучительную историю о том, как блестящий Мёнстерберг использовал принесенные им в Гарвард достижения золотого века лейпцигской психологии для золочения и полировки медных инструментов измерения времени реакции и контроля предъявляемых раздражителей.

В 1893 году Мёнстерберг представил многие из этих инструментов на Всемирной выставке в Чикаго как экспонат, впервые продемонстрировав американской публике последнюю сенсацию — новую, экспериментальную психологию. Однако Мёнстерберг оставил теорию Вундта в тени, подменив ее собственными, все более тяготеющими к механицизму взглядами, нашедшими плодородную почву в новой ситуации в Америке. Он хорошо чувствовал американский темперамент и, к собственной выгоде, быстро достиг соответствия образу технологического прагматика. Намеренно коммерческий стиль Мёнстерберга быстро разочаровал Вильяма Джеймса, который отзывался о деятельности Мёнстерберга как о «трехчленной дуге».

В руках Мёнстерберга деятельность отделения психологии Гарварда сводилась к прогнозированию и контролю поведения, в области практических интересов — к манипуляции поведением в том, что он называл своей психологией действия. Обсуждая вундтовские теории сознания, он защищал материализм, преподавая его своим гарвардским студентам, среди которых были Роберт Йеркс, Найт Данлэп, Флойд Олпорт и Эдвард Холт. В те годы психология Вундта более верно преподавалась в Йельском университете командой С. Х. Джудда, Е. И. Скрипчера и Дж. Т. Лэдда. Даже если сложить воедино личности всех троих, нельзя было бы получить и половины харизмы Мёнстерберга и ничего равного харизме и влиянию представительного Эдварда Тиченера, величайшего британского эмпирика из Корнуэлла, который также провел в Лейпциге два года, необходимые для получения докторской степени по психологии, поскольку в его родной Англии доктората по психологии попросту не существовало. Вундтовская школа в Йельском университете быстро сникла. Джудд, Скрипчер, Лэдд отошли от академической психологии в относительно ранний период своей карьеры. Мёнстерберг настолько был заморожен своим одеянием немецкого профессора-«мандарина», что это в конце концов погубило его, когда он запутался в своих отношениях со знаменитостями, политиками и звездами новой голливудской кинопромышленности. Он устраивал грандиозные приемы, настоящие парады для членов немецкой королевской семьи, приезжавших в Соединенные Штаты. Он был советником общественных лидеров, даже президента. Он прикладывал титанические усилия, чтобы повлиять на правительство США с целью не допустить развязывания первой мировой войны. Все это в конце концов привело к серии скандалов и публичному бесчестью — этот стресс, возможно, способствовал внезапной смерти Мёнстерберга во время чтения лекции в Гарварде. Хотя имя Мёнстерберга старательно вычеркивалось из истории

Гарварда, еще можно найти стеклянный ящик в холле дома Вильяма Джеймса, где хранятся разукрашенные образчики психологических приборов из меди и красного дерева, которые Мёнстерберг привез из Германии. Можно сказать, что его стараниями в течение недолгого времени в Америке побывала в гостях если не сама теоретическая система, то, по меньшей мере, первозданный дистиллированный стиль золотого века психологии, существовавший в те годы в Лейпциге.

Без ясного представления об общих теоретических позициях Вундта и интеллектуального контекста его эпохи и страны все попытки понять специфическую область его работы легко могут привести к путанице. Конечно, в годы учебы Вундта и на протяжении большей части его карьеры в немецкой научной среде одним из влиятельных психологических образцов была ассоциационистская модель Гербарта. Немцы больше читали и лучше были знакомы с работами Гербарта, чем с английскими ассоциационистами. Все учение Вундта разрабатывалось как постоянный бунт против гербартовского элементистского, ассоциационистского механистического подхода. Вундт придерживался совершенно иных традиций, существовавших в немецкой интеллектуальной истории — тех, которые опирались на более органические модели.

На английский язык за все время была переведена лишь часть сочинений Гербарта. Между тем знакомство с его работами совершенно необходимо для понимания истории современной психологии, поскольку различные элементы системы Гербарта нашли отражение в трудах столь несхожих личностей, как Фехнер, Фрейд, Дж. Е. Мюллер и Пиаже. Формула кривой научения, предложенная ведущим необихевиористом Кларком Халлом, идентична предложенной ранее формуле Гербарта.

Психология Гербарта была механистична в своей основе, что по большей части и привлекало ее сторонников. Она могла даже покорить британских ассоциационистов своими гораздо более развитыми формами ассоциационизма, нежели можно было представить. Манера Гербарта описывать вещи в соответствии с механистическими моделями была перенесена его последователями на многие другие области. Вундтовский волюнтаризм был сосредоточен на оппозиции гербартовской традиции в Германии. Создается впечатление, что вторжение Вундта в области культурных или лингвистических исследований часто было следствием стремления опровергнуть идеи Гербарта, касающиеся этих направлений.

К 1943 году Германия опустилась в глубины нацистского ада. Великий золотой век был в прошлом, превратился в дым и прах. В ночь на 4 декабря 1943 года некогда блистательный Психологический институт в Лейпциге был разрушен бомбардировкой союзнических англо-американских войск. Посреди бомбежки Макс Вундт, беспокойный отпрыск семьи Вундта, написал коротенькое примечание в книге, которая была опубликована в 1944 году. Это наблюдение, касающееся исторического заблуждения, которое, в свете прочтения достаточного количества текстов по истории психологии, безусловно удивительно. Говоря о психологической системе своего отца, Макс Вундт (1944) писал:

«Можно следовать методологически очевидному принципу продвижения от простого к сложному, наконец даже используя подход, в соответствии с которым разум конструируется из примитивных механических элементов (так называемая психология ментальных элементов). В этом случае, однако, метод и явления могут грубо смешиваться... Тот, кто приписывал моему отцу такую точку зрения, не читал его книги. Действительно, его научные взгляды на ментальные процессы формировались как реакция на действительно элементарную психологию, а именно — в противопоставление идеям Гербарта, царившим в те дни».

И это было правдой. Нападки Вундта на механистическую атомистическую психологию, на ту самую психологию, создание которой ему позднее ошибочно приписывали американские учебники, можно обнаружить во всех его работах.

Например: «Не существует никаких психологических структур, которые можно охарактеризовать по их значению или по ценности их содержания как сумму составляющих их элементов или простое механическое следствие их составных частей» (1908).

Стремление применить методы ньютоновской физики к психологической теории искушало не одних только англичан. Теория Гербарта во многом соответствовала такому подходу. Вундт относился к великим достижениям физической науки с несомненным уважением. Однако с упорством, возможно, не имеющим себе равных, он противостоял всяческим попыткам объяснять наблюдаемые в психологии явления по аналогии с законами физики и химии. Он боролся с такими аналогиями, где бы они не появлялись — в психологии, лингвистике, философии, социологии, в политической науке. Механистический характер некоторых направлений британской этической теории вызвал критические опровержения Вундта в довольно резких заявлениях, которые распространялись антибританской пропагандой во время первой мировой войны.

Проще говоря, Вундт не устал участвовать в этой антимеханистической кампании, поскольку он полагал, что психология, построенная по образцу ньютоновой физики, не может правильно представить желания, чувства, побуждения, борьбу и самоконтроль. Еще в 1858 году, когда совсем молодой Вундт участвовал в медицинских и физиологических исследованиях, он был убежден, что это явления биологии и психологии, которые требуют объяснений, отличных в своих основах от паттерна объяснений, которые можно найти в физике или химии. Эти объяснения, как он полагал, должны были включать понятия целеполагания и целенаправленных акций.

В начале своей карьеры психолога, когда он больше интересовался восприятием, чем в более поздние годы, наиболее впечатлила Вундта неожиданно открывающаяся природа многих психологических феноменов. В физике не существует никаких психологических категорий. Например, нет красного, нет зеленого, нет синего в ее мире. Краснота, зелень, синева — это явления, создаваемые корой головного мозга индивида в процессе его опыта. Красота музыки, вкус вина, ощущение, что то или иное лицо знакомо, являются результатом мгновенного креативного синтеза, который невозможно в принципе вычислить как всего лишь сумму элементарных физических явлений. Однако эти эфемерные свойства можно изучать научным способом, методами психофизики. Когда Вундт использовал фразу «психологические элементы» в заголовках своих статей, он отсылал к рассмотрению именно этих абстрактных качеств. Но теории Вундта, креативный синтез находится под контролем центрального процесса, который формирует направление течения потока сознания. В отличие от многих своих современников, рассматривавших сознание как недавно приобретенную и высокоразвитую функцию, Вундт считал ее примитивным исходным состоянием жизни, предполагая, что в примитивных формах жизни волевой акт должен начинаться как побуждение или импульс. Автоматические процессы — это процессы высокоразвитые (т. е. появившиеся позже). Автоматизация функции, с этой точки зрения, является результатом развития на протяжении большого промежутка времени, заполненного бесчисленными повторами ментальных и поведенческих актов, которые приводят эти акты к тому, что они превращаются в бессознательные автоматические процессы. Основным принципом для Вундта является то, что все эти процессы в своем развитии являются проявлением первоначальных целенаправленных волевых актов.

Особыми формами и качествами сознания, по теории Вундта, являются долговременные хранилища эволюционного исторического опыта. Каждое ментальное событие, каждая новая форма или качество в конечном счете должны объясняться как развившиеся из волевого процесса центрального контроля. Первоначально все ментальные события должны быть в избирательно контролируемом фокусе внимания (для обозначения которого Вундт использовал старый лейпцигский термин *apperception*). Синтез опыта принимает свою особую форму, поскольку он долго представлял особую ценность для организма.

Восприятие и другие ментальные построения в своем источнике мотивированы, лишь позднее они становятся автоматизированными или функционально автономными. Рефлексы также, по этой теории, объясняются как автоматизированные проявления воли.

Аффективно-мотивационные процессы, таким образом, занимают в этой теории первостепенное место относительно всех прочих психологических процессов. Однако под волевым актом здесь не подразумевается свободная воля. Акт находится под контролем системы эмоциональных нюансов, импульсов, потребностей и автоматизаций, которые определяют направление мышления и поведение.

Вундт полагал, что волевой акт, имеющий место в человеческом сознании, не является тождественным волевому акту, присущему организмам примитивной животной жизни.

Поскольку волевой процесс развивается в высших формах жизни, он, очевидно, расширяет свои границы и дифференцируется. Появляются более сложные формы импульсов. Это заставляет предполагать, что импульсы или побуждения становятся более многочисленными по мере развития жизни. Более сложные организмы имеют возрастающее разнообразие желаний и побуждений, что означает, что они могут быть одновременно обладателями нескольких потребностей сразу — так что внутренний эмоциональный контроль поведения должен быть значительно усложнен многочисленными и часто конкурентными тенденциями в состоянии. При появлении высокоразвитой нервной системы, говорит Вундт, мы обретаем способность осознанно принимать решение и делать выбор, оказывая тем самым влияние на преобладание одного волевого побуждения над другим. Волевые состояния рассматривались как случающиеся в различных формах или уровнях — от примитивных импульсов (в которых присутствует только одно побуждение или желание) до волевых актов (в которых присутствует более одного побуждения, однако преобладает одно) и до избирательных актов (в которых присутствует множество побуждений, и между ними делается сознательный выбор).

Теория Вундта в ее зрелом виде часто отождествляется с совокупностью ряда принципов, описание которых встречается в заключительных строках многих его позднейших работ. Существует шесть связанных между собой утверждений общего характера, касающихся того, что представляет собой поток сознания. Первые три относятся к микрогенетическим процессам сиюминутного сознания. Три других гласят о более длительных эволюционно-исторических процессах.

Первый принцип — это принцип креативного синтеза, о котором мы уже говорили. Он заключался в предположении, что спонтанно проявляющие свойства имеют происхождение конструктивно-центрального характера.

Второй — это принцип психологической относительности, который описывает ментальные процессы как имеющие свое существование и индивидуальность, лишь будучи частью более обширного опыта.

Первый принцип касается качеств, немедленно появляющихся при синтезе опыта, тогда как второй относится к дифференциациям опыта через аналитический процесс избирательного внимания. Любые предметы, на которых сосредоточивается ум, имеют значение или идентифицируются только постольку, поскольку они связаны с некоторым контекстом. Например, слова могут иметь значение лишь с учетом их членства в некотором настоящем или подразумеваемом предложении, и произнесенное предложение имеет значение лишь в его связи с некоторым более широким ментальным контекстом.

Третий принцип — это принцип психологического контраста, он является развитием второго принципа. Легко установить, что опыт противоположного свойства взаимно усиливает качественное значение другого. По окончании болевого ощущения легкое удовольствие воспринимается как нечто грандиозное.

Аналогично — что-то сладкое на вкус ощущается как еще более сладкое, если попробовать его после кислой еды. Эмоциональный подъем может обусловить наступление периода депрессии. В дискуссиях Вундта можно найти множество примеров подобных противоположных процессов.

Четвертый принцип — это принцип неоднородности крайностей. Изменение, производимое волевой целеполагающей акцией, часто отличается от желаемого изменения, и это несоответствие приводит к дальнейшим действиям. Возникающие при этом изменения часто проявляются в виде неожиданных социальных, интеллектуальных и культурных форм.

Пятый принцип — это принцип умственного роста. Поскольку культурные или ментальные формы развиваются и постепенно дифференцируются друг от друга, более старые и простые формы проявляются в более развитых формах, которые следует понимать в их связи с более ранними родственными формами. Развитие мировых языков было популярным примером у Вундта, поскольку он внес серьезный вклад в научную литературу по лингвистике. Применительно к случаю индивидуального развития он ссылаясь на процесс развития речи у ребенка. С его точки зрения, речь ребенка начинается с импульсов, с Потребности, с желания, которые отражаются в общих эмоционально окрашенных жестах. Появление речи происходит затем в соответствии с развитием и дифференциацией этих исходных зачаточных форм.

Шестой принцип — принцип развития своей противоположности, который является более длительной во времени параллелью принципа психологических контрастов. Вундт утверждал, что развитие поведения и культурных форм колеблется между противоположными историческими или эволюционными процессами. Период одного типа деятельности или опыта пробуждает тенденцию искать некоторую противоположную форму опыта или действия. Эти колебания, по наблюдению Вундта, можно обнаружить не только в жизни и опыте отдельной личности, но также в циклических схемах развития исторических процессов, в экономических циклах и в социальных обычаях.

80-90-е годы XIX века и первое десятилетие XX столетия действительно были золотой эпохой для Вундта, для психологии и для Лейпцига. Если верить архивным изысканиям В. К. Робинсона (1987), около 17 000 студентов прослушали лекции Вундта по общей психологии; популярность их отчасти объяснялась тем, что их разнообразили демонстрации со странными новенькими позолоченными приборами для измерения потока и контроля сознания. Но обреченность слышится уже в самом слове «позолоченный»; затея была обречена на провал, так сказать, под весом собственной тяжести, — да и историческая почва, на которой все держалось, слишком резко ушла из-под ног.

Одним из ключевых положений вундтовской системы в ее конечном варианте была циклическая природа деятельности человеческого ума (принцип развития своей противоположности). Судьба его собственного интеллектуального труда, так же как история Лейпцига, слишком хорошо подтвердила справедливость этого принципа. Однако речь в нем шла о цикличности. Если он верен, точку ставить рано...

РОБЕРТ М. ЙЕРКС:

ПСИХОБИОЛОГ С ПЛАНОМ

Судя по тому, что пишут о Роберте М. Йерксе в последнее время в книгах по истории психологии, у читателя может сложиться впечатление, что основной интерес для него представляли исследования в области тестирования умственных способностей. Хотя Йеркс несомненно оказал влияние на это направление в науке, сфера его деятельности охватывала широкий спектр вопросов. Если же выбирать какую-то одну определяющую деятельность в его жизни, то это, пожалуй, будет осуществление мечты о создании лаборатории для изучения обезьян, а не работы по тестированию. Мы будем рассматривать жизнь и творчество Йеркса в широком плане: вначале будут описываться главные события его жизни, затем речь пойдет о Роберте Йерксе как человеке, и наконец будет уделено внимание некоторым аспектам его карьеры и научной деятельности, поскольку они связаны с его личностью и эпохой.

Роберт Мирнс Йеркс, первенец Сайласа Маршалла Йеркса и Сюзанны Эддис Каррелл Йеркс, родился 26 мая 1876 года в Брэдисвилле, штат Пенсильвания. Он вырос на ферме в графстве Бакс и был намного старше своих братьев. Фермерская среда сыграла важную роль в его последующей работе с животными:

«Я рос среди множества самых разнообразных домашних и диких животных. Там были коровы, лошади, мулы, овцы, свиньи, цыплята, индюки, утки, голуби, собаки, кошки, крысы, мыши и т. д... Это было частью моего образования, которое не могла воспроизвести или в достаточной степени дать школа».

Описывая свою мать, Йеркс называл ее «женщиной редкостной доброты», а с отцом он не ладил. Сайлас Йеркс хотел, чтобы трое его сыновей остались на ферме, тогда как Роберт стремился получить образование. Отучившись в сельской начальной школе, Йеркс в 1891 году поступил в учительскую семинарию в Уэст Честере, а в следующем году перевелся в «Академию и Колледж Урсинуса», получив в 1897 году диплом бакалавра. Финансировал обучение дядя Йеркса, д-р Эдвард А. Крузен, за что племянник должен был выполнять работу по дому и чистить конюшню. Двоюродный брат Роберта, д-р Джон Б. Каррелл, привил ему интерес к медицине. После окончания колледжа Йеркс поехал в Кембридж, где посещал занятия в Гарвардском университете. В 1898 году он получил степень бакалавра искусств, а в 1899 — степень магистра. Поддержка наставников, стипендии и преподавательская работа помогли ему стать соискателем степени доктора психологии, а не медицины. Эту степень он получил в 1902 году.

Защитив докторскую диссертацию, Йеркс получил должность преподавателя в Гарвардском университете, проработав там до 1917 года. В Кембридже он женился на Аде Уоттсрсон, занимавшийся ботаникой; там же родились двое их детей, Роберта и Дэвид. В этот период времени Йеркс проводил классические исследования поведения животных. Вначале его интересовали такие темы, как сенсорная функция, инстинктивное поведение, решение задач и научение; кроме того, он изучал различные виды позвоночных. Одной из его первых классических работ была книга «Танцующая мышь» (The Dancing Mouse) (1907) — обширное исследование генетики и поведения домашних мышей-мутантов. В те времена исследованиям в области сравнительной психологии в Гарварде уделялось мало внимания, и Йерксу пришлось под некоторым давлением переключиться на воспитательную психологию. С 1913 по 1917 год Йеркс работал на полставки с Эрнестом Э. Саутхардом в отделении психопатологии Бостонской центральной больницы. Там он участвовал в разработке теста умственных способностей по шкале оценок. В этой методике для всех возрастных категорий используются одни и те же вопросы, и набранные баллы отражают степень правильности ответа на данный вопрос, а не просто способность ответить «да» или «нет». Несмотря на то, что вклад Йеркса был достаточно значительным и обеспечил ему звание президента Американской ассоциации психологов (ААП) в 1916 году, когда он был доцентом, Гарвард не повысил его в должности. В 1917 году он решил покинуть

Гарвардский университет и принять предложение возглавить факультет психологии в университете штата Миннесота, однако первая мировая война перечеркнула его планы. Когда Соединенные Штаты вступили в войну, Йеркс, как президент ААП, первым предложил услуги психологов военным. Его направили в санитарную службу армии США ответственным за разработку и использование тестов интеллекта в армии.

По окончании войны Йеркс некоторое время оставался в Вашингтоне в должности администратора Национального научно-исследовательского совета. Именно в этот период он завязал контакты, которые сыграют важную роль в исполнении его давнего желания — создать лабораторию по изучению приматов. Эта мечта, по утверждению Йеркса, родилась у него в 1900 году, когда он еще учился в Гарварде. Несколькими годами позже он опубликовал свой план и работал над его реализацией в течение ряда лет, по возможности проводя исследования приматов в самых разных местах. В 1911 году Йеркс купил во Франклине, штат Нью-Гемпшир, ферму, служившую ему впоследствии и дачей и местом для научной работы. Вскоре после этого он договорился о поездке на остров Тенерифе для совместной работы с Вольфгангом Кёлером по изучению механизма решения задач у шимпанзе, но им помешала первая мировая война. Вместо этого в 1914–1915 годах он изучал поведение приматов в поместье Маккормика в Монтесито, Калифорния; эту возможность предоставил ему Гиберт ван Тассель Гамильтон. Исследования приматов, проведенные Йерксом в Калифорнии, особенно орангутанга по имени Джулиус и двух обезьян, стали важным вкладом в публикации по решению задач. Летом 1923 года он купил своих первых двух обезьян, Чима, позднее признанную как «бонобо», и Панзи, «обычного» шимпанзе, и начал проводить на них опыты. Следующим летом институт Карнеги финансировал исследования Йеркса на приматах госпожи Розалии Абрё на Кубе; эта работа привела к написанию еще одной книги — «Почти люди» (Almost Human) (1925). В 1925 году Йеркс приобрел две пары шимпанзе, Билли (названную в честь Уильяма Дженнингса Брайана) и Двину (названную в честь Дарвина), а затем Пэна и Уэнди; изучению их он отдавал много времени и усилий. Кроме того, во время трех поездок во Флориду в период между 1926 и 1928 годами он исследовал гориллу Конго и описал эту деятельность в двух объемистых монографиях. В тот же самый период он и Ада Йеркс написали книгу, содержащую подробную информацию об обезьянах «Большие обезьяны: исследование жизни антропоидов» (1929). Тем временем Джеймс Роулэнд Анджелл, друг Йеркса, стал ректором Йельского университета. Анджелл и Йеркс разработали планы для Йельского института психологии, и в 1924 году Йеркс переехал в Нью-Хейвен в качестве члена преподавательского состава Йельского университета. В 1925 году Мемориал Лауры Спелмэн Рокфеллер предоставил Йерксу средства для осуществления в Нью-Хейвене четырехлетней работы по исследованию приматов. Все эти четыре года Йеркс упорно трудился над разработкой и реализацией плана по созданию в субтропиках научно-исследовательской станции для изучения приматов. Наконец, в январе 1929 года Фонд Рокфеллера выделил 25 000 долларов на технико-экономическое обоснование этой станции и в этом же году предоставил дополнительную сумму в 475 000 долларов на строительство станции. После обширных поисков Йеркс выбрал небольшую общину Ориндж Парк около Джексонвилла в штате Флорида в качестве места для «Экспериментальной станции Йельского университета по изучению антропоидов», которая была открыта в июне 1930 года. Позднее станция стала называться «Лабораториями сравнительной психобиологии», «Лабораториями Йельского университета по биологическим исследованиям приматов» (YLPB), а после ухода Йеркса с поста директора в 1941 году — «Лабораториями Йеркса по биологическим исследованиям приматов».

В 1965 году станция была переведена в Атланту, штат Джорджия, и получила название «Регионального центра имени Йеркса по изучению приматов» в рамках программы исследования приматов, финансируемой федеральным правительством. YLPB стали ведущими в мире лабораториями по изучению обезьян. Здесь проходили обучение многие известные ученые, специализирующиеся в области сравнительной психологии и смежных дисциплин. Книга «Шимпанзе:

лабораторная колония» (Chimpanzees: A Laboratory Colony) (1943) базировалась на исследованиях, проведенных в YLPB. Оценивая влияние Роберта Йеркса на работы по изучению шимпанзе, Ролес (1969) говорил, что «свет исследований Йеркса и его коллег будет сиять долго и ярко, на многие годы указывая путь, по которому следует идти при изучении шимпанзе». Йеркс ушел из Йельского университета в 1944 году, но не прекращал свою разнообразную научную деятельность; его 425-страничная автобиография «Научный путь» (Scientific Way), или «Завещание» (Testament), была завершена в 1950 году.

В течение своей длительной карьеры Роберт Йеркс занимал различные административные должности и внес значительный вклад в формирование психологии нынешнего столетия. В 1916 году он стал директором Национального комитета психогигиены. Работая в Вашингтоне, он был председателем Отдела научно-исследовательской информации Национального научно-исследовательского совета (ННС), Комитета по изучению сексуальных проблем (эту должность он занимал до 1947 года) и Комитета по вопросам миграции. Во время второй мировой войны он возглавлял Подкомитет по инспектированию и планированию при Чрезвычайном комитете по психологии ННС. Он был временным председателем Межведомственной конституционной конвенции 1943 года, которая внесла изменения в Американскую ассоциацию психологов, создав систему подразделений, и объединила американских психологов в эффективную организацию. Среди почестей и наград, которых удостоился Йеркс, следует назвать следующие: почетные дипломы колледжа в Урсинусе и университета Уэсли, членство в Национальной академии наук, пост президента Американского общества натуралистов, золотая медаль нью-йоркского Зоологического общества, бюст, установленный Ватагиным в музее Москвы.

Роберт М. Йеркс умер от коронарного тромбоза в 1956 году.

Каким человеком был тот, кто сделал столь выдающуюся карьеру? Лучше всего на этот вопрос отвечает сам Йеркс. Как исследователь индивидуальных различий, он откровенно писал о своих достоинствах и недостатках по сравнению с другими людьми.

СПОСОБНОСТИ

Йеркс считал, что обладает «лишь обычными способностями и талантами». Хотя, несомненно, он имел далеко не средний интеллект, верно, может быть, и то, что некоторые коллеги были способнее его. После Конференции по биологии секса, состоявшейся в 1934 году, директор Рокфеллеровского фонда Уоррен Уивер заметил, что «большинство из присутствующих могли выписывать интеллектуальные «восьмерки» вокруг председателя Йеркса, а он об этом даже не подозревал. Однако это — преданный своему делу и добросовестный председатель».

Йеркс был большим любителем составлять планы: «Я не помню ни одного дня, когда бы моя работа не планировалась и в известных пределах мной бы не определялась» (1950). С нехарактерным для него апломбом он утверждал, что его «любовь к планированию и некоторые провидческие способности, приближающиеся иногда к гениальным, как мне кажется, более чем компенсировали в моей профессиональной жизни относительно слабую память» (1932).

Похоже, что Йеркс стремился главенствовать в любой деятельности, в которой он принимал участие. Он связывал это со своей склонностью к планированию. «Я не знаю, достоинство это или недостаток, но я не люблю быть на вторых ролях. Это ограничивает мою доминирующую черту характера, страсть к планированию, и низводит меня до положения интеллектуального раба» (1932). Эллиот (1956) применил к Йерксу термин Генри Мюррея «идео-доминирование».

Большая часть карьеры Йеркса характеризовалась упорной работой: «Трудолюбие и способность подключать новые запасы энергии перешли ко мне, видимо, от отца, а жизненные обстоятельства в значительной мере их усилили». Однако давали о себе знать последствия скарлатины, которой он переболел в семилетнем возрасте, и он писал: «Чтобы работать постоянно и эффективно, мне приходилось экономить силы и действовать осмотрительно».

ТЕМПЕРАМЕНТ

Йеркс настойчиво и решительно добивался того, что считал важным, и это всегда определяло его жизнь. «По словам его дочери Роберты Брэнд Блэншард, он был необычайно упрям, и когда учителя пытались отучить его писать левой рукой, как было принято в педагогической практике того времени, он наотрез отказался подчиниться». На людей с более космополитическими, чем у Йеркса, взглядами он производил впечатление человека исключительно серьезного. По словам Уильямса, «некий язвительный (не названный) ученый выразил эту мысль иначе: «Я просто не могу поверить, что кто-нибудь способен чувствовать себя настолько же серьезным, насколько выглядит Йеркс». Солли (впоследствии лорд) Цукерман заметил, что «у Йеркса полностью отсутствует чувство юмора». Йеркс обещал своей жене, которая видела последствия увлечения алкоголем у родственника, что он никогда не будет пить. В эпоху, когда многие психологи злоупотребляли спиртным, Йеркс был трезвенником. Один ученый заметил: «Никогда не видел, чтобы он стоял у стойки бара и рассказывал что-нибудь смешное». Это, конечно, преувеличение: он любил всякие настольные игры, часто развлекал сотрудников и друзей, ценил семейные радости, да и посмеяться был не прочь. В колледже он участвовал в проделках, типичных для того времени. Тем не менее, его считали угрюмым, потому что он ценил работу и, как правило, чувствовал себя неловко во время различных вечеринок и прочих мероприятий.

В детстве Йеркс был очень застенчивым: «Мои самые ранние воспоминания связаны с неприятными результатами застенчивости... в более зрелом возрасте мое поведение ошибочно расценивалось как позерство или притворство». Йеркс считал, что с возрастом он стал менее замкнутым, более самостоятельным и более терпимым, но в то же время более настойчивым и решительным. Однако чувствуются, что он так и не преодолел свою застенчивость и не снискал расположение некоторых из тех, с кем он имел дело. Как выразился Келвес, «застенчивый и держащийся подчеркнуто официально Йеркс не был тем политиком из среды ученых, который мог бы пробиться в президенты научного общества за счет общительного характера и простых манер».

ЦЕННОСТИ

Роберт Йеркс олицетворял прогрессивистскую этику своего времени, эру «эволюции, когда люди предпринимали сознательные усилия для создания лучшего мира, который можно было по крайней мере представить себе в будущем» (May, 1959). Для прогрессивистов «прогресс казался естественным, даже неизбежным, но они хотели его ускорить».

Роберт Йеркс был человеком долга. Как мог застенчивый человек взять на себя обязанности лидера во время первой мировой войны? Он рассуждал так: «Представляется совершенно нетипичным, что такой застенчивый, старающийся держаться в тени человек, как я, может взять на себя обязанности руководителя в такой чрезвычайно важной ситуации... Я согласился только потому, что это входило в мое понятие долга».

По утверждению Йеркса, самое большое удовлетворение в жизни ему приносили «(1) работа, (2) атмосфера любви и привязанности в семье, (3) общественная полезность и социальный статус». В книге «Научный путь» он рассматривал такие

ценности, как богатство, власть, слава, популярность и личное обаяние, как низкие или негативные. Есть, однако, свидетельства того, что власть, по крайней мере — в некоторых ситуациях, была для него более важной, чем он это хотел представить, и что он сожалел о том, что был не тем человеком, кто мог бы выиграть «конкурс на популярность». Он исповедовал старомодные принципы «золотого правила» и честной игры.

Принципиальность сочеталась у него с чертой более практического свойства, которая на некоторых жизненных этапах проявлялась у Йеркса довольно сильно. Фраза «практический идеализм», подчеркнутая Мэем (1959), подходит к нему абсолютно точно.

Роберт Йеркс был приверженцем семейных ценностей. Он отмечал, что у его «предков или близких родственников, в том числе дядей и теток, состоявших в девятнадцати браках», случаев разводов не было и что он «категорически подтверждает свою веру в семью как социальный институт».

Хотя, может, и верно то, что «Йеркс стоял на либерально-умеренных позициях в вопросах, касающихся роли секса в современном ему обществе, его взгляды на женский пол были традиционными. Он считал, что «женщины по сравнению с мужчинами более глубоко вовлечены в процесс сохранения вида, более связаны с проблемами и обязанностями, привилегиями и радостями домашнего хозяйства (1950). Учитывая различия между мужчинами и женщинами, он полагал, что «начиная с рождения, практика обучения должна быть приспособлена к определенному полу и характеру индивида». В период, когда Йеркс занимал должность директора YLPB, там не было ни студенток, ни научных сотрудников-женщин. Первой женщиной, занимавшейся научной работой в Ориндж Парк, была Элейн Киндер, которая прибыла туда в 1943 году, через два года после ухода Йеркса с должности директора. Элеонора Гибсон, пожелавшая работать в лаборатории Йеркса, была травмирована его заявлением: «В моей лаборатории нет женщин».

Будучи сторонником теории наследственности, Йеркс верил во всеобъемлющее влияние генетических факторов на развитие человека. Можно привести, например, такое его высказывание: «Мы, очевидно, рождаемся либо консерваторами, либо либералами» (1950). Он был приверженцем евгеники, направленной селекции людей для улучшения расы, и принимал активное участие в Американском обществе евгенистов. Стремясь усовершенствовать человечество путем селекции, он в то же время утверждал, что индивидуальные различия заслуживают сохранения. Даже в 1950 году Йеркс был убежден, что расовые различия в способностях наследуются, но писал, что очень ценит это несходство и что его родители «очень рано научили меня судить о людях по их поступкам, а не по занимаемому положению, образованию, расовой принадлежности или цвету кожи».

В конце своей жизни Роберт Йеркс объединил собственные убеждения и принципы в личное кредо, которым он завершил книгу «Научный путь»:

«Я верю:

В знание естественного порядка как основу человеческой жизни.

В сверхъестественное — душу, дух, абсолют — как возможное.

В религиозный опыт как осознание сверхличностного влияния или верховного существа.

В ответственность человека за свою жизнь, но не за вечность, судьбу, бессмертие.

В обязанность человека стремиться гарантировать каждому индивиду неотъемлемое право на достойное рождение и воспитание.

В достоинство человека и его способность к совершенствованию, поскольку он

является частью естественного порядка.

В поклонение идеалу человека, а не божества, и человечности, а не святости.

В полезность благодаря оказанию помощи другому человеку.

В естественное происхождение совести, морали и правил человеческого поведения.

В приоритет жизни над смертью, усилий над молитвой, знания над верой и разума над стремлением принимать желаемое за действительное».

ПОДХОД К НАУКЕ

Учеба в Урсинусе убедила Йеркса в ценности «бескорыстной» науки. Эта вера в науку, самое важное в его жизни, заставляла его «жить, руководствуясь разумом и размышлениями, а не инстинктом и эмоциями». Со временем у Йеркса сформировалось мировоззрение, в котором сочетались ценности долга и бескорыстной науки: «Научная деятельность... не процветала бы у нас, если бы не решала человеческие проблемы и не улучшала бы более или менее непосредственным образом нас и наши жизненные условия». Науку следовало ценить за то, что она способна усовершенствовать общество и помочь человечеству найти лучший способ существования: «Говорить, что я стремился усовершенствовать человека и его образ жизни, было бы преувеличением — я способствовал развитию научных исследований». Йеркс был сторонником «психологической инженерии», например, применения психологии в практических проблемах обучения, выбора профессии, в изящных искусствах и ремеслах. «К 1925 году я убедился на опыте, что человек должен понимать и учиться контролировать себя, а также живую и неживую природу для того, чтобы уметь приспосабливаться и содействовать эволюционным процессам или использовать их, а не бороться с ними». Он стремился к «созданию сообщества или братства людей в рамках всемирной федерации» и мечтал о том, чтобы наука служила этому идеалу.

В науке Йеркс был сторонником интеграции, а не редукционизма. В течение всей своей карьеры он бился над проблемой выбора между натуралистическими и экспериментальными методами в науке и остановился на их сочетании. Он всегда был экспериментатором, верившим в необходимость тестирования животных в контролируемых условиях. Однако делать это нужно с учетом и полным пониманием естественных наклонностей животных: «Каждый экспериментатор, занимающийся психологией животных, должен быть также естествоиспытателем, чья любовь к животным дает ему возможность понять их поведение». «Прежде всего при наблюдении за животным в экспериментальных условиях необходимо досконально знать его привычки и инстинкты, восприимчивость и страхи».

Значение, которое Йеркс придавал описанию естественного поведения животных и миру ощущений, в котором живет каждое животное, предвосхитило развитие этологии в Европе. Неудивительно, что Йеркс проникся энтузиазмом, когда в США этому направлению стало уделяться существенное внимание. Он принимал у себя Нико Тинбергера и писал, что Конрад Лоренц — «это почти уникальный естествоиспытатель и экспериментатор из тех, кого я знаю».

В начале своей карьеры Йеркс работал над проблемами природы и имиджа психологии и роли гипотез о сознании животных в сравнительной психологии. Сознанию отводилась основная роль в его учебнике (1911) и других его публикациях, но не в научных исследованиях. Позднее он решил проблему, связанную с определением психологии по отношению к исследовательской работе, считая себя не психологом, а психобиологом. Он даже говорил, что «сам я никогда не был психологом, а если и был, то по причине невыгодного отождествления психологии с психобиологией». По иронии судьбы, человек, сыгравший столь

важную роль в становлении психологии, отрицает свою к ней причастность!

Теперь следует перейти к рассмотрению некоторых ключевых моментов карьеры Йеркса в свете уже упомянутых характеристик.

КРИЗИС В ГАРВАРДЕ

В своей профессиональной жизни Йеркс сталкивался с рядом критических ситуаций. По-видимому, первая из них была связана с его попытками добиться успеха в Гарварде. По совету Джозия Ройса и под руководством Хуго Мунстерберга Йеркс разработал научную программу по сравнительной психологии и после окончания университета продолжал работать в Гарварде в качестве преподавателя. Кризис наступил, когда его предупредили, что исследования животных не обеспечат ему повышения, и он был вынужден заняться образовательной психологией. Он писал:

«Проигнорировав доброжелательный и разумный совет, я оставался верным себе. Заниматься тем, к чему я специально готовился, для чего, как мне казалось, я лучше всего подходил и что я хотел делать больше всего, представлялось мне несравненно более важным и желательным, чем преподавание в Гарварде».

В этом проявляется решительность Йеркса и его приверженность принципам, — черты, которые он подчеркивал в своих последующих публикациях. Но случалось, что он уклонялся от риска. Это было, когда он писал учебник по психологии с сильным интроспективным уклоном, публиковал различные докладные записки, чтобы занять более ортодоксальное положение в психологии (1910), и участвовал в качестве соавтора в написании книги «Очерк изучения личности» (1913), чтобы помочь студентам, изучающим психологию личности. Наконец, он 5 лет проработал на полставки в Бостонской психиатрической больнице и разработал тест умственных способностей по шкале оценок. В этих действиях Роберта Йеркса мы видим сочетание решимости и прагматизма. Не отказываясь от своей цели продолжать исследования в области сравнительной психологии, он страховался на случай, если путь к ней так и не будет открыт. Уход из Гарварда для того, чтобы заняться сравнительным анализом, по-видимому, совпал с предложением должности в Миннесоте, которое он принял, однако занять это место ему не пришлось из-за военной службы во время первой мировой войны.

ТЕСТИРОВАНИЕ УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ

И ГЕНЕТИКА ИНТЕЛЛЕКТА

Как отмечалось выше, работа Йеркса над тестированием умственных способностей во время первой мировой войны тщательно изучалась многими учеными, занимавшимися историей психологии (Carson, 1993; Kevles, 1968; Reed, 1987; Smelson, 1979; von Mayrhauser, 1992). Президент Американской ассоциации психологов Йеркс и его сотрудники убедили военных разрешить им участвовать в разработке базовых тестов для армии. Для того чтобы добиться определенного положения, в армии пускались на всякие ухищрения, а это в научной среде вызывало недоверие. Кроме того, самостоятельная работа, проводимая Армейским комитетом по классификации личного состава под руководством Уолтера Дилла Скотта, дробила усилия психологов, но в конечном итоге приносила больше практической пользы в борьбе за победу, чем Служба психологического изучения, возглавляемая Йерксом. После войны Йеркс и его сотрудники проанализировали армейские данные и сделали следующие выводы: (а) что по умственному развитию средний возраст призывников составлял 13 лет; (б) что у белого населения существуют генетически предопределенные различия в интеллекте, связанные с национальными корнями. Йеркс, несомненно, верил в то, что расовые и национальные различия в интеллекте передаются по наследству. Статья в

«Атлантик мансли» дает резюме более пространного сообщения, сделанного Йерксом (1921). Он писал:

«Если судить по измерениям интеллекта в армии, то расы столь же сильно отличаются друг от друга, как и отдельные люди... Почти такие же интеллектуальные различия между негром и белым в армии существуют между белыми расовыми группами» (1923).

Точка зрения Йеркса в отношении наследственности должна рассматриваться в контексте его времени и происхождения. Такие взгляды вполне объяснимы у психолога, на которого оказали влияние Дэвенпорт, Мунстерберг и Саутхард. Важно отметить, что взгляды Йеркса не были элитарными, скорее, это было стремление заменить селекцию по семейному признаку на селекцию, основанную на заслугах и направленную на совершенствование человека с помощью науки. Йеркс верил, что, получая все больше достоверных знаний о психологических чертах и возможностях человека, мы должны разумно, а не вслепую и не наугад, помогать себе и другим встроиться в социальную ткань и даже изменять структуру нашей социальной системы.

Йеркс и его коллеги не рассматривали наследственность как нечто исключительное. Напротив, «основные сторонники этой идеи видели себя либералами-прогрессивистами, а тестирование умственных способностей считали прогрессивным и универсальным механизмом, помогающим индивиду освободиться от традиционных и несправедливых ограничений» (Samelson, 1979).

Кевлес (1968) открывает статью о программе тестов в армии следующим предложением: «Роберт М. Йеркс, президент Американской ассоциации психологов, честолюбиво относился к своей науке». Рид (1987) отмечал, что у Йеркса «честолюбие в отношении своей области исследований и стремление добиться личного успеха были настолько тесно переплетены, что их невозможно было отличить». Был ли Йеркс настолько одержим психологией? Похоже, что вклад психологов в общие военные усилия действительно помог больше психологии, чем армии. Однако это делалось не преднамеренно. Перед войной Йеркс редко выражал беспокойство по поводу прогресса психологии. Он работал над природой психологической науки и не был строгим приверженцем ее как отдельной дисциплины. Хотя можно было ожидать, что, получив ответственную должность, Йеркс станет более ревностным защитником этой науки, он вряд ли бы допустил подобный протекционизм в военное время. Сэймелсон (1979) согласен с тем, что во время войны, даже отдавая себе отчет в научной ценности тестирования, Йеркс постоянно ставил практическую ценность работы для армии выше научных интересов. После войны Йеркс не позволял называть себя «психологом».

Йеркса иногда изображали таким «ловкачом», создающим себе рекламу. Рид (1987) приписывает ему качества «агрессивного и умелого лоббиста». Для Гоулда (1981) Йеркс был «превосходным организатором и красноречивым пропагандистом своей профессии». На самом деле, хотя работа во время войны сделала его менее замкнутым, на людях он продолжал чувствовать себя неловко. Ему было очень трудно пропагандировать свое дело. Позднее у него часто возникали проблемы в общении с младшими сотрудниками.

По-видимому, было бы правильнее сказать, что он достиг своих целей больше за счет настойчивости и исходя из чувства долга, чем благодаря эффективной социальной манипуляции. Прежде чем закончить эту тему, я должен подчеркнуть, что работы по тестированию не были определяющей деятельностью в научной карьере Йеркса. Йеркс заметил, что работа для армии «была гораздо большим, чем эпизод в моей жизни. Во многих смыслах она меня изменила». Однако, как отмечает Рид (1987), «тестирование никогда не было основной целью или интересом». Йеркс рассматривал этот эпизод как важный потому, что он «укрепил меня морально и физически, усилил уверенность в себе и убедил меня в способности справляться с проблемами человеческих отношений». Итак, работы по тестированию были важным фактором в развитии психологии как значимой

дисциплины и в развитии личности Роберта Йеркса, однако, оценивая его карьеру в целом, можно сказать, что исследования в области психобиологии были для него на первом плане.

ЛАБОРАТОРИИ ЙЕРКСА

ПО БИОЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ ПРИМАТОВ

В 1913 году Йеркс начал искать поддержку для создания научно-исследовательской лаборатории по изучению приматов в условиях субтропиков, обращаясь в различные организации, в том числе фонды Карнеги и Рокфеллера. Архивы Йельского университета и Рокфеллерского центра архивных материалов заполнены перепиской, дневниковыми записями и прочей информацией о кампании Йеркса по изысканию средств. Он получил письма поддержки от Х. С. Дженнингса, Дж. Б. Уотсона, Х. Х. Дональдсона, Э. Э. Саутхарда и даже от Э. Б. Титченера, который поместил письмо о поддержке в журнале «Сайенс». В конечном итоге предложение Йеркса было профинансировано фондом Рокфеллера.

Фонд Рокфеллера и Мемориал Лауры Спелмэн Рокфеллер (LSRM) «ценил личную инициативу, внутренний темперамент, моральные качества и самообладание как природные импульсы, которые привели протестантскую англосаксонскую элиту к мировому господству» (Кау, 1993). Культурной основой фонда была идея того, что человеческую жизнь можно улучшить путем образования и евгеники на основе научных знаний. В 1920 и 1930 годы деньги Рокфеллера передавались университетам и другим учреждениям для реализации всевозможных проектов, причем основное внимание уделялось научным исследованиям человеческого поведения как ключевому фактору совершенствования человечества посредством социального контроля. Программу для Науки о Человеке, появившуюся в Фонде Рокфеллера, называли «психобиологией», хотя она касалась широкого круга проблем, стоящих перед биологическими науками. Роберт Йеркс, написавший, что «контроль над жизнью зависит от знания характеристик мира, организма и их взаимодействия», разделял позицию фонда Рокфеллера в отношении ценностей. Йеркс работал в Национальном научно-исследовательском совете, который финансировался Рокфеллером. Мемориал Лауры Спелмэн Рокфеллер выделял средства для Йельского Института психологии, и это дало Йерксу возможность переехать туда. Йеркс приехал в фонд Рокфеллера с планом научных исследований, цель которых состояла в совершенствовании человечества — в данном случае речь шла о станции по изучению приматов.

Переговоры были долгими, но в конечном итоге упорство и решительность Йеркса окупились. Многочисленные визиты и письма обеспечили необходимое финансирование. Есть подозрение, что фонд предоставил ему станцию главным образом для того, чтобы завершить эту кампанию. Как бы то ни было, первые деньги поступили всего за несколько месяцев до великой депрессии 1929 года. Йеркс оказался нужным человеком с подходящими идеалами в нужное время. Позже он говорил, что «если бы наша просьба задержалась хотя бы на год-два, решение почти наверняка было бы неблагоприятным. Нам едва удалось избежать неопределенной задержки или неудачи».

ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИМАТОВ В ОРИНДЖ ПАРК

Строительство и руководство таким учреждением, как Лаборатории Йельского университета по биологическим исследованиям приматов, было серьезным предприятием. По иронии судьбы, это отнимало у Йеркса столько времени, что он относительно мало занимался практическими исследованиями, о которых мечтал. Возможно, самым фундаментальным достижением во время работы во Франклине, Нью-Хейвене и Ориндж Парке была демонстрация того, что шимпанзе можно было успешно содержать, разводить и исследовать в неволе. Более поздние успехи стали

возможными только потому, что Йеркс вложил большие средства в методику ухода и наблюдения за шимпанзе.

РАЗНООБРАЗНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Несмотря на то, что административные обязанности не позволяли ему уделять достаточное время своим собственным исследованиям, годы, которые он провел в Ориндж Парке в качестве руководителя, были продуктивными; в официальном списке публикаций сотрудников лабораторий Йеркса значатся почти 200 статей, напечатанных в период с 1930 по 1941 годы. Наиболее значительными в этот период были работы Карлайла Ф. Джакобсена о функции лобных ассоциативных зон коры головного мозга, Кеннета У. Спенса об избирательном обучении, С. Д. Ширли Спрэгга о привыкании шимпанзе к морфию, и Йеркса и Джеймса Х. Элдера о периоде течки и спаривании у шимпанзе. В течение этого же времени С. Р. Карпентер (1934) осуществил классическое исследование поведения ревунов в природных условиях Панамы.

ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЕЙСТВА

Опыт сегодняшнего дня указывает нам на то, что в естественных условиях сообщества шимпанзе обладают характеристикой «распада — слияния», т. е. некоторое число обезьян временно отделяется от своей группы, а позднее присоединяется к более крупной группе, частью которой они являются. Не имея в свое время такой информации, Йеркс при изучении социальных групп, которые он создал из отобранных обезьян, ввел свои собственные оценочные параметры для семейств. Так, например, занимаясь описанием «семейства шимпанзе», он рассматривал свою деятельность как «натуралистическое исследование».

ВОПРОСЫ ПОЛА

На проводимые Йерксом исследования оказывали влияние его традиционные взгляды на женщин. Среди достаточно противоречивых работ, проводимых в YLPB, когда Йеркс руководил этими лабораториями, было исследование воздействия друг на друга мужских и женских доминантных признаков, которое оценивалось с помощью «теста на кормление». В клетку с двумя животными клали ломти бананов. Наблюдатель отмечал, какое из животных получало пищу. Йеркс (1939, 1940) среди прочего пришел к заключению, что пища, как правило, достается самцу. Однако, в период течки ситуацию контролируют самки, а самцы не вмешиваются. Таким образом, полагал Йеркс, есть два способа получить пищу — за счет доминирования, т. е. способности распоряжаться ресурсами, и по привилегии, т. е. благодаря праву, предоставленному доминирующим индивидом.

Выводы Йеркса имеют слабую эмпирическую базу. Хотя одна пара обезьян, Джек и Джози, продемонстрировала устойчивые взаимоотношения во времени, у других протестированных пар они были «менее определенными и полными». Однако Йеркс, как правило, игнорировал отрицательные результаты и основное внимание уделял изучению взаимоотношений между Джеком и Джози. Таким образом, Йеркс основывал свои взгляды на нечетких и неопределенных данных.

Рут Хершбергер критиковала эту работу в переписке с Йерксом и в своей книге «Адамово ребро» (1948). Используя сатирический стиль интервью с Джози, она отметила, что даже если согласиться с тем, что данные, полученные от Джека и Джози, достоверны, существует множество возможных интерпретаций. Джози якобы протестует и говорит, что создается впечатление, как если бы «кто-то решил, что я заранее подчиняюсь». «Когда кормушку захватывает Джек, в отчете это называется «естественным доминированием». А если это делаю я, то это

переданная им «привилегия»».

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Изучение шимпанзе было для Йеркса скорее средством, чем целью. Основное направление исследований определялось его идеалами служения человечеству через открытие более рациональных способов существования. Хотя Йеркс очень любил шимпанзе и переживал за них, обезьяны были для него заменителями человека. Они давали знания, которые должны были служить для улучшения человечества за счет более совершенного образования и воспитания: «Человек находится сейчас на пути к совершенствованию». Харауэй заметил, что «эти люди видели свое предназначение в служении человечеству и глубоко верили в демократию, права личности и научную свободу... Йеркс создал общину шимпанзе во имя служения людям» (1989).

КРИЗИС 1937 ГОДА

Первоначальная дотация фонда Рокфеллера для обеспечения деятельности лабораторий Йеркса была предоставлена на срок до 1939 года. Ситуация осложнялась тем, что Йерксу к этому времени было 63 года, и он приближался к пенсионному возрасту. Поскольку подходил срок возобновления дотации, был проведен детальный анализ программы исследований. Чиновники Рокфеллера стремились выяснить мнение ведущих ученых. Последовавшие подробные и тщательно сформулированные оценки были обескураживающими.

Было затронуто несколько важных вопросов. Вложив крупные суммы, рокфеллеровские чиновники были заинтересованы в широком доступе к YLPB для ученых всей страны. Йеркс же хотел иметь постоянный штат сотрудников, и это воспринималось как желание властвовать над ними. Вторая проблема касалась самих шимпанзе; раздобыть можно было лишь небольшое их количество, а это ограничивало те виды исследований, которые можно было скорее завершить. Обезьяны, по-видимому, обходились дешевле и в равной степени подходили для многих целей. Йеркс сопротивлялся с присущей ему решительностью. Третья проблема была связана с мнением, что сотрудники лабораторий не воспользовались предоставленными им возможностями. Научно-исследовательский персонал YLPB получил у проверяющих неоднозначную оценку.

Однако самой большой проблемой был сам Йеркс. Хотя все соглашались с тем, что он оказал великолепную услугу науке, создав YLPB, он потерял доверие влиятельных людей. Проверяющие особенно строго отнеслись к Йерксу за его отношение к персоналу и потребность властвовать. Карл Хартман критиковал Йеркса за то, как тот вел себя с сотрудниками, отмечая, что «к людям нельзя относиться как к машинам». По словам Лэшли (1937), «он предпочитает людей, действующих в соответствии с его генеральным планом и не возражающих против его ведущей роли в исследованиях». Джордж Корнер (1937), относившийся к Йерксу более доброжелательно, тем не менее писал: «Я не думаю, что доктора Йеркса следует рассматривать как первоклассного исследователя»; «что касается здравомыслия, то я считаю его человеком заурядным». Многие из тех, кто знал Йеркса, будут оспаривать эти описания. Однако в то время значение имела не их точность, а произведенное впечатление и его влияние на финансирование.

Йеркса критиковали также за его натуралистический и интеграционный подход в эпоху, когда на подъеме были экспериментальные методики и исследования физиологических механизмов. Программа Отдела естественных наук в фонде Рокфеллера была ориентирована на исследования, основанные на более молекулярном подходе (см. Кау, 1993). Социальный контроль предполагалось осуществлять на более молекулярном уровне. По мере того как рокфеллеровская программа становилась все более молекулярной, программа Йеркса, являвшаяся

экспериментальной, но имеющая ярко выраженный натуралистически-наблюдательский характер, стала восприниматься как устаревшая и не соответствующая духу времени. Человек, шагавший в ногу с развивающейся рокфеллеровской программой несколькими годами ранее, теперь считался ученым, отставшим от новых веяний в науке. Более натуралистический подход возродится после второй мировой войны.

В конце концов поддержка Рокфеллера возобновилась, хотя с каждым годом она становилась все меньше. Лаборатории YLPB были спасены благодаря усилиям декана Йельского медицинского института Стэнхоупа Бейн-Джонса, человека с большими администраторскими способностями. Зная проблемы в фонде Рокфеллера, Бейн-Джонс разделял взгляды чиновников относительно Йеркса и YLPB. Он организовал комитет по YLPB, который разработал приемлемый план, предусматривающий, в частности, увольнение Йеркса в период выделения субсидий. Йеркс понял, что его вынуждены были принести в жертву ради спасения лабораторий, в создание которых он вложил столько труда. Некоторые из характерных черт Йеркса, например, настойчивость в воплощении своего плана и потребность властвовать, были эффективны в других ситуациях, но в данный период приносили вред делу.

«НАУЧНЫЙ ПУТЬ»

В период с 1945 по 1949 годы, уволившись из Йельского университета, Йеркс страстно занялся своей автобиографией «Научный путь» (Scientific Way, 1950). Ее менее официальным названием было «Завещание». Это великолепный источник информации о жизни и времени Роберта Йеркса. Вероятно из-за того, что у него было обширное собрание записей, писем и других документов, автобиографию можно в целом считать надежным документом. Основной принцип, который он развивал, — это тезис о том, что «существуют способы существования, которые потенциально лучше религиозных. Один из них — путь познания и просвещения, поиск истины и готовность нести ответственность вместо того, чтобы перекладывать ее на бесконечность». Последние 3 из 17 глав названы «Религия и наука как продукты разума», «Естественная история морали» и «За пределами религий — нечто лучшее». Йеркс вернулся к темам, над которыми он работал в прежние времена. По общему мнению, ничего нового или продуктивного в эту тематику он не внес. От рукописи отказались несколько издателей, включая издательство Йельского университета, в котором редактором работала дочь Йеркса Роберта. К сожалению, она также приняла участие в отказе опубликовать рукопись. Делая особое ударение на религии, Йеркс не осветил некоторые важные стороны своей жизни, о которых осведомленный читатель надеялся узнать подробнее. Итак, последний важный замысел в жизни Йеркса, представляющий большую ценность для историков, так и не был реализован и в этом смысле не удался. Это большая неудача, поскольку история жизни одного из самых влиятельных и принципиальных психологов столетия должна была быть рассказана им самим и обязательно напечатана.

Можно утверждать, что Роберт М. Йеркс был самым значительным специалистом в области сравнительной психологии и психобиологии. Он сыграл важную роль в формировании ряда психологических наук. Йеркса по праву можно назвать выдающимся создателем приматологии как современной науки. Он был серьезным, преданным науке и честным человеком, которого отличали как принципиальность, так и прагматизм. Это был человек своей эпохи и убежденный прогрессист, стремившийся усовершенствовать человечество с помощью психобиологии. Его сильный характер и система ценностей были эффективны в одних ситуациях и становились тормозом для достижения успеха в других. Он был и остается первооткрывателем в психологии, натурой сложной и притягательной.

ДОНАЛЬД ОЛДИНГ ХЕББ:

ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ

К ПСИХОЛОГИИ

«Организация поведения» была опубликована в 1949 году, когда Дональду Хеббу исполнилось 45 лет. В своей оценке истории психологии в Америке Эрнест Хилгард (1987) приписывал возобновление угасающего интереса психологов к механизмам работы мозга появлению этой книги Хебба. Хилгард также заметил, что этому способствовали как стиль, так и содержание:

«Привлекательными особенностями книги «Организация поведения» (1949) были сочетание оригинальности как в смысле широты, так и конкретизации изложения, готовности рассматривать аргументы по существу и способности опровергать их при помощи резкой критики без полемики. Хебб был тактичен по отношению к тем, против кого выступал, никогда при этом не сдавая позиций. Трудно определить те качества и стиль, которые потребовались ему для достижения результатов, однако они были необычны в научных работах, и он умело ими пользовался». В данной главе основное внимание уделяется книге «Организация поведения», событиям в научной карьере Хебба, которые привели к написанию этой книги, и ее последствиям. Это с необходимостью предполагает рассмотрение отношений Хебба с его учителем, Карлом Лешли, так как именно вопросы Лешли задавали программу для ответов Хебба. Однако вопрос стиля, поднятый Хилгардом, также является существенным. В более зрелых науках, где важные проблемы ясны всем, личные качества ученого, вероятно, играют менее значительную роль с точки зрения признания идей и полученных результатов. Если бы Уотсон и Крик не расшифровали в свое время генетический код, Линус Полинг мог сделать это в следующем году, и основная структура ДНК/РНК была бы идентичной. Проблема, с которой столкнулся Хебб, состояла совсем в другом. Его задачей было привлечь психологов к изучению психической жизни в период, когда в этой области знаний преобладали «консервативные» поведенческие модели, и продемонстрировать плодотворность гипотетической связи с нервной системой во времена, когда наиболее влиятельные ученые психологи придерживались концепции организма как «черного ящика».

В марте 1985 г. профессор Энтони Дж. Чэпмен из Лидского университета обратился к Хеббу с просьбой заполнить анкету, которая предоставила бы основные биографические данные для справочника «Кто есть кто в психологии». Вот что, по мнению 81-летнего Хебба, должны были знать о нем коллеги-психологи:

«Родился в Честере, Новая Шотландия, 22 июля 1904 года. Получил степень бакалавра в Университете Далхузи (1925 г.). Степень магистра — в Университете Макгилла, 1932 г. Доктор философии Гарвардского университета, 1936 г. Президент канадской ассоциации психологов, 1953 г.; Американская ассоциация психологов — 1960 г.

Интересы: обучение, восприятие, механизмы мысли. Книги: «Организация поведения» (Organization of behavior, Wiley, 1949); Учебник психологии (Textbook of Psychology, Saunders, 1958); «Очерк о разуме» (Essay on Mind, Erlbaum, 1980). Основные исследования: последствия поражения мозга у людей; эволюционные аспекты эмоций по отношению к интеллекту; теория мышления с точки зрения физиологии, с экспериментальными данными, имеющими значение для обучения и т. д.». (Просьба Чэпмена и ответ Хебба зарегистрированы в документах Хебба, хранящихся в архивах Университета Макгилла).

Мать и отец Хебба были врачами, но это не обеспечило ему немедленный успех, когда он поступил в школу в возрасте 8 лет (до этого его обучали дома по методу Монтессори). По словам Хебба, в школе ему было и легко и скучно. Все годы в начальной школе и колледже он был посредственным учеником, а хорошие оценки

в колледже он получал только по физике и математике.

Окончив университет Далхузи в 1925 году, большую часть из последующих девяти лет Хебб преподавал или работал директором школ в Новой Шотландии и Квебеке. В промежутках он развозил на лошадях грузы, собирал пшеницу в западной Канаде и подрабатывал чернорабочим в Квебеке. Именно в этот период он из книг узнал о Фрейде и стал размышлять о новом пути в своей карьере: «Фрейд, конечно, был очень интересным парнем, но, мне казалось, ему не доставало строгости. В 23 года мне, видимо, не слишком поздно заняться этой областью, ведь там есть над чем поработать. Тогда я подумал: а может, сделать карьеру в психологии».

АСПИРАНТУРА В УНИВЕРСИТЕТЕ МАКГИЛЛА

По договоренности с деканом факультета психологии в университете Макгилла, который также был выходцем из Новой Шотландии, Хебб начал читать курс Уильяма Джеймса, а также курс лекций Лэдда и Вудурта по физиологии психологии. В 1928 году он был принят на последний курс заочного отделения университета и впоследствии учился в заочной аспирантуре. В 1932 году Хебб выполнил требования для получения степени магистра, представив диссертацию, в которой предусматривалась возможность возникновения спинномозговых рефлексов *in utero*. Позже он назвал эту диссертацию «чепухой», однако в ней были отражены два момента, которые постоянно присутствовали в его последующих работах: (а) болезненная чувствительность к теме, касающейся потенциального (маловероятного) воздействия раннего опыта на развитие нервной системы, и (б) готовность занять непопулярную позицию (возможно, даже стремление к таким позициям). В университете Макгилла Хебб работал с несколькими последователями Павлова (Борисом Бабкиным и Леонидом Андреевым), исследуя условные рефлексы слю-новыделения у собак. Не соглашаясь с методикой Павлова, Хебб, тем не менее, был убежден, что карьера психолога — это для него. Он обратился к Йерксу в Йеле и по настоянию Бабкина к Лешли в Чикаго. Его пригласили в Йельский университет, отчасти благодаря мощной поддержке Кеннета Спенса, который также получил степень магистра в Макгилле. Однако Хебб предпочел заниматься наукой у Лешли и в 1934 году поступил в Чикагский университет.

ЧИКАГО И ГАРВАРД

В декабре 1934 года в соответствии с требованиями курса по анатомии, который в Чикаго вел С. Джадсон Херрик, Хебб в качестве курсовой работы представил «сжатый» вариант своей диссертации на степень магистра, написанной им в Макгилле. Работа находится в архиве Университета Макгилла, и комментарий Херрика («очень содержательная работа») подчеркнут Хеббом, который отмечает, что Херрик был «настоящим невропатологом». Одна из основных тем касалась координированного возбуждения активных нейронов, «настраивающих» спинномозговые рефлексы: «Похоже, имеется много возможностей для того, чтобы дополнить нерегулирующий процесс регулирующим, вероятно, за счет грубой координации активности спинного мозга. Малая вероятность в тонко настроенной рефлекторной активности полностью детерминированных функциональных взаимоотношений заставляет нас искать, где это возможно, комплементарный принцип более точной настройки генетически обусловленных форм деятельности».

Мы снова сталкиваемся с ранним проявлением интереса к воздействию опыта на разнообразную активность нейронов, которая практически всеми рассматривалась как жестко обусловленная. В 1935 году Лешли получил должность в Гарвардском университете, и Хебб присоединился к нему, продолжая исследования в Кембридже. Годы, проведенные с Лешли сначала в Чикаго, а затем в Гарварде, сыграли решающую роль в формировании взглядов Хебба на мир психологии. Получение степени доктора в течение двух лет, как того требовало

финансирование, предполагало смену темы диссертации: от основ пространственной ориентации у крыс до влияния разведения в темноте на зрительное распознавание образов. В более поздних исследованиях, предложенных Лешли, тема первоначального опыта снова появилась в работах Хебба. Однако он не примкнул к нативистам, сделав вывод, что «... у крыс организация «фигура — фон» и восприятие тождественности в таких геометрических формах, как пространственный треугольник, очертания треугольника и треугольник, описанный окружностью, детерминированы внутренне». Год в Гарварде после защиты докторской диссертации был использован для завершения работы по научению и основам пространственной ориентации у крыс. Результаты, полученные Хеббом, соответствовали результатам группы Толмена в Калифорнии.

В это время сестра Хебба, Кэтрин, заканчивавшая докторскую диссертацию по физиологии в университете Макгилла, обратила внимание брата на возможность получить назначение к нейрохирургу Уайлдеру Пенфилду.

Хебб подал заявление и получил на двухлетний срок должность научного сотрудника в Монреальском институте невропатологии (МИН) для изучения поведенческих последствий поражения мозга у людей. Хебб рассказывает нам, что первые его работы по пространственной ориентации у крыс были обусловлены интересом к функции интеллекта. Однако именно годы, проведенные в МИН, способствовали укреплению его интереса к проблеме природы интеллекта, которой он занимался всю жизнь. То, что он не обнаружил ухудшения интеллектуальной активности, измеренной Стэнфордом-Бинэ, вследствие массивных поражений лобных долей, вначале вызвало удивление. Однако, в конце концов именно этот факт навел его на мысль о возможно уникальном значении мозговой ткани для определения общих режимов адаптации в начальный период жизни и о том, что похожие поражения мозга будут иметь совершенно различные воздействия на интеллектуальную функцию детей и взрослых. На этот раз идея о первоначальном опыте заложила основу теории интеллектуального развития, которая высоко оценивалась Хеббом.

После нескольких лет работы в Монреале Хебб преподавал в университете Куинз в Кингстоне, Онтарио. Там он продолжал писать о поражениях человеческого мозга и начал исследования интеллектуальной функции у крыс. Лабиринт Хебба-Уильямса, созданный в эти годы, свидетельствовал о возвращении Хебба к убеждению, которого он придерживался, будучи аспирантом, что поддержание «дистанционной» пространственной ориентации в локально изменяющейся визуальной среде открывает более высокий уровень интеллекта у крыс.

Теперь Лешли предложил Хеббу должность научного сотрудника в Лабораториях Йеркса по биологическим исследованиям приматов в Ориндж Парке, Флорида. Хебб согласился и в 1942 году был принят на работу (Лешли стал директором лабораторий весной 1942 года после увольнения Йеркса). Хебб писал, что «... в этот период узнал о людях больше, чем в любое другое пятилетие своей жизни, за исключением первого». Однажды он сказал мне, что наблюдать за шимпанзе было все равно, что рассматривать людей, лишенных налета культуры. Он также с признательностью писал о несколько хаотичной, но насыщенной идеями интеллектуальной атмосфере, созданной Лешли, и сравнивал ее с упорядоченной, но, несомненно, более ограниченной работой в лаборатории, которой руководил Йеркс.

В соответствии с планом Хебб должен был изучать темперамент шимпанзе, в то время как Лешли и Ниссен работали над функцией интеллекта. Последствия поражений мозга (по обеим категориям поведения) могли бы затем оцениваться по широкой программе. Следуя своим интересам, а также идеям, появившимся во время работы в МИН, Хебб настаивал на учете временного фактора в планируемых хирургических операциях для того, чтобы последствия поражений у детей можно было сравнивать с результатами аналогичных поражений у взрослых. Однако из этих физиологических исследований ничего не вышло. Изучение интеллектуальных способностей шимпанзе оказалось гораздо сложнее, чем предполагал Лешли, и первые операции были проведены пятью годами позднее,

всего за несколько месяцев до отъезда Хебба в Макгилл. Вместо этого экспериментальные исследования Хебба в лабораториях Йеркса заключались в изучении эмоций, спонтанных страхов и индивидуальных различий в темпераменте у непрооперированных шимпанзе. Появился ряд новаторских статей. Некоторые из них были опубликованы в 1946 году в журнале «Психологическое обозрение».

В первой статье под названием «Эмоции у человека и животных: анализ интуитивных процессов распознавания» приводилось описание новой методики для классификации эмоций и определения эмоциональных состояний у индивидов. Он использовал общие оценки исследователей, наблюдавших за людьми, и затем применял эту информацию для анализа процесса различения эмоций у людей и шимпанзе. В конце 1946 года он опубликовал статью о природе страха у шимпанзе, который объяснялся наличием усвоенной модели ожиданий и разрушительными последствиями резких перцептивных изменений в ожидаемом событии. Особенно примечательным в этой статье было появление достаточно пространных рассуждений о неврологической природе физиологических процессов, лежащих в основе эмоциональных реакций. Появился термин «последовательность фаз», и был подробно указан ряд свойств, хотя и в несколько иной форме, но задолго до публикации «Организации поведения»:

«Поведение непосредственно соотносится с последовательностью фаз, которая распределяется во времени... Пространственная организация каждой фазы, фактическая анатомическая структура клеток, которые являются активными в определенный момент времени, будет подвергаться также воздействию афферентного возбуждения. В субъективном смысле последовательность фаз будет отождествляться с ходом мыслей и восприятием».

Затем Хебб перешел к обсуждению условий, связанных со стабильностью этих последовательностей, и затем выступил с новой теорией условий, при которых такие последовательности будут дезорганизованы, как, например, при различных состояниях страха.

Прочитав эту последнюю статью, мы начинаем понимать, что в лабораториях Йеркса Хебб, помимо наблюдений за шимпанзе, занимался многими другими вещами. Накопив опыт в лаборатории Лешли, в МИН и у Йеркса, он приступил к решению ряда важных проблем, поставленных Лешли. Но мнению Хебба, блестящие исследования Лешли в 20-е годы эффективным образом устранили возможность понимания обучения и памяти с точки зрения физиологии, если придерживаться понятия пассивной, «переключающей» нервной системы, которая ограничивается передачей сообщений от сенсорного входа на двигательный выход. Проведя серию экспериментов, Лешли прерывал отдельные сенсорные пути, коренным образом изменял механизмы двигательных реакций, разрывал или изменял обратную связь от соответствующих мышц и вторгался в гипотетические ассоциативные пути без уничтожения специфических «интеллектуальных» навыков. Стоит вспомнить пессимистическую оценку физиологизации, которую Лешли, будучи президентом Американской ассоциации психологов, сделал в своем выступлении на IX Международном конгрессе по психологии в Нью-Хейвене, штат Коннектикут, в 1929 году:

«Среди систем и точек зрения, которые включены в наши попытки сформулировать науку о психологии, предложение, с которым, похоже, согласны все, состоит в том, что окончательное объяснение поведения или психических процессов следует искать в физиологической активности тела и, в частности, в свойствах нервной системы... Большинство авторов учебников начинают с описания структуры мозга и исходят из того, что это является основой для последующего понимания поведения... Все более модной становится разработка сложных неврологических теорий для «объяснения» этих явлений во всех областях психологии...

В этих работах меня главным образом поражает их бесполезность. Глава, посвященная нервной системе, похоже, лишь предлог для помещения иллюстраций в сухом и однообразном тексте. Выполняет ли она другие функции —

неясно».

С точки зрения Хебба, Лешли предоставил достаточное оправдание для тех психологов, которые ратовали за чисто бихевиористскую психологию, прекратив всякие попытки соединить свои теории с физиологией. В июле 1963 года Э. Дж. Боринг в письме Хеббу сделал ему комплимент по поводу нового введения в книгу Лешли «Механизм мозга и интеллект». В ответном письме Хебб высказывает свое общее впечатление о Лешли и его влиянии:

«Лешли, несомненно, состоял из противоречий: я думаю, он был искренне заинтересован в развитии взаимопонимания в теории, но подходил к этому слишком категорично; он был скромн и непритязателен и в то же время крайне тщеславен в своей работе, по крайней мере, мне так кажется; он был гибким оппонентом в дискуссии и готов к уступкам по некоторым теоретическим вопросам и был совершенно неспособен позднее вспомнить аргумент своего противника; он был ярым сторонником физиологической психологии и этаким Самсоном в храме, что стало основной причиной потери интереса психологов к физиологии в течение четверти века». (Письмо Боринга и ответ Хебба находятся в архиве университета Макгилла.)

Проводились также и нефизиологические эксперименты с физиологическим подтекстом. Гештальт-психологи представили результаты ряда исследований, в которых зрительный человеческий опыт не совпадал с характером сенсорной стимуляции сетчатки, а Лешли и Кречевский дополнили эти работы исследованиями животных, которые реагировали на взаимодействие между паттернами стимулов, а не на абсолютную величину или сочетание этих стимулов.

Убежденность Хебба в том, что «проблема понимания поведения — это проблема понимания общей деятельности нервной системы, и наоборот», поставила его перед рядом проблем. Как быть с обучением, памятью, константностью восприятия и распознаванием форм в пределах нервной системы? Как ввести аспекты настройки, внимания и ожидания, ярко продемонстрированные Йерксом в поведении шимпанзе, в общее описание поведения, которое бы снова сделало физиологизацию приемлемой? Его ответы содержались в «Организации поведения». В его решение были включены следующие основные элементы:

1. Кратковременные события, например, образы, будут отображаться в мозгу как активность в нейронных цепях, называемых «комплексам и клеток».
2. Скопления комплексов могут затем соединяться друг с другом и образовывать последовательность фаз, невральн ый эквивалент мысли или идеи.
3. Эти отображения могут достигать постоянства за счет структурных или метаболических изменений в синапсах в соответствии с известным теперь правилом: «Когда аксон клетки А находится достаточно близко, чтобы возбудить клетку В, и постоянно стимулирует ее, в одной или обеих клетках происходит некоторый рост или метаболическое изменение, в результате чего активность клетки А, как одной из клеток, возбуждающих В, увеличивается».

Хотя Хебб признавал, что «общая идея не нова», он считал, что данный ход размышлений можно применить снова «с использованием столь же старой идеи о пониженном синаптическом «сопротивлении» в присутствии иной нейрофизиологии». Хебб также отмечал, что это отличается от принципа Капперса, по которому рост аксонов и дендритов обуславливается нейробиотаксисом, и допускал, что этим можно объяснить такие явления, как выработка сенсорных условных рефлексов. «То, что я предлагаю — это возможная основа ассоциации между двумя афферентными волокнами того же порядка — в принципе, сенсорно-сенсорной ассоциации... в дополнение к линейной ассоциации теории выработки условных рефлексов».

4. Нервная система бодрствующего млекопитающего постоянно находится в действии, и типы активности в последовательностях фаз формируют основу

настройки организма и внимания.

Когда Хебб развивал вышеописанные идеи, он находился под сильным влиянием работ Хилгарда и Маркиса (1940) и Лоренте де Но. Наличие ревербераторных контуров навело Хебба на мысль об интересном механизме поддержания активности комплексов клеток до образования постоянных связей, а также о возможной системе кратковременной памяти; хотя предполагалось, что для возбуждения активности в постсинаптической клетке необходим двойной синаптический вход, она обеспечивала потенциальную основу для настройки организма или внимания. Допуская, что комплексы и последовательности, связанные с определенным мыслительным процессом, редуцируются в мозгу, Хебб нашел интеллектуальный путь в обход результатов Лешли в 20-е годы, одновременно придерживаясь коннекционистских позиций. Следует отметить, что Лешли рассматривал и отвергал более грубые версии таких идей в «Механизмах мозга и интеллекте» (1929), отводя функции неокортекса расплывчатую вспомогательную роль.

5. Наконец, Хебб предлагает временное решение дилемм восприятия, созданных гештальт-психологами. Он высказывает предположение о том, что перцептивный опыт, кажущийся мгновенным и объединенным, например, тот, что участвует в распознавании форм, фактически был собран в начальный период жизни.

Итак, он предполагает существование в начале жизни периода, когда последовательные фиксации на сетчатке образов в процессе обычного познания зрительного мира приводят к образованию скоплений комплексов клеток, которые лежат в основе более общей способности воспринимать «целостные» сложные образы. И на этот раз для решения серьезной проблемы Хебб обратился к области раннего опыта.

Он в основном полагается на данные фон Зендена (1932), относящиеся к незрячим пациентам с врожденной катарактой, зрение у которых было восстановлено с помощью хирургического вмешательства. Сообщения фон Зендена указывают на то, что эти люди способны к определенному зрительному восприятию, но вначале не в состоянии различать весь образ, как это делают нормальные люди. Хебб вынужден также возвратиться к данным своей диссертации и, по-видимому, впервые замечает, что крысы, разведенные в темноте, не отличают горизонтальные полосы от вертикальных. До этого Хебб основное внимание уделял способности животных производить визуальные отличия и демонстрировать обычную способность к изменению реакции. Не имея контрольной группы крыс с нормальным зрительным опытом, Хебб не знал, насколько быстро осуществляется начальное научение. Однако теперь он понял, что выросшим в темноте животным требовалось гораздо больше испытаний, чем для определения способности к визуальному распознаванию в лаборатории Лешли, и запоздало пришел к выводу, что выключение зрения понижало их способность к научению визуальному распознаванию.

В начальный период написания книги Хебб давал наброски глав Лешли для комментариев и просил его стать соавтором. Отчасти его побуждало к этому совместное интеллектуальное предприятие и те улучшения, которые мог внести в работу Лешли. Кроме того, Хебб считал, что соавторство с Лешли придаст книге больший вес. Лешли отказался от этого предложения. Однако отзыв Лешли об оригинале законченной рукописи хранится в архиве университета Макгилла с его пометками и двумя страницами критических замечаний, отпечатанных на машинке. Общая оценка дана не была. Тон комментариев Лешли носит явно негативный и с позиций 90-х годов нашего века несколько «предвзятый» характер. В целом создается впечатление, что ему не хочется разбирать основные идеи и что он довольствуется рассмотрением экспериментальной части.

Наиболее подробные замечания перед публикацией книги Хебба были сделаны Эдвином Борингом, одним из его преподавателей в Гарварде. По-видимому, Хебб выслал ему четыре завершенных главы. Боринг прислал ответ 25 июля 1946 года, сопроводив его шестью мелко исписанными страницами комментариев. Он отнесся

к работе вполне доброжелательно:

«Я думаю, что Вам следует продолжить и закончить свою работу. В ней есть новизна. Надо прояснить проблемы, с которыми столкнулись Кёлер и Лешли. Следует уточнить требования к удовлетворительному физиологическому анализу. Вы это сделаете, и аспиранты будут читать Вашу работу после публикации и станут умнее. Вы сможете в определенной мере повлиять на исследования» (архив университета Макгилла).

Боринг дал некоторые общие рекомендации, советуя Хеббу «быть более кратким, меньше защищаться, быть более позитивным, добрым, веселым, дружелюбным и менее рассудительным». В завершение он пишет: «Желаю удачи. Это первоклассная работа, и у Вас хороший стиль. Подвергая Вас весьма суровой критике, я, на самом деле, лишь подбрасываю Вам идеи. Если Вы найдете их неправильными, что же, с Вашей точки зрения, так оно и есть» (архив университета Макгилла).

Хебб, явно ободренный письмом Боринга, поблагодарил его за конкретные советы и сделал следующее предложение:

«Я могу быть более кратким и занять менее оборонительную позицию (одно без другого не бывает); более позитивным (поскольку почти все негативное Вы уже увидели — остальное будет конструктивным). Добрым, веселым, дружелюбным? Гм, дайте попробовать. Теперь это будет легче сделать, хотя ничего не могу обещать!» (архив университета Макгилла).

Книга вышла в издательстве «Уайли» в 1949 году, и Хебб получил письмо от Боринга, которое его, по-видимому, обрадовало:

«Что я могу сказать? Программа грандиозна. Первые главы великолепны. Остальные я прочитаю, когда будет такая возможность. Книга написана свежо и обладает конструктивной искренностью, как раз то, что нужно. Связанные прежними представлениями, Кёлер и Лешли не в состоянии сделать то, что можете сделать Вы, новичок в этой области. Это делает Вас неординарной личностью». (архив университета Макгилла).

Начали появляться также опубликованные рецензии. Весьма положительные отзывы дали Эттнив (1950) и Ли-пер (1950), хотя Бродген (1950) и Бентли отнеслись к работе менее восторженно. Липер писал:

«Нет необходимости начинать данный обзор с утверждения о значении и высоком качестве этой книги. Это как с кинофильмом, которому не требуется реклама, потому что люди спрашивают друг у друга: «Вы видели этот фильм...?» Книга Хебба написана с таким блеском и качеством, что ей обеспечен определенный статус в психологии».

Но, возможно, больший интерес, чем опубликованный отзыв, представляет переписка Липера с Хеббом, обнаруженная в архиве университета Макгилла и имевшая место до выхода рецензий. Она прекрасно характеризует обоих корреспондентов. 1 мая 1950 года Липер сообщил Хеббу в письме о рецензии, которую должен был написать. Он начинает с того, что согласен с основными положениями, выдвинутыми Хеббом. Затем Липер перечисляет критические замечания, которые он намеревается сделать и спрашивает Хебба, правильно ли он понял книгу и корректна ли его критика. Переписка заканчивается письмом Хебба от 8 июня 1950 года:

«В Ваших двух письмах Вы указали на два основных недостатка, как я понимаю, моей теории. Я говорил другим, что она вызывает сомнения, когда (1) связывает восприятие образов с определенными стимуляциями и (2) что моя интерпретация интегрированных аспектов гнева или страха не внушает доверия... Я не думаю, что имеющиеся данные окончательно указывают на ложность теории в том виде, в котором она изложена — в существующем виде она представляется «правильной»,

но, на мой взгляд, те критические замечания, которые Вы выдвигаете, полностью оправданы... Так или иначе, это частное письмо к Вам, и оно не должно повлиять на Вашу рецензию. При рецензии книги Вам, я думаю, следует (если я вообще вправе делать такое предложение) подчеркнуть недостатки книги... единственный шанс сделать из теории что-то — это выявить ее слабости» (архив университета Макгилла).

Липер предоставил обещанные замечания и был щедр на похвалу. Книга не рецензировалась в «Сайкологджи-кал Буллетин», центральном издании, где в те времена помещались критические обзоры для Американской ассоциации психологов. Питер Милнер рассказывал, как Хебб сказал ему, что Лешли попросили написать рецензию, и он согласился, но так этого и не сделал: «Меня бы не удивило, если бы Лешли поступил именно так. Я полагаю, он был очень неоднозначным человеком». 22 ноября 1949 года Лешли поздравил Хебба с книгой:

«Хотя Ваши аргументы меня по-прежнему не убеждают и я не согласен со многими выводами в первой части, я по-настоящему восхищен Вашей книгой. Это глубокая по мысли и стимулирующая работа. Она отражает широкий кругозор автора и написана стилем, которому я завидую. Примите сердечные поздравления с выдающимся достижением» (архив университета Макгилла).

Однако Марк Розенцвейг, посещавший семинары Хебба в Гарварде летом 1947 года, вспоминает, что Лешли высказывал другую, более едкую оценку книги на неофициальном ланче в Нью-Йорке (Розенцвейг, частное сообщение). По воспоминаниям Розенцвейга, Лешли говорил, что идеи, высказанные в книге, представляют собой искаженные версии его (Лешли) идей, которые Хебб неправильно понял. Последнее наверняка больше соответствовало бы комментариям Лешли по поводу более ранней рукописи и ходу его мыслей о коннекционистских теориях за прошедшие годы. Действительно, у Лешли можно иногда найти истоки идей Хебба (например, о спонтанности действий в нервной системе), но, как правило, Лешли отказывался от линии, развиваемой затем Хеббом. Отношения между Хеббом и Лешли были, по-видимому, достаточно сложными. В августе 1966 года Фрэнк Бич, который был очень близок к Хеббу и работал с Лешли после защиты докторской диссертации, в письме спрашивал Хебба о его отношениях с Лешли. Бич должен был выступить с лекцией о Лешли на заседании ААП в 1966 году:

«Одна из тем, на которой я хотел бы остановиться, — это отношения Лешли со студентами. Я всегда считал, что мы с ним особенно хорошо ладили, потому что мои собственные исследования никогда не пересекались с его и, следовательно, теоретических разногласий у нас не возникало. С другой стороны, я помню, что у Вас и некоторых других время от времени происходили с К.С.Л. горячие дискуссии (полагаю, дружеского характера)... Если Вас не затруднит, вышлите мне, пожалуйста, комментарии, предложения, наблюдения и т. д., которые, на Ваш взгляд, могут мне пригодиться» (архив университета Макгилла).

Хебб ответил: «За исключением короткого периода, я был в прекрасных отношениях с Лешли». «Короткий период» последовал после критики Хеббом одной из статей Лешли о механизмах зрения. Однако, далее Хебб жалуется на разные другие проблемы, которые у него возникали с Лешли, и пишет:

«Все это время мы были в отличных отношениях, не очень близких, но дружеских. Он не одобрял «Организацию поведения», когда я ее писал... (... ему понадобилось пять месяцев, чтобы просмотреть черновой вариант конспекта, который я ему оставил — так как до того я сказал ему, что это теория связей, а это определение он не переваривал). В своей статье для ARNMD от 1956 года... он опубликовал то, что фактически является моей теорией, используя термин «система следов» вместо термина «комплекс клеток». Он говорит, что это «теория церебральной структуры, которую я замыслил в течение нескольких лет» — но, разумеется, не упоминая о связях. Неприличное слово. «Ассоциация» — лучше. Так что он изрядно похитрил» (архив университета Макгилла).

Это, конечно, было последней иронией в их взаимоотношениях.

Указанная статья стала у Лешли последней (1958), и, действительно, как указывал Хебб, он в конце концов принял теорию редуплицированных следов, предложив гипотезы, касающиеся настройки организма и внимания и в общих чертах очень похожие на предположения Хебба.

Еще одна постоянная тема в карьере Хебба — это его интерес к образованию. Будучи аспирантом университета Макгилла, Хебб работал на полную ставку преподавателем средней школы и директором начальной школы. Он посвящает несколько страниц своей автобиографии рассказу о своих попытках перестроить систему поощрений и наказаний, принятую в начальной школе для того, чтобы побудить детей учиться. Вполне в духе Хебба был такой прием: выступая против установленной традиции, он «наказывал» не желающих учиться школьников, посылая их поиграть!

В университете Макгилла Хебб продолжал свои «эксперименты» в образовании, преподавая вводный курс психологии. Он очень серьезно относился к преподавательской деятельности. Он читал лекции, встречался с ассистентами и контролировал «эффективность» каждого экзаменационного вопроса по курсу. Кроме того, в то время, когда тексты по вводной психологии были длинными и всеобъемлющими, Хебб написал очень необычную, небольшую, но связную книгу. Характерным было его стремление делать выводы о психической жизни исходя из поведения и связывать психологические и физиологические аспекты анализа.

Хебб также придерживался оригинальных взглядов на преподавание в аспирантуре. Обязательных курсов было немного (насколько я помню, один курс по статистике и семинар Хебба). Студентам рекомендовали ходить на лекции по другим предметам, «если это необходимо» или «интересно».

Стивен Э. Гликмэн вспоминает:

«Когда я попытался записаться на курс Х. Х. Джаспера по невральным механизмам в Монреальском институте невропатологии, чтобы получить зачет, Хебб отказался подписать мое заявление. «Зачем Вам зачет по этому курсу?», — спросил он. Я ответил, что мне предстоит много заниматься нейроанатомией и я боюсь, что не изучу ее без экзаменационной нагрузки. «Давайте разберемся, — сказал он, — Вы хотите сказать, что не будете учить материал, если его не придется запоминать для экзамена? Очевидно, он не очень важен». И он сделал этот курс факультативным.

Каждому аспиранту предоставлялась лаборатория. Вообще он любил бродить по такой лаборатории, находить какое-то явление и затем составлять подробный письменный обзор. Неясно, откуда брались оригинальные «прогулочные» идеи, но мне кажется, что утренние и вечерние обсуждения в буфете (посещение которого было более или менее обязательным) были главным их источником. Ко времени моего прибытия (в январе 1956 года) связывать свою работу с теорией Хебба казалось малопривлекательным. Насколько я мог судить, его повергли в смятение проверки теории 30-х и 40-х годов, которые, как он полагал, привели к большому количеству исследований, ставшими ненужными после того, как теория умерла. Поскольку он считал, по крайней мере, по его словам, что все теории в психологии были в этот период времени неизбежно ошибочны, фокус состоял в том, чтобы использовать теорию для привлечения внимания к «вечным» вопросам, ответы на которые будут представлять интерес, даже когда первоначальная теория отпадет.

Внимательный читатель заметит, что имя Хебба очень редко появлялось в работах аспирантов и докторантов, работавших в лабораториях университета Макгилла. Джеймс Оулдс рассказывал мне, что в 1954 году он и Питер Милнер предложили Хеббу соавторство в оригинальной работе по самостимуляции, а тот отказался. Я знаю о других подобных случаях. Однажды он объяснил мне, что если на этих публикациях появится его имя, люди подумают, что работа «исходила из лаборатории Хебба», и студенты не получат заслуженное вознаграждение. Он

хотел, чтобы они получали максимально возможное вознаграждение и сами стремились сделать как можно больше.

И последний комментарий. Аспиранты должны были ухаживать за своими подопытными животными самостоятельно. Не очень-то веря в их прилежание, Хебб приходил рано утром, проверял, есть ли в клетках пища и вода и чисты ли в них подстилки. Нерадивым студентам он оставлял записки с резкими замечаниями. Как-то группа аспирантов преподнесла Хеббу подарок — новый мощный фонарь для того, чтобы ему легче было отыскивать нарушителей. Он с недоумением принял подарок и никогда о нем не упоминал. Мне кажется, он не оценил шутку.

Работа, вышедшая из аспирантской программы в Макгилле, в значительной степени способствовала распространению идей Хебба.

Оценивая свою теорию спустя десятилетия после ее опубликования, Хебб (1955) указал на ряд исследований, проводившихся в лабораториях Макгилла, которые свидетельствовали о созидательной ценности этой теории, даже учитывая неверность ее фактических деталей. В частности, он упоминал исследования сенсорной депривации, воздействий раннего читательского опыта на зрительное восприятие и роли среды в умственном развитии ребенка, а также эксперименты, в которых пересматривались концепции массового действия и эквивалентности, выдвинутые Лешли. Хебб отметил также открытие Оулдсом и Милнером (1954) систем позитивного усиления в мозге и изучение Шарплессом и Джаспером (1956) привыкания как примеры значительных работ, к проведению которых ученых побудили пробелы в теории. Те, кто рассматривал «Организацию поведения» как книгу, носящую умозрительный характер, а ее основные идеи как «не подлежащие проверке», должны были признать наличие в ней интересных и новаторских данных, полученных в лабораториях Макгилла».

Не хотелось бы представлять Хебба слишком праведным, и вряд ли он этого хотел. В своей автобиографии Хебб (1980) указывал на свою «тягу к научной работе» и писал: «У меня, конечно, были твердые намерения создать себе имя, но я должен был сделать это на свой манер... в результате я провел тринадцать лет в пустыне, хотя можно было быстрее добиться наград за более уместные исследования, уместные — с господствующей тогда точки зрения».

Невероятно щедрый по отношению к студентам, он мог быть очень агрессивным, когда речь шла о получении заслуженного признания от коллег, и если он чувствовал себя интеллектуально оскорбленным, способен был оповестить об этом весь мир. В архиве университета Макгилла имеется его переписка с Рэймондом Кэттеллом, в которой Хебб по-существу вынуждает Кэттелла признать, что он в долгу перед Хеббом за некоторые идеи, касающиеся природы интеллекта. В архиве есть также довольно резкие письма, отправленные им Гарри Харлоу. Они касаются редактирования работ, посланных студентами Макгилла в «Журнал сравнительной и физиологической психологии», а также нежелания Харлоу предоставить Хеббу возможность сделать публичный отзыв о работе, выполненной в лаборатории Харлоу и содержащей нападки на идеи Хебба о первоначальном опыте. В письмах содержатся и взаимные комплименты, но с присущей ему решительностью Хебб готов был передать свои возражения в Комитет по публикациям Американской ассоциации психологов.

Резкая сторона характера Хебба проявилась также в весьма памятном случае. Он был связан с очень известным английским биологом, приехавшим в университетский городок, чтобы прочитать несколько лекций для широкой аудитории. В дни, предшествующие лекциям, он каждое утро приезжал в Доннер Билдинг и шел прямо в кабинет Хебба, где оба проводили большую часть дня. Хебб, похоже, был польщен вниманием приезжей знаменитости и подолгу с ним беседовал. На первой вечерней лекции стала понятна логика этого внимания, поскольку знаменитый гость поднялся и изложил слушателям очень близкую версию первых лекций Хебба по курсу вводной психологии. Хебб пришел в ярость. На следующее утро он то и дело заходил в буфет, выкрикивая свои комментарии. «Этот человек похож на старого морского волка. Он кладет свои ноги вам на

плечи, и вы не можете его скинуть». И йотом: «Он, как сорока, везде собирает по кусочкам информацию». И, наконец: «Он никогда ничего не забывает, потому что мысли ему не мешают». Вот такая история.

Две другие черты Хебба, отложившиеся в моей памяти — это собственное толкование своей области деятельности и восприятие себя как личности. Что касается области деятельности, то хотя Хебб и не был историком (в обычном смысле этого слова), он придерживался последовательного подхода к ряду проблем, рассматривая их в исторической перспективе. Утрата интереса к центральным проблемам мышления, настройки организма и внимания с выходом на первый план теории бихевиоризма Уотсона и принятие модели телефонного коммутатора, ставшие, по мнению Хебба, результатом работ Шеррингтона по рефлексологии, сформировали основу его идей о психологии. Кроме того, он рассматривал соответствующую интеграцию природы и воспитания как очень важную для психологической науки и написал значительные работы по истории и теории этого предмета. На обязательном семинаре Хебба в Макгилле подробно обсуждалось стремление бихевиористов прийти к соглашению с гештальт-психологами по поводу феноменов перцепции, а также работы и воззрения его учителя, Карла Лешли.

Позиция Хебба в отношении конструирования психологических теорий была неотрывна от его исторического подхода. Будучи давним свидетелем теоретических схваток 30-х и 40-х годов, Хебб был обеспокоен тем, что преждевременно сформулированные теории приводили к большому количеству бесполезных исследований. Он поставил перед собой задачу создать теорию, которая освещала бы насущные проблемы психологии, одновременно подводя итог: обеспечить достаточную точность, способную служить ориентиром для исследований, которые могли бы продолжаться, даже если теория окажется несостоятельной, и в то же время сделать так, чтобы слишком большая точность не побудила психологов заняться «простой» проверкой теории. Иногда это оказывалось невыполнимым. Нелегко было, к примеру, добиться у Хебба объяснения термина «стимулирующая функция», который он применял для обозначения ординаты теоретического графика в статье о «Мотивах поведения и концептуальной нервной системе», помещенной в журнале «Психологическое обозрение» за 1955 год. Он сказал, что «стимулирующая функция — это стимулирующая функция», улыбнулся и решил, что вопрос снят. Питер Милнер описал аналогичную проблему, с которой столкнулись он и Джеймс Оулдс, когда попытались уточнить мнение Хебба о комплексе клеток. Хотя я думаю, что иногда он не возражал против хорошего прямого испытания и даже получал от него удовольствие (особенно, если испытание удавалось), в теории его роль сводилась скорее к генерации идей для исследований, чем к четкому прогнозированию результатов эксперимента.

Он был агрессивным мыслителем, который, как мне кажется, любил плыть против течения (об этом свидетельствуют его первые эксперименты в области обучения, диссертация на степень магистра и книга «Организация поведения»). Пожалуй, у Хебба было сильно развито ощущение собственной значимости, которое делало его достаточно свободным. Он мог наслаждаться воздаваемыми ему почестями, не становясь от них зависимым. Когда его попросили выступить в 1984 году с заказным докладом, он ответил, что подобные просьбы не принимает. Он, мол, уже сказал все, что должен был сказать и не собирается повторяться. А затем, удовлетворенно улыбаясь, добавил: «... Если Фреду Скиннеру хочется повторяться, я не против».

«Мне потребовался год, чтобы заставить себя написать это письмо, что говорит о степени моего нежелания выходить из Общества психологов-экспериментаторов. Но теперь я высылаю Вам свое заявление об отставке, хотя и с большой неохотой. Для меня было и остается лестным мое избрание... Членство в Обществе действительно является «особой честью», как выразился профессор Боринг. [Но]... мне кажется, что Общество больше, чем подобает почетному учреждению, функционирует как эксклюзивный клуб. Возможно, мое мнение несправедливо;

однако я, по меньшей мере, озадачен отсутствием среди членов Общества таких людей, как Моурер, Липер, Крех Майер, Ирайон, Гатри, П. Т. Янг» (архив университета Макгилла).

В написанном от руки примечании добавлены имена Уэйна Денниса и Тёрстоуна, и Хебб вопрошает: «Почему нет женщин? Устав это допускает». Затем он добавил имя Эдны Хайдбредер. После получения сдержанного, но достаточно сердечного письма с выражением признательности от Бродена, Хебб дописал: «То, против чего я возражаю, — это всякого рода остракизм... Считайте меня диссидентом, который надеется получить кое-какие привилегии от Подразделения 3, ААП. Мне все еще не нравится то, что я сделал».

Как отмечал Питер Милнер (1986), идеи Хебба способствовали поведенческим и физиологическим исследованиям интеллекта, восприятия и первоначального обучения, а также разработке невральных моделей. С появлением новых методик изучения синаптической пластичности взгляды Хебба на обусловленные использованием изменения в синаптической передаче имели исключительное влияние. Если говорить о цитировании работ Хебба, то время было к нему благосклонно. Джо Мартинес и другие недавно ознакомились с ретроспективным обзором «Организации поведения», в котором Джо нашел ссылки на книгу в «Указателе библиографических ссылок в области общественных наук» и «Указателе научных ссылок». Число постоянных ссылок, появившихся в 50-е и начале 60-х годов заметно возрастает в конце 60-х и начале 70-х в обоих указателях. Затем, после еще одного стабильного периода, их с середины по конец 80-х стало явно больше в «Указателе научных ссылок», но не в «Указателе библиографических ссылок в области общественных наук».

Представляется вероятным, что резкое увеличение ссылок в 1960–1970 годы было вызвано возрастанием интереса к проблемам познания, который в то время проходил через психологию, и что последующий их рост свидетельствовал о более интенсивном изучении механизмов синаптических изменений и о почти обязательном упоминании «синапсов Хебба». В этом случае было бы интересно выяснить, сколько людей, использующих термин «синапс Хебба», знают, в каком контексте он возник. Вряд ли Хебб был бы особенно разочарован, если бы обнаружил, что его цитируют люди, которые не полностью понимают его работу.

ДЖЕЙМС ДЖ. ГИБСОН:

ПИОНЕР И БУНТАРЬ

Карьера Джеймса Дж. Гибсона, его влияние и репутация представляют собой парад парадоксов. С одной стороны, он, несомненно, самый значительный исследователь и теоретик в области восприятия, которого когда-либо давали миру США. Его идеи и открытия оказали влияние на ряд различных областей знания, для которых важно понимание восприятия, включая психологию, философию, историю искусства, искусственный интеллект, неврологию, теорию познания, досуг и военно-промышленную психологию. Однако, с другой стороны, репутация Гибсона в перцептивной психологии далеко не однозначна. Вне психологии многие из тех, кто ежедневно пользуется его трудами, никогда о нем не слышали.

Необычная репутация и влияние Гибсона объясняются главным образом его профессиональной историей и научным стилем. Карьера Гибсона развивалась в направлении, противоположном общему направлению в этой сфере исследований. Вместе со многими другими психологами 20-х и 30-х годов, которые надеялись исследовать вековые проблемы эпистемологии в психологической лаборатории, Гибсон вначале был сторонником применения традиционных экспериментальных методов при изучении людей. Хотя Гибсон никогда не отступал от этой экспериментально-философской позиции, вскоре после второй мировой войны в психологии от нее отказались. В тот период большинство ученых-психологов начали разрабатывать все более точные модели постоянно сужающихся в специализации областей. В отличие от коллег, Гибсон разрабатывал методику, которая позволяла бы исследовать все более углубляющиеся и расширяющиеся теоретические интерпретации.

Что касается научного стиля, то у Гибсона он противостоял влияниям, доминирующим в американской психологии второй четверти XX века. Как неоднократно утверждалось, наиболее важной чертой характера Гибсона был талант к самокритике. Он с огромным удовольствием доказывал ошибочность или несовершенство собственных идей. Вместо того, чтобы полагаться на свои предыдущие успехи и теории, Гибсон старался найти в них прорехи, а для этого по мере продвижения исследований требовалось придерживаться все более радикальных теоретических взглядов. В то время как выдающиеся ученые-психологи — от Павлова и Уотсона до Саймона и Шепарда — старались создать психологические теории, основанные на нескольких ключевых догадках и экспериментальных моделях, которые применялись для проверки результатов этих теорий, Гибсон проводил эксперименты, ставившие под сомнение его прежние умозаключения и вынуждавшие его пересматривать свои взгляды.

Период активной экспериментальной деятельности продолжался у Гибсона с конца 20-х по начало 70-х годов. За эти десятилетия он совершил важные открытия, коренным образом изменил и усовершенствовал общепринятую экспериментальную методику и изобрел принципиально новые экспериментальные подходы. И все же, поскольку постоянной целью Гибсона в этой работе было уточнение теории, необходимое из-за сомнений в полученных результатах, в своих последующих публикациях он редко ссылался на проведенные им до этого исследования. Как следствие, даже те ученые, которые работали в области психологии восприятия, считали, что его вклад ограничивался теоретизированием, не зная о десятилетиях экспериментов, лежавших в основе этих теорий.

Достижения Гибсона на научном поприще и его парадоксальная неспособность добиться соответствующего признания представляют собой поучительную историю, содержащую мораль для всех ученых-психологов. Как мне кажется, это история с двумя темами:

(1) Непокколебимое стремление Гибсона сделать психологию наукой, реально проверяющей важные идеи о человеческой природе, привело к серьезным открытиям и истинно новым теориям. (2) По мере того как психология все дальше

уходила от ответа на гибсоновский вопрос «Что значит быть человеком?», она все более безжалостно игнорировала смысл и назначение исследований Гибсона.

Джеймс Гибсон родился в 1904 году и сформировался как психолог-экспериментатор в 30-е годы после блестящей подготовки в Принстонском университете в 20-е годы, когда Х. С. Лангфельд создавал по-настоящему экспериментальный факультет. Лангфельд учился в Берлине у Штумпфа, а перед Принстоном работал в Гарварде. Он проявлял большой интерес к экспериментальной психологии человека и особенно увлекался эстетикой и эмоциональными реакциями. Лангфельд уговорил Э. Б. Хольта после ухода в отставку снова заняться преподаванием и несколько этих лет совпали с учебой Гибсона. Хольт был выдающимся учеником Уильяма Джеймса, который заведовал лабораторией в Гарварде и проводил там важные исследования зрительных реакций по движениям глаз. Хольт с его широкими интересами, многообразием методологических подходов и пристальным вниманием к деталям аномальных явлений оказал на Гибсона большое влияние. Еще одним из наставников Гибсона был Леонард Кармайкл, один из первых американцев, который посетил Берлинский институт после того, как на смену Штумпфу пришел Келер, и который привез известия о гештальтпсихологах. Одна из первых работ Гибсона в психологии заключалась в том, чтобы помочь Кармайклу в создании прибора для изучения кажущихся движений и проверке идей Вертхеймера (1912) и Тернуса (1926) об этом явлении.

Итак, интеллектуальная родословная молодого Гибсона отличалась как широтой, так и глубиной. Все его наставники учились у первых гигантов в этой области. Их учения были широкими потому, что они рассматривали психологию как науку, изучающую человеческую природу в целом, без нынешней фрагментарности и специализации. Несмотря на то, что Хольт главным образом известен своей приверженностью к S-R бихевиоризму, он считается одним из основоположников современной социальной психологии, хотя бы потому, что «Социальная психология» Флойда Оллпорта (1924), по общему мнению, проистекает в основном из лекций Хольта. Кармайкл был ревностным сторонником использования эволюционных методов и мышления для расширения сферы психологии. Идеи Лангфельда «разместились» по обе стороны границы между американским бихевиоризмом и европейской феноменологией. Все это научило молодого Гибсона мыслить широко и применять различные методы для решения проблем психологии.

Заметную роль в жизни Джеймса Гибсона сыграла Элеонора Джек Гибсон, его сокурсница, на которой он женился в 1932 году. Элеонора Гибсон внесла значительный вклад в понимание обучения и развития, а ее деятельность в лаборатории Кларка Халла оказалась одним из самых устойчивых направлений в психологических исследованиях начиная с 30-х годов. Даже сегодня эта работа продолжает быть важной основой для понимания того, каким образом усваиваются идеи и представления. Хотя Джеймс Гибсон никогда не был убежденным бихевиористом, его отношения с Элеонорой Гибсон помогали ему быть в курсе ключевых разработок в теории обучения.

30-е годы были бурным десятилетием. Для нации они стали периодом Великой депрессии. В психологии молодое поколение психологов выражало все большее недовольство ограниченным кругозором своих старших коллег. В 1936 году молодые психологи, которые считали, что их вытесняют из «Общества экспериментальной психологии» (SEP), созданного Титченером и объединяющего старую гвардию, организовали «Круглый стол психологов» (PRT). Гибсон был одним из учредителей. (Впоследствии он был выдвинут кандидатом в члены SEP Робертом С. Вудвортом, а в 1939 году получил в нем членство.) Примерно в это же время многие специалисты в области социальной психологии посчитали необходимым проводить совместную работу по изучению реальных проблем, стоящих перед людьми. С этой целью было создано «Общество по психологическим исследованиям социальных проблем» (SPSSI), и Гибсон снова стал одним из учредителей.

Существовала также группа по «теории поля», находившаяся под влиянием идей Курта Левина и собиравшаяся в течение нескольких лет после 1939 года в Новой Англии. У Кларка Халла, его учеников и последователей была аналогичная группа. Гибсон был единственным, кого приглашали на встречи обеих групп — еще одно указание на широту его интересов.

Подобно многим из своего поколения, Гибсон с оптимизмом относился к возможности формирования реальной науки о человеческой природе, и в 30-е годы наметился рост в количестве и качестве экспериментальных работ на эту тему. Большинство из этих оптимистично настроенных психологов, по-видимому, верили в то, что для психологии наступило время для эмпирических ответов на вопросы, которые поднимались на протяжении столетий философией и общественными науками. Учредительные документы этих групп, а также воспоминания исследователей, свидетельствуют о том, что этот период был периодом большого оптимизма и развития. Многие ученые из среды Гибсона надеялись применить психологию к поведению в реальном мире. Некоторые из них использовали принципы обучения применительно к типам поведения в школах, учреждениях, на заводах. Других больше интересовали формирование мнений, предрассудки и агрессивность.

Собственная научная деятельность Гибсона четко соответствует этому представлению. В его рабочих записях, относящихся к этому периоду, основное внимание уделяется следующим областям исследования: феноменологии окружающей среды (вверх-вниз; здесь-там), восприятию других людей, особенно их лиц, перцептуальному контролю локомоции, роли обучения и развития во всем этом, воздействию речи на восприятие и память и комбинированному воздействию указанных факторов на социализацию индивида. В конце своей карьеры Гибсон действительно внес большой вклад во многие из этих областей.

Хотя для современного психолога список вопросов, подобных указанным, говорит об акценте на теоретические исследования, Гибсон был одним из самых творческих экспериментаторов десятилетия. В своей, возможно, наиболее значительной работе он показал, каким образом сенсорные феномены негативных последствий (например, визуальные последовательные образы) можно обнаружить также и в других перцептуальных феноменах: воспринимаемые особенности окружающей среды — линейность, движение, наклон и т. д. — поддаются адаптации и подвержены негативным последствиям. Гиб-соновская методология широко используется в настоящее время в психофизике и неврологии для идентификации признаков воспринимаемого мира (не только для зрения, а для всех перцептивных систем) и для проверки наличия невральные систем, «настроенных» на эти признаки. Вероятно, ни одна другая экспериментальная модель 30-х годов в любой области психологии не используется сегодня столь же широко. (А ведь Гибсон даже не упомянул ни одну из работ по данной теме в своей последней книге!)

Кроме того, Гибсон внес важный вклад в изучение того, что Барлетт (1932) позднее назвал схемами памяти, а также в методику исследования условных рефлексов у человека. Гибсон стремился создать такую экспериментальную психологию, которая была бы достаточно реалистичной, чтобы приносить пользу.

Когда американские психологи объединились для поддержки военных усилий страны в 1941-42 гг., Гибсон, как известный экспериментатор, занимающийся как социальной психологией, так и перцептивными процессами, получил приглашение и от психологов-экспериментаторов и от специалистов в социальной психологии. Он решил работать над проблемами восприятия у летчиков, и это стало поворотным моментом в его карьере.

Во время войны научная деятельность Гибсона в области перцепции приобрела неожиданный и вызывающий характер. Его попытки понять, каким образом пилоты визуально контролируют полет, заставили его пересмотреть все, что он знал о перцепции. «Постепенно я стал осознавать, — писал он позже, — что психологам не было известно ничего, что представляло практическую ценность, о восприятии

движения или о перемещении в пространстве или о самом пространстве». Это было для Гибсона первой реальной возможностью произвести радикальную реконструкцию психологической теории. Он с энтузиазмом приступил к этой проблеме, и результатом его усилий стало одно из величайших открытий этого века в психологии: визуальная информация о локомоции присутствует в текущем массиве оптической стимуляции (то, что Гибсон позднее назвал «перспективным потоком»), а не в чем-то похожем на изображение. Внутри такого массива существуют инвариантные паттерны, которые указывают на значимые аспекты взаимодействия организма с окружающей средой. В частности, направление движения указывается контрольной точкой всех векторов в текущем массиве.

Эта информация может использоваться любыми существами, которые обладают зрительными системами, и, как таковая, имеет не только огромное значение для эволюции, но и большое практическое значение. Открытие Гибсоном перспективного потока объясняет, почему пилот, ведущий самолет на посадку, никогда не должен направлять нос самолета на посадочную площадку. Вместо этого летчик должен научиться находить специальную контрольную точку, убедившись, что она находится посередине площадки. Это условие особенно важно для пилотов, приземляющих самолеты на ограниченные по площади участки, например на палубу авианосца. Открытие перспективного потока широко использовалось как в тренажерах, так и в видеоиграх, имитирующих вождение автомобиля и полет.

Совершив это открытие и поработав над новой в то время проблемой визуальной контролируемой локомоции, Гибсон взялся за разработку общей теории перцепции. Эта теория подробно освещалась в его первой книге «Восприятие видимого мира» (1950). Главным в ней был совершенно оригинальный подход к стимуляции, которую Гибсон окрестил «порядковой стимуляцией». До Гибсона психологи были согласны с концепцией стимулов, принятой физиологами; т. е., что стимуляция — это определенный тип активности в рецепторах. Гибсон же высказал предположение, что перцепция объясняется не анатомической формой стимуляции на коже или сетчатке, а абстрактными структурными особенностями самой стимуляции. Речь идет о структурах, которые могут перемещаться по всем рецепторам или могут частично отбираться этими рецепторами.

Гибсоновская концепция порядковой стимуляции позволила проводить эксперименты по новым направлениям, поскольку теперь можно было сравнивать то, как организм реагирует на фиксированный или наведенный стимул, с тем, как он реагирует на подвижные или изменяющиеся стимулы или на идентичные стимулы при их прохождении относительно поверхности рецепторов. Как подчеркивал Барлоу (1985), этот коренной пересмотр концепции стимула стал ключевым фактором для того, чтобы побудить нейрофизиологов заняться поисками кортикальных клеток, чувствительных как раз к такой порядковой стимуляции. Вместо того, чтобы искать кортикальные клетки, восприимчивые к определенным анатомическим точкам на коже или сетчатке глаза, как это делалось раньше, неврологи начали поиск клеток, реагирующих на некоторые типы порядковых структур при стимуляции внутри и на рецепторах.

Что касается самого Гибсона, то он никогда не признавал это воплощение своих размышлений, отчасти потому, что он немедленно проверил и отверг теорию, изложенную в «Восприятии видимого мира», хотя и использовал для этого экспериментальную методику, принятую в психологии восприятия, а не в нейрофизиологии. В предисловии к книге Гибсон писал: «Создание теории особенно полезно, когда она «уязвима», то есть, когда последующие эксперименты могут ее опровергнуть, но не опровергают. Я очень старался сделать суждения в этой книге достаточно ясными, чтобы они могли быть потенциально неверными» (1950).

Разработав новую концепцию порядковой стимуляции, Гибсон попытался переосмыслить различие между стимулируемой и нестимулируемой перцептивной системой. Что является «мельчайшей единицей» порядковой стимуляции? В системе зрения простейшая порядковая структура, по-видимому, представляла

собой нечто подобное контрастности: изменение интенсивности освещения на сравнительно небольшом участке пространства. Когда контрастность в поле зрения полностью отсутствует (например, когда вы надеваете очки из матового стекла), зрительный образ не исчезает, но становится как бы «неопределенным». Подобным же образом зрительный образ становится неопределенным, когда на черном фоне имеется только одна световая точка (так называемый «автокинетический эффект»). Можно сконструировать оптические устройства для регулирования количества видимых контрастов и их градиента (или степени изменения числа видимых контрастов на единицу угла в поле зрения), а зрительное восприятие, по-видимому, является функцией этих изменений. Аналогичным образом можно создать приборы для отображения градиентов контрастности в оптических перемещениях, и снова зрительное восприятие будет являться функцией этих изменений. В конце 50-х годов Гибсон приступил к написанию книги, в которой рассматривались результаты этих и других исследований. Они в основном подтвердили справедливость теорий, изложенных в его первой книге. Эта книга «Мир и ощущения» так и не была закончена, поскольку Гибсон продолжал подвергать проверке свои ранние идеи и в конечном итоге обнаружил серьезные проблемы.

В 50-е годы теория и методика Гибсона применялась главным образом в лабораторных исследованиях и работах в области психофизики. Это была, конечно, новая разновидность психофизики, в которой экспериментаторы вместо использования в качестве стимулов физической энергии применяли порядковую стимуляцию, более значимую с точки зрения биологии. Однако с лабораторными исследованиями «порядковой психофизики» возникла серьезная проблема. Гибсон хотел, чтобы его теория восприятия была совместима со всеми аспектами психологии, включая обучение и мотивацию, которые предположительно не имели прямого отношения к восприятию. Но если восприятие — это деятельность способных обучаться людей основанная на изменяющейся мотивации индивида, то в реальном мире восприятие представляет собой последовательность стимуляций, которую получает организм активный и мотивированный, а не зависимый, как в лабораторных экспериментах.

Для проверки этих новых идей Гибсон начал серию теперь уже ставших классическими исследований активного осязания, или «тактильной» перцепции, как он стал это называть. Эти исследования показали, что восприятие резко изменяется в зависимости от того, является ли стимуляция наведенной или полученной организмом. Сама способность воспринимать себя отдельно от окружающей среды и действовать в ней подвергается опасности, если она основывается исключительно на наведенной стимуляции. Поэтому никто из тех исследователей, кого интересует перцептивно направляемая локомоция, не может согласиться с теорией порядковой стимуляции.

Верный себе, Гибсон бросил заниматься «Миром и ощущениями» и своей прежней теорией и принялся за еще более радикальный проект. Он стал называть свою теорию зрительного восприятия «экологической оптикой», выдвигая неслыханную идею о том, что стимуляция существует отдельно от организма или нервной системы в энергетических полях окружающей среды. Наряду с этой идеей он разработал следующую концепцию перцептивной системы: это целая иерархия управляемых настроек, совершаемых организмом в процессе поиска и использования окружающей его информации. Гибсон начал разрабатывать первую научную теорию активного слушания, смотрения, обоняния и т. д. в противовес теориям зрения, слуха и т. д. Тридцать лет спустя одной из самых «модных» областей в искусственном интеллекте стала «активная перцепция» — прежние догадки Гибсона открываются заново, часто исследователями, которые отрицают влияние на них Гибсона.

Главным продуктом этих пятнадцати лет гибсоновского творчества — изобретения новых экспериментальных моделей и разработки новых концепций — стала его первая недвусмысленно «экологическая» теория восприятия, описанная в его книге «Органы чувств как перцептивные системы» (1966). Эта революционная

книга — своего рода загадка. Она содержит одну из первых великих теорий, направленных против бихевиоризма. В ней Гибсон показал, каким образом концепция получения стимуляции подрывает формулу S-R; он высказал предположение, что психологии придется заменить многие из своих устоявшихся идей. Но даже несмотря на это, Гибсон во вторичных источниках обычно упоминается как бихевиорист. Выходя за рамки понятия порядковой стимуляции, Гибсон выдвинул ряд предложений для рассмотрения нервной системы как взаимодействующей сети, а не как приемного устройства центральной системы обработки данных или системы обработки выходных данных.

Несмотря на это, идеи Гибсона о типе невральная организации, необходимой для функционального восприятия, так и не были признаны даже теми, кто работал над аналогичными концепциями (например, Edelman, 1987). Особый статус Гибсона как выдающегося ученого, работы которого часто игнорировались или отодвигались в сторону, был подтвержден вниманием, оказанным этой важной книге. Чтобы понять, почему это произошло, необходимо учесть те изменения, которые произошли в области психологии в период между второй мировой войной и 60-ми годами.

Промежуток между 1945 и 1960 гг. был необычайно продуктивным для психологии. В этот период экспериментальная психология стала одним из самых значительных научных предприятий в мире. В крупных университетах, промышленных и военных центрах появилось множество серьезных программ по экспериментальной психологии. Подобно ряду других дисциплин, психология включилась в «большую науку». Деньги из сейфов правительства и предпринимателей легко попадали к тем, кто мог предоставить нужный «продукт», то есть продукт, подходящий для решения определенных практических проблем. Прогресс психологии с точки зрения показателей и финансирования ускорился только резким усилением специализации, что отражено во всех документах той эпохи.

Важно понять, что специализация означает нечто большее, чем сужение направленности. Она означает отказ от целых направлений исследования. Для человека типа Гибсона, который был полон решимости узнать, «почему вещи выглядят так, а не иначе», специализация снижала значение этого фундаментального мотива. Более того, специализация ставила эрудита типа Гибсона в менее выгодное положение по сравнению с другими учеными, которые сперва вырабатывают экспериментальную модель, а затем проводят параметрические исследования в рамках этой модели.

Психологи, не сумевшие или не захотевшие воспользоваться этими разработками, все в большей степени оказывались в чуждой им атмосфере. Зигмунд Кох так и не завершил свой фундаментальный труд отчасти потому, что запутался в огромном разнообразии поддисциплин. Ни одна из них, похоже, не обещала того, что обещала психология 30-х годов, а именно — научное исследование человеческой природы (Koch, 1971). Вклад Соломона Аша (1963) в коховскую серию «Исследования науки» — это пример яростной атаки на социальную психологию за то, что она практически перестала заниматься психологией!

Область, в которой работал Гибсон, является, к сожалению, одним из ярких примеров того, как научные исследования в психологии были искажены этими послевоенными течениями, как, по существу, многие психологи отказались от психологической интерпретации в качестве цели. Хотя перцептивная психология — это одна из областей, которая традиционно ассоциируется с подъемом научной психологии, исследования в этой области стали все менее относиться к психологии и ее потребностям.

В последующей работе Гибсона (1966) указывалось на то, что перцепцию можно изучать: (а) с точки зрения мотивированного сбора информации (б) с точки зрения принадлежности типов информации к специфическим источникам в окружающей среде или (с) с точки зрения связи между знаниями, приобретенными через восприятие, и другими психологическими процессами, например, памятью и

обучением. Даже беглый взгляд на учебники и журналы по психологии восприятия показывает, что, за несколькими заметными исключениями, эти направления исследований не использовались. Вместо этого огромные усилия были затрачены на поиски нейрофизиологических или вычислительных механизмов, которые, как предполагалось, лежат в основе феноменов перцепции.

Исключением является то, что в настоящее время существует школа самопровозглашенных гибсоианцев, или психологов-экологов, работы которых широко представлены в «Журнале экспериментальной психологии: человеческое восприятие и поступки» и в «Психологии экологии». Однако даже эти исследователи полагаются в основном на методику порядковой психофизики, использованную Гибсоном в своих ранних работах. Эмпирическое изучение восприятия как такового, а также его взаимодействия с другими психологическими процессами практически не проводится.

Особенно сложная версия проблемы специализации проистекает из комбинации слабостей как интеллектуального, так и институционального характера. В интеллектуальном плане психология всегда разделялась по линии, определяемой как проблема тела — психики. Ученые, занимающиеся вопросами психики, обычно избирали направления, отличные от направлений, по которым работали исследователи мозга, и программы, удовлетворительным образом сочетающие методики психиатров и нейрофизиологов, встречаются редко и выглядят малоубедительными. Ученый исследует психику или мозг; попытки изучать и то и другое уже по определению означают отсутствие достаточной специализации.

Одним из печальных последствий этого раскола стала тенденция к исчезновению психологии под натиском фактов и теорий в нейрофизиологии. Наиболее типичное проявление этого исчезновения — утверждение неврологов о том, что факты психологии известны (или легко познаваемы), и по этой причине они дают толкование этим фактам с позиций нейрофизиологии. В этом аргументе есть унижающий намек на то, что психология не является самостоятельной научной дисциплиной со своими методами и проблемами, а представляет собой просто вместилище явлений, ожидающих объяснения другими науками.

Теперь обратимся к слабости институционального характера. После второй мировой войны на сцену вышли и стали приобретать широкое признание в научном мире три новых дисциплины, представители каждой из которых пытались подорвать репутацию психологии, используя способы, похожие на только что приведенный. Эти новые дисциплины — искусственный интеллект, теория познания и неврология — были созданы и щедро финансировались организацией, которую президент Эйзенхауэр называл военно-промышленным комплексом. Миллионы, если не миллиарды, долларов тратились на изобретение новых способов познания человеческой природы, причем предшествующие результаты почти полностью игнорировались! Разве кто-нибудь поступил бы так, скажем, с навигационными или охлаждающими устройствами? Почему же для изучения людей поступили именно таким образом?

История этих инициатив покрыта мраком, однако, известно достаточно, чтобы сделать следующие предположения. Почти несомненно, что эти дисциплины родились после удачного запуска искусственного спутника в Советском Союзе, когда правительство США осуществляло программы национальной безопасности для ведения холодной войны. Психология и психологи играли в этих инициативах незначительную роль, вероятно, в силу неосведомленности тех, кто контролировал расходы. Они и представления не имели о том, что экспериментальная психология была процветающим предприятием. Чиновники знали о работах в области инженерной психофизиологии, проводившихся во время второй мировой войны, но психологи участвовали в них очень мало. Кроме того, намеченное использование большей части этих работ (идеологическая обработка, пропаганда, контроль поведения) требовало проведения эффективной рекламной компании.

Неоднозначная реакция на идеи Гибсона вызвана, по-видимому, действием этих исторических сил, которые привели к специализации в психологии и к тенденции

отдавать предпочтение вычислительным и нейрофизиологическим моделям, а не объяснениям психологов.

Стремление Гибсона сформулировать психологическую теорию процесса восприятия не вписывалось ни в концептуальные построения неврологии, ни в теории познания. По мере того как эти тенденции стали преобладать в этой области, всё меньше и меньше ученых отдавали себе отчет в том, что пытался сделать Гибсон, не говоря уже о понимании хода его размышлений. Вопросы, которые задавал себе Гибсон, были чужды основному направлению в психологии. Он спрашивал: «Почему вещи выглядят так, а не иначе?»; «Каким образом перцептивный контакт с миром обеспечивает основу знания?»; «Какова роль восприятия в становлении культуры?» Даже в его области исследований эти вопросы претерпели коренные изменения. Они звучали скорее так: «Какие процессы познания отличают долгосрочную память от краткосрочной?», или: «Какой тип обработки информации имеет место у морского конька?»

Сравнивая отклики на две книги Гибсона «Восприятие видимого мира» (1950) и «Органы чувств как перцептивные системы» (1966), можно увидеть, как перемены повлияли на репутацию Гибсона. Если первая книга послужила толчком к ряду значительных исследований, дебатов и разногласий, его вторая книга — по-видимому, самая значительная работа по психологии в XX столетии — была встречена почти полным молчанием (исключением была рецензия Боринга, 1967).

Между тем, «Психология познания» Ульрика Нейссера цитировалась повсюду. В книге Нейссера давались указания, как применять понятия искусственного интеллекта и теории познания к экспериментальным моделям психологии. Психологи приняли подход Нейссера к обработке информации как способ обойти бихевиоризм; однако на момент написания книги они не проводили серьезных обсуждений более радикальной критики бихевиоризма в книге Гибсона.

Интересно то, что сам Нейссер заключил лишь тактический альянс с искусственным интеллектом и теорией познания; он утверждал, что психологи могут использовать эти методы для ответа на кардинальные вопросы психологии, те, например, которые ставили гештальт-психологи, Бартлетт и Фрейд. Нейссер всегда держал в поле зрения эти проблемы психологии и никогда не предлагал психологам отказаться от традиционных подходов ради неких вычислительных методик. Основной причиной последующего (1976) перехода Нейссера на гибсоновскую позицию являлось осознание того, что психология обработки информации, которую он так пропагандировал, отказывалась именно от тех вопросов психологии, которые он считал важными.

Хотя Гибсон знал, что к книге «Органы чувств как перцептивные системы» психологи традиционного направления отнеслись холодно, он был убежден в том, что психологическая теория восприятия предпочтительнее непсихологических моделей, которых придерживались многие другие исследователи. Он продолжал разрабатывать свою собственную экологическую версию такой психологической теории. В то же самое время он затратил много времени и усилий на рассмотрение состояния психологии и на те перемены, которые он наблюдал в этой области с 30-х и до конца 70-х годов. Многие из своих идей Гибсон изложил на бумаге и часто о них рассказывал, но ничего систематического по поводу своей критики не публиковал. Тем не менее в архиве Гибсона в Корнелле есть довольно много материалов по этой теме (эти материалы взяты из коллекции Джеймса Дж. Гибсона в Олинской библиотеке в Корнелле).

«Психология, по крайней мере, американская, это дисциплина второго сорта. Основная причина в том, что она не испытывает благоговейного страха перед предметом изучения. Психологи слишком неуважительно относятся к психологии» (1972). Как было хорошо известно Гибсону, великие ученые являются таковыми отчасти потому, что понимают сложности естественного мира.

Интеллектуальные гении всех времен — Ньютон, Дарвин, Эйнштейн — говорят о себе, как о детях, наблюдающих и пытающихся понять свой мир. Психология же

издавна уклоняется от того, чтобы уделять соответствующее внимание сложности явлений этого мира. Существует широко распространенное заблуждение, что психологические феномены просты и все, что нам нужно — это перевести их в термины мозга, обработки информации или нейробиологии.

Восприятие является одной из областей, в которой легче всего распознать антипсихологический менталитет, доминирующий в психологии. Это происходит от того, что восприятие представляет собой категорию явлений, которую невозможно уподобить другим способам мышления. Восприятие — это не просто субъективная сторона стимуляции, как полагают неврологи. (В лучшем случае это относится к ощущениям.) С другой стороны, процесс восприятия не может быть только бессознательной обработкой информации (как полагают когнитивисты), так как при этом не учитываются динамические, внутренне мотивированные аспекты видения, слушания, чувствования и т. д. Большая часть исследований в области того, что в современной психологии называют «восприятием», связана либо с изучением стимулов и ассоциированных ощущений, либо с гипотезами о моделях бессознательных процессов, которые, как предполагается, помогают понять, что из себя представляют внешние источники ощущаемых стимулов. Между тем, психология эксплоративной деятельности — психологический анализ процесса и мотивов исследования окружающего мира — за три десятилетия после выхода в свет гибсоновской книги «Органы чувств как перцептивные системы» практически не развивалась. Это по меньшей мере странно, если учесть, что феномены психологии — вероятно, самые сложные из существующих на планете. Стало привычным слышать пустые слова о сложности человеческого разума, но, к сожалению, редко приходится видеть, чтобы трудной задаче описания и оценки этой сложности уделялось серьезное научное внимание.

Подобно многим сторонникам большой науки, психологи гордятся большим количеством новых фактов, выявленных в своих лабораториях, и своими постоянно совершенствующимися методиками. Однако набор фактов — это просто набор, если отсутствует более глубокое понимание, способное придать им стройность. Хуже того, «факты» в науке — вещь непостоянная. То, что сегодня похоже на факт, завтра может исчезнуть, если обнаружатся недостатки в предыдущих методиках. Кроме того, смысл очевидного факта может измениться с изменением теорий. «Проблемы нынешней психологии носят концептуальный характер, — говорил Гибсон (1971), — беда не в недостатке фактов, а в преобладании заблуждений». В одном из особенно циничных пассажей Гибсон (1978) охарактеризовал психологию как «попытку найти ответы на неправильно поставленные вопросы, изучение проблем, выбранных в качестве удобных для рассмотрения, а не относящихся к делу (т. е. проблем, которые легко выделять, контролировать, измерять и с которыми легко экспериментировать)».

Почему Гибсон, всю свою жизнь посвятивший психологии, был в конечном итоге так разочарован положением дел в этой области знаний? Одна из причин, возможно, в нежелании психологов — даже в смежных областях — принимать во внимание некоторые из его самых важных критических замечаний по поводу психологического образа мыслей. Например, Гибсон утверждал, что восприятие изменяется в зависимости от того, является ли стимуляция наведенной или активно получаемой индивидом. Следовательно, в экспериментах на восприятие нельзя просто подавать стимулы объектам без попытки понять, какой тип эксплоративной деятельности может или пытается предпринять индивид, а затем следить за последствиями этой деятельности. Довольно известна критика Гибсоном (1960, 1963, 1966) понятия стимула в психологии. Несмотря на эту совершенно ясную оценку, практически никто из экспериментаторов не принял во внимание эти концептуальные изменения, главным образом из-за сложностей, которые они могли внести в проверку правильности эксперимента.

Гибсон (1971) дал следующее резюме своей критики современной психологии: «Пора перестать делать вид, что научная психология является дисциплиной, опирающейся на хорошо обоснованные факты. Мы продолжаем притворяться, замалчивая противоречия у ее истоков и скрывая неопределенность ее

фундаментальных проблем».

Психологи, особенно в нашей стране, склонны убеждать студентов и публику в важности этого предмета, а профессиональные психологи имеют свой собственный интерес в создании имиджа этой науки. Однако это никому не идет на пользу. Студент имеет право знать, что в учебнике действительно несообразно, так как путаница возникает не из его недопонимания, а проистекает из самого предмета. Человек с улицы должен услышать от психолога, в чем причина его неудач, потому что смутное недоверие этого человека к психиатрам и их профессиональному жаргону объясняется не только его необразованностью и традициями, но отчасти также и неразберихой в головах самих психологов.

Стремясь поднять престиж психологии, психологи не стремились заниматься трудной, но необходимой задачей — устранением тех частей в этой области знания, которые являются непонятными и недостаточными. Такие понятия, как стимул, до сих пор широко используются тысячами ученых, но никто из них не может толком объяснить, что это такое. Психологи, специализирующиеся на вопросах обработки информации, попытались обойти проблему различия между ощущением и восприятием, и в результате современные психологи не могут прийти к единому мнению относительно того, где провести линии, разделяющие восприятие, обучение и память. Однако, несмотря на эту непоследовательность и неопределенность, психологи без колебаний выдвигают общие теории этих процессов.

Цель, которая так влекла Гибсона и его поколение психологов, давно оказалась на обочине. Психология больше не является наукой для изучения человеческой природы. Даже глобальные вопросы, которые задают себе современные психологи, становятся, как правило, неясными и непоследовательными — короче говоря, ненаучными.

Соблюдая определенные научные рамки, они зачастую отказываются от исследования психологических проблем и начинают работать в областях, требующих меньшего напряжения сил — например, в вычислительной технике, нейрофизиологии или даже гормональной химии.

Возможно, психологи 30-х годов были слишком оптимистичны, а их цели слишком возвышенны. Безусловно, развитие психологии, которая обладала бы точностью и строгостью и как собственно наука, и как наука о психике, является одной из самых серьезных проблем, стоящих перед современными учеными. Тем не менее, за эту проблему стоит взяться, ибо даже если психологи не сумеют полностью решить поставленные задачи, они все же сделают важный шаг вперед. Работа Гибсона в области экологической психологии указывает на один возможный путь развития истинно научной, но *психологической* психологии. Пора уже психологам серьезно использовать этот захватывающий и продуктивный подход к изучению того, как люди воспринимают окружающий их мир, действуют в нем и познают его.

КЛАРЕНС ГРЕЙМ: ВОСПОМИНАНИЕ

Кларенс Генри Грейм родился в Вустере, штат Массачусетс, 6 января 1906 года. Он был первенцем в протестантской семье ирландских эмигрантов. Он был старшим из четырех детей. У Кларенса было два брата, Артур и Джордж, и сестра Маргарет. Кларенс был очень привязан к своей сестре, и ее ранняя смерть (в детском возрасте) стала для него большой утратой.

Мать Грейма уговорила переехать в Соединенные Штаты ее тетка, которая жила в Вустере. Эта женщина, тетя Мэгги, оказала значительное влияние на развитие Грейма. Она жила в одном доме с Кларенсом и его семьей и в течение нескольких лет Кларенс фактически воспитывался ею. В своей автобиографии (1972) Кларенс сравнивал методику воспитания, используемую тетушкой Мэгги, с той, которую применяли его родители. Судя по всему, родители были гораздо более терпимы. Тетя Мэгги была сторонницей строгой дисциплины и с большим уважением относилась к образованию. Она сыграла важную роль в решении Кларенса поступить в Университет Кларка после окончания средней школы в 1923 году.

Грейм пользовался популярностью у сверстников, хорошо учился и был хорошим спортсменом. Он играл в бейсбол и футбол, прекрасно плавал.

Поработав летом в «Америкэн Стил энд Уайер Компани» за внушительную зарплату в 19 долларов 20 центов в неделю, Грейм в сентябре 1923 года поступил в университет Кларка. В группе он пользовался успехом. На первом курсе его избрали старостой, он стал капитаном бейсбольной команды и менеджером футбольной команды.

Вначале он хотел выбрать своей специальностью химию, но вскоре заинтересовался литературой, а затем психологией, главным образом, вероятно, под влиянием Фрэнка Джелларда. Джеллард закончил колледж на два года раньше Грейма и, став аспирантом, занимался научной работой в области психологии в университете Кларка, когда Грейм был еще старшекурсником. Джеллард предложил Грейму заняться экспериментальными исследованиями зрения.

В 1927 году Грейм поступил в аспирантуру по курсу психологии в университете Кларка. Среди других аспирантов там работали в то время Гарри Эварт, Уэйн Деннис, Роберт Липер, Норман Манн, Луис Геллерман, Мэйсон Крук и Доротея Йоханссен (впоследствии Крук). На факультете во времена Грейма были такие преподаватели, как Джон Пол Нейф, Уолтер С. Хантер, Реймонд Уиллоуби, Вернон Джоунс и Карл Мерчинсон. Основным преподавателем у Грейма был Нейф, однако большее влияние на него оказал Уолтер Хантер. Боринги (1948) причисляли Грейма к восемнадцати ведущим психологам, которые многое почерпнули у Нейфа и Хантера во время работы над докторскими диссертациями. Будучи учеником Нейфа, научным руководителем которого был Титченер, который, в свою очередь, имел наставником Вундта, Грейм обладал внушительной академической наследственностью!

В докторской диссертации Грейма рассматривался вопрос о том, происходит ли суммация бинокулярного зрения при обнаружении пороговых уровней света. Пространственная и временная суммация энергии для достижения порогового уровня была продемонстрирована на сетчатке одного глаза. А будет ли наблюдаться тот же эффект при комбинации подпороговых сигналов? Если это так, то является ли такой эффект продуктом невральной суммации или же просто последствием повышенной вероятности обнаружения сигнала обоими глазами, а не одним? К великому разочарованию Грейма, результаты эксперимента были отрицательными. Позднее, в университете Брауна, Грейм, вспомнив свой собственный опыт, утешал Элиота Стеллара, когда отрицательные результаты появились в его работе над докторской диссертацией. В 1962 году Леонард Матэн, студент Грейма в Колумбийском университете, все-таки обнаружил суммацию

бинокулярного зрения при детектировании света в количестве, которое можно было объяснить только на основе невральной суммации.

Закончив докторскую диссертацию в 1930 году, Грейм, как и другие новоиспеченные доктора наук по всей стране, столкнулся с проблемой трудоустройства. В результате Великой депрессии значительно сократились средства, которые могли использовать университеты и колледжи для найма новых сотрудников. Грейму не удалось стать членом Национального научно-исследовательского совета, и будущее для него выглядело безрадостным. К счастью, один из сокурсников Грейма, Роберт Липер, разослал ряд запросов о наличии вакансий, один из которых был адресован в университет Темпла в Филадельфии. Липер получил предложение из Темпла, но к этому времени он уже согласился работать в Арканзасе. Он рекомендовал Грейма, и Кларенс получил работу — должность преподавателя сроком на один год. Его обязанности состояли, главным образом, в преподавании ряда разделов вводной психологии и курса психологии обучения.

Несмотря на то, что занятия проводились с 9 утра до полудня пять дней в неделю, Грейм находил время для другой деятельности. Один биолог в университете Темпла, который заканчивал свою докторскую диссертацию в Пенсильванском университете, пригласил Грейма посетить это учебное заведение. Там Х. С. Базетт с факультета физиологии познакомил Грейма с Рагнарсом Гранитом, работавшим в Фонде Джонсона для исследований в области медицинской физики, которым руководил в то время Детлев Бронк. Грейм стал работать с Гранитом в Фонде Джонсона по вечерам. Год оказался продуктивным: Грейм и Гранит завершили важное исследование по различению мигающего светового стимула и изучению влияния прилегающих областей стимуляции на порог фузии. Было установлено, что этот порог повышается при наличии второй области стимуляции. Сообщение об этой работе было опубликовано в «Американском журнале физиологии».

Находясь в Филадельфии, Грейм подал еще одно заявление с просьбой принять его в члены Национального научно-исследовательского совета (ННС) и благодаря рекомендациям Гранита, Бронка и Базетта добился успеха. Членство в этой организации обеспечило ему полную поддержку Фонда Джонсона с июля 1931 по июнь 1932 года.

Тем временем Джон Пол Нейф, наставник Грейма в университете Кларка, стал деканом факультета психологии в университете имени Вашингтона в Сент-Луисе. Освободившаяся ставка Нейфа в университете Кларка была предложена Грейму, но поскольку он уже стал членом ННС, Грейм почувствовал себя обязанным остаться в Пенсильванском университете. Помимо участия в совете, у Грейма была другая причина для того, чтобы продолжать там работать. Этой причиной был Кеффер Хартлайн. Хартлайн, получивший степень магистра в институте Джонса Хопкинса (известного американского финансиста и филантропа XIX века), приехал в Фонд Джонсона в конце весны после трех лет занятий физикой в институте Джонса Хопкинса и в Мюнхене. Трудно было бы найти для совместной работы более подходящих людей, чем Гранит и Хартлайн — будущих лауреатов Нобелевской премии.

Летом 1931 года Грейм работал с Хартлайном над проблемой одноволоконной активности зрительного нерва камчатского краба (*Limulus*) в Вудс Хоул, штат Массачусетс. Остальную часть учебного 1931–1932 года Грейм посвятил изучению экспериментальной методики и оборудования, а также продолжению работы по различению колеблющегося света («мерцаний») в прерывистых световых раздражителях.

Первоначальный интерес Хартлайна к камчатскому крабу основывался на предположении, что в нем невральные сигналы, поступающие от одного зрительного рецептора, могут регистрироваться в отдельных изолированных волокнах, на которых не отражается взаимодействие с сигналами от других рецепторов. Однако зарегистрировать сигнал от отдельного волокна было не так просто. Грейм наблюдал за тем, как Хартлайн безуспешно пытался выделить

отдельное волокно из большого пучка, и предложил «вычесать» это волокно с помощью тонкой стеклянной иглы. Хартлайн попробовал использовать этот метод, и ему удалось достаточно успешно провести весь эксперимент. Однако сам Грейм так и не смог заставить этот метод работать.

Предположение о том, что активность единичного волокна зрительного нерва не будет испытывать влияния взаимодействия с другими волокнами, оказалось ошибочным. Последующие исследования предоставили чрезвычайно важную информацию о процессе латерального ингибирования. Эта работа в значительной мере предопределила дальнейшие исследования, связанные с изучением глаз низших позвоночных и млекопитающих.

Тем временем в университете Кларка Мерчинсон, ставший деканом факультета психологии, решил сохранить должность Нейфа для Грейма вплоть до окончания периода его членства в научно-исследовательском совете. Задержка с его возвращением позволила подготовить исследовательские лаборатории и приобрести оборудование для продолжения работы в университете Кларка.

Грейм вернулся в университет Кларка в июле 1932 года и остаток лета посвятил подготовке исследовательской и учебной программы. Помимо вводного курса, он должен был вести занятия по экспериментальной психологии, физиологии восприятия, избранным дисциплинам высокого уровня и количественному анализу. Последний из перечисленных курсов базировался на исследованиях в области физиологии, которые Грейм проводил в Пенсильванском университете совместно с профессором Х. М. Джекобсом. Это был первый в своем роде курс по экспериментальной психологии для аспирантов, большинство из которых имели мало опыта работы с использованием количественных методик. Этот курс помог им получить достаточное представление о дифференциальных уравнениях, вычерчивании по точкам и другим математическим приемам, используемым при обработке данных, в частности, при оценке точности различных теоретических формул.

Среди студентов, работавших с Греймом после его возвращения в университет Кларка, были Р. Х. Браун, Гарри Карн и Элейн Форакер. В это время там был также Э. Х.(Эдди) Кемп, студент, работавший под руководством Уолтера Хантера. Кемп и Грейм стали близкими друзьями. В 1934 году, после получения степени, Кемп остался в университете еще на один год для проведения исследований в области физиологии вместе с Хадсоном Хоугландом. Однако значительное время он проводил, работая с Греймом. Кемп и Грейм вместе ходили на свидания — Эдди с Элейн Форакер, ставшей позднее его женой, а Грейм с Хелин Ирвин, работницей патронажа центральной городской больницы Вустера.

Хотя Кемп и Грейм были очень разными, они оставались друзьями в течение всей их карьеры.

В своей записанной на магнитофон автобиографии Кемп (1987) рассказывает о том, как они доставали подопытный материал для эксперимента, который они с Греймом проводили на голубях, исследуя у них спектральную чувствительность сетчатки глаза. Голуби любили садиться на дымовую трубу здания, в котором размещалась лаборатория, и Кемп добывал нужных ему птиц, закрывая отверстие в трубе одной рукой и отлавливая их другой, когда они пытались вылететь через единственное оставшееся свободным отверстие. Как указывает Кемп, Грейм не был склонен к столь опасной работе.

Эти геройские качества Кемпа были явно по душе Грейму, и он был рад предоставить эту часть работы своему партнеру. Грейму вряд ли бы понравился элемент принуждения, связанный с подобной ловлей птиц. Его всегда волновало состояние животных, с которыми он работал. Лоррин Риггс, коллега Грейма, вспоминает, что тот часто говорил: «Бедное чертовое животное, бедное проклятое животное!», когда ему приходилось ужесточать эксперименты на белых мышах.

Риггс приехал аспирантом в университет Кларка осенью 1933 года и вскоре стал

работать с Греймом. Вместе они составили кривую видности у белых мышей на основе электроретинографических данных. Эта работа предшествовала исследованиям Грейма и Кемпа, проведенным на зрительном аппарате голубей. Позднее Грейм, Кемп и Риггс (1935) продолжили более детальное изучение голубей.

Довольно важную роль для Грейма в утверждении его репутации как члена научного общества по исследованию зрения сыграла глава, которую он написал для книги Мерчинсона «Руководство по общей экспериментальной психологии» (1934). Л. Т. Тролэнд скончался примерно тогда, когда Грейм возвратился в университет Кларка в 1932 году, и Мерчинсон предложил ему подготовить главу взамен той, которую должен был написать Тролэнд. Перед смертью Тролэнд фактически завершил свою главу. Что касается главы Грейма, то она не повторяла материал, собранный Тролэндом, поэтому в книгу были включены обе. Материал, использованный Греймом, касался процессов взаимодействия, интерес к которым в значительной мере был обусловлен его совместной работой с Хартлайном. Когда в 1934 году «Руководство» было опубликовано, Грейм в возрасте 28 лет был самым молодым в группе знаменитых авторов книги.

Постоянное стремление к совершенству стало причиной его переживаний из-за допущенной им небольшой ошибки при написании главы к руководству. Он написал, что Адриан и Мэтьюз были первыми, кто зарегистрировал поддающиеся анализу компоненты секреции зрительного нерва у млекопитающих. Объектом их исследования был морской угорь. Вскоре после выхода книги в свет Грейм получил письмо от своего друга Грэнита, который поздравил его с успешной работой. Дальше Грэнит писал, что, помимо прочего, греймовское изложение вызывает в воображении читателя следующую картину: маленькие угорьки сосут грудь своей мамы. Может, Грейм и оценил юмор, но для него это было более чем болезненно. Такой отзыв огорчил бы любого человека, но Грейм воспринял его как сокрушительный удар.

В 1936 году Леонард Кармайкл ушел из университета Брауна и стал деканом факультета психологии в Рочестерском университете, а Уолтера Хантера пригласили на вакантную должность в университете Брауна. Хантер принял предложение и, переезжая в Провиденс, он взял с собой Рэя Уиллоуби и Грейма. До этого Кармайкл принял на работу Эдди Кемпа. (1935/1936 учебный год Кемп провел с Хэллоуэллом Дэвисом и Александром Форбсом в Гарварде в составе Национального научно-исследовательского совета.) Джозеф Хант также находился в университете Брауна после ухода из вустерской центральной больницы и завершив свое членство в ННС.

Факультет психологии в университете Брауна располагался в двух старых зданиях в викторианском стиле по адресу: 85 и 89, Уотермэн стрит. Грейм, Хантер, Гарольд Шлосберг и Уиллоуби находились в здании под номером 89. Кабинет Грейма был на верхней площадке лестницы и представлял собой длинную узкую комнату, в которой раньше размещалась кладовая. Его исследовательские лаборатории находились в подвале, где прежде хранился уголь. Библиотека факультета располагалась в прежней столовой. Кабинет Кемпа был в здании под номером 85 по Уотермэн-стрит; его лаборатория размещалась в бывшей кладовой. Атмосфера была неформальной, и довольно много времени отводилось дискуссиям, многие из которых имели место в кухне дома номер 89.

Грейм жил в доме для преподавательского состава, очень много работал и мало отдыхал. Однако он регулярно посещал факультетские вечеринки и запомнился своими дурачествами и розыгрышами; он искусно дирижировал музыкой под проигрыватель, любил современный джаз, а иногда даже отбивал чечетку. Если на университетском пикнике предоставлялась возможность, он любил поплавать, игриво угрожая перевернуть лодку.

Когда Грейм приехал в университет в 1936 году, среди преподавателей на факультете психологии были, помимо уже упомянутых, Уолтер Хантер и Герберт Джаспер. Когда Джаспер в 1938 году переехал в университет Макгилла, его

заменял Дональд Диндсли. Должность Кемпа, уехавшего в университет Дьюка в 1940 году, занял Карл Пфаффман.

В 1937 году Лоррин Риггс, преподававший в Вермонтском университете, возобновил свою работу с Греймом. Позднее Риггс перевелся в университет Брауна и стал ценным сотрудником Грейма в течение всего периода его работы в этом университете.

Программы по психологии в университетах Брауна и Кларка заметно отличались друг от друга. В то время как в Кларке программа для студентов была небольшой и относительно неформальной, в Брауне она была довольно обширной и очень популярной.

Вводные занятия проводились отдельно для мужчин из Брауна и для женщин из Пембрука. Отдельные лекции посещались примерно 150 студентами. Однажды Грейм сказал Кемпу, что такой вид обучения требовал гораздо большего внимания, чем это было необходимо в университете Кларка. Кроме того, Грейму не нравилось читать лекции большим группам студентов, так как это ограничивало возможность их участия в обсуждении материала. Он предпочитал вести более продвинутые курсы для старшекурсников и аспирантов по построению теории и количественным методам научного анализа.

Грейм очень тщательно готовился к лекциям и хотел, чтобы все было абсолютно правильно. Риггс вспоминает случай, когда Грейм показывал слайд, демонстрирующий иллюзию Мюллера-Лайера. Он сделал обычное сообщение, сказав, что обе линии были одинаковой длины, хотя одна из них казалась длиннее. Сомневающийся студент попросил измерить эти линии. Кларенс приложил к экрану линейку и, к своему смятению, обнаружил, что линия, выглядевшая длиннее, была на самом деле длиннее!

Сью Карсон, которая позже вышла замуж за Нила Бартлетта, училась в аспирантуре университета Брауна и, кстати, была ассистенткой Грейма. Иногда после лекции Грейм приглашал ее выпить с ним кофе в Голубой комнате студенческого союза. Часто с ним там бывали Билл Верпланк, Фред Моут и Чарли Кофер. Сью вспоминает, что иногда Грейм по 20–30 минут хранил абсолютное молчание. Все, что мог сделать в этих случаях Верпланк — это получить максимально краткий ответ. Сью поняла, что Грейму была нужна не беседа, а компания.

Находясь в университете Брауна, Грейм и Кемп возобновили сотрудничество. В 1938 году они сделали сообщение об исследовании, которое продемонстрировало применимость закона Блоха (фотохимический закон Бунзена — Роско) при определении порогов приращения в диапазоне яркости поля адаптации зрения.

Инкрементная энергия, необходимая для обнаружения изменения яркости, была постоянной при данном уровне адаптации, независимо от продолжительности световой вспышки, вплоть до критического уровня продолжительности. Кемп (1987) с некоторой гордостью написал в своей автобиографии, что это исследование широко цитировалось в течение более десяти лет.

Среди студентов, с которыми Грейм работал в университете Брауна, были Роберт Гань, Нил Бартлетт, Фред Моут, Уильям Верпланк и Маргарет Келлер. Кроме того, на лето в лабораторию Грейма приезжал поработать Боб Браун. Исследование латентности бега белых мышей в лабиринте, проведенное Греймом и Ганем, было важным вкладом в литературу, посвященную научению животных.

Еще в одной статье, основанной на исследовании, выполненном вместе с Брауном и Моутом (1939), описывалась очень интересная теоретическая модель взаимосвязи между полем и интенсивностью зрительного раздражителя в пороговой области. Лоррин Риггс, все еще работающий в Вермонте, провел свой годичный отпуск в Брауне, приехав туда в начале 1938 года. В течение этого года он и Грейм проводили эксперименты на *Limulus*. Риггс вернулся в 1941 году, чтобы

продолжить работу над *Limulus* вместе с Греймом, и на этот раз он остался в Брауне. Частично он получал финансовую поддержку от Исследовательского комитета по вопросам военных мероприятий (NDRC) вплоть до 1945 года, когда он занял должность, освобожденную Греймом, который уехал в Колумбийский университет.

Хотя Грейм писал, что годы, проведенные в Брауне, были самыми счастливыми в его жизни, у него в то время были серьезные личные проблемы. Суть их не до конца ясна, но очевидно, что его одолевали страхи и наваждения. Он не любил ездить под мостами, а о поездке через туннель не могло быть и речи.

В конце 30-х Грейм женился на Хелин Ирвин, социальном работнике из Вустера. Она была родом из старой виргинской семьи, и друзья помнят ее привлекательной и приветливой женщиной. Супружество, продлившееся недолго, было для Грейма разрушительным испытанием. Возможно, оно и послужило поводом для его решения заняться психоанализом. Фактически брак продлился чуть больше года, но окончательный развод состоялся только в 1946 году. Решение Грейма заняться психоанализом удивило некоторых из его коллег, так как прежде он не проявлял особого интереса к этому направлению. Однако, других его друзей это не удивило: они считали, что психоанализ давал Грейму, по крайней мере, возможность освободиться от своих проблем. Обстоятельства требовали решительных действий, и он сделал то, что представлялось наиболее целесообразным, хотя научная основа психоанализа не соответствовала его критериям.

В самом деле, для большинства «не склонных к сантиментам» психологов-экспериментаторов было бы трудно так же честно выдержать подобное испытание, как это сделал Грейм. Знакомство Грейма с психоанализом повлияло на его дальнейшую работу по подбору сотрудников для Исследовательского комитета по вопросам военных мероприятий, работу, которой он занимался во время второй мировой войны. В своей автобиографии (1972) он писал, что «проблема эмоциональной стабильности должна быть подвергнута хотя бы минимальному изучению». В тот период психологи, занимавшиеся отбором, не рассматривали методику психоанализа как нечто достойное внимания. Грейм фактически пришел к выводу, что такая методика более эффективна в условиях войны, чем это предполагали эксперты. В своей записанной на магнитофон автобиографии Кемп вспоминает время, когда Грейм занимался психоанализом. Он говорит, что он и Грейм были настолько близки, что терапия, которую проводил на себе Грейм, оказывала на Кемпа почти такое же воздействие, как если бы он сам ей подвергнулся. Несмотря на личные проблемы в этот период, нет сомнений в том, что годы, проведенные в университете Брауна, были благотворными для Грейма. Там он с удовольствием общался с некоторыми очень способными и интересными людьми из среды как преподавателей, так и студентов. Один из его студентов, Билл Верпланк, учившийся в Вирджинском университете, по совету Джелларда отправился в Браун специально для того, чтобы иметь возможность работать с Греймом. Нил Бартлетт вспоминает свою встречу с Хантером в первый день своего пребывания в университете Брауна в 1937 году. Хантер сообщил, что ему предоставляется возможность сотрудничать с одним из самых перспективных молодых людей в американской психологии. Из студентов, которые работали с другими преподавателями Брауна в те годы, были Чарльз Кофер, Фрэнк Фингер и Паркер Джонсон. Позже среди аспирантов были Ричард Берри, Дик Блэкуэлл, Конни Мюллер, Дик Соломон и Элиот Стеллар. Их совместный вклад в экспериментальную психологию был поистине выдающимся!

Отношения между Греймом и Бартлеттом были плодотворными для обоих. Бартлетт отлично разбирался в физической оптике, а Грейм был великолепным специалистом в экспериментальной методике и прекрасно формулировал значимые проблемы в области зрения. Хотя Грейм признавал важность понимания и контролирования физических переменных, а также полезность математических моделей, его познания в этих областях были недостаточными. Сотрудничество с такими студентами, как Бартлетт, помогло ему восполнить эти пробелы. Его опубликованные труды, особенно его теоретическая трактовка цветового зрения,

свидетельствуют о том, что это ему удалось.

По тому, как люди называли Грейма, можно достаточно точно определить, когда и где они с ним впервые встретились. Джеллард говорил, что прозвище Грейма в Кларке было Боунз (Кости), потому что он в то время был довольно худым. Во всяком случае, Боунзом он был для тех, кто знал его в начале карьеры — для Джелларда, Грэнита и Хартлайна. В университете Брауна коллеги называли его Клэнси. Хотя студенты иногда называли его Клэнси или «хорошим доктором» — Хантер слыл «старым доктором» — он, как правило, был для студентов Кларенсом. Позднее, в Колумбийском университете, он тоже был Кларенсом.

Ход военных действий в Европе с 1939 по 1941 год, когда США вступили в войну, повлек за собой изменения в аспирантских программах. Атмосфера неопределенности создала серьезные трудности для многих ученых, занимавшихся исследованиями в основных областях науки. Многие из них стали работать на оборону. Леонард Кармайкл был назначен руководителем секции психологии Национального научно-исследовательского совета, а в рамках этой секции был создан комитет по подбору военнослужащих, членами которого были Грейм и Уолтер Шипли. Комитет осуществлял контроль за разработкой тестов для характеристики личности испытуемого с тем, чтобы помочь психиатрам идентифицировать людей, эмоционально неподходящих для некоторых видов военной службы, например, службы на подводном флоте.

Одной из обязанностей сотрудников комитета были командировки в Челси для установления причин, по которым у моряков в бою случались нервные срывы. Элиот Стеллар вспоминал, что Грейм — в свойственной ему манере — был обеспокоен тем, что психиатры отказывались сотрудничать с психологами, особенно аспирантами. Когда Грейм пробормотал, что психиатр, о котором идет речь, это Уоррен Стёрнс, декан медицинского факультета в Тафтском университете, Стеллар наконец признался, что двое его братьев были любимыми студентами Стёрнса. Грейм буквально подпрыгнул от радости и немедленно командировал Стеллара в Челси. Переход настроения Грейма от депрессии к мании был потрясающим.

Руководителем отдела прикладной психологии при Национальном научно-исследовательском совете стал Уолтер Хантер. Будучи сотрудником этого отдела, Грейм занимался проблемами оптики приборов для измерения высоты и дальности. Важность этой работы уменьшилась с внедрением эффективных радиолокационных систем; однако, она продолжалась вплоть до 1945 года.

Одно время Грейм руководил исследовательской группой из 150 человек. Многие из сотрудников были отобраны из состава аспирантов в Брауне. В их число входили Блэкуэлл, Мюллер, Соломон и Стеллар. К работе были привлечены также бывшие студенты, закончившие университет, в том числе Бартлетт, Моут и Верпланк. Бартлетт и Верпланк получили назначение на базу подводных лодок в Нью-Лондоне, вначале как гражданские лица, а затем в качестве морских офицеров. Грейм периодически приезжал к ним с проверками. Он всегда немного нервничал из-за пересадок, и его подчиненные вспоминают, как однажды он выпрыгнул из автомобиля, когда они приехали на станцию, и бросился к медленно идущему поезду, чтобы успеть сесть в вагон, но оказалось, что этот поезд только прибывал на станцию.

В январе 1945 года к Грейму обратился Генри Гарретт, чтобы узнать, не захочет ли тот занять должность Вудворта в Колумбийском университете. Сам Вудворт в том году собирался уходить на пенсию, будучи уже в достаточно солидном возрасте. Посоветовавшись с Хантером, Грейм решил уехать из Брауна, хотя и с некоторым сожалением, поскольку в Провиденсе у него было много близких друзей и способных студентов. С другой стороны, Лидсли и Хант тоже уезжали, а после окончательного развода с женой в 1946 году смена обстановки могла пойти на пользу. Быть преемником Вудворта было, конечно, большой честью, и Грейм смог бы объединиться для совместной работы с Зелигом Хехтом, которого глубоко уважал. Хауэрд Бейкер был одним из первых студентов Грейма в Колумбийском

университете. Несмотря на то, что Бейкера в основном интересовала электрофизиология зрения, Грейм после отъезда из Брауна больше не работал в этой области. В число его самых первых студентов в этом университете входили также Дик Зегерс, Кэтрин Бейкер, Фред Лит, В. В. Ллойд, Флоренс Эбт и молодая женщина по имени Элейн Хэммер. Те, кто были его студентами в тот период, вспоминают, что первые несколько лет Грейм, будучи холостяком и новым человеком в университете, много общался со студентами.

Ситуация изменилась в 1949 году, когда он женился на Элейн Хэммер. До этого она вместе с ним получила докторскую степень, работая над проблемой фигуральных последствий.

Женитьба стала для Грейма очень счастливым поворотом на жизненном пути, и те из нас, кто учился у него в последующие годы, знали его как уверенного и удовлетворенного человека. Это был не тот Грейм, которого видели его прежние ученики. Однако его стремление к совершенству все еще проявлялось.

Возможность проведения семинара по зрению вместе с Зелигом Хехтом, вероятно, предопределила решение Грейма уехать из Брауна в Колумбийский университет. Был учрежден еженедельный семинар, который проводился в лаборатории Хехта самим Хехтом и Шлэром под руководством Грейма. Большинство студентов были с факультета психологии. В то время у Хехта был лишь один аспирант. Хауэрд Бейкер участвовал в семинаре как студент. Семинар был важным элементом в его подготовке к аспирантуре и помогал ему чувствовать себя свободно при обсуждении и обмене идеями в компании двух «светил» в области исследования зрения. К сожалению, семинар прекратил свое существование в тот же год, когда и начался — из-за кончины Хехта в 1947 году. В этот период длительное и плодотворное сотрудничество с Греймом начал Юнь Хей, который прежде работал с Хехтом.

Грейм вел продвинутый курс по экспериментальной психологии, рассчитанный на два семестра и обязательный для всех аспирантов. В первом семестре они изучали широкий круг проблем, связанных со зрением, читая статьи в оригинальной литературе, которые отдельные студенты должны были представлять на занятиях. Второй семестр был посвящен двигательной активности, условным рефлексам и научению. Пройдя оба эти курса, студенты получали более полное представление о Грейме как о психологе-экспериментаторе — одного курса по зрению было бы для этого недостаточно.

Одним из преимуществ работы с Греймом была возможность встретиться со многими из ведущих исследователей в области зрения со всего мира. Среди них были Хартлайн, Грэнит, У. Д. Райт, Пьсрон, сэр Фредерик Барлетт, Джеймс Гибсон, Кен Оугл, Гленн Фрай, Лоррин Риггс, С. Хауэрд Барли и Мотокава.

Летом 1952 года Грейма пригласили в Японию, а осенью он получил возможность поехать на год в Лондон в качестве офицера связи при Управлении военно-морских исследований. Это были его первые поездки за границу, и он получил от них огромное удовольствие. Всю оставшуюся жизнь он поддерживал постоянный контакт с друзьями из Японии.

В Лондон Грейм поехал вместе с женой, и они в полной мере использовали возможность посетить лаборатории ученых в Англии и Западной Европе. Грейм был хорошим представителем науки Соединенных Штатов.

В 1948 году Грейм вступил в переговоры с представителями компании «Уайли энд Санз» относительно написания книги о зрении. Профессор Лангфельд из Принстона был редактором-консультантом по психологии, и он предложил Грейму взяться за этот проект без соавторов. Как позже вспоминал Грейм: «Вскоре стало ясно, что одного человека для издания книги недостаточно» (1972). Поэтому он воспользовался помощью нескольких из его бывших студентов. Членам группы были назначены темы, и предполагалось, что на все потребуется несколько лет.

Роль редактора, которому приходилось наставлять, уговаривать и принуждать, Грейму была не по душе, но без такого редакторского давления соблюдения установленных сроков было не добиться. Состав группы претерпел некоторые изменения — часть сотрудников отказалась от работы и была заменена.

В 1956 году на факультете психологии Колумбийского университета начал свою преподавательскую деятельность Уильям Макгилл, доктор психологических наук из Гарварда. Влияние С. С. Стивенса на отношение Макгилла к масштабированию и другим интересующим Грейма вопросам стало основой некоторых дискуссий между этими двумя учеными, резко обозначивших различия в их позициях. В результате Макгилл, доцент, и Грейм, профессор и декан факультета, начали длительную серию неформальных бесед за ланчем, которые продолжались в течение ряда лет. Макгилл указывал на то, что Грейм считал своим священным долгом пополнить свое образование в некоторых областях. Строгий подход Грейма к теории психофизического масштабирования был для Макгилла своего рода откровением. Как он выразился: «Передо мной находился мощнейший интеллект, у которого мне пришлось многому поучиться».

Макгилл передал атмосферу греймовского кабинета и кое-что о характере этого человека в одном из описаний этих бесед: «Я учился у него в этом маленьком кабинете с плохо покрашенными стенами и разбитой дверью; журналы были в беспорядке разбросаны на столе, в полу и на кресле, в котором я сидел. Это было ни с чем не сравнимо, это был бесконечный семинар на все мыслимые темы — и на высочайшем уровне. Во время этих неформальных ежедневных встреч я отчетливо увидел личные качества ученого мирового класса. Он был требователен и часто вселял ужас в своих студентов. Но те же самые требования он предъявлял и к своим собственным работам. При мысли о том, что он мог внести ошибку в какую-нибудь статью, у него холодела кровь».

Ближе познакомившись с Греймом, Макгилл обнаружил у него удивительно непочтительное чувство юмора и узнал массу анекдотов, которые в смешанной компании лучше не повторять. Например, Грейм очень любил рассказывать историю о реакции секретаря факультета в университете Корнелла, которая застала молодого человека и девушку за далеко не учебным занятием в деканате. «Дело не в том, чем они занимались, — восклицала она, — но они делали это на кресле мистера Титченера!»

Иногда в этих разговорах упоминался Жак Барзен, проректор Колумбийского университета. Барзен нес определенную ответственность за то, что преподавание социальной психологии было передано отдельному факультету, а также за отъезд Келлера и Шёнфельда, активных сторонников бихевиоризма Скиннера. Подозревали, что Барзен скептически относился к такого рода занятиям и не оценивал их интеллектуального значения. Строгий подход Грейма к науке, не украшенный цветистыми гиперболами, Барзен не хотел или не мог понять, и это ставило Грейма в неловкое положение.

Трудно представить себе двух людей, находившихся на вершине научной славы, которые были бы более непохожи, чем Грейм и Барзен. Барзен воспринимался как воплощение высокой эрудиции. Грейм был человеком непритязательным и презрительно относился к атрибутам власти. Официальные документы он подписывал как «сотрудник»; слово «декан» казалось ему слишком напыщенным.

В 1965 году Макгилл перевелся в Калифорнийский университет в Сан-Диего. Через несколько лет он стал ректором этого университета. В 1970 году он возвратился в Колумбийский университет ректором Колумбийского университета. Тем временем Грейм получил повреждение бедра, перенес инсульт и испытывал серьезные проблемы с сердцем. Вид Грейма потряс Макгилла: «Казалось, что за то короткое время, что мы не виделись, он постарел на двадцать лет... Простые движения давались ему с трудом и причиняли боль». Сильно пошатнувшееся здоровье Грейма исключало возобновление их прежних отношений.

В июле 1971 года Грейм скончался. На заупокойной службе в часовне церкви

Святого Павла, расположенной на территории Колумбийского университета, присутствовали друзья и бывшие студенты Грейма. Отдать последний долг покойному пришли его жена, братья Артур и Джордж и другие члены семьи. Артур Грейм, Лорин Риггс, Нэт Шёнфельд и Джон Лотт Браун произнесли речи, выразив уважение к этому человеку и чувство понесенной утраты. Руководил всей процедурой Леонард Матэн. Это было запоминающееся зрелище.

За сорок с лишним лет у Грейма было опубликовано множество научных работ, в том числе ряд статей, посвященных пространственным и временным характеристикам чувствительности глаза, точным измерениям спектральной чувствительности сетчатки глаза у людей с нормальным зрением и дальтоников, и детальные исследования различных феноменов цветового зрения. В последние годы своей жизни он уделял больше внимания восприятию движения, восприятию дифференциального движения, кажущимся обращениям вращающегося трапецевидного окна Эймса и другим подобным явлениям.

Очевидно, что во всех исследованиях Грейма интересовали механизмы, лежащие в основе изучаемых явлений. Поскольку многие феномены зрения можно было, по-видимому, объяснить в терминах фотохимической теории Хехта, Грейм применил эту интерпретацию и для других типов восприятия, которые могли дать аналогичные объяснения. Но когда результаты не соответствовали этой теории, реакция Грейма, как однажды ее услышал Хауэрд Бейкер, была: «Данные, клянусь, есть данные!».

Грейм никогда не возражал против более широкого толкования и помимо интерпретации в терминах фотохимии обращался к нейрофизиологическим механизмам. Он считал, что области исследования, которым он отдал столько энергии, можно представить в виде следующего уравнения:

$$R = f(a, b, c, \dots, n, \dots, t, \dots, x, y, z),$$

где R — реакция, первые буквы алфавита относятся к переменным стимула, последние буквы — к состоянию исследуемого организма, а n и t обозначают соответственно количество и время. Он показал, как на основе этой формулы можно интерпретировать ряд самых различных экспериментов.

В определенном отношении Грейм на различных этапах своей карьеры был разным человеком. В университете Кларка он был «любимым сыном», находился в очень близких отношениях с Хантером, Мерчинсоном и Уиллоуби — взял прекрасный старт на пути к внушительной карьере.

В Брауне, хотя там работали многие из его прежних коллег, он, похоже, был менее уверен в себе и сталкивался с серьезными проблемами вхождения в новую среду, проблемами, которые усугублялись несчастливым браком. Примечательно, однако, что он продолжал продуктивную научную деятельность, опубликовал ряд важных статей и был научным руководителем многих одаренных студентов. В Колумбийском университете он руководил работой гораздо большего числа докторантов, многие из которых стали знаменитыми психологами, был счастлив в браке, безусловно удачлив и признан ведущим специалистом в области экспериментальной психологии.

Несмотря на кажущиеся различия в Кларенсе Грейме в этих разных условиях, все, кто работал с ним и предоставил сведения для написания этой главы, питают к нему чувство уважения, любви и признательности. В то же самое время большинство из них отмечает его высокие требования к самому себе, его строгую оценку собственных трудов и работ своих студентов и его склонность к беспокойству. Они вспоминают его переживания из-за некорректной формулировки в публикации, волнение, которое он испытывал перед большой аудиторией, боязнь опоздать на поезд и нежелание иметь дело с администраторами. Почему они поднимают такие проблемы, говоря о человеке такого калибра?

Тем, кто близко сотрудничал с Кларенсом Греймом, будет понятно, почему его друзья находили эти качества занятными; их тоже немного раздражали некоторые из его тревог, когда они пытались помочь ему в подобных ситуациях. Многие видели собственные причуды и «пунктики» в человеке, который, как нам казалось, должен быть выше этого.

Причиной уважения, преданности и любви к Грейму является поддержка, которую он оказывал, его теплое отношение к окружающим, его пример ученого и его цельная личность. То, что он имел человеческие слабости, свойственные всем, лишь усиливает к нему любовь.

Кларенс Грейм получил достаточное признание за его вклад в психологию как исследователь, наставник и активный сторонник этой области знаний. Он был избран членом Национальной академии наук в сравнительно раннем возрасте — в то время он был одним из немногих психологов, кто удостоился такой чести. Он получил медаль Хауэрда Кросби Уоррена от Общества психологов-экспериментаторов, медаль от Американского оптического общества и награду за выдающиеся научные достижения от Американской ассоциации психологов. Он был также удостоен президентского ордена «За заслуги».

Особую гордость Грейм испытывал от признания его Американским оптическим обществом. Медаль Тилье-ра была важна для него, по крайней мере, отчасти, потому что он считал, что это признание поможет повысить репутацию психологии в глазах других естествоиспытателей.

Как хороший гражданин в среде психологов, он был одним из учредителей Нью-Йоркской ассоциации психологов и президентом Ассоциации психологов восточных штатов в течение 1955–1956 годов. Он сыграл значительную роль в создании Психонимического общества, поддержав усилия своего бывшего ученика Билла Вернлаика.

Нет сомнения в том, что Кларенс Грейм испытывал большое удовлетворение от своих исследований и от полученного благодаря им признания. Тем не менее я разделяю мнение, высказанное одним из его бывших студентов, Хершелом Лейбовицем, что самое большое удовлетворение он получал от своих студентов и их успехов. В то же самое время он сильно переживал их беды и неудачи. Однако гордость за них перевешивала разочарования.

Его многочисленное «научное потомство», а затем и их ученики внесли существенный вклад в понимание механизма зрения и учебной психологии в целом. Наряду с уже упомянутыми в число его студентов в Колумбийском университете входили также Леонард Даймонд, Селеста Маккаллоу, Джоул Покорни, Харрис Риппс и Гарри Сперлинг.

Отношение студентов Грейма к своему наставнику лучше всего высказали они сами: «Хороший преподаватель и близкий друг во все времена»; «Никогда не отличался высокомерием или хвастливостью, но всегда был гордым человеком»; «Имея блестящий ум, обладал удивительной застенчивостью»; «Мягкий, скромный и последовательный человек с чувством юмора в любых ситуациях»; «Его курс по научной методике измерений открыл мне новый волнующий мир, о котором я и не подозревал»; «Он любил подтрунивать над человеческими слабостями, но всегда с теплым сочувствием»; «Он невыносимо страдал из-за любых допущенных им оплошностей, пусть даже самых тривиальных»; «Для аспирантов он был одним из самых великодушных и терпимых преподавателей».

Вклад Кларенса Грейма в науку, его ясный и объективный подход к научной психологии, его ученики и ученики его учеников — все это является наследством, которое он оставил для своей профессии. Для тех, кому посчастливилось с ним работать, осталось гораздо больше; он оставил память о себе своими уроками, примером, которым он был, той особой дружбой и поддержкой, которой он одаривал.

СТЭНЛИ МИЛГРЭМ: ЖИЗНЬ, ПОЛНАЯ ОТКРЫТИЙ И ПРОТИВОРЕЧИЙ

В наши дни очень легко пройти мимо здания Линсли-Читтенден Холла, расположенного на Хай-Стрит на старой территории Йельского университета. Это здание не отличается никакими бросающимися в глаза архитектурными деталями, столь характерными для основных зданий университета, выстроенных в неоготическом стиле. Кроме того, вид на это здание закрывает великолепная башня с часами, расположенная поблизости, на пересечении Хай-Стрит с Чэйпел-Стрит.

Однако это здание невозможно было не заметить в 1961/1962 учебном году, когда в нем размещалась лаборатория доктора Стэнли Милгрэма, молодого ассистента, окончившего Гарвардский университет по специальности социальная психология. В то время в лаборатории кипела бурная деятельность, туда не прекращался поток людей — участников экспериментов.

Эти эксперименты и стали началом научной карьеры Стэнли Милгрэма, одного из самых изобретательных и противоречивых исследователей в области социальной психологии нашего времени.

Результаты экспериментов в Йеле, продемонстрировавших удивительную легкость, с которой обычного человека можно направить на деструктивную деятельность по приказу некоего авторитета, принесли ему всемирную славу и вызвали критику как в академической среде, так и повсюду в мире. Милгрэм продолжал оригинальные исследования в широком спектре областей — от психологии городской жизни до антиобщественного поведения, заснятого на телевидении. Его эксперименты интриговали людей и порой внушали им беспокойство. В этой главе дается развернутая картина жизни Стэнли Милгрэма, история личности и ученого.

Наш рассказ начинается 15 августа 1933 года, в день, когда в Бронксе, Нью-Йорк, у Сэмюэла и Адель Милгрэм, еврейских иммигрантов из Восточной Европы, приехавших в Штаты в период первой мировой войны, родился Стэнли Милгрэм. Стэнли был вторым ребенком в семье — его сестра Марджори была старше его на полтора года. Стэнли назвали в честь покойного дедушки по имени Симча. «Симча» на иврите означает «радость», однако, это чувство, судя по всему, не относилось к Марджори, которая, понимая, что больше ей не суждено быть единственным объектом внимания родителей, потребовала: «Бросьте его в мусоросжигатель».

Младший брат Джоул родился пятью годами позже. Джоул и Стэнли всегда были близки друг к другу, хотя и жили в разных местах. Джоул гордился успехами старшего брата и в конце концов последовал его примеру, получив докторскую степень и став ученым. В настоящее время Джоул — профессор, занимающийся педагогикой в университете Цинциннати.

Окончив начальную школу, Стэнли Милгрэм поступил в среднюю школу Джеймса Монро. Там вместе с ним учился другой будущий социальный психолог, Филип Симбардо. Затем Милгрэм продолжил образование в Куинз Колледже, где специализировался в области политологии, и окончил его, не пройдя ни одного курса по психологии.

Когда дело дошло до аспирантуры, Милгрэм решил оставить занятия политологией, потому что, как он однажды сказал Кэролу Таврису (1974), «его не устраивал философский подход этой науки». Вместо этого он подал заявление на факультет общественных отношений Гарвардского университета, чтобы продолжить аспирантские занятия в области социальной психологии. Его, однако, не приняли, так как у него не было психологического образования. Поэтому в то лето он записался на шесть курсов по психологии в Хантер-Колледже, Бруклинском Колледже и Нью-Йоркском университете и осенью 1954 года был

принят в Гарвард.

Факультет общественных отношений с его богатой интеллектуальной атмосферой, обусловленной преподаванием ряда различных дисциплин, многое дал Милгрэму, а учебная программа помогла ему расширить кругозор в области общественных наук. Именно в Гарварде Милгрэм встретился с человеком, которого он считал самым большим научным авторитетом — это был Соломон Э. Аш. В 1955–1956 годах Аш работал в университете приглашенным лектором, и Милгрэм был его ассистентом как в учебном процессе, так и в исследовательской деятельности. В число других преподавателей факультета в тот период входили Гордон Оллпорт, Роджер Браун и Джером Брунер — люди, имевшие большое значение для Милгрэма в течение всей его жизни.

Милгрэм начал работать над своей докторской диссертацией в 1957 году. Хотя научным консультантом у него был Оллпорт, идея и тема работы возникли у него под влиянием теории парадигмы конформности, разработанной Ашем. В частности, Милгрэм осуществил сравнительный анализ уровней конформности в Норвегии и Франции, воспользовавшись модифицированной методикой Аша. Вместо оценки длины линий он применил аудиотест, при котором участники должны были на каждом сеансе указать, какая из пар тонов является более продолжительной. Путем передачи испытуемому через наушники заранее записанных на пленку ответов имитировалось поддельное единодушное и заблуждающееся большинство. Проведя пробную демонстрацию этой методики в Гарварде летом 1957 года, Милгрэм в течение 1957/1958 учебного года проводил эксперимент в Институте общественных исследований в Осло. В следующем 1958/1959 году он перевел свою лабораторию в Лабораторию социальной психологии Парижского университета. В общей сложности он провел 14 вариантов эксперимента при участии 390 человек. Он установил, что в целом норвежцы проявляли большую конформность по сравнению с испытуемыми-французами.

Это было важное исследование, поскольку впервые вопрос различий в национальной культуре поведения был выведен из сферы гипотез и анекдотов в область систематических и контролируемых наблюдений за поведением и его изменениями. Кроме того, оно предопределило элементы, которые впоследствии станут характерными для научного стиля Милгрэма. Во-первых, для получения желаемых эффектов он уделял особое внимание техническим деталям. Например, чтобы убедить испытуемых в том, что они действительно принимают участие в эксперименте вместе с другими, у входа в лабораторию помещали вешалку с пальто. Второй элемент в стиле Милгрэма прослеживается в комментариях одного из участников опыта из Норвегии, который сказал: «Эксперимент мне показался очень интересным, и психология, наверное, увлекательное занятие». Милгрэм любил исследовательскую работу, и особенно ему нравилось использовать именно ту методику, которая подходила для конкретного вопроса — то, что он называл «экспериментальным нововведением».

После подготовки докторской диссертации в Европе Милгрэм возвратился в Соединенные Штаты. 1959 и 1960 годы он провел в Институте специальных исследований в Принстоне, штат Нью-Джерси, в качестве ассистента Аша, помогая ему в научной работе и в редактировании книги о проблемах конформности, которую тот в то время писал (она, кстати, так и не была опубликована). Хотя Милгрэм считал Аша своим интеллектуальным наставником, он не смог установить с ним ту легкость в общении, которая удавалась ему с другими бывшими преподавателями, такими, как Оллпорт и Браун. Для Милгрэма это был год одиночества, но зато у него было много времени для размышлений. Он знал, что для достижения академических вершин ему необходимо было создать серьезную и оригинальную программу исследований. К концу года, проведенного в Принстоне, он знал, что она будет из себя представлять — это будет исследование подчинения авторитету.

Милгрэм приехал в Йель осенью 1960 года и был принят на должность доцента с первоначальным окладом 6 500 долларов в год. Он был готов приступить к работе немедленно. Действительно, самое первое исследование проблемы подчинения

проводилось студентами, которым он читал курс малых групп в первый же семестр своего преподавания в университете. Вот как описывал его Милгрэм:

«Исследование, проводившееся моими студентами по курсу малых групп под моим руководством, контролировалось недостаточно. Но даже в этих неконтролируемых условиях поведение испытуемых поразило студентов, да и меня тоже... Вряд ли студенты могли в полной мере оценить значение того, что они наблюдали, но у всех было ощущение, что произошло нечто неординарное. Когда мы закончили работу, они выразили свои чувства, пригласив меня в кабачок Мори — просто так преподавателей туда не водили». (Документы Стэнли Милгрэма, библиотека Йельского университета, 16 января 1979 года.)

Начало 60-х гг. внушало психологам оптимизм, так как их исследования щедро финансировались. Карл Ховланд предложил Милгрэму обратиться за дотацией, и тот последовал совету в октябре и ноябре 1960 года, послав запросы в Управление военно-морских исследований, Национальный институт психогигиены и Национальный научный фонд (ННФ). 27 января 1961 года Милгрэм официально представил в ННФ заявку на субсидию по теме «Динамика подчинения: эксперименты в области социальной психологии» с просьбой обеспечить финансовую поддержку в течение двухлетнего периода, начиная с 1 июня 1961 года. Проверка, проведенная ННФ, включала в себя поездку в Йельский университет Генри Рикена, который возглавлял Управление общественных наук при ННФ. Рикена сопровождали Ричард Кристи и Джеймс Коулмэн. Окончательное заключение комиссии гласило: «Предложение достойно поощрения». В заметках комиссии при обсуждении указывалось, что представленный проект является «смелым экспериментом по изучению важного и фундаментального социального феномена». Хотя мнения комиссии по поводу достоинств проекта разделились, в постановлении было рекомендовано его поддержать. Уведомление о положительном решении Милгрэм получил 3 мая 1961 года. Выделенная сумма составила 24 000 долларов на два года (дело о предоставлении субсидии №G-17916 Национального научного фонда, Вашингтон, округ Колумбия).

В конце января 1961 года Милгрэм на вечеринке в Нью-Йорке познакомился с Александрой (Сашей) Менкиной. Как и у Стэнли, родители Саши были выходцами из Восточной Европы. Саша жила в Гринич-Виллидж. Хотя Саша была учителем танцев, на момент знакомства со Стэнли она занималась административной работой в одном из учреждений. Молодые люди сразу же подружились, обнаружив общее пристрастие к путешествиям и искусству. Вскоре они стали регулярно встречаться, на уикенды Стэнли приезжал из Нью-Хейвена в Нью-Йорк. Они поженились 10 декабря 1961 года.

В то лето, получив субсидию, Стэнли полностью погрузился в изучение феномена подчинения. Вначале он проводил опыты и уточнял методику, а затем приступил к набору добровольцев для исследований из района Нью-Хейвена. Он поместил объявления в нью-хейвенском «Регистре», а затем приглашал добровольцев по почте. В течение учебного 1961 /1962 года Милгрэм завершил этап сбора данных для своей работы по изучению подчинения. Об окончании экспериментов он сообщил в письме от 1 июня 1962 года Клоду Бакстону, декану факультета психологии в Йельском университете: «Я хочу сообщить о моем переезде из лаборатории Линсли-Читтендена. Она сослужила нам хорошую службу. Последний опыт был поставлен в воскресенье 27 мая. Эксперименты по подчинению авторитету, слава Богу, окончены...» (документы Стэнли Милгрэма, библиотека Йельского университета).

Милгрэм был человеком разносторонних интересов. Собственно говоря, он считал себя человеком эпохи Возрождения. Летом 1963 года, ожидая свою первую публикацию в одном из журналов (речь идет о его первой статье по проблеме подчинения), Милгрэм написал нескольким литературным агентам — он хотел через посредника продать два коротких рассказа в какое-нибудь популярное издание. Хотя один из агентов послал его рассказы в такие журналы, как «Нью-Йоркер», «Эсквайр» и «Мадемуазель», Милгрэму так и не удалось напечатать свои рассказы.

Многие читатели, вероятно, знакомы с основными данными, вопросами и спорами, относящимися к исследованию проблем подчинения, поэтому я ограничусь лишь некоторыми комментариями. Подробный анализ этого исследования можно найти у Бласса и Миллера. Существует, однако, еще один аспект, касающийся этических вопросов, поднятых Милгрэмом, но он не рассматривается ни в одном из его опубликованных трудов. Он затронул его в письме Роберту Лакатосу, который работал на факультете психологии Делавэрского университета:

«Вся полемика по этическим вопросам ужасно раздута. Суть в том, что с точки зрения влияния на самоуважение, последствия для испытуемых в этом эксперименте даже меньше, чем для студентов, сдающих обычные экзамены по курсу и получающих не те оценки, которые им бы хотелось получить. Я знал студентов, волновавшихся за несколько недель до экзамена, приходящих в оцепенение во время сдачи экзамена и впадавших в депрессию на недели в случае провала (а иногда из-за того, что не получили хорошую оценку). Поэтому при проверке знаний индивида мы вполне готовы к проявлению стресса и напряжения, а также к негативным последствиям для самоуважения. Но как же мы нетерпимы, когда дело касается процесса генерирования новых идей и знаний!» (документы Милгрэма, библиотека Йельского университета, 11 июня 1969 г.).

Следует упомянуть еще один малоизвестный факт, касающийся исследования проблемы подчинения. Именно из-за этой работы Американская ассоциация психологов (ААП) задержала заявление Милгрэма с просьбой принять его в члены этой организации. В ноябре 1962 года Комитет по приему в члены ААП письменно известил Милгрэма, что решение по его заявлению откладывается до следующего года по этическим соображениям, относящимся к части его исследования. Автор письма высказал предположение, что окончательное решение по заявлению будет положительным и выразил надежду, что данный эпизод не восстановит Милгрэма против ААП. По-видимому, этого не произошло, так как через несколько лет Милгрэм согласился стать руководителем программы для Подразделения 8 («Личность и социальная психология») на съезде Ассоциации в 1966 году.

Роджер Браун (1985) вспоминает, что, когда Милгрэм находился в Йеле, Оллиорт как-то сказал ему: «Я, пожалуй, рад, что он проводит исследования в Нью-Хейвене, но как только он их закончит, мы пригласим его к нам». И действительно, вскоре после этого Милгрэм вернулся в Гарвард на должность доцента социальной психологии факультета общественных отношений. Его приняли сроком на три года начиная с 1 июля 1963 года с годовым окладом 8 600 долларов. Если не считать Йельский университет, Нью-Хейвен был не слишком привлекательным местом для проживания, поэтому Милгрэмы с нетерпением ожидали переезда в Кембридж, город, манящий своей кипучей деятельностью и новыми впечатлениями. В Гарварде Милгрэм сосредоточил свое внимание на двух направлениях исследований. Одно было продолжением проекта, который он начал в Йеле, а другое было абсолютно новым. Еще будучи в Йеле, Милгрэм вместе со своими аспирантами Леоном Манном и Сьюзен Хартер придумали «метод потерянного письма», чтобы иметь возможность ненавязчиво выяснить настроения и взгляды местной общины. Подобно многим другим идеям Милгрэма, метод потерянного письма ставит человека перед дилеммой. Существует распространенное мнение — можно назвать его даже нормой, — что если вы находите на улице письмо, вам следует опустить его в почтовый ящик. А что если письмо адресовано организации, которую вы не одобряете? Ведь отправив письмо, вы можете помочь этой организации.

Во время первого испытания этого метода со своими студентами в Йеле на тротуарах, около телефонных будок и в магазинах было «потеряно» 400 писем. По сотне писем было адресовано соответственно Другам нацистской партии, Другам коммунистической партии, научным сотрудникам медицинского колледжа и частному лицу, некому мистеру Уолтеру Карнапу. Милгрэм установил, что из писем коммунистам и нацистам была отправлена только четверть, в то время как 72 % писем научным сотрудникам и 71 % писем Уолтеру Карнапу были возвращены адресатам. В Гарварде Милгрэм продолжал работу над этой

методикой. Она стала широко использоваться для определения настроений и взглядов.

В совершенно новом исследовании, которое Милгрэм начал в Гарварде, использовался метод «малого мира», предназначенный для получения ответа на следующий вопрос: «Если взять каких-нибудь двух незнакомых людей, то сколько понадобится промежуточных связей через знакомых, чтобы они встретились?» Для применения этого метода группе индивидуумов, «исходных участников», раздавали одинаковые папки с заданием доставить их человеку, которого они не знают, через людей, которые им знакомы. Проведя несколько опытов, Милгрэм установил, что для доставки папок нужному человеку необходимо всего около пяти посредников.

Поскольку задержки с публикацией — дело обычное, его журнальные статьи по изучению проблем подчинения стали выходить в свет во время его пребывания в Гарварде с лета 1963 по весенний семестр 1967 года. Первая статья «Исследование поведенческих аспектов подчинения» в «Журнале аномальной и социальной психологии» появилась в октябре 1963 года. Среди прочих была опубликована статья под названием «Некоторые условия подчинения и неподчинения авторитету» (1965), за которую он получил премию по социопсихологии от Американской ассоциации содействия науке в 1964 году, и его полемика с Дианой Баумринд об этике, которая появилась в журнале «Американский психолог» в 1964 году.

Но мере того как Милгрэм и его деятельность в Гарварде становились все более известными академическим кругам и широкой публике по его журнальным и газетным статьям, вокруг его имени стали разгораться жаростные споры. Он пользовался большим спросом на коллоквиумах, его журнальные статьи перепечатывались в десятках антологий, а священники в своих проповедях приводили уроки морали, почерпнутые из его работ. В течение ряда лет люди писали ему, спрашивая о деталях экспериментов, и он охотно их описывал. Некоторые из этих писем связывали исследования Милгрэма с личной жизнью их авторов, причем с удивительной откровенностью. Например, один человек написал, что прочел об экспериментах по подчинению и нашел их интересными, но ограниченными, поскольку жертвой был актер, а не человек, который по-настоящему испытывал боль. Автор письма, с другой стороны, имел дело с настоящими жертвами: он работал в электротехнической компании, и в его обязанности входило отключать электроэнергию у злостных неплательщиков, даже если температура опускалась ниже нуля.

Именно в Гарварде Стэнли испытал одно из самых больших разочарований в своей жизни. Ему не предложили постоянную должность, хотя такая возможность и рассматривалась. Роджер Браун, его коллега по факультету общественных отношений в тот период, объясняет решение университетского начальства тем, что против Милгрэма были настроены несколько старших членов факультета. Эта оппозиция была, по его мнению, обусловлена нерациональными соображениями. В частности, Браун сказал мне, что некоторые люди «отождествляли его характер с некоторыми особенностями эксперимента. То есть, они считали, что он прибегает к подтасовкам, что он — сумасшедший доктор или что-то в этом роде... Он внушал им опасения». Браун рассматривал такую характеристику необоснованной и говорил, что «Милгрэм был мне ближе, чем почти любой другой психолог на моем жизненном пути».

Боль, причиненная ему отказом в должности, усугублялась отсутствием приглашений из других ведущих университетов, в которых Милгрэм мог быть заинтересован. Милгрэм любил городскую жизнь и собирался изучать ее; он надеялся, что, если ему придется покинуть Гарвард, он сможет переехать в крупный город с престижным университетом, таким, как Чикагский университет, Колумбийский университет или Беркли. Его настойчиво приглашали в университет Корнелла и Калифорнийский университет в Санта-Крус, но он не представлял себе жизни в провинции.

Милгрэм согласился занять должность руководителя программы по социальной

психологии на факультете психологии Аспирантского центра Нью-Йоркского университета (CUNY). Решающую роль здесь сыграли следующие соображения: CUNY находился в большом городе; матери Стэнли и Саши жили в Нью-Йорке, и у Милгрэмов было там много знакомых и друзей. Кроме того, они нашли квартиру с видом на Гудзон в красивом пригородном районе Ривердейл. Рядом находились прекрасные парки, а дети получили возможность учиться в отличной школе.

В CUNY Стэнли удалось добиться очень выгодных условий для работы. Прежде всего речь шла о том, что можно было перескочить звание адъюнкт-профессора и стать полным профессором в возрасте 33-х лет. Однако вначале его угнетала мысль о том, что он находился не в первоклассном университете, и он не планировал оставаться в CUNY более пяти лет. В действительности же университет превзошел все его ожидания, и Милгрэм проработал там 17 лет вплоть до своей смерти.

В 1967 году, в последний семестр своего пребывания в Гарварде, Милгрэм предложил провести консультации по вопросам городской психологии Нью-Йорка, Лондона и Парижа с точки зрения переменных, которые обуславливают различие в атмосфере этих городов. Еще раньше, в 1964 году, он вместе со своим другом, социологом Полом Холлэндером, написал обзорную статью об инциденте с Китти Дженовезе для журнала «Нейшнл». Это был концептуальный анализ, указывающий на некоторые бихевиористские последствия городской жизни, которые, по-видимому, привели к бездействию соседей Китти Дженовезе, когда она подверглась нападению и была убита. В CUNY самый большой интерес для Милгрэма стала представлять психология городской жизни.

Он начал регулярно проводить семинар по урбанологии и вместе со своими студентами взялся за новаторские исследования, имевшие целью показать различие поведенческих моделей в больших и малых городах. На съезде ААП в 1969 году он сделал доклад под названием «Опыт жизни в больших городах: психологический анализ». Несколько сокращенная версия доклада появилась в журнале «Сайенс» годом позже. В этой статье Милгрэм выдвинул идею об избыточной стимуляции в качестве концепции, которая могла бы объединить и объяснить различия в поведенческих моделях жителей больших и малых городов. Эта статья послужила толчком к развитию новой области знаний — психологии городской жизни. В 1981 году она стала классической по количеству цитирований и была напечатана в более чем 50 антологиях.

Ответвлением интереса Милгрэма к городской психологии была его работа по изучению перцептивных карт жителей двух крупных городов, Нью-Йорка и Парижа. Вначале он провел два исследования среди нью-йоркцев. Затем в 1972–1973 годах Милгрэм, получив стипендию Гуггенхайма, провел год в Париже, исследуя восприятие парижанами своего города. Значение этих исследований состояло в том, что они привнесли большую точность и строгость в изучение «восприятия образа» городов, которое впервые предпринял Линч, проектировщик-градостроитель (1960). Они существенно увеличили объем данных о процессах познания окружающей среды.

Вскоре после приезда Милгрэма в CUNY телекомпания CBS пригласила ряд психологов, занимающихся социальными проблемами, представить заявки на получение субсидий для изучения взаимосвязи между телевидением и агрессией. Милгрэм подал такую заявку и получил очень большой грант. Хотя проблема показа насилия по телевидению не входила в круг его интересов, ему нравилась идея получения средств на проведение широкомасштабного исследования. Они позволили ему нанять большой штат сотрудников, провести исследовательскую работу в разных городах США и получить консультации по анализу данных у ведущих методистов страны.

Несмотря на то, что показ насилия на ТВ уже широко изучался ранее — в 1971 году появился доклад Начальника медицинского управления о насилии на ТВ — Милгрэм внес в исследования нечто новое (Milgram & Shotland, 1973). Он работал с авторами популярной в то время телевизионной постановки «Медицинский центр» с целью создания эпизода с тремя разными концовками, — одной просоциальной и

двух антисоциальных. В эпизоде показаны беды и испытания, выпавшие на долю больничного санитары Тома Десмонда. В двух антисоциальных концовках показано, как Десмонд вскрывает коробку для пожертвований и крадет деньги. В одном варианте его ловят, в другом ему удается улизнуть. В просоциальной версии Десмонд не крадет деньги, а кладет в коробку монету. Четвертый, абсолютно другой эпизод служил в качестве контрольного.

Милгрэм и Шотланд вставили эти эпизоды в серию натуральных экспериментов — в некоторых из них в качестве потенциальных испытуемых участвовали миллионы телезрителей, при этом просмотр и возможность симитировать показанные действия имели место в реальной обстановке. Хотя в восьми экспериментах зрители, наблюдавшие за антисоциальными версиями эпизода, не обнаруживали большей тенденции к повторению показанных антисоциальных поступков, чем те, кто просматривал контрольную или просоциальную версии, уникальность этого исследования и по сей день состоит в том, что Милгрэм имел возможность контролировать процесс составления ТВ-программы и таким образом встраивать в ее содержание независимую переменную. Несмотря на неординарность исследования, в литературе по негативному воздействию телевидения к нему был проявлен очень слабый интерес. Несомненно, что отчасти это было обусловлено двусмысленностью его выводов о нулевом эффекте.

Во время съемки эпизода в «Медицинском центре» Милгрэм находился в Голливуде. Его впечатлила эффективность и организаторские навыки производственной группы, и он загорелся желанием заняться кинопроизводством. По счастливой случайности однажды, через несколько месяцев после возвращения Милгрэма с западного побережья, в его кабинет вошел Гарри Фром, режиссер-документалист, выходец из Румынии. Через некоторое время Фром занялся редактированием программы о социальной психологии, прочитал статью Милгрэма «Опыт проживания в больших городах» и предложил Милгрэму снять по этой статье фильм. В результате в 1972 году появился документальный фильм «Город и личность». Фильм являлся иллюстрацией к статье «Опыт проживания в больших городах» и показывал различные поведенческие модели, которые люди используют для адаптации к избыточной стимуляции. «Город и личность» получил большое признание. Фильм завоевал серебряную медаль на Международном фестивале кино- и телевизионных фильмов и был отобран для показа в Музее современного искусства и Библиотеке Доннелла. В течение ряда лет он пользовался также коммерческим успехом. Кинопроизводство превратилось у Милгрэма в страсть, и после выхода фильма «Город и личность» он заключил контракт с «Харпер энд Роу» на съемку четырех учебных фильмов на различные темы социальной психологии, причем Гарри Фром выступал в качестве режиссера и участника совместного производства. Первые два — фильм «Введение в социальную психологию», дающий общее представление о предмете, и «Конформизм и независимость» — появились в 1975 году. В 1976 последовали «Человеческая агрессия» и «Внеречевая коммуникация». В фильмах принимали участие многие студенты Милгрэма. Помимо прочего, они и сами делали фильмы в рамках учебного плана.

Во время своего пребывания в Париже в 1972–1973 годах, когда Милгрэм работал над перцептивными картами, он внес окончательные поправки в свою книгу «Подчинение авторитету: взгляд экспериментатора», которая вышла в свет в начале 1974 года. Эта была трудная и длительная работа. Хотя Милгрэм собирался написать большую монографию еще в 1963 году, главы для этой книги он начал писать только в 1969 году.

В августе того же года он послал первые две главы Вирджинии Хилу, своему редактору в «Харпер энд Роу», которая обнадежила Милгрэма, сообщив ему в письме, что после прочтения второй главы она загорелась желанием получить третью. Она сказала ему, что у него «чудесное чувство языка» и что вторая глава «была драматичной и потрясающей» (документы Стэнли Милгрэма, библиотека Йельского университета, 5 ноября 1969 года).

Почему же тогда возник такой длительный интервал между завершением

исследовательской работы по проблемам подчинения и книгой? Одна важная причина состояла в том, что, несмотря на ясность стиля, писательство давалось Милгрэму нелегко. Выдвинуть идею для изучения, создать подходящую методику и реализовать ее — вот что действительно его увлекало. Что же касается ретроспективного анализа, требующего теоретического обоснования и сведения материала в одно целое, то это не было его сильной стороной. Еще одной причиной задержки был тот факт, что Милгрэм был истинным семьянином. Дети Милгрэмов, Мишель и Марк, родились после завершения работ по изучению проблем подчинения, и выходные и вечера посвящались семье. Поездки с Сашей и детьми в музеи и парки были обычным делом. Каждый год семья выезжала на Карибы, в Новую Англию и иногда в Европу. Энергию и изобретательность, которую он проявлял в своей работе, он применял и в роли отца. Марк вспоминал, что, когда он в детстве приезжал в летний лагерь, там его уже ожидали письма от отца, который тем самым хотел предупредить у сына тоску по дому. Стэнли делал также домашние фильмы с выдуманным сюжетом, в которых Марк и Мишель исполняли главные роли.

В книге «Подчинение авторитету: взгляд экспериментатора» была собрана воедино большая часть исследований, которые публиковались по отдельности в журналах в период с 1963 по 1965 год. В нее вошли также описания девяти экспериментов, о которых сообщалось впервые. Кроме того, в книге приводилась концепция «агентского состояния», теоретическое понятие, предназначенное для объяснения выраженной тенденции к подчинению, выявленной в ходе экспериментов. Основная идея здесь в том, что подчинение требует перехода в дифференциально-эмпирическое состояние, т. е. состояние, в котором индивидуум уступает ответственность легитимному, имеющему власть авторитету. Как уже указывалось ранее, имеющиеся эмпирические данные в поддержку этой теории звучат весьма убедительно.

Выход книги из печати вызвал новую волну полемики. На первой полосе книжного обозрения в воскресном выпуске «Нью-Йорк Таймс» появилась язвительная рецензия. Книга частями печаталась в «Лондон-Таймс», была выдвинута на соискание Национальной литературной премии и в конечном итоге была переведена на несколько языков, в том числе на немецкий, французский, голландский и японский. Она привлекла к Милгрэму повышенный интерес широкой публики, и он стал появляться в таких телепрограммах как «60 минут», «Донахью», «Сегодняшнее шоу» и «Шоу Дика Каветта». Вскоре компания CBS выпустила телевизионный фильм «Десятый уровень» по сценарию Джорджа Беллака и с участием Уильяма Шатнера. Это была экранизация исследования проблем подчинения и сопутствующих ему событий. Ив Монтан также поставил фильм на французском языке под названием «Я как Икарус», в котором центральное место в сюжете занимали эксперименты, связанные с подчинением.

В 1977 году издательство «Эддисон-Уэсли» опубликовало антологию почти всех работ Милгрэма, написанных им к этому моменту. Антология вышла под названием «Индивидуум в социальном мире: очерки и эксперименты». Милгрэму нелегко было найти издателя, потому что антологии не приносят большой прибыли, но Стэнли хотел выпустить сборник, который бы ознакомил читателя с многообразием его достижений, помимо работ по изучению проблем подчинения. Однажды он сказал своему брату Джоулу, что часто ощущает себя актером Джеймсом Арнессом, который был известен зрителям лишь по телевизионному сериалу «Пороховой дым» и о других ролях которого они ничего не знали.

Есть доля иронии и нечто пророческое в том, что сборник вышел в середине карьеры Милгрэма в 1977 году.

Поток творческих идей продолжался и мог бы продолжаться еще много лет, но (за единственным исключением) Милгрэм после этого не опубликовал ни одной новаторской эмпирической работы. Единственным новым исследованием, которое Милгрэм предпринял после выхода в свет антологии, была его работа над проблемой «сираноидов».

Так он называл людей, которые не высказывают мысли, зародившиеся в их собственной нервной системе; слова, которые они произносят, берут начало в мозгу другого человека, который передает их сираноиду с помощью радиопередатчика. Сираноиды воспринимают эти слова посредством миниатюрных ультракоротковолновых приемников с наушниками, незаметно установленными у них в ушах. Милгрэм установил, что те, кто опрашивал сираноидов, обнаруживали в них логически последовательную личность, несмотря на различия между сираноидом и передатчиком; например, когда в роли передатчика выступал 50-летний профессор психологии, а в роли сираноида 11-летний мальчик, никто не догадывался, что слова сираноида принадлежали не ему самому.

МИЛГРЭМ КАК ЧЕЛОВЕК И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Впервые встретившись с Милгрэмом, люди обычно находили его любезным и очаровательным. В разговоре Милгрэм очень внимательно слушал своего собеседника, так что у того создавалось впечатление, что он сам и его дела представляют интерес для Милгрэма. Однако у Милгрэма не хватало терпения на ведение «светских бесед», и он способен был резко прервать собеседника, если считал, что тот говорит банальные или бессмысленные вещи. Как выразился брат Милгрэма: «Он не склонен был терпеливо и приветливо выслушивать дураков». Почтения к рангам и регалиям у Милгрэма не было. Мори Сильвер, который был студентом Милгрэма и в Гарварде, и в Аспирантском Центре университета Нью-Йорка (CUNY), рассказывал мне, что, даже не будучи штатным преподавателем Гарварда, то есть полноправным членом факультета, Милгрэм позволял себе обрывать профессоров. Как сказал Джон Сабини: «Он грубил невзирая на лица».

Как преподаватель, Милгрэм был чрезвычайно требователен, всегда побуждая своих студентов мыслить творчески. Вот как описал своего учителя Гарольд Такушьян:

«На первый взгляд, в нем не было ничего необычного. Но буквально через минуту после того, как он начинал говорить, вы понимали, что это действительно необыкновенный человек. Он обладал язвительным стилем выражения, который просто захватывал вас. Любой в аудитории мог бы сказать: «Да, это именно то, что я пытался выразить...». Воздух вокруг него в аудитории был прямо наэлектризован... Казалось, сейчас посыплются искры... Однако, все это требовало от слушателей такого напряжения, какое не каждому было по силам... Он умел понимать чувства людей, но это не означало, что он всегда старался вести себя так, чтобы вы чувствовали себя хорошо. Иногда он обрушивался на людей с уничижительными замечаниями... Он крайне отрицательно относился к банальностям, намекам, трюизмам и резко нападал на человека, когда ощущал, что тот говорит что-то безосновательное или двусмысленное».

Милгрэм никогда не жалел ни времени, ни сил, особенно для тех своих студентов и коллег, которых любил.

Рой Фельдман, который готовился к экзаменам на докторскую степень в Гарварде под руководством Милгрэма, рассказал мне, что Милгрэм без его ведома направил просьбу о предоставлении Фельдману гранта для того, чтобы тот имел возможность провести свои исследования, необходимые для получения докторской степени — исследования помощи в различных культурах.

Помощь Милгрэма распространялась даже на людей, которых он не знал лично. Просматривая объемную переписку Милгрэма, я был поражен его готовностью отвечать практически на все присылаемые ему письма и тем уважением, с которым он обращался к своим корреспондентам, относившимся к различным слоям общества. Он отвечал на множество получаемых им писем от самых разных людей: от студента университета, которому понадобилась помощь в подготовке курсовой работы, основанной на исследовании Милгрэма, от репортера Макса Лернера, просящего Милгрэма прислать оттиски его статьи для запланированной газетной публикации, от рок-музыканта Питера Габриэля, просящего у Милгрэма разрешения использовать в одном из своих альбомов часть звукового

сопровождения к фильму Милгрэма «Подчинение». Особенно поражающий пример душевного благородства Милгрэма я нашел в одном из писем, которое Милгрэм получил от штатного психолога одной из психиатрических больниц штата Нью-Йорк. В этом письме содержалась необычная просьба. Один из пациентов этой женщины-психолога, молодой мужчина, страдал устойчивым бредом, все попытки устранения которого ни к чему не приводили. Врач сообщила Милгрэму, что ее пациент верил в то, что он является объектом в «контролируемом с помощью спутника телеметрическом исследовании» Милгрэма, и хотел, чтобы его «освободили» от этой роли. Врач попросила Милгрэма написать письмо, в котором бы указывалось, что ее пациент не участвует ни в одном из экспериментов Милгрэма. Милгрэм без промедления ответил письмом, в котором доступно объяснил, что хотя он действительно проводил эксперименты с использованием радиосигналов (он имел в виду свои исследования «сираноидов»), он может заверить его — то есть пациента — в том, что тот никогда не был объектом исследований Милгрэма (архив Стэнли Милгрэма, Библиотека Йельского университета, 26 февраля 1982 г.).

Практически каждый, кто общался с Милгрэмом, характеризовал его как гения или человека выдающихся способностей. Вот как, к примеру, выразился Джон Сабини, бывший студент Милгрэма, занимающий в настоящее время пост декана на факультете психологии университета штата Пенсильвания: «Он был гением. Под этим я подразумеваю, что он был одержимым человеком. Я имею в виду, что невозможно было предсказать — даже он сам никогда не знал, — в каком направлении будут развиваться его творческие способности в следующий момент. Он писал музыку, придумывал настольные игры, снимал фильмы... Ему был свойствен совершенно нетрадиционный взгляд на вещи, и он требовал того же и от других».

Никакое описание личных качеств Милгрэма не может быть полным без упоминания его юмора и изобретательности. Приведу только один пример: однажды Милгрэм получил письмо от женщины, которая писала, что ее сынишке Джеймсу вот-вот исполнится год, и в качестве подарка малышу она и ее муж хотели бы собрать для него автографы избранной группы выдающихся представителей науки, искусства, литературы и т. д.

Она попросила Милгрэма прислать фотографию с автографом или небольшое письмо. Милгрэм ответил на просьбу письмом следующего содержания:

«Уважаемый Джеймс! (Милгрэм обращается к годовалому ребенку.)

Согласны ли Вы с анализом детского непослушания, который обсуждается на странице 208 моей книги «Подчинение власти»? Скоро Вы станете достаточно большим для того, чтобы узнать об этом и преподать урок своим родителям.

С наилучшими пожеланиями, Стэнли Милгрэм» (архив Стэнли Милгрэма, Библиотека Йельского университета, 26 февраля 1981 г.).

В 1980 году Милгрэм получил звание почетного профессора психологии в CUNY. Флоренс Денмарк, отвечавший в CUNY за вопросы подготовки психологических программ, прохождение которых было необходимо для получения степени доктора философии, был инициатором выдвижения Милгрэма на это звание в 1974 году, однако возможность финансировать это назначение появилась у Центра только в 1980 году.

В том же году, но несколько позднее — 17 мая — Стэнли пережил обширный сердечный приступ. Это был первый из ряда приступов, которые пришлось испытать Милгрэму в течение последующих пяти лет. Ко времени четвертого приступа его сердце уже было в состоянии перекачивать только 17 % от нормального объема крови. Это было трудное и опасное время в жизни Милгрэма. После первого же приступа Милгрэм понял, что этим дело не ограничится. Ему не была показана обводная хирургия. Рассматривался вопрос о вживлении сердечного трансплантата, однако, взвесив все «за» и «против», Стэнли отказался от

операции. У него оставалось не очень много сил, кроме того, предписанное ему медикаментозное лечение сильно его утомляло.

Откуда же Милгрэм черпал ту стойкость, которая позволила ему продержаться в течение пяти тяжелых лет? Мне кажется, что сила духа Милгрэма исходила из трех источников. Во-первых и прежде всего, с ним была постоянная поддержка и забота Саши. Стэнли отдал ей должное в предновогоднем послании, которое он написал своим друзьям в декабре 1984 года: «Любой человек, узнавший о том, что я пережил, сказал бы, что это было ужасно, но дело не только в этом. Превратности судьбы несут свои прозрения. Пока я находился в больнице, Саша каждый день проезжала 66 миль, чтобы дать мне свою любовь и оказать поддержку. Были ли кому-нибудь еще на свете дарованы столь сильная любовь и преданность? Как остро ощущаются такие вещи в дни испытаний».

Вторым источником силы Милгрэма была его работа. Он старался жить и работать как всегда, по возможности входя во все детали повседневной университетской жизни. Как сказал мне коллега Милгрэма, Ирвин Катц: «Меня всегда поражало то, как он справлялся со своей болезнью... Я никогда не встречал в жизни человека, которому удалось бы столь достойно выдержать подобное испытание, пройти через похожий опыт. Понимаете, некоторые люди сдаются, некоторые замыкаются в себе или начинают вести себя пассивно. Он остался со своей работой, своими студентами, сохранил интерес к внешнему миру и к другим людям».

Третий источник стойкости Милгрэма заключался, пожалуй в том, что Милгрэм начал более углубленно заниматься иудаизмом. Стэнли всегда было присуще острое чувство своей принадлежности к еврейской расе. Но именно в те последние несколько лет, о которых идет речь, он раздвинул рамки того, что можно охарактеризовать просто как культурную принадлежность, и стал более глубоко интересоваться религиозными и духовными аспектами иудаизма. Эти чувства пришли к Милгрэму в результате его общения с рабби Ави Вейссом, активным членом современной ортодоксальной конгрегации в Ривердейле. Все упрочающаяся связь Милгрэма с его еврейскими корнями отражена в чудесном рассказе для детей, который Милгрэм написал в 1983 году и о котором он с удовольствием говорил с некоторыми из своих коллег и студентов. Рассказ назывался так: «Когда мальчик становится мужчиной». В нем повествуется о том, как один двенадцатилетний еврейский мальчик решил не участвовать в обряде Бар-мицва. Случайная встреча с русским евреем, который был вынужден покинуть свою страну из-за существующих там ограничений на изучение и соблюдение законов иудаизма, побуждает мальчика изменить свое мнение и ощутить большее уважение к еврейским традициям.

А вот как завершил Стэнли свое предновогоднее письмо, которое они с Сашей отправили друзьям в декабре 1983 года:

«Вот мы и вернулись в Ривердейл. Мы благодарны этому году за то, что он был добр к нам, и думаем о том, что ждет нас в будущем. Иногда на ум приходит коротенькая хасидская песенка На иврите она состоит всего из 10 слов, но в переводе на английский стала гораздо длиннее. Эта песенка хорошо подходит для этого времени года:

Весь мир —Очень узкий мост,Но главное — помнить,Что не надо ничего бояться».

Днем 20 декабря 1984 года Стэнли присутствовал на успешной устной защите докторской диссертации его студенткой, Кристианой Тэйлор. После заседания комитета по присуждению докторских степеней Милгрэм сказал Ирвину Катцу, также члену комитета, что он неважно себя чувствует. Поэтому Катц проводил Милгрэма на железнодорожную станцию Гранд Централ и настоял на том, чтобы сопровождать его в пути до Ривердейла. В течение получасовой поездки на поезде Милгрэм развлекал Катца забавными историями. Ирвин Катц убежден, что Милгрэм делал это не только для того, чтобы самому отвлечься от своего физического состояния, но и для того, чтобы Катц чувствовал себя спокойнее. На станции в Ривердейле их встречала Саша, которая тут же отвезла их на автомобиле

в пресвитерианскую больницу. Когда они вошли в приемный покой отделения скорой помощи, Милгрэм подошел к регистрационной стойке и сказал: «Меня зовут Стэнли Милгрэм. Вот мое удостоверение личности. По-моему, у меня случился пятый сердечный приступ». Через полчаса Милгрэм умер.

Стэнли Милгрэму был всего 51 год, когда он умер, но он оставил богатое наследие. Его работа по подчинению олицетворяла собою то, что Аронсон и Карлсмит (1968) назвали экспериментальным реализмом, то есть настолько убедительную и притягательную экспериментальную ситуацию, что участники этого эксперимента не в состоянии были реагировать на него с разумной степенью отстраненности, тем самым способствуя повышению внутренней значимости результатов эксперимента. По прошествии более чем тридцати лет работа по подчинению остается непревзойденным и прекрасным образцом творческого применения экспериментального реализма для целей решения проблемы, имеющей глубокое социальное и моральное значение. Трудно найти другую научную работу, которая бы вызвала столько продуктивных споров в научных кругах и в обществе в целом, сколько вызвали исследования подчинения, проведенные Стэнли. Эта работа явилась вкладом в понимание ролевого участия, в противовес полемике о заблуждениях, в социальную психологию психологического эксперимента, независимо от того, точно ли передает концепция «банальности зла» Арендта сущность Холокоста, и, конечно, в этику исследований. Что касается последнего пункта, то полемика по вопросам этики принесла практическую пользу, состоящую в том, что в настоящее время исследователи более внимательно относятся к благополучию участников их экспериментов, чем это было принято в прошлом.

Милгрэм являлся также главным носителем идеи ситуативности. Начиная с экспериментов по подчинению и во всех своих последующих экспериментах — к примеру, «метод потерянного письма», эксперимент с использованием телевидения — Милгрэм придавал первостепенное значение проверке действий людей в различных ситуациях, а не личным качествам или другим переменным показателям индивидуальных различий. На пике дебатов о том, что же важнее — персональные черты характера или ситуация, — сторонники ситуативного подхода часто использовали данные эксперимента по подчинению в качестве подтверждения того, сколь сильное воздействие на поведение людей способны оказывать ситуационные детерминанты. Но сам Милгрэм не был догматиком в этом вопросе. Вот один пример. В 1982 году Милгрэм был председателем диссертационной комиссии у Шерон Пресли, в работе которой речь шла о переменных факторах индивидуальных различий, играющих определяющую роль в различении сторонников проводимой политики и тех, кто ей противостоит.

Милгрэм сделал социальную психологию увлекательным предметом. Когда он был жив и о нем заходила речь в разговоре, всегда находился человек с неизбежным вопросом: «Интересно, чем он (Милгрэм) занимается в настоящее время?» И в большинстве случаев выяснялось, что Милгрэм не только занимается чем-то увлекательным, но при этом расширяет рамки социальной психологии — например, обращая свое внимание на такие предметы, как фотография, «Скрытая камера» и сираноиды.

Однако Милгрэм был решительно не склонен к теоретизированию и в большей мере ориентирован на события. Не существует явной «школы» социальной психологии Милгрэма в сравнении, например, со «школой» Фестингера или Шахтера. Критика по этому поводу преследовала Милгрэма в течение всей его научной деятельности. Одним из последствий подобного отношения явилось то, что имя Милгрэма не слишком широко упоминается в книгах по истории социальной психологии. В лучшем случае в них дается лишь поверхностное описание деятельности Милгрэма.

С другой стороны, Милгрэм находится «в хорошей компании»: и учитель Милгрэма, Соломон Аш, и друг всей его жизни, Роджер Браун, в своем подходе также ориентировались главным образом на внешние события. Милгрэм оставил творческое наследие, написанное таким ясным, не содержащим профессиональных жаргонизмов языком, что его работы не просто стали доступны самому широкому

читательскому кругу, но и сделались образчиком простоты и ясности для будущих поколений психологов-экспериментаторов. Милгрэм также научил нас лучше понимать скрытые воздействия социальной среды.

Он продемонстрировал, какие трудности испытывают люди в процессе претворения своих намерений в действия даже в тех случаях, когда такие действия являются морально обоснованными. Милгрэм показал нам, что кратковременное ситуативное давление и нормы, например, правило почтительного отношения к авторитету, способны оказывать более мощное влияние на наше поведение, чем можно было бы ожидать.

ФРЕЙД:

ТРОЙНОЙ ВКЛАД

Изначально заглавие этой работы было следующим — «Тройной вклад в понимание человека», однако я решил его изменить, потому что сегодня кое-что сумел заметить: удивительное сходство в манере одеваться у мужчин и женщин. Глядя вокруг и отмечая подобные сходства, я внезапно осознал, что не должен был применять выражение «тройной вклад в понимание человека», поскольку использование слова «человек» (мужчина) для обозначения всего человечества может показаться оскорбительным по отношению к женщинам. Поэтому разрешите мне сократить заглавие просто до «тройного вклада». Я также постараюсь в этой своей речи избегать «сексистского языка».

Мое наблюдение о том, что мужчины и женщины, присутствующие в этой аудитории, внешне выглядят столь одинаково, побуждает меня пригласить вас к участию в неких интересных размышлениях. Очевидно, современные представители мужского и женского пола больше не имеют столь явных различий в самовосприятии, какие наблюдались между мужчинами и женщинами прежде. Если данное наблюдение верно, тогда моя исходная формулировка о мужской и женской роли, о том, что мужчины — это гордые, но сверхчувствительные обладатели пениса, а двигательным мотивом женщин является их зависть к главенствующей роли мужчин — представляется слишком наивной. Вероятно, этот же вывод относится и к моим взглядам на творческую способность мужчин и женщин. Хотя на первый взгляд, может показаться верным, что женщины выражают свою естественную потребность к творчеству, давая жизнь детям, а мужчины возмещают нехватку естественного творческого потенциала, занимаясь искусством и участвуя в войнах, подобные заключения, возможно, являются скорее фантазиями, чем правдой. Вполне вероятно, напротив, что женщины обладают творческим потенциалом, который веками оставался невостребованным и пребывал в «дремлющем» состоянии — потенциалом, который я так и не сумел распознать именно по причине его скрытого характера. В действительности женщины, если дать им такую возможность, способны развивать в себе таланты, которые могут показаться удивительными и совершенно неожиданными в рамках моей теории.

Без сомнения, то же самое можно сказать и о мужчинах, хотя я не думаю, что их когда-нибудь можно будет научить рожать детей. С другой стороны, насколько я помню, **один** из моих студентов, Бруно Беттелгейм, заявил, что он обнаружил у мужчин зависть к символическому чреву. Если дело действительно обстоит так, это свидетельствует об образовании некоего моста между полами. На этой основе я и собираюсь пересмотреть мою прежнюю формулировку в соответствии с имеющимися данными. Фактически подобный пересмотр моих теоретических выкладок уже начался. В своих ранних теориях я использовал термин «страх кастрации» для объяснения страха маленького мальчика перед наказанием за его сексуальное влечение к собственной матери. Однако сегодня я уже не рассматриваю такой страх как свойство, присущее исключительно представителям мужского пола. Просто эти два слова определяют тот ужас, который все люди, как мужчины, так и женщины, испытывают при мысли о возможности лишиться сексуальных удовольствий. Хотя у меня еще нет достаточных доказательств этому, я начинаю думать, что в одинаковых обстоятельствах мужчины и женщины могут обнаруживать большое сходство в поведении. Эта перемена созвучна многим другим изменениям, которые я внес в свою психоаналитическую теорию после обнаружения новых фактов.

Как, может быть, помнят некоторые из вас, я последним из психологов появился в университете Кларка в США в 1909 году. По этой причине я получил, если можно так выразиться, неоднозначный прием — возможно, не только потому, что американцы знакомились с моими трудами по скверному переводу на английский, выполненному моим другом, Бриллом. В то время Америкой, даже в большей степени, чем сегодня, правил пуританизм, и по этой причине американцы

отвергали самые смелые принципы психоанализа. Конечно, меня это не слишком удивило; Венский университет отказал мне в профессорском звании и ограничился присвоением мне звания адъюнкт-профессора только потому, что я утверждал, что даже у детей есть сексуальные желания.

Говоря о сексуальных влечениях, я понимаю, что во многих странах Западной Европы найдутся люди, возлагающие на меня личную ответственность за распространенность инцеста. Эти борцы за наложение табу на инцест заявляют, что мне не следовало менять свои ранние формулировки и указывать, что именно желание совершить инцест, а также акт инцеста связаны с неврозом. Мои критики заявляют, что я должен был придерживаться своей прежней идеи о том, что все страдающие неврозами люди в юности были жертвами сексуального насилия или подвергались сексуальным домогательствам. Они полагают, что если бы я не изменил своей формулировки о том, что все люди, страдающие неврозами, подвергались кровосмесительным домогательствам, сейчас в мире было бы меньше случаев инцеста.

Мне чрезвычайно лестно предположение о том, что мои слова способны обладать такой силой, однако я не согласен с намеками на то, что у меня не хватило мужества постоять за собственные убеждения. Что касается мужества, то мне, может быть, потребовалось гораздо больше того, что в просторечии называется «духом» (от поговорки: «духу не хватило»), чтобы в Викторианский век не утверждать, что дети подвергались сексуальным домогательствам, а заявить, что у детей также есть сексуальные побуждения. Как бы то ни было, но, по современным оценкам, в Соединенных Штатах более 20–30 миллионов индивидов, как считается, подвергалось сексуальным домогательствам, и, хотя эти цифры чудовищны, разве все жертвы подобных домогательств страдают неврозами? Я всегда был против того, чтобы искусственно превращать людей в пациентов одним росчерком пера. Как бы то ни было, мне представляется совершенно очевидным, что одна из причин яростного отрицания моих взглядов состояла в том, что моя формулировка требовала принятия моей концепции Эдипова комплекса. И вот они — мы все, испытывающие в своей жизни исступленные чувства любви и ненависти, страха и тревоги, независимо от того, имел место действительный факт кровосмешения или нет.

Эдипов комплекс — совокупность неосознаваемых представлений и чувств, сконцентрированных вокруг бессознательного влечения к родителю противоположного пола, и ревности, желания избавиться от родителя одного и того же, что у индивида, пола. В теории Фрейда стадия Эдипова комплекса с необходимостью возникает в возрасте 3–5 лет как фаза развития сексуального инстинкта. Эдипов комплекс наследуется филогенетически. В результате разрешения конфликта происходит идентификация с родителем одного с ребенком пола. Причиной многих неврозов в зрелом возрасте Фрейд считал то, что Эдипов комплекс не был изжит, а только вытеснен в бессознательное в детстве.

ВЛИЯНИЕ НА АКАДЕМИЧЕСКУЮ ПСИХОЛОГИЮ

В 1961 году моя дочь Анна приехала из Англии, чтобы посетить университет Кларка. Она отметила, что американская психология была так поглощена педантичными исследованиями в попытке утверждения своих научных принципов («верительных грамот»), что почти полностью игнорировала массу имеющейся литературы по психоанализу. С того времени ситуация изменилась. Роясь в одной из ваших крупнейших научных библиотек, я обнаружил, что библиотечный каталог включает в себя целые тома рефератов, в каждом из которых даются ссылки на психоанализ, охватывающие в целом примерно 150 тысяч книг, статей и докладов. Но увы, их постигла судьба большинства книг по психологии — теперь они в забвении пылятся на полках библиотеки. Однако, как вы выражаетесь, они сделали свое дело. С особым волнением я отметил в статьях по автоматической обработке и поиску информации, что современные психологи даже заново открыли мою концепцию Бессознательного (с заглавной буквы) и принцип его действия. Как это ни парадоксально, представители школы когнитивной психологии открыли заново тот факт, что существуют мыслительные процессы, которые протекают даже

несмотря на то, что индивид не осознает их. Я действительно не в претензии за то, что большинство из исследователей либо не имеет обо мне понятия, либо не желает признавать за мной право первооткрывателя этих феноменов. Сам факт, что они дошли до идеи, давно открытой психоанализом, имеет важное значение.

Хотя популярность психоаналитической мысли переживает в США свои взлеты и падения, я с удовольствием могу отметить, что идеи психоанализа оказали большое влияние на многие сферы повседневной жизни людей. Вспомните некоторые слова, занявшие полноправное место в вашем словаре; упомяну хотя бы некоторые из них: репрессия, регрессия, психосексуальное развитие, функция «Я», рационализация, защитное поведение. Я считаю, что наблюдаются также более глубокие изменения в странах Запада, которые, вероятно, можно связать с некоторыми из наших ранних теорий. К примеру, в современной судебной практике судьи имеют дело не только с совершенным преступлением, но и с психологическим анамнезом индивида. Весь принцип реабилитации в целом базируется на идее о том, что людей можно переориентировать таким образом, чтобы выявить их самые прекрасные жизненные силы.

Широкое распространение, которое получила психотерапия, — изначально бывшая доступной только для состоятельных людей, но в настоящее время смещающаяся вниз, даже к низшим слоям общества (с помощью создания официальных государственных центров), — возможно, берет начало в открытии психоаналитического метода терапевтической беседы (или терапевтического интервью). Я не берусь утверждать, что терапевтическая беседа является открытием психоанализа. Несомненно, до нас был Сократ, впервые применивший этот метод, однако метод терапевтической беседы с людьми, испытывающими страдания, являлся ключевым элементом психоанализа, который вскоре получил широкое распространение и стал доминирующим методом в психиатрии.

Я с некоторой долей удивления вспоминаю то время, когда в начале XX века психиатрия, еще толком не представляя, к какой ветви медицины она относится, металась из стороны в сторону между психотерапией и соматотерапией. Сначала психиатры изобрели всевозможные виды неэффективных электрических и химических методов лечения людей, страдающих нарушениями психики. Затем, соперничая с психологией и социальными разработками, большинство психиатров обратилось к психотерапевтическим методам и основательно занялось психоанализом. Центром психоаналитического движения являлась клиника Меннингера — по крайней мере, так полагали ее сотрудники.

Даже в расцвете популярности психоанализа некоторые психиатры продолжали проводить лоботомию и использовать для лечения электрошок, часто к изумлению и смятению представителей других сфер медицины. Похоже, что подобная склонность к лечению соматическими методами глубоко укоренилась в сознании психиатров.

В наше время они возвращаются к химическим методам лечения, основанным на новых кардинальных открытиях, касающихся действия лекарственных препаратов, способных вызывать изменения в психике человека. Зачастую они оказываются теми же самыми препаратами, которые ранее применялись в примитивной медицине. Никто не сомневается в том, что лекарства действительно оказывают воздействие на больных людей. Но, увы, лекарства имеют и значительные побочные эффекты — и, несмотря на то, что некоторые из лекарственных препаратов способны ослабить симптомы заболеваний, они не в состоянии восстановить достоинство и душевное здоровье пациента. Этому способны достичь только психоаналитик или терапевтическое интервью.

Я уверен в том, что для того, чтобы избавить страдающего неврозом пациента от боли и дать ему возможность открыть для себя цель в жизни, необходимо восстановить непрерывность связи такого пациента с его самым ранним жизненным опытом. «Импринтинг детских впечатлений» (как вы выражаетесь сегодня) не только создает «Я» и «сверх-Я», он также создает конфликты, вызывающие невропатические изменения. Индивид должен «поднять» этот свой

ранний опыт на поверхность, в сознание, для того, чтобы претворить его в свою новую полноценную жизнь.

Теперь, после того как я немного разговаривался, я перейду к главной теме этого выступления и расскажу вам о том триедином вкладе, который, по моему мнению, является истинным наследием психоаналитической мысли, особенно с точки зрения его влияния на современную культуру.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО

Первым главнейшим достижением психоанализа явилось то, что он сблизил людей. Пусть это мое замечание не наведет вас на ложный вывод о том, что я — благодетель человечества. Совсем нет. Я начинал свою карьеру, изучая мозг угрей, и в то время меня мало волновал вопрос о помощи людям. Даже теперь меня, как правило, больше всего интересует вопрос о том, как сочетаются различные грани человеческой личности. Реже я проявляю интерес к тому, какие типы вмешательства, от гипноза до аналитической интерпретации, способны с наибольшим успехом помочь страдающим пациентам. Однако как-то так вышло, что теория помогла сблизить людей. Она достигла такого неожиданного успеха, поскольку делала упор на том, что все мы очень похожи. Все мы имеем важные сексуальные цели, испытываем трудности в вопросе самоконтроля, переживаем внутренние конфликты и тревоги. Временами все мы совершаем поступки, до конца не осознавая, почему поступаем именно так, а не иначе. Все мы иногда испытываем беспочвенные страхи или враждебные чувства к людям, которых зачастую даже не можем понять, и все мы склонны к рационализму (все мы пытаемся дать своим поступкам объяснение, порой ложное), проецируем на других наши слабости, вытесняем их в подсознание и подавляем.

Даже в клиниках для неизлечимых душевнобольных, как их обычно называют, люди не так уж сильно отличаются от большинства из нас. Просто они «отошли чуть-чуть дальше». В конце концов, все мы потворствуем своим личным психозам, а именно — нашим сновидениям. Я уверен в том, что психоаналитическая теория помогла нам открыть, что расстояние между нами не так уж велико, как казалось. Все мы имеем сходную генетическую структуру; у большинства из нас развиты умственные способности, способность к языкам; большие пальцы на руках каждого человека слегка оттопырены в сторону. У каждого из нас есть подсознательное, хотим мы признавать это или нет, и множество запретных желаний и мыслей. Веками люди верили в добродетели, якобы дарованные богом аристократии, правителям и богачам. Сегодня мы знаем, что богатые люди — это люди, сделавшие состояние, а во всех иных отношениях остающиеся такими же людьми, как и все прочие. Конечно, теории психоанализа не принадлежит исключительная заслуга признания большего сходства между людьми, но она во многом способствовала этому признанию.

Еще один путь, с помощью которого наш кружок помог людям ощутить большую близость, состоит в следующем: в наши дни в вашей стране больше психотерапевтов, чем всего населения в других государствах. Существует ряд действующих факторов, способных превратить целое население страны в пациентов. Более подробно я расскажу вам о действии этих факторов позже, но если вы живете в неуправляемом обществе, то в нем на каждого человека возлагается огромная ответственность. В некоторых культурах люди жили в рамках жестко установленных правил, и в распоряжении индивидов в таком обществе был лишь очень ограниченный выбор. Такое ограничение возможностей выбора уменьшает в людях ощущение беспокойства за положение в жизни. Североамериканская культура сделала выбор в пользу свободы. Как следствие этого, у американцев наблюдается большее разнообразие жизненных стилей и большее чувство тревоги. В условиях повышенных стрессов также возрастает потребность в системах их снятия. Вы в своем обществе выбрали для избавления от стрессов, помимо автомобиля, лекарственных препаратов (легальных и нелегальных), «Колеса Фортуны» и рискованных ситуаций, психоанализ,

получивший развитие в качестве еще одной системы снятия напряжения. Будем надеяться, что подобное широкое применение психотерапии позволит вам в результате лучше познать самих себя и стать более чуткими к другим людям. Психотерапия способна послужить просто инструментом, разрушающим барьеры непонимания между людьми.

ВАЖНОСТЬ ДЕТСТВА

Второй основной вклад психоаналитической мысли состоит в том, что мы подчеркнули важность ранних детских впечатлений для последующей, взрослой жизни человека. Мы не только детально изучили раннее инстинктивное поведение младенца, развитие «Я» и «сверх-Я» у маленького ребенка, но исследовали также психосексуальное развитие ребенка, которое, при условии нормального протекания этого процесса, приводит в результате к идентификации ребенком себя со значительной взрослой личностью. Особенно я горжусь тем, что пока что предложил единственное объяснение различным сексуальным склонностям, проявляемым взрослыми людьми. Никакая иная теория и, конечно, никакие действующие модели не в состоянии объяснить, почему мужчина способен сексуально возбудиться, бросая в женщину горячие неочищенные картофелины. Какой бы странной ни представлялась подобная мысль, но понимание психосексуального развития ребенка предлагает нам ключ к разгадке. Основное положение состоит в том, что любое необычайно сильное, приятное или травмирующее впечатление, полученное в раннем детстве — будь то мысль, сновидение или реальное событие — способно накладываться на «либидо», то есть связываться с зарождающимися сексуальными влечениями. В свою очередь, многие из сексуальных «опытов» ребенка способны в результате привести к фиксации сексуального инстинкта к возбуждающему стимулу, который может иметь значительные различия в зависимости от личности ребенка. Однако именно тот упор, который делала теория психоанализа на значимости раннего детства для дальнейшей жизни человека, подвиг с тех пор многих ученых на проведение исследований с детьми. Могу добавить еще только одно — эта столь очевидная для всех вас теперь мысль о существовании взаимозависимости между детством и взрослой жизнью индивида совсем недавно была всего лишь темой исследования. В своей трактовке индивидуального развития теория психоанализа придает большую важность созреванию человека, а не приобретению им навыков. Теория психоанализа рассматривает процесс психологического развития как процесс раскрытия потенциала (потенциал человека «раскрывается» подобно тому, как раскрываются лепестки цветка). Никто не учит цветок, как ему цвести; он просто раскрывается, и все. Замедлить процесс цветения растений способны скудная почва, плохая погода, а также все прочие виды внешних вмешательств. То же самое относится и к развитию человеческой личности. Раскрытию потенциала человека может мешать нищета, нездоровая атмосфера в семье или же воздействие прочих различных неблагоприятных внешних факторов, препятствующих росту личности.

Из-за того значения, которое я придаю раннему опыту жизни, люди с философским складом ума называют меня детерминистом, однако мой детерминизм отличается достаточной гибкостью. Я убежден в том, что настоящие модели поведения определяются прошлыми моделями, но если признать и принять эти прошлые модели, то в подходящих обстоятельствах они поддаются корректировке. Конечный результат состоит в том, чтобы облечь человека ответственностью самому творить хорошую жизнь для себя. Стоит упомянуть, что по этой причине мои теории никогда не принимали в Советской России или в Китае. Причина, несомненно, состоит в том, что мои теории предоставляли человеку большую свободу в решении собственной судьбы, чем могла позволить себе политика этих стран. То же самое, несомненно, относится и к мусульманскому Востоку.

Некоторые современные теории лечения заходят слишком далеко в понимании личной свободы. Согласно этим теориям, при условии соответствующего опыта все человеческие существа обладают абсолютной свободой развиваться и совершать

все то, что ни пожелают, но я полагаю, что эта идея абсурдна. Вернемся к метафоре о цветке: каждый отдельный цветок в мире растет на своем личном кусочке земли. Он имеет собственные генетические корни. Он получает определенное питание, испытывает конкретное воздействие солнца и дождя (в зависимости от климатических условий местности, в которой растет), а также подвергается конкретной опасности. Все эти силы и определяют то, каким будет окончательный вид этого цветка. В некоторых условиях вырастают сильные и здоровые растения, в других — чахлые и низкорослые. Люди, как и растения, ограничены теми индивидуальными условиями, в которых протекает процесс их развития. Ни один человек не является абсолютно свободным.

Свобода — это иллюзия, а точнее — фикция. Хотя людей можно научить изменять собственную жизнь, эта наука не должна основываться на фальшивом убеждении, что люди являются абсолютно свободными. Они свободны в определенных границах своей личной истории и жизненных ситуаций.

УДОВОЛЬСТВИЕ.

СКРЫТОЕ В СИМПТОМАХ

Третье главное достижение психоанализа (первые два заключались в сближении людей и в признании влияния ранних детских переживаний на более поздние этапы человеческой жизни) заключается в нашем понимании того, что в симптоме наличествует элемент удовольствия. На раннем этапе нашей работы мы поняли, что никто не склонен легко отказываться от удовольствий. Никто по собственной воле не отказывается от «инвестирования» либидо своих идеалов и духовных ценностей. Хотя эта мысль являлась совершенно очевидной, она значительно осложнилась, когда мы обнаружили, что люди иногда находят удовлетворение в своих проблемах. Это открытие явилось неожиданным и сильно оспаривалось.

Явление, заключающееся в том, что люди, обращающиеся к психоаналитику якобы с целью освободиться от мучающих их проблем, на самом деле сопротивляются процессу лечения и продолжают цепляться за свои проблемы с поразительными упорством и хитроумием, получило название «невропатического парадокса». Обнаружение того, что в самой симптоматике нарушения присутствует элемент удовольствия, не только объяснило сей парадокс — оно также оказало влияние непосредственно на процесс лечения. Согласно законам психоанализа, мы всегда обязаны локализовать причину сопротивления пациента лечению и помочь своим пациентам определить, какое удовольствие они испытывают от собственных проблем — это, мягко говоря, трудная задача.

Объяснение этому странному феномену следует искать в детском опыте, общем для всех людей. Все мы появляемся на свет беспомощными и еще несколько лет проводим в беспомощности, пока не сформируем представление о собственном «Я» и не станем более независимыми.

Однако состояние беспомощности оставляет в человеке глубинную травму — ощущение желания, отчаянное чувство нужды в ком-то. В период нашей беспомощности родители, братья, сестры и другие люди отвечают нам по-разному: любовью и поучениями, насмешкой или давлением, терпимостью или равнодушием. Мы переживаем этот травмирующий период нашей жизни и, именно потому, что он был настолько травмирующим, интерпретируем различные реакции на самих себя как подходящие и заслуженные. Из-за интенсивности ощущения беспомощности мы воспринимаем эти реакции как чрезвычайно сильные и значимые и «импринтируем» их на глубинном уровне. Став взрослыми людьми и столкнувшись в жизни, по нашему мнению, с трудными и непреодолимыми проблемами, мы бессознательно вспоминаем свое детское ощущение беспомощности и зачастую болезненные, но тем не менее «заслуженные» и «правильные» спасительные реакции, которые мы получали в ответ на свои потребности. В свою очередь, мы воссоздаем условия, при которых мы могли бы

получить такие же реакции. В результате этого они становятся повторяющимися, порой даже против нашего желания. В реальности подобные симптомы, зачастую оказывающиеся пораженческими, есть не что иное, как прошлые реакции наших близких на наше отчаянное чувство беспомощности. Мы находим в симптомах удовольствие, но часто платим слишком высокую цену за возможность испытать его.

Хотя травмы, вызывающие удовольствия, которые мы черпаем в своих проблемах, представляют собой неприятный аспект процесса взросления, отсутствие подобного болезненного опыта может иметь разрушительные последствия. Психологически самым худшим условием существования для человека является равнодушие. В результате подобного равнодушия, как вы сами можете заметить, дети здесь, в Соединенных Штатах, крайне неуправляемы; не похоже, чтобы они признавали авторитеты. Как мне представляется, это объясняется тем, что вашей стране присуща большая свобода, чем большинству других стран. В США традиция и авторитет не играют такой роли, как в других западных странах. Традиция и авторитет основываются на сильной власти в семье, обычно на личности властного отца. Без наличия такой сильной личности в семье дисциплина и то, что мы называем «страхом кастрации», сводятся к минимуму. Такое ослабление власти семьи влечет за собой незамедлительные последствия, проявляющиеся в том, что идентификация с авторитетными фигурами слаба или даже вообще невозможна. В отсутствии почтения к авторитетам дети сами становятся авторитетами для себя. Как правило, они руководствуются собственным Id (Оно), что уже является шагом к нарциссизму. Это само по себе представляет ужасную проблему для родителей, которые не преминут упомянуть об этом. С другой стороны, именно эта проблема также является источником удовольствия и большим благом для общества. Именно такое скрытое удовлетворение позволяет людям и обществам благополучно переживать проблемы.

Когда авторитет переходит к Id, индивиды, составляющие конкретную культуру, не имеют ни традиций, ни истории, и культура сбивается с правильного пути, как может показаться людям, не принадлежащим к данной культуре. Может быть, они и правы. По моему мнению, именно из-за ощущения отсутствия структуры во время двух последних выборных кампаний население вашей страны избирало президентом человека, представляющего традиционную фигуру отца, однако при этом не давало ему власти и полномочий для осуществления значительных изменений.

Этот факт выдает существование скрытого удовлетворения, о котором я только что упоминал. Есть удовольствие в симптоме, который представлен неуправляемым обществом, и такое удовольствие способно перевесить трудности и отвращение к проблеме. Тяжело жить в неуправляемом обществе. Тяжело не иметь контроля над собственными детьми. Но приятно чувствовать себя свободным, иметь разнообразный выбор, не бояться фигур власти, например полиции, бунтовать против правительства и уничтожать символы его власти, сжигая флаги, отрицать религию и совершать ребяческие акты агрессии против любого божества. Да, в преодолении барьера традиций присутствует огромное чувство свободы. Вы ощущаете себя молодыми и энергичными, а временами — беспомощными.

С целью перейти к заключительной части этого обсуждения я хотел бы очертить связь принципов, легших в основу указанных мною основных достижений психоанализа, с жизнью общества в целом. Из моей статьи «Тотем и Табу» (Totem and Tabu) вы, возможно, помните, что мне свойственна именно такая тенденция.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИИ

В статье «Тотем и Табу» я размышлял о том, как зародились нормы общественной жизни в первые годы существования человечества. Я предположил, что несколько миллионов лет тому назад, когда небольшие стада первобытных людей бродили по земле, такие правила были установлены самыми свирепыми мужчинами в каждом

стаде и что эти наиболее свирепые мужчины подходили на роль отцов. Вероятно, эти правила были невербальными (не выраженными в словах), поскольку мы полагаем, что в то время у людей еще не было языка. Члены этих первобытных стад, не подчинившиеся правилам, установленным отцами, не выживали, и это способствовало сохранению незыблемости этих правил.

Есть резон предполагать, что в мозгу кроманьонцев имели место мутации, сделавшие возможным появление речи, и этот новый талант наделил их огромной силой. Вместо того, чтобы с животной яростью нападать друг на друга или на другие стада или защищаться от врагов, члены одного стада могли теперь планировать свои действия и распределять обязанности. В пределах одного стада самый свирепый мужчина — отец — больше не мог сохранять свою единоличную жестокую власть, потому что его сыновья начали разговаривать друг с другом, то есть каким-то образом общаться между собой. Вероятно, так сыновья обнаружили, что сообща они способны бросить вызов власти своего отца.

Позвольте предположить, что это заложило основы демократии. Согласно такому предположению, зачатки демократии возникли с осознанием сыновьями того, что вместе они сильнее своего отца. Если они захотят, то могут убить своего отца и, как я предположил в «Тотеме и Табу», даже съесть его, несмотря на то, что будут испытывать примитивное чувство вины за содеянное. Теперь правила стали другими.

Я верил и сейчас верю в то, что первым шагом в эволюции демократии явился этот закон разделенной власти, установленный сыновьями против своего отца. Следующим шагом явилась убежденность сыновей в том, что каждый из остальных членов стада должен также обладать своей долей власти. Одним из следствий такого нового принципа было то, что все женщины стада, которые прежде находились в распоряжении отца и, может быть, самых сильных его сыновей, вместо того, чтобы принадлежать всем мужчинам стада, теперь стали запретными для всех мужчин, так что ни один мужчина не имел права тронуть женщину, принадлежащую к его стаду. Такое табу на инцест привело к различным интересным последствиям. К примеру, для продолжения рода мужчины начали выкрадывать женщин из других стад.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

Мне кажется, что проблемы, стоящие перед демократиями Запада, и особенно перед Соединенными Штатами Америки, являются неизбежным результатом эволюции древнейших законов. Сердцевиной этого является требование сыновей о равноправии. Однако ни теперь, ни, возможно, вообще никогда это требование не будет удовлетворено до конца. До сих пор любая страна, провозглашающая намерение следовать демократическим принципам, имеет низшие классы, так называемых «сыновей младшего бога», если вы позволите мне прибегнуть к плагиату. Такие низшие классы, существующие во всех человеческих обществах, в одних в большей степени, в других — в меньшей, и являются причиной мятежей, революций, терроризма и войн. Даже примитивная вина за убийство отца оставила заметный след в демократических культурах. Среди таких последствий можно назвать пуританизм и жесткое, иногда бесчеловечное насаждение правил, столь характерное для подобных культур.

По моему мнению, эти проблемы, по всей вероятности, сохраняются, даже если возможно будет контролировать крайности в их проявлении. История любого общества в большой мере определяет ценности, главенствующие в наследующих ему обществах, подобно тому как наша личная история определяется нашей детской жизнью. На бессознательном уровне мы цепляемся за традиции, даже если мы уже не имеем понятия о том, что именно традиции влияют на наше поведение и наши мотивы. В наше время ценности материальны, они связаны с положением в обществе и, если это возможно, с неограниченной сексуальной свободой. Довольно интересно, что эти ценности в действительности являются

отражением традиции аристократов Старого Света, которые были в своем роде достаточно нарциссическими, думали лишь о сегодняшнем дне, ценили только удовольствия и богатство. Но дело в том, что сегодня только очень и очень немногие из вас в состоянии осознать — или признать, что они осознают это, — что жизненная установка, общая сейчас для миллионов ваших сограждан, вызвана в действительности идентификацией с аристократическими дворами прошлых веков.

Даже великое множество психиатров в вашей стране есть не что иное, как еще одно отражение бессознательной традиции. Их положение похоже на положение придворных королевских шутов, которые были благожелательными людьми и использовали юмор как средство давать очень серьезные советы. Клиент психотерапевта напоминает короля.

Король волен принять совет своего шута, а может оставить его без внимания и не обязан отдавать шуту должное в том случае, если совет был хорош. Когда совет оказывается плохим, король не может обвинить в этом своего придворного шута, но может поменять его на другого.

Известны даже случаи, когда короли сами придумывали проблемы, чтобы получать потом удовольствие, наблюдая, как их шуты решают эти проблемы. Таким образом, можно сказать, что миллионы американцев сегодня нашли себе собственных придворных шутов, то есть своих консультантов, советы которых они вольны принимать или игнорировать. Конечно, среди этих советчиков найдется несколько полубогов и пророков, которые заявляют, что им известно все, и работать с которыми совсем не так легко. Однако, если говорить серьезно, придворный шут современности, так же, как его предшественник во время оно, играет очень значительную роль в обществе, помогая людям взглянуть в лицо своим возможностям и сделать более мудрый выбор.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ЛЕКАРСТВЕННЫМИ СРЕДСТВАМИ (НАРКОМАНИЯ)

Несколько слов о вашей проблеме с применением лекарств. Как знают некоторые из вас, я выкуривал примерно по 20 сигар в день и привык к этому. Вы можете верить мне или не верить, но иногда «сигара — это просто сигара». Да, я тоже принимал участие в открытии анестезирующего действия кокаина и даже попробовал принимать его, чтобы проверить, способен ли он контролировать болезненные ощущения. Поскольку наши знания оказались недостаточными, один из моих товарищей пристрастился к кокаину и у него выработалась зависимость от этого средства.

Наблюдая за его реакциями я пришел к выводу, которым поделился с Ференци, что принимаемый в избыточных дозах кокаин способен вызывать параноидальные симптомы. Я рассматриваю лекарственную зависимость сегодняшнего дня как следствие того, что в современном мире много людей разочарованных, неудовлетворенных своей жизнью. У них пропала сексуальность. Им не нужен больше просто новый «кайф», они хотят полностью изменить свой образ жизни.

Помните, что в симптоматике есть удовольствие! Люди, постоянно принимающие сильные наркотики, пускаются в занятия криминальным бизнесом, который приносит им «либидозные» наслаждения от тайных сделок и риска. Они сближаются с другими наркоманами и бродягами и тем самым испытывают удовлетворение, как бы восстанавливая утраченные ими «семейные узы». Некоторые вступают в беспорядочные половые связи, в которых они находят бессознательное удовлетворение своего нежелания нести ответственность за какого-то конкретного человека. Другие люди, пристрастившись к наркотикам, становятся непереносимыми в общении или приобретают параноидальные симптомы, или и то и другое одновременно, что означает, что они получают либидозное удовлетворение, изолируя себя от общества. Если ваше общество действительно стремится помочь людям избавиться от наркомании, оно должно добраться до глубинного истока этой проблемы, чтобы искоренить ее. Речь здесь

идет именно о тех тайных наслаждениях, которые присутствуют в симптомах, и вопросы, подлежащие решению, касаются семейных уз, одиночества и ответственности за других.

ПРОЧИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ВЗАИМОСВЯЗЯХ

Как я уже упоминал в начале своего выступления, наша психоаналитическая группа помогла людям понять, что между ними не так уж много отличий — что самые худшие побуждения, страхи, тревоги и защитные механизмы, которые мы наблюдаем у других людей, в такой же мере свойственны нам самим. По этой причине я полагаю, что теперь уже совсем не так просто отъединить себя от прочих людей, заявляя, что эти люди — другие, странные или ненормальные. Как непосредственный результат такой перемены во взглядах, в недавнем прошлом вы исключили ряд аномальных, криминальных или непопулярных моделей поведения из своего «перечня запретов».

Гомосексуалистов уже не рассматривают как «больных», несмотря на то, что вряд ли их жизненная установка и теперь пользуется большой популярностью в обществе. Аборты и адюльтер уже не считаются «гражданскими преступлениями». Развод уже не является причиной для импичмента президента. Лишь немногие из вас будут открыто жаловаться на то, что в соседний дом въехала еврейская или негритянская семья.

Правда, не так давно вы проголосовали за такое правительство, а вместе с ним и за такой Верховный Суд, которые способны отбросить идеалы гармоничного и свободного сосуществования людей лет на тридцать назад, но, к счастью, в вашей стране правительства приходят и уходят, и то же самое касается верховных судов.

Самым важным пунктом в этом плане является то, что ваши клиники для душевнобольных опустели. На пациентов больше не клеят ярлыки типа «неизлечимый душевнобольной». Может быть, больницы стали даже слишком пустыми, возможно, потому, что ваше правительство хочет таким образом сэкономить средства — особенно на людях, которые не способны принимать участие в голосовании, — и вы слишком часто сталкиваетесь с этими бывшими пациентами на улицах, причем совершенно очевидно, что эти люди все еще нездоровы. Но, может быть, лучше видеть этих людей даже в столь плачевном состоянии, чем запирает их от общества и потом забывать о них.

Позвольте мне дать последний комментарий тем наблюдениям, которые я сделал в Америке. Побывав здесь в 1909 году, я почувствовал, что Америка находится в состоянии своего детства. В 1960-е годы, по моему мнению, ваша нация пережила свою юность. Теперь я вижу перед собой взрослого человека в расцвете молодости, вижу страну, желающую сохранить свои благотворные идеалы свободы и мощи, но одновременно начинающую осознавать реальность ограничений. За импульсивными и непредсказуемыми действиями у вас всегда следуют мысли об обеспечении надежного положения своей страны в будущем. Этому способствует существующая в вашей стране двухпартийная система, которая обеспечивает вам огромную стабильность в сравнении с другими нациями. Одна из ваших партий представляет собой отца, придерживающегося консервативных взглядов и стоящего за сохранение законности и порядка; другая партия представляет собой мать, более любящую по отношению к каждому из своих детей, даже самому малому из них, и озабоченную желанием помочь им.

До сих пор, за исключением тех лет, в которые проходили выборы, ваши отец и мать достаточно хорошо уживались друг с другом, так что реальные различия между ними были скорее ничтожно малыми. Государственный корабль двигался преимущественно единым курсом, независимо от того, кто стоял у руля — отец или мать. По этой причине группировки, настаивающие на необходимости проведения радикальных перемен, не имеют значительного политического влияния, за исключением случаев, когда им удается привлечь на свою сторону миллионы

избирателей, так, как это произошло в годы Вьетнамской войны. В целом семья живет в ладу. Посмотрим, что произойдет, когда появится четвертая по счету семья — европейская — после американской, российской и китайской семей. Как я указывал в своей работе «Цивилизация и ее тревоги» (Civilization and its Discontents), я могу только надеяться, что мощные импульсы, возникающие внутри семьи и побуждающие к наслаждениям и разрушению, будут сдерживаться, что вспыхивающие межсемейные ссоры смогут быть разумно предотвращены путем взаимных соглашений и что цивилизация сумеет избежать гибели. Я не слишком большой оптимист, однако считаю, что лучше работать над разрешением проблемы, чем обманывать самого себя и понапрасну терять время.

К. Г. ЮНГ: ЧЕЛОВЕК И ЕГО РАБОТА —

ТОГДА И ТЕПЕРЬ

Приглашение принять участие в этой попытке связать современную психологию с ее историей путем изучения жизни и творчества ее первооткрывателей вызвало во мне душевные колебания. Я был польщен тем, что мне предложили рассказать о творчестве столь значительной фигуры, как Карл Юнг, но были у меня и опасения. Я не «юнгианец» и потому сомневался, имею ли я моральное право браться за такое задание. Но потом я вспомнил интервью с Юнгом, заснятое на пленку в последние годы его жизни, в котором он, усмехнувшись, заметил, что он не является юнгианцем. Это воспоминание помогло мне преодолеть свои сомнения.

Предложенный размер выступления, с учетом личности его центральной фигуры, тоже заставил меня призадуматься. Мне легко было представить себе Юнга в позе Иеговы, нависающего над моей головой и громоподобным голосом изрекающего: «Никто не может говорить о Юнге, кроме самого Юнга». Сей образ еще усилился благодаря рассказу, который так любила повторять Барбара Ханна, одна из учениц Юнга и его биограф. Ее первое выступление на семинаре Юнга подверглось столь резкой критике с его стороны, что только спустя 10 лет она рискнула повторить попытку.

Освежение в памяти юнговской концепции интроверсии, развитой впоследствии Шапиро и мною (1975), явилось более важным препятствием для этой моей работы по раскрытию личности Юнга. Люди, имеющие интровертированную жизненную установку, естественно и автоматически устанавливают между собой и другими людьми некоторое расстояние, которое не может быть преодолено без риска потери такими людьми границ собственного эго. Мне нелегко представить себя в роли другого человека.

И наконец, связанное с указанным выше препятствие к принятию на себя роли Юнга состояло в том, что я не мог не сознавать, что все, что бы я ни сказал, будет не чем иным, как слабо завуалированной проекцией, и мне было неловко выдавать собственные мысли за мысли Юнга.

После всех этих раздумий мое решение — принять задание, но не роль — прежде всего основывалось на чувстве любопытства — посмотреть, что же у меня получится в результате моих тридцатипятилетних размышлений об этом человеке и его деятельности. В каком-то смысле я приступил к выполнению этой задачи несколько лет назад, в своем психобиографическом исследовании взаимоотношений Юнга с Зигмундом Фрейдом (Alexander, 1982). В своем последующем рассказе я пойду тесно переплетающимся путем жизни и деятельности Юнга, отражающим его вклад в науку. Из-за важности этого периода я сделаю основной упор на время между 1909 и 1922 годами, на которое, в числе прочих событий, приходится разрыв Юнга с Фрейдом и его последствия.

Юнг родился в 1875 году в Швейцарии, в семье протестантского священника, которая вскоре после рождения Карла переехала в сельскую местность в окрестностях Базеля. Там Юнг вырос, в основном предоставленный сам себе, дитя брака, который сам Юнг определил как трудный. Юнг описывал своего отца как догматичного, но надежного и достойного доверия человека. Что касается матери, Юнг считал, что она сочетает в себе две личности, одна из которых была несколько неустойчивой, мистической и ясновидящей, а вторая — практичной, более приземленной и целенаправленной. Юнг идентифицировал себя с мистической стороной личности своей матери, которую он называл ее личностью номер два. Позже он говорил то же самое и о собственной конституции.

В те детские годы Юнг страдал от различных недомоганий, часть из которых имела, возможно, психосоматическую природу. Он плохо соответствовал требованиям школьной жизни, у него трудно складывались отношения с соучениками. Хотя я решил не следовать по обычному пути и не анализировать

ранние переживания и воспоминания Юнга как основу для понимания его личности, я хочу рассказать об одном эпизоде, который Юнг пережил в 12 лет и который, как считал сам Юнг, открыл ему путь к свободному существованию, без нервных симптомов. Он рассказывает, как однажды на него неожиданно набросился одноклассник, и он упал, ударившись головой, в полубессознательном состоянии. Затем Юнг продолжает: «Я только частично лишился сознания, но оставался лежать на земле на несколько минут дольше, чем мне действительно было нужно, чтобы прийти в себя. Я сделал это в основном для того, чтобы отомстить своему обидчику». Непосредственно вслед за этим Юнг использовал это происшествие как предлог уклониться от посещения школы. Он также научился падать в обмороки, из-за чего в течение нескольких месяцев ему разрешалось не ходить в школу.

Юнг осознал патологический оттенок собственного поведения, когда услышал, как в ответ на вопрос знакомого о состоянии здоровья Карла, его отец выразил сильную озабоченность по поводу того, что будущее сына представляется ему совершенно неясным. Далее Юнг говорит, как больно задела его в тот момент вопросы реальной жизни. Он понял, что тот путь, на который он встал по своей воле, является пораженческим. Он взглянул в лицо собственным страхам и усилием воли преодолел свои сильные невротические симптомы. С этого времени успехи Юнга в школе улучшились, и он стал одним из первых учеников. В конце концов он выбрал медицину в качестве своей будущей профессии. С этой целью весной 1895 года, меньше чем за год до смерти своего отца, Юнг поступил в Базельский университет. Спустя 5 лет он окончил университет.

В 1961 году, вспоминая свою успешную борьбу с собственными болезненными симптомами, Юнг рассказал о том, как по прошествии лет он осознал значимость того эпизода в своей жизни: «Шаг за шагом я вспоминал, как все это происходило, и ясно увидел, что я сам в ответе за всю эту постыдную ситуацию. Вот почему я никогда по-настоящему не был зол на одноклассника, который тогда сбил меня с ног. Я понимал, что он, так сказать, вынужден был сделать это и что весь этот эпизод являлся неким дьявольским замыслом с моей стороны. Я также понимал, что такое со мной никогда больше не повторится. Я испытывал чувство ярости к себе самому и одновременно сам себя стыдился».

Из этого рассказа, как из клубка, можно вытянуть те ниточки, которые, по моему мнению, оказали влияние на жизнь Юнга. Во-первых, Юнг сумел преодолеть внешний стимул, влекущий за собой страдание, то есть необоснованно агрессивное поведение другого человека по отношению к Юнгу. После этого внимание Юнга сконцентрировалось на решении внутренней проблемы. Во-вторых, он сумел идентифицировать аффекты, вызывающие страдание, и этими аффектами, пускай не в совсем подходящем контексте, были злость, ярость, стыд и унижение.

Именно такие эмоциональные реакции могут легко возникать у нас в ответ на агрессивные действия другого человека, но в данном случае они у Юнга не возникли. Эти эмоции становятся осознанными, только если они проистекают из внутриличностного конфликта.

В-третьих, вытесненный внешний конфликт затем надлежит преодолеть в противоборстве с самим собой, что ведет к противоядию от всех неприятностей — к работе. Таковы эти нити, которые, как мы сможем убедиться, проявятся в жизни Юнга еще не раз.

Когда в декабре 1900 года Юнг поступил на свою первую должность ассистента клиники для душевнобольных Бургхольцли в Цюрихе, ему было 25 лет, он еще не имел почти никакого опыта в проведении исследований и совсем недавно заинтересовался областью психиатрии. Хотя в качестве источника, пробудившего в нем этот новый интерес, Юнг называет статью Краффта-Эбинга, которую он прочитал в начале 1900 года в ходе подготовки к сдаче государственных экзаменов по медицине, мы знаем, что этот интерес возник у Юнга еще в 1898 году, когда после того, как ему пришлось стать свидетелем некоторых необъяснимых, почти оккультных событий в собственном доме, он приступил к двухлетнему наблюдению

за спиритическими сеансами, которые проводились молодой родственницей Юнга, проявлявшей признаки раздвоения личности. Отчет об этих наблюдениях, представленный Юнгом в 1900 году в качестве докторской диссертации, стал его первой печатной работой, вышедшей в 1902 году. Представляется вероятным, что после прочтения статьи Краффта-Эбинга Юнгу стало ясно, что психиатрия даст ему возможность исследовать тайны человеческого разума, к чему Юнга бессознательно влекло уже в течение многих лет.

Юнг посвятил 1901 год постижению основ своей новой профессии в том бешеном темпе, который типичен для студентов медицинских колледжей. Ему потребовалось 6 месяцев на то, чтобы познакомиться с результатами 50-летних трудов, отраженными в «Общем журнале по психиатрии» (*Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie*).

Он хорошо усвоил эти уроки и к 1902 году уже опубликовал полную историю болезни одного из тюремных заключенных, страдавшего припадками истерии. Его анамнез появился в «Журнале по психологии и неврологии» (*Journal for Psychology and Neurology*). Колоссальная работоспособность Юнга, его необычайно тонкая наблюдательность и талант легко облекать свои мысли в слова и доносить их до читателей были теми чертами, которые отличали Юнга в течение всей его карьеры ученого. За 10 лет, последовавших за первой публикацией, Юнг написал и опубликовал более 90 работ, включая несколько книг и монографий, десятки медицинских докладов, отчеты об основных циклах эмпирических исследований, а также многочисленные обзоры самых значительных публикаций в своей профессиональной сфере.

Однако вернемся к начинающему психиатру и поговорим о его первых исследованиях, о их содержании, о том, какие цели двигали Юнгом, о том влиянии, какое оказала работа Юнга в его время, и о том, какую возможную ценность представляет наследие Юнга для последующих поколений. Исследование ассоциаций, поощряемое Юджином Блюлером, главным врачом и руководителем Юнга в клинике Бургхольцли, было предпринято с реальной целью понять природу *dementia praecox* (то есть раннего слабоумия, как раньше называли шизофрению). Блюлера особенно волновала эта вечная проблема психиатрической диагностики, а более конкретно он интересовался этиологией, прогнозированием и возможностью лечения *dementia praecox*. Избрав в качестве инструмента исследований ассоциативную методологию, Блюлер искал себе помощника, который осуществлял бы сбор информации, необходимой для оттачивания этой методики, с тем, чтобы с ее помощью получить ответы на насущные вопросы. Он нашел такого человека в Юнге. Независимо от того, как Блюлер и Юнг начинали свою совместную деятельность, вышло так, что все, что они сумели сделать в последующие 10 лет, носило отпечаток личной мысли Юнга.

Основания, определившие участие Юнга в данном исследовательском проекте, были раскрыты им во вступительном параграфе своего первого из целого ряда докладов на тему «Ассоциации у здоровых индивидов» (*The Associations of Normal Subjects*). В этом вступлении Юнг делает особый упор на влияние Блюлера, описывая в том числе ту задачу, которую Блюлер поставил перед Юнгом и его коллегой по работе, Риклином. Юнг ясно дает понять, что он «пустился в этот путь» с целью проведения исследовательской работы, необходимой для того, чтобы его руководитель получил возможность, опираясь на более точные данные, продолжить свое основное исследование в области психозов. То, что это была только часть правды, ясное отражение постоянно присущего Юнгу стремления двигаться по собственному пути независимо от того, чего требовала от него в конкретный момент преданность другим людям, позволяет предположить заявление самого Блюлера в этом же вступлении. Указав, что исследования Юнга дали возможность ответить на многие вопросы в диагностике, Блюлер продолжает: «Однако этим ценностью полученных результатов не исчерпывается. С помощью оригинальных интерпретаций, правильность которых легко доказуема, Юнг и Риклин продемонстрировали, что благодаря этому методу стало возможным более широкое исследование механизмов бессознательного, чем мы смели надеяться

ранее». Этот аспект исследований брал начало не в области интересов Блюлера; он явился продолжением тех исследований, которые Юнг начал, работая над темой своей диссертации. Он все еще искал ключ к «другому миру, существующему за пределами мира реального», который он наблюдал у своей молодой родственницы. Он думал, что сумел определить этот мир в своем анализе контролируемых ассоциаций как сконцентрированную совокупность идей в области бессознательного, сопровождаемую чрезмерными или несоответствующими аффектами — то есть комплекс. То, что подобное прозрение привлечет Юнга к теории Фрейда, ясно без лишних слов. Важно понять другое — то, что Юнг уже вступил на свой собственный путь. Этот путь он открыл сам, а не в процессе работы над заданием Блюлера и не во время чтения работ Фрейда.

Но коль скоро Юнгу было предназначено следовать своим собственным путем, почему тогда он принимал такое деятельное участие в работе сначала Блюлера, а потом Фрейда? Один из ключей к этой загадке лежит в аспектах личности Юнга, которые замечали в нем другие люди, но которые, по всей видимости, оставались скрытыми от его сознания и которые он сумел увидеть только в более зрелом возрасте. Разные люди в разное время характеризовали Юнга как высокомерного, тщеславного, честолюбивого человека, жаждущего признания, проникнутого духом соперничества и даже не заслуживающего доверия. Тот факт, что подобные характеристики соседствовали с совершенно другими определениями, такими, как скромный, внимательный, открытый, чуть ли не святой, дает некоторое представление о той сложности характера Юнга, которая отражается в существовании в нем личностей № 1 и № 2. Совершенно очевидно, что ему были присущи и те и другие приписываемые ему черты, но именно власть честолюбия и соперничества, то есть сторона личности № 1, делали столь притягательными для Юнга его союзы со своими старшими наставниками.

В своей книге «Воспоминания, сновидения, размышления» (1961) (Memories, Dreams, Reflections) Юнг часто касается своего отношения к честолюбивым помыслам и соперничеству. Говоря о том, что в годы учения в гимназии он уже наслаждался плодами успехов, Юнг добавляет, что за этот успех ему пришлось заплатить слишком высокую цену, поскольку он лишил Юнга внутреннего покоя, покоя души. Он рассказывает, что даже когда ему удалось стать первым учеником в классе, удовольствие от этого было отравлено завистью к нему его соучеников. «Я ненавидел любое проявление духа соперничества, — пишет Юнг, — и если кто-то из моих товарищей вкладывал в игру слишком много азарта и духа соревнования, я немедленно прекращал игру и уходил». Юнг обладал честолюбием, но ему претило участие в межличностных конфликтах, связанных с достижением признанного успеха, претили проявления агрессии против других людей и проявления враждебности с их стороны.

В другом месте Юнг вспоминает свои студенческие годы, когда ему было около 25 лет и он учился на медицинском факультете, а затем сделал выбор в пользу психиатрии. Он вспоминает, какое разочарование вызвал его новый выбор у его учителя и товарищей. Юнг рассказывает, что он лучше всех сдавал выпускные экзамены и подвела его только неожиданная ошибка в предмете, в котором он всегда превосходил других. После этого он замечает: «Если бы не эта ошибка, я бы получил на экзамене самый высокий балл». Затем поворот мысли приводит Юнга к следующим размышлениям: «Случилось так, что еще один студент получил такое же число баллов, что и я. Это был «волк-одиночка», личность его была для меня неясна, но я подозревал, что это банальный человек. С ним невозможно было ни о чем говорить, кроме учебы. На все он отвечал загадочной улыбкой, напоминавшей мне лица эгейских статуй. Он распространял вокруг себя дух превосходства, но мне казалось, что под этой маской скрываются замешательство и неловкость, которые он испытывал в любой ситуации. Или, возможно, это был некий тип глупости? Я никак не мог раскусить его. Точно помню только то, что у меня создалось впечатление, что его честолюбие носит почти маниакальный характер, и это не дает ему возможности интересоваться ничем, кроме голых фактов. Через несколько лет он превратился в шизофреника.

Я рассказываю об этом в качестве характерного примера параллелизма событий. Темой первой моей книги было раннее слабоумие (шизофрения), и моя личность, с ее отклонением или «персональным уравнением», чутко отозвалась на эту «болезнь личности». Я придерживаюсь мнения о том, что психиатрия в ее более широком значении есть не что иное, как диалог больной души с душой врача, которая, предположительно, является «здоровой». Оба этих определения — «больной личности» и «здоровой личности терапевта» — являются в принципе в равной степени субъективными. Моя цель состояла в том, чтобы показать, что бред и галлюцинации являются не просто характерными симптомами душевной болезни, но имеют также и общечеловеческое значение».

Этот отрывок, написанный почти через 60 лет после описываемых событий, помимо зачаровывающего впечатления, кажется почти подобным сновидению, изобилует недоговоренностями и логически необоснованными доводами. Однако, сколь бы нереальным ни могло это показаться, мы видим, что Юнг ненавидит проявление в других людях именно тех самых черт, которые присущи ему самому — честолюбия, маниакального упорства в достижении успеха и высокомерного пренебрежения к людям, то есть тех черт, которые другие наблюдали у Юнга, а сам он, казалось, в себе не замечал. Видимо, эти воспоминания хорошо защищали Юнга от последствий, которых он мог опасаться в том случае, если бы позволил себе полностью отдаться на милость любой одной из двух сторон своей личности. Если бы он упорно стремился к достижению высокого положения в жизни, как того требовала его личность № 1, его замучили бы внутренние конфликты, вызванные завистью к нему со стороны других и проявлениями его агрессии по отношению к людям. С другой стороны, если бы он замкнулся в себе, его бессознательное могло ошеломить его и полностью поглотить. Подобное противоборство способно было легко привести к идеальному решению об уравнивании противоположностей.

Тремя основными плодами первого десятилетия деятельности Юнга явились «Психология раннего слабоумия» (*The Psychology of Dementia Praecox*), «Изучение словесных ассоциаций» (*Studies in Word Association*) (выходило отдельными выпусками начиная с 1904 г. и далее) и «Символы трансформации» (*Symbols of Transformation*), которые иногда переводились как «Психология бессознательного». Хотя, на первый взгляд, все эти работы касались случаев каких-то нарушений, в основе всех этих работ лежит попытка упорядочивания и определения значения продуктов эманации ненаправленных мыслей, например, фантазий страдающих психозами людей, а также плодов творческого воображения обычных людей. В этом отношении Юнг в основном следовал традиции, заложенной Фрейдом в его исследовании истерии и в изучении значения сновидений. Однако Юнг пошел дальше, распространив силу бессознательных (ненаправленных) процессов на развитие раннего слабоумия и подчеркнув психологическое происхождение нарушений — этот взгляд не разделяли психиатры того времени, и в современной психиатрии он тоже не пользуется большой популярностью. Кроме того, работа Юнга способствовала расширению границ воображения с целью изучения его как ключа к пониманию личности и психопатологии. Достойными изучения теперь считались любые формы ненаправленного мышления, а также сновидения. Они стали интерпретироваться не только в контексте личных особенностей или идиосинкразии, но и как содержание вселенского разума, отраженного в символах и мифах.

Если сегодня мы спросим, выдержали эти первые открытия Юнга испытание временем или нет, ответ, несомненно, будет совершенно утвердительным. Методология исследования бессознательных процессов и сейчас широко применяется в ряде сфер: для оценки личности, в ходе следствия в качестве средства раскрытия преступлений, в литературной критике, даже для понимания исторических событий.

Идея о том, что в развитии психозов участвуют психогенные факторы, по прошествии многих лет привела к созданию методики психотерапии психотических состояний, развитие которой изначально тормозилось постулатом

Фрейда о том, что психозы не поддаются психологическому вмешательству, а позднее было замедлено разработкой электрических, хирургических и фармакологических терапевтических методов. Если вы спросите, оказала ли воздействие работа Юнга в его время, ответ будет также положительным. Менее чем через 5 лет после получения медицинской степени Юнг был уже старшим научным сотрудником и директором исследовательской лаборатории в одном из самых престижных психиатрических институтов в Европе и занимал академический пост в университете. В течение последующих 5 лет он был удостоен почетной степени в зарубежном университете (университет Кларка в США), а также избран первым президентом Международной Ассоциации психоаналитиков. Не достигнув еще и 35-летнего возраста, Юнг, казалось, добился всемирной известности и исполнения своих самых честолюбивых устремлений. Что же послужило препятствием для продолжения этого триумфального шествия?

Как часто случается в жизни, в этом случае были задействованы многие силы, некоторые объективные, некоторые субъективные, некоторые реальные, некоторые нервного плана, некоторые были глубоко личными, а некоторые казались надличностными. Юнг описал такое слияние и взаимное воздействие сил в «Психологии бессознательного» (1916/1949). Эта его работа, представляющая собой анализ записанных фантазий молодой женщины, мисс Миллер, расширяет понятие «либидо» и распространяет его за пределы сексуальности, к более обобщенной мотивации, толкуя инцест как более общее понятие, то есть в значении, связанном с более общими проблемами союза и разделения. Подобное толкование указывает на то, что Юнга не удовлетворяла ограниченность психоаналитических концептуализаций, однако оно также привело к возврату проблемы невропатического плана, выросшей из взаимоотношений Юнга с Фрейдом.

Юнг понимал, что выражение им в печати подобных идей приведет его отношения с Фрейдом к неминуемому концу. Понять этот конфликт можно на основании воспоминаний Юнга о своем детстве. Надежность и безопасность исходила от фигуры отца, разрыв же с отцом приводил к утере опоры. С другой стороны, постоянное пребывание под опекой отца означало остановку личного роста и веру в догмы.

Легко понять борьбу, происходившую в тот период в душе Юнга. Ясно видно, что Юнг отверг Фрейда в его роли отца, требовавшего от Юнга верности своим конкретным идеям. Личность № 1 в Юнге с удовольствием принимала вознаграждения, которые гарантировала ей преданность Фрейду: несомненно, Юнг занимал второе после Фрейда место в команде своего учителя, был признанным преемником Фрейда. Однако такое благополучие достигалось ценой игнорирования потребностей и стремлений личности № 2 Юнга.

Конфликт был настолько сильным и характеризовался столь глубокими проявлениями, что Юнг на каком-то уровне осознавал, что он обязан принять то или иное решение. Позже, возвратившись из поездки с Фрейдом по Америке, Юнг вспоминал, что в те дни усилилась символическая и мифологическая окраска его сновидений. Его попытки понять бессознательные процессы путем чтения мифов и литературы по мистицизму только усилили его замешательство. «Психология бессознательного» подтверждает факт разрыва и его последствия. Прочитав стихотворение Гельдерлина, Юнг дает ему следующую интерпретацию: «Осознание того, что человек должен пожертвовать своим регрессивным влечением (инцестуозным либидо) до того, как «боги» отнимут у него и эту жертву и одновременно всю его энергию либидо, пришло к поэту слишком поздно... Такая жертва была бы принесена наилучшим образом, как явствует из самого очевидного содержания [стихотворения], если бы человек мог со всей полнотой посвятить себя жизни, в которой вся энергия либидо, замкнутая в границах семейных уз, должна была бы выйти наружу и проявиться в его отношениях с другими людьми. Потому что для благополучия зрелого индивида, который в своем детстве был всего лишь атомом, вращающимся в рамках некой системы, ему необходимо почувствовать себя центром новой системы».

Юнг завершает свое толкование стихотворения тем, что рекомендует средство от угрозы поддаться регрессивному влечению. «Лучший способ освобождения состоит в регулярном труде», то есть — тот способ, который он открыл для себя в возрасте 12 лет.

Говоря обо всем этом, я желаю донести до вас мысль о том, что потребность Юнга в разрыве с Фрейдом была мощной и включала в себя необходимость в отделении от фигуры отца и от собственных же честлюбивых стремлений к достижению высокого статуса, которые подогревались в Юнге его экстравертивной стороной, его личностью N 1. Игнорирование подобных потребностей угрожало его душевному благополучию. Мы вскоре увидим, почему Юнгу было нелегко действовать в соответствии с этими потребностями. Публикация вышеуказанной работы по существу ускорила разрыв отношений Юнга с Фрейдом и вступление Юнга на тот одинокий путь, по которому он следовал в течение почти столетия.

До этого момента работа Юнга фокусировалась на важности бессознательных процессов, на расшифровке их значения и понимании их динамики. То направление, которое Юнг избрал в своей «Психологии бессознательного», используя в качестве источников интерпретации содержания бессознательного мифологию, теологию, литературу и мистицизм, было для него новым. Теперь проблема заключалась не просто в том, чтобы обнаружить содержания, вытесненные сознанием, но и в том, как довести до сознания обширные «резервы» опыта, уже заключенные в бессознательном и отражаемые в процессах ненаправленного воображения. Юнг начал осознавать, что, возможно, структурные свойства и динамические проявления разума уже известны и отражаются в продуктах духовной деятельности обществ в более эзотерической форме, в виде символов, ритуалов, мифологии, фольклора и сказок, а также в форме мистических откровений. Интерпретация статики и динамики разума в том виде, как понимал их Юнг, стала в конце концов его центральной задачей.

В последующее десятилетие (1912–1922) Юнг оказался в положении, аналогичном положению Фрейда в период между 1890 и 1900 годами; это был период полной изоляции, в результате которого появился ряд важных произведений, в том числе первая часть «Двух эссе по аналитической психологии» (Two Essays on Analytical Psychology) (1953) и «Психологические типы» (Psychological Types) (1971).

Разрыв с Фрейдом освободил Юнга от великого множества «мирских» обязанностей, включая издание журналов и исполнение президентских обязанностей в Международной Ассоциации психоаналитиков. Сообщалось, что он меньше стал заниматься психиатрической практикой. К тому времени Юнг уже уволился из клиники Бургхольцли и из университета. Он сам рассказывал, насколько трудным было для него это время, как усложнились его сновидения и фантазии в тот период, грозя полностью захлестнуть его. Юнг определил этот период в своей жизни как «конфронтацию с бессознательным».

Для того, чтобы проиллюстрировать, какие личные переживания испытывал Юнг в тот период своей жизни, я бы хотел привести здесь описание сна, который Юнг увидел в декабре 1913 года, всего через 2 месяца после того, как он написал свое последнее письмо Фрейду, завершавшее их переписку, которая продолжалась без перерывов с 1906 года. В этом письме Юнг отказывался от своих обязанностей редактора, поскольку узнал, что Фрейд выражал сомнения по поводу его, Юнга, честности. Это сновидение представляется важным потому, что является отражением той борьбы, которая происходила в Юнге в тот момент, и ее проявлений в творчестве Юнга. Это сновидение также напоминает о том внутриличностном конфликте, который Юнг пережил в возрасте 12 лет.

«Я находился вдвоем с незнакомым мне темнокожим человеком, дикарем, в пустынной гористой местности. Был предрассветный час; небо на востоке уже просветлело, звезды постепенно бледнели. Потом я услышал звуки рога Зигфрида, несущиеся над горами, и я знал, что мы должны убить его. У нас были винтовки. В ожидании его мы залегли в засаде на узенькой тропке, вившейся среди гор.

Потом появился Зигфрид, он стоял высоко над нами, на вершине горы, озаряемый первыми лучами восходящего солнца. На колеснице, сделанной из костей мертвецов, он на бешеной скорости спустился с крутого склона. Когда он завернул за угол, мы выстрелили в него, и он упал, сраженный наповал.

Испытывая отвращение к себе и угрызения совести за то, что я уничтожил нечто столь совершенное и прекрасное, я бросился было бежать, побуждаемый чувством страха от того, что убийство может быть обнаружено. Но вдруг начался сильнейший ливень, и я понял, что он смоет все следы нашего преступления. Я избежал опасности быть обнаруженным; жизнь могла продолжаться, но со мной осталось непереносимое чувство вины».

Очнувшись от сна, Юнг не мог понять его значение, и его начала изводить мысль о том, что если он не сможет расшифровать свое сновидение, ему придется застрелиться. Облегчение пришло к Юнгу, когда он понял символическое значение, заложенное в содержании этого сновидения. Зигфрид олицетворял собою Германию и ее народ, а также ее стремление сделать других людей исполнителями своей воли. Юнг также осознал, что Зигфрид еще символизирует приземленную, честолюбивую и властную сторону его собственной личности. Юнг решил, что ему было необходимо убить в себе эту часть личности, чтобы иметь возможность расти и развиваться дальше. Как вы можете вспомнить, эта тема уже возникала в его воспоминаниях о 1900-м годе, где-то 13 лет назад, когда Юнг одновременно испытывал отвращение к честолюбивым людям и предупреждал о неминуемых последствиях подобного честолюбия — то есть об отчужденности от других и шизофрении. Необходимость избрания собственного пути была тем важным сообщением, которое ясно следовало из содержания сновидения. Именно этот урок, по выражению Юнга, он извлек из своего сновидения, и он послужил Юнгу утешением в непомерно трудный час его жизни.

Нельзя не удивляться тому, что разрыв с Фрейдом произвел такой внутренний переворот в Юнге. Внешне Юнг чувствовал, что он не сделал ничего неправильного, потому что Фрейд был нетерпимым человеком, который был не в состоянии перенести независимость мысли другого. К тому времени Юнг был уже человеком со средствами и мог не беспокоиться о потере дохода. Его научные достижения тоже уже были значительными. Что же тогда могло вызвать столь сильное душевное беспокойство?

Возможно, одна из причин состоит в том, что, хотя Юнг на каком-то уровне понимал необходимость разрыва с Фрейдом, он при этом не осознавал ту враждебность, какую он испытывал к Фрейду за то, что тот вытеснил Юнга из избранного кружка аналитиков и тем самым лишил Юнга уже достигнутого им положения. Одно дело — отмежеваться от кого-либо, но совсем другое дело — самому стать отверженным. Этому часто сопутствует унижение, которое, как я думаю, было для Юнга особенно непереносимым. Анализируя свое сновидение о Зигфриде, Юнг пришел к осознанию важности для себя отказа от честолюбивого пути стремления к высокому положению, и это было внутреннее и абстрактное решение. Однако кое-что Юнг в своем сновидении не заметил, а именно — непосредственные межличностные связи, свой подавленный гнев против Фрейда, а также свою роль в разрыве отношений между ними.

Сознательное отношение, выражаемое Юнгом в связи со своим разрывом с Фрейдом, заключалось в том, что Юнг рассматривал себя как жертву, подвергшуюся несправедливым агрессивным нападкам со стороны проявляющего свою власть коллеги. Если мы обратимся к взгляду Юнга на сновидения как явления, компенсирующие наши односторонние сознательные представления, то предполагаемое значение сна Юнга предстанет перед нами во всей своей ясности. Содержание сновидения открывает гнев Юнга и его желание убить Зигфрида (имя Зигфрид в несколько искаженном виде передает имя и фамилию «Зиг Фрейд», на эту возможность указал Сэмюэл Розенберг в своей книге «Почему Фрейд утратил свое влияние?» (Why Freud Fainted, 1978)).

Подтверждением этого сочетания в Юнге гнева и желания не сдавать своих

позиций может послужить переписка между Фрейдом и Юнгом, которая велась с декабря 1912 года вплоть до их разрыва в октябре 1913 года, за два месяца до того, как Юнг увидел описанный выше сон. После своей гневной диатрибы в письме от 18 декабря 1912 года Юнг в следующих письмах вернулся к более мягкому и примирительному тону, даже после того, как Фрейд выразил желание исключить из их взаимоотношений любой личный аспект. В тот последний год активной переписки с Фрейдом Юнг написал ему около 22 посланий, а Фрейд — всего 9. Последние два письма, которые впоследствии были утеряны, датированы февралем 1913 года. Юнг продолжал писать, не получая ответа, еще почти 8 месяцев. В прежние времена Фрейд всегда был более активным и аккуратным корреспондентом.

Последствия психологических решений, нашедшие отражение в сновидении, ясно проявились в «Двух эссе» (1953) и «Психологических типах» (1971). Прежде всего, можно понять, каким по своей сути стало с того времени отношение Юнга к психоанализу. Он не отрицал психоанализ, он просто категоризировал его. Психоанализ не является неправильным направлением, просто ему свойственна ограниченность. Это односторонний взгляд на вещи, которому противопостоит позиция Адлера. Оба взгляда являются частью некой большей структуры, которую Юнг мог представить себе, но которую еще только предстояло подробно разработать. На личном уровне эту позицию Юнга можно выразить в следующих словах: не обязательно на самом деле убивать имеющего над тобой власть человека, чтобы выжить самому. Нужно просто взглянуть на проблему в перспективе, как на один из элементов в дуализме, которого следует не бояться, а понять.

Вообще идея о том, что можно извлечь выгоду из того, чего вы боитесь, из того, что вам по большей части неизвестно, но с чем вы тесно связаны, из того, что обладает мощью, способной вас ошеломить, ясно звучит в конце первого издания «Двух эссе», в небольшой главе под названием «Общие замечания о терапевтическом подходе к бессознательному». Эта глава кажется особенно автобиографичной и, возможно, отражает те чувства, которые испытывал Юнг в годы, последовавшие за его разрывом с Фрейдом — страх того, что собственный путь заведет его в глубины бессознательного, содержания которого составляли основную тему в анализе фантазий мисс Миллер.

Указав на те опасности, которые таит в себе исследование бессознательного, особенно при наличии нервных симптомов, Юнг далее высказывает мысль, которая, как мне кажется, вполне может быть отнесена к нему самому:

«Однако, в конечном счете случаи невроза не являются самыми опасными. Бывают случаи, когда люди, на поверхностный взгляд кажущиеся совершенно нормальными и не проявляющие никаких особых нервных симптомов — такие здоровые, что они сами могли бы выступать в роли врачей и учителей — похваляются своей нормальностью, являются эдакими образчиками хорошего воспитания, с исключительно нормальными взглядами и жизненными привычками, но при этом вся их нормальность есть не что иное, как искусственная компенсация латентных психозов. Они сами не подозревают о своем состоянии. Возможно, их подозрения могут находить только косвенное выражение в том факте, что они проявляют особый интерес к психологии и психиатрии и их влечет к подобным вещам, как мотыльков к свету. Но поскольку аналитические методики активируют и пробуждают бессознательное, в таких случаях здоровая компенсация разрушается, а бессознательное вырывается наружу в форме неконтролируемых фантазий и возбужденных состояний, которые при определенных обстоятельствах способны приводить к психическим нарушениям и, вероятно, даже к суициду».

После дальнейшего толкования скрытого негативного потенциала бессознательного Юнг продолжает:

«Было бы, однако, неверным заострять внимание только на неблагоприятной стороне бессознательного. Во всех обыкновенных случаях бессознательное оказывается неблагоприятным или опасным потому, что мы не отождествляем

себя с ним и, следовательно, противопоставляем себя ему. Негативное отношение к бессознательному или отчуждение от него имеет разрушительное воздействие, поскольку динамика бессознательного идентична инстинктивной энергии. Отчуждение от бессознательного тождественно потере инстинкта и отрыву от своих корней.

Если нам удастся успешно развить в себе функцию, которую я назвал трансцендентной, дисгармония уменьшается и мы получаем возможность наслаждаться благоприятной стороной бессознательного. В этом случае бессознательное дает нам все вдохновение и поддержку, какие способна пролить на человека щедрая природа. В бессознательном заключены возможности, скрытые от сознательного разума, поскольку бессознательное обладает всеми сублимальными психическими содержаниями, содержит в себе все то, что мы забыли или пропустили, а кроме того, мудрость и опыт многих веков, запечатленные в архетипичных образцах».

В этих наполненных смыслом отрывках содержится многое из того, что получило известность как юнговская психология еще через 40 лет упорного научного труда. Однако, с личной точки зрения, из приведенных отрывков ясно видно, что Юнг принял решение доверять в основном внутриспсихическому пути, где взаимоотношения между людьми рассматриваются как вторичные в сравнении с внутренним психологическим опытом индивида.

Мысль, которую я стараюсь вывести из этих обрывочных исторических фактов, состоит в том, что в 1913 году Юнг пережил очень трудное время разрыва с интернационализированным образом отца, сначала убив в себе этот образ, а затем категоризировав его как положительную, но не самую значительную фигуру на своем жизненном пути. К 1916 году, когда были закончены первые главы «Двух эссе», стало очевидно, что в Юнге совершился переход от гневной, страшной роли отвергнутого сына из Эдипова комплекса к более независимой и снисходительной роли вожака и отца. Я не решаюсь сослаться здесь на роль отца, заложенную в Эдипов комплекс Фрейда, потому что с тех пор Юнг, несомненно, не проявлял никаких признаков того классического страха, который был постулирован Фрейдом и проявился в его жизни, а именно — страха вытеснения. Действительно, после этого события Юнг в течение долгого времени работал в одиночку, как отец без семьи или вождь без племени.

«Два эссе» знаменовали собой как освобождение Юнга от его приверженности психоанализу, так и полученную им свободу изучать суть тех явлений, которые давно его очаровали и привлекли когда-то к психоанализу, то есть концепции дуализма в природе и динамических продуктов, возникающих в результате взаимодействия противоположностей. Значение концепции дуализма, формально впервые подчеркнутое в «Психологии бессознательного» (1916/1949), получило целый ряд подтверждений в двух эссе. Пожалуй, наиболее прямо и ярко это значение проявилось в юнговском определении типов жизненной установки, то есть интроверсии и экстраверсии, которое явилось первым шагом к созданию Юнгом его теории психологических типов. В книге «Психологические типы» Юнг четко изложил эту свою типологию, которая, пожалуй, и тогда и теперь оказалась наиболее созвучной американской психологии.

1944 год явился поворотной точкой в жизни Юнга. В возрасте 69 лет он пережил тяжелый инсульт и в течение нескольких недель пребывал между жизнью и смертью. Он живо описывает все пережитое им в то время в своей книге «Воспоминания, сновидения, размышления». В результате он стал еще более строго придерживаться своей внутренней ориентации. Были созданы важные произведения. Самыми главными из них были работы: «Загадочные совпадения» («Mysterium Conjunctionis»), начатая задолго до болезни и завершенная в 1955 году, «Aion» и «Ответ Иову». В этих произведениях Юнг вновь возвращается к раскрытию своих более ранних тем, таких как дуализм, разделение и союз, добро и зло, заложенные в понятии Бога, процесс индивидуации и его плоды, самость. В отличие от предыдущих периодов творчества, когда фундаментальные вопросы духовной жизни в произведениях Юнга свободно переплетались с реальными

проблемами психопатологии, психотерапии и культурных перемен, с проблемами, более тесно связанными с внешним миром, в позднем творчестве Юнга мы видим человека, ориентированного исключительно на свою внутреннюю жизнь.

Юнг умер в 1961 году, когда его идеи начали получать и в психиатрии и в обществе в целом то признание, которого они никогда прежде не удостоивались. Вплоть до окончания второй мировой войны идеи Юнга имели влияние только на очень ограниченную группу его последователей, в основном психотерапевтов, и на узкий круг образованных людей в Европе, которых более всего в творчестве Юнга привлекали его эзотерические, символические и культурные аспекты. Более широким кругам общества Юнг был известен как инакомыслящий ученик Фрейда и автор каких-то идей об интроверсии и экстраверсии. Что же вызвало новый интерес к имени и творчеству Юнга?

Как мне кажется, одним из факторов, способствовавших этому, был тот чрезвычайно повысившийся интерес к духовному здоровью, который возник в противовес разрушительным последствиям второй мировой войны. В нашей стране этот интерес повлек за собой быстрое развитие отраслей медицины, занимавшихся психическим здоровьем людей, включая клиническую психологию, а также профессиональной подготовки персонала в этой области. Изучение теории личности и ее приложение к процессу психотерапии являлось ключевым аспектом всех программ подготовки специалистов, отвечающих этим потребностям. В свете этого становится понятным, почему идеи Юнга должны были получить гораздо более широкое распространение.

Развитие таких профессиональных программ тормозилось по причине ограниченных возможностей подготовки в области психотерапии, имевшихся в распоряжении психологов, частично из-за тех ограничений, которые накладывались на немедицинский персонал американскими институтами по подготовке психоаналитиков. Поэтому, после открытия института Юнга в Цюрихе в 1948 году, большой контингент зарубежных профессионалов, в том числе многих американских специалистов, привлекла туда возможность изучения теории Юнга. Одним из результатов этой тенденции явилось увеличение числа юнговских центров подготовки в Соединенных Штатах, что привело к более широкому распространению идей Юнга.

Второй и, по моему убеждению, чрезвычайно важный фактор проистекал из тех культурных перемен, которые происходили во всем мире с конца 1950-х годов. Я подразумеваю здесь повышенный интерес к внутренним процессам воображения, которые можно было испытать, используя расширяющие границы сознания или галлюциногенные средства. Здесь со всей очевидностью наблюдалось пробуждение интереса к идеям Юнга.

Третий фактор, в чем-то зависящий от второго, связан с тем неиссякающим вниманием, с которым Юнг относился к проблеме религии в той мере, в какой эта проблема представлена в психологии индивида. Между различными аспектами современной протестантской теологии и представлениями Юнга об индивидуации совершенно отчетливо прослеживаются точки соприкосновения. Так, путь людей, восстающих против зависимости человека от Бога (скорее в личном, чем в догматическом смысле), скорее всего, приведет их к интересу к идеям Юнга.

Проследив некоторые аспекты развития и истории психологии Юнга, имеет смысл затронуть вопрос о ее будущем. Я рассматриваю его как сложный вопрос, ответ на который лишь в малой степени заключается в просветительской способности идей Юнга. Идеи такого глобального, оригинального мыслителя, каким является Юнг, способны определить направление, задать путь развития, обогатить индивида целым рядом фундаментальных концепций. Если привлекательность подобных идей повышается, это отражает ту силу, какую приобретает индивид по мере того, как границы его мышления расширяются, объемля новые области познания. Обычно первооткрыватели не проходят весь путь до конца. Они, как правило, оставляют дело исследования другим.

Следовательно, идеи не только должны обладать истинными достоинствами; они должны также привлекать к себе людей, которые не просто примут их как должное, без всякой критики, но и подвергнут их собственной оценке.

Нельзя сказать, что теории Юнга показались привлекательными большому числу людей. Как следствие вышесказанного, я рассматриваю данный момент в качестве переломного для восприятия идей Юнга. Я не знаю, будут ли эти идеи приняты сегодня, как одни из величайших идей в истории человеческой мысли, или будут отнесены к категории эзотерических вымыслов. Во всем этом остается слишком большой процент неопределенности.

Однако кое-что представляется вполне очевидным. Юнг был необыкновенным человеком с богатым интеллектом. Его творчество множеством нитей связано с попытками современной науки: он признавал важность воображения и созидательную силу его аспектов; он делал упор на необходимости изучения всего жизненного периода индивида и придавал большое значение проблемам второй половины человеческой жизни; он проявлял внимание к различным аспектам психотерапевтических взаимосвязей, которые невозможно объяснить одним лишь переносом; он возлагал огромные надежды на природу материала сновидений. Я назвал здесь всего лишь несколько из тех вопросов, в которых и теперь можно почувствовать более общее влияние психологии Юнга.

Чтобы никто из вас не покидал этого зала с чувством, что я либо слишком восславил достижения Юнга, либо уделил мало внимания недостаткам его произведений, позволю в заключение напомнить вам об одном прозрении Юнга длиной в целую его жизнь — о том прозрении, которое берет начало еще в детстве Юнга с возникновением у него запретного образа Бога, взорвавшего традиционные представления, и завершается примерно 70 лет спустя публикацией его книги «Ответ Иову». Он был убежден в двойственной сущности Бога, доброй и злой одновременно, в двойственной природе человека, а также, я убежден, в двойственной природе самого себя. Его притягивала связь с собственной интровертированной, абстрактной, воображаемой стороной, нередко за счет контактов с реальным миром, миром людей и человеческих взаимоотношений. Даже в конце жизни ему было труднее выявлять значимость своих встреч с людьми в сравнении с той ясностью, с которой он постигал значение внутренних, воображаемых событий. Это и была та цена, которую ему пришлось заплатить.

ЭДВАРД Л. ТОРНДАЙК:

ДАНЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО

И ЛИЧНОГО ВОСХИЩЕНИЯ

Когда я родился, моему отцу было уже 36 лет, а к тому времени, как я получил достаточное представление о его профессиональной деятельности, ему было далеко за сорок. У меня остались смутные воспоминания о ежедневных поездках отца в Вашингтон и обратно во время первой мировой войны — он занимался какой-то работой, связанной с войной, однако большая часть моих воспоминаний относится уже к послевоенному периоду. Поэтому все, что мне известно об отце, касается более поздней части его карьеры, когда он уже сделался внушительной фигурой как по мнению коллег-психологов, так и по свидетельству напольных весов, которые стояли у нас в ванной комнате. Говоря о молодых годах моего отца, мне придется опираться на печатные источники и семейные легенды.

Помню, как мама рассказывала мне о своем первом годе замужества, когда они с отцом делили квартиру в Нью-Йорке с четырьмя очень живыми обезьянками. Она утверждала, что эти обезьянки явились прообразами нас, четверых детей, которым суждено было родиться в течение последующих 16 лет. Помню еще историю, возможно, апокрифическую, о кошке, которая улизнула из своей клетки и отправилась бродить по стропилам на крыше дома Шермерхорн-Холл в Колумбии, а мой отец долго ее разыскивал. О постигшей кошку судьбе лучше не вспоминать.

Мой старший брат рассказывал мне, что в молодости отец мастерски играл в теннис, был азартным и неутомимым игроком. Ко времени моих воспоминаний манера игры отца все еще отличалась хитроумием, однако сноровка была уже не та. Биография моего отца, написанная Джеральдиной Джонкич-Клиффорд, рисует портрет дерзкого и задиристого молодого человека, штурмующего крепость психологической науки своего времени, а я запомнил мягкого, застенчивого человека, избегавшего споров и конфликтов и понимавшего, что разногласия не могут быть продуктивными. Этот человек редко отвечал на критические нападки в свой адрес, предпочитая вместо этого отдавать свое время сбору более полной информации.

Хотя, судя по своим трудам и откликам на них, он мог казаться сторонником «коннективизма», по своему темпераменту он был не систематиком, а скорее эмпириком, предпочитавшим проводить эксперименты и анализировать данные. Его подход к процессу научения являлся порождением ассоцианизма XIX века в разумном сочетании с микроневрологией, возникшей на рубеже столетий. На отца произвело большее впечатление зарождающееся представление о нейроне с его разветвляющимися во многих направлениях дендритами, подразумевающими существование множества невральных проводящих путей, но он не намеревался углубляться в неврологию и заниматься детальным изучением центральной нервной системы, и эта область осталась для него, по большей части, «черным ящиком», информацию о функционировании которого он черпал из работ других ученых и принимал как данность. В конце концов он определил «связь» на поведенческом уровне как вероятность получения некой конкретной реакции на определенные стимулирующие условия.

Ум моего отца имел в основном количественную направленность. Он сам кратко выразил это свое кредо в ежегоднике Национального общества по исследованию образования за 1918 год: «Все, что существует, существует в каком-то количестве. Процесс глубокого познания чего-либо включает в себя знание его количества в той же мере, что и качества». Я полагаю, что прочитав полное заявление моего отца в этом ежегоднике, вы обнаружите, что оно являет собой ценную повестку дня по разработке количественных программ в психологии и образовании даже на сегодняшний день. Я подозреваю, что отцу хотелось бы добавить к «количеству» еще и показатель «степени», признав тем самым интенсивность полноправным количественным показателем наравне с числом. Большая часть профессиональной

деятельности моего отца была посвящена разработке процедур, помогающих выявить значимость этих показателей, а также сбору и анализу данных на базе этих процедур.

Однако его знание математики было очень ограниченным, и мало что на начальном этапе его образования и воспитания позволяло предсказать столь сильную количественную ориентацию в будущем. На последнем курсе университета главным предметом изучения отца была литература. Тогда же он написал пьесу, хотя я так и не нашел подтверждения тому, что она когда-либо была поставлена. Даже когда отец отправился в Гарвард для написания дипломной работы, он все еще собирался стать учителем английского языка. Уильям Джеймс обратил его в психологию, но самого Джеймса цифры не волновали.

Только в Колумбийском университете, готовясь к экзаменам на докторскую степень, отец познакомился со статистикой и сделался преданным новообращенным приверженцем количественных методов.

Окончательный переход моего отца к этому новому этапу деятельности знаменовала собой публикация в 1904 году его «Введения в теорию ментальных измерений» (Introduction to a Theory of Mental Measurement) — тома, ставшего психометрической и статистической библией для поколения выпускников педагогических и частично психологических факультетов.

Мой отец никогда не оканчивал курсов по исчислению или алгебре и хорошо осознавал ограниченность своих возможностей в области математики. Как следствие этого, применяемые отцом в работе количественные процедуры были, как правило, относительно простыми и основывались на интуиции. Но он подвергал измерению абсолютно все — от успехов в обучении, нужд и интересов людей до показателей качества городов. В то время, когда мой отец проводил большую часть своих экспериментов, анализ данных представлял собой нечто совершенно отличное от того, что мы подразумеваем под этим сегодня.

Большая часть этой аудитории еще помнит дни, когда у людей не было доступа к цифровому компьютеру, а кое-кто может вспомнить, что когда-то не существовало электронных портативных калькуляторов, но только очень немногие из вас помнят время, когда не существовало еще настольных электрокалькуляторов. Однако в 1900 году даже арифмометры были редкостью.

Мой отец начал свои разработки в области анализа данных в то время, когда практически отсутствовали любые механические средства, облегчающие вычисления. Кстати, отец почти не верил в собственные способности пользоваться механическими приборами любого типа. Я не помню, чтобы отец когда-либо пользовался в работе калькулятором или пишущей машинкой. Он писал свои произведения только от руки, а потом его секретарша переписывала их на машинке, а единственным помощником отца в вычислениях служил толстенный том, озаглавленный «Счетные таблицы Крелля» (Krelle's Rechentafel), в котором приводились произведения и частные значения для всех чисел вплоть до 1 000. За свою жизнь отец истрепал несколько таких томов, сохраняя корочки от них, которые он использовал, подкладывая под листы бумаги, на которых писал свои рукописи. К слову, отец настаивал на том, чтобы все мы, его дети, получили основательную математическую подготовку, в результате чего оба моих брата получили докторские степени в физике, а сестра — в математике. Так что один я остался «интеллектуальным позором» для семьи.

Не могу вспомнить тот момент, когда я впервые осознал, что мой отец был психологом. Я знал, что он работает в Педагогическом колледже, каждый день отправляется туда с тяжелым портфелем и исчезает в недрах этого здания, однако еще до того мне стало известно, что мой отец является автором учебников по арифметике, потому что из-за этих самых учебников мне в свое время досталось от некоторых моих сверстников. «Так это твой папаша написал все эти чертовы учебники по арифметике, со всеми их чертовыми задачами, которые нам приходится решать». Кстати, почти самый первый мой личный опыт участия в

работе отца состоял в том, что я должен был подготовить ключевое решение к его алгебраическому заданию. За то, что я решал все задачи и давал ответы на них, мне платили деньги. Я не могу ручаться за достаточно высокий уровень точности моих ответов, но плату я, тем не менее, получал.

В течение примерно двадцати лет основной областью преподавательской деятельности моего отца являлся курс психологии школьных предметов. Он использовал некоторую долю формальной психологии и значительно большую долю пронизательного здравого смысла для рационализации принципов преподавания в обширном спектре дисциплин. К примеру, в случае с арифметикой он указывал, что в учебниках прошлых лет гораздо большее практическое внимание уделялось очень простому заданию: $2 + 2$, чем заданиям более высокой степени сложности, например: $7 + 8$. Что касается задач, отец настаивал на том, что они должны быть реалистичными, приближенными к жизни ребенка, а не какими-то нелепыми головоломками того сорта, который был свойствен задачкам тех лет. Отец указывал также, что, коль скоро задачи предназначаются для проверки арифметических знаний ребенка, они не должны быть слишком длинными и перегруженными лишней информацией. Между прочим, в юности мне огромное наслаждение доставляла кем-то принесенная отцу книга, которая называлась «Арифметика для мальчиков» и являла собой чудесную карикатуру на арифметические задачи тех лет. Позволю себе процитировать типичную задачку из этого учебника:

«Бенджамин, 9-месячная коротконогая гончая весом в 28 фунтов, принадлежит Саманте Смитерс, старой деве, возраст и вес не указаны, которая проживает в Ист Грин-буш. Бенджамин держат на привязи, чтобы он не охотился на кроликов, но всякий раз, когда кролик приближается к собачьей будке, Бенджамин раздражается лаем на семь с половиной минут. На каждые 10 минут лая расходуется 53 калории. Сколько собачьих бисквитов, калорийностью 78 калорий каждый, потребуется для поддержания веса Бенджамина, если каждый день мимо его будки пробегают в среднем 17 кроликов?»

Отец особенно возражал против таких задач, в которых надо было знать ответ, чтобы суметь сформулировать саму задачу.

Приведу пример этого пункта:

«Одной пиццы хватает ровно на 6 детей. Класс мисс Джоунс способен за один присест справиться с четырьмя пиццами. Сколько детей учится в классе мисс Джоунс?»

Вряд ли такой способ подходит для определения количества учащихся в классе!

То была «докалькуляторная» эпоха, когда большинство людей осуществляло вычисления вручную, и для того, чтобы счетные навыки приносили личную или коммерческую выгоду, человек должен был демонстрировать высокий процент правильных ответов. Используя биномиальное разложение, отец продемонстрировал, что при 95 %-ной или даже 98 %-ной правильности в осуществлении единичных математических операций, человек в редких случаях способен получать правильный ответ в осуществлении ряда вычислений, например, при умножении двух трехзначных чисел или при сложении сумм в бакалейном счете — причем сделанные человеком ошибки часто способны просто свести на нет попытки проверить результат вычислений, потому что невозможно получить один и тот же неверный результат два раза подряд. По этой причине отец особо подчеркивал необходимость достижения большого мастерства в основных вычислительных навыках.

В области обучения языку отец рано осознал, что для того, чтобы сделать обучение функциональным и эффективным, педагог и составитель текстовых материалов должны знать, какие слова встречаются ребенку при чтении и в речи. Это привело отца к подсчету, методичному, трудоемкому подсчету вручную встречаемости различных слов в нескольких миллионах слов связных текстов и к подготовке

последовательной серии «Пособий для учителя» (Teacher's Workbooks), основанных на таком подсчете. В моей юности какую бы книгу в доме я ни взял, везде мне встречались подчеркнутые слова. Еще раньше мой отец заучил на память тысячу или около того наиболее часто употребляемых слов, чья относительная повторяемость была быстро установлена и которые уже не требовали подсчета, а подчеркивал отец другие слова. Еще один из первых моих способов зарабатывания карманных денег заключался в транскрибировании и подсчете этих подчеркнутых слов.

Возможно, самым значимым вкладом моего отца в дело усовершенствования обучающих материалов и при этом таким, от которого многие из присутствующих в зале могли получить реальную пользу, явилось то, что мой отец революционизировал словари для детей. Когда я был ребенком, словари для детей составляли, просто внося сокращения в словарь, предназначенный для взрослых читателей, некоторые слова убирали, а определения других слов делали более сжатыми. Никому не приходило в голову, что более короткие, написанные телеграфным стилем определения представляют большую сложность для ребенка или что слова, используемые для объяснения, должны быть более простыми, чем само определяемое и поясняемое слово. В качестве моего любимого примера, который я цитировал много раз, привожу определение слова «медведь»: «Медведь — это плотоядное, стопоходящее четвероногое». Вряд ли это определение поможет ученику начальной школы, который не имеет представления о том, что такое медведь!

Словари Торндайка, а впоследствии Торндайка — Барнхарта, были основаны на ряде принципов, предназначенных для того, чтобы сделать словари полезными для учителя или ребенка. К примеру, во-первых, любое слово следует определять с помощью более простых слов. Во-вторых, наиболее часто употребляемые слова вообще не следует определять, их просто следует использовать в иллюстративных предложениях типа: «Слон — большое животное. Нью-Йорк — большой город». В-третьих, следует составлять множество тщательно подобранных предложений, поясняющих значение каждого слова. В-четвертых, следует приводить в словаре множество картинок, четко изображающих определяемый предмет или элемент. В-пятых, определения многозначных слов следует давать в последовательности от наиболее общего или часто встречающегося значения, а не организовать подобные определения по частям речи. Были и еще принципы, о которых я не буду говорить сегодня. Эти изменения были по большей части ассимилированы другими составителями словарей для детей, однако и спустя 50 лет я счастлив заявить, что словари серии, выпущенной Торндайком — Барнхартом, продолжают занимать доминирующее место среди всей словарной продукции.

Несомненно, впервые отец сделал себе имя благодаря своей работе по исследованию разума животных. Эти исследования кошек, собак, цыплят и впоследствии обезьян, которые должны были входить в «проблемные» ящики, а потом находить выход из них, явились первыми отцовскими исследованиями — они составили тему его диссертации 1898 года и последующей печатной работы, которая вышла в 1902 году. Ему больше хотелось экспериментировать с детьми, однако гарвардские ученые круги сто лет назад не слишком-то одобряли мысль об экспериментах с участием детей, а своих детей у отца тогда еще не было. Идея о том, что можно проводить систематические эксперименты с животными и таким образом прояснить неясные моменты не только в сравнительной психологии, но и во всей психологической науке в целом, была по тем временам новой и радикальной. О том, что эта идея оказалась плодотворной, свидетельствует богатейшая литература об экспериментальной работе по научению животных и изучению всех аспектов их поведения, которая появилась позднее. Однако темперамент моего отца не слишком подходил для проведения экспериментов над животными, и вскоре отец оставил эту область и занялся другими, более близкими ему предметами. Только однажды, тридцать лет спустя, отец еще раз ненадолго вернулся к этой работе.

Задолго до того, как отец занялся разработкой учебных материалов, он пришел к

выводу о том, что возможность эффективного исследования и усовершенствования процесса обучения зависит от наличия каких-то стандартных показателей результатов такого обучения. В начале нашего столетия еще не существовало объективных показателей, которые позволяли бы измерять результаты процесса обучения или успехи индивидуальных учащихся. Педагогический колледж на опыте работы своих преподавателей и студентов разработал серию разнообразных тестов, грубых по современным меркам, но явившихся огромным шагом вперед в сравнении с тем, что было достигнуто в этой области ранее. С помощью этих тестов стало возможным измерять результаты прогресса студентов в образовании.

Мое первое полноценное участие в деятельности отца пришлось на год между моим окончанием средней школы и поступлением в колледж. Родные посчитали, что в свои 15 лет я еще был слишком юным и недостаточно самостоятельным для того, чтобы одному ехать учиться в колледж, потому я провел этот год, работая на отца в большой конторе, в помещении которой находился и отцовский Институт исследований обучения при Преподавательском колледже. Кстати, этот год оказался одним из наиболее плодотворных в моем образовании.

Проекты, осуществлявшиеся в тот год институтом, представляли собой три из основных направлений исследовательской деятельности и интересов моего отца. Прежде всего, шли заключительные этапы аналитической работы, результатом которой явилась публикация книги «Измерение интеллектуальных способностей» (The Measurement of Intelligence) (Thorndike, Bergman, Cobb, & Woodyard, 1926). Эта книга явилась кульминацией отцовского долгосрочного интереса и его исследований уровня умственного развития и индивидуальных различий. Результаты этой работы впервые нашли отражение в публикации 1905 года о корреляционных исследованиях пар близнецов, явившихся одним из первых исследований такого плана, а может быть, и самым первым. Этот интерес моего отца проявился в его работе во время первой мировой войны по подбору персонала для армии и военно-воздушных сил и вскоре после того вылился в публикацию серии экзаменационных форм IER по оценке уровня умственного развития выпускников средних школ, которые после этого применялись на вступительных экзаменах в Колумбийском, Стэнфордском и ряде других престижных университетов страны в течение целого ряда лет, до тех пор, пока не появился Тест СЕЕВ для определения интеллектуальных способностей.

«Измерение интеллектуальных способностей» являло собой систематизированную попытку разработать шкалу отношений для измерения интеллектуального развития, то есть шкалу с абсолютным нулем и равнозначными единицами измерения уровня умственных способностей. Продуктом этих разработок явилась «Шкала интеллектуального развития CAVD» (Intelligence Scale CAVD). Она имела несколько характеристик. Во-первых, в ней были представлены особым образом разграниченные определения умственных способностей: показатель завершенности при выполнении заданий, арифметика, лексика, основные направления. Во-вторых, единица, служащая выражением способностей, основывалась на стандартных отклонениях в пределах произвольно собранной группы индивидов определенного возраста. В-третьих, как приблизительно в это же время предположил Терстоун, использовалось сравнение средних значений и расхождений для смежных возрастных групп в качестве средства приведения данных для таких различных групп к общему показателю способностей и к общей точке отсчета. В-четвертых, для расширения шкалы до абсолютного нуля использовались суждения целой группы экспертов.

Задания рассматривались попарно, начиная с простейших, которые могли реально рекомендоваться для детей, до таких, которые можно было рассматривать как абсолютный минимум. Насколько я помню, это было следующее задание: «Когда вам в рот положат вещество с противным вкусом, выплюньте его». Отдельные пункты оценивались исходя из процента совпадений в суждениях. Эта процедура, кстати, отличалась от процедуры, которую примерно в это же время использовал Терстоун, который основывал свою оценку абсолютного нуля на экстраполяции кажущейся линейной взаимозависимости между средними показателями и

различиями в показателях. Нулевая вариабельность предположительно означает нулевые интеллектуальные способности.

В этой работе, как и в прочих своих произведениях, Торндайк подчеркивал многомерность интеллекта. Он говорил об абстрактных, механических и социальных или исполнительских способностях. К слову сказать, схема его собственных способностей подтверждает существование подобных различий. Что касается способностей к абстрактному мышлению, отец был одним из первых в процентной доле населения с такими способностями, а приобретение механических навыков давалось ему с большим трудом. Он так никогда и не научился водить машину; а если взглянуть на изображения оборудования, которое отец использовал в своих ранних экспериментах с животными, можно понять, что оно способно посрамить Руба Гольдберга. Я не так уверен в собственном суждении о социальных способностях отца. Его нельзя было назвать общительным человеком, но он достаточно успешно руководил своим институтом и теми комитетами, в работе которых участвовал, и я полагаю, что в этой области он достиг по меньшей мере среднего уровня.

Мой отец рассматривал индивидуальные различия в умственных способностях как отражение различного количества нервных связей у различных людей. Наблюдаемая корреляция между количеством баллов, полученным за выполнение заданий разных типов, рассматривалась им как результат наложения связей, задействованных при выполнении каждого из таких заданий. Он отрицал «g» — фактор (общий, или генеральный, фактор) Спирмена, который тот считал неким типом психической энергии. Отец не оспаривал эти данные, но для него более приемлемым толкованием была концепция выборки, предложенная Годфри Томпсоном из университета в Эдинбурге. Считалось, что корреляции зависят от той пропорциональной доли связей, которые являются общими для двух заданий.

Вторая программа исследований, осуществлявшаяся в тот год, который я проработал в институте, представляла собой обширный цикл исследования процесса научения людей. Позже результаты этого исследования были опубликованы в маленькой книжке под названием «Научение людей» (Human Learning) (1931) и, с до некоторой степени утомительными подробностями, в «Основах научения» (The Fundamentals of Learning) (1932). Хотя имя моего отца уже давно стало известно в научных кругах благодаря тому, что он когда-то проводил исследования возможности научения животных, отец занялся систематическим исследованием принципов научения людей только в 1920 годы.

Как приверженец «коннективизма», отец рассматривал процесс научения как процесс усиления или ослабления связей. Понятие связи не имело ясного определения, за исключением стохастического толкования связи как вероятности специфической реакции на некую конкретную ситуацию. Усиление связи подтверждалось увеличением такой вероятности, а ослабление — ее уменьшением. Такое представление о связи привело моего отца к использованию в большей части своих исследований 1920-х годов экспериментальной парадигмы с некоторыми определенными свойствами. Во-первых, по причине пробабилистического (или вероятностного) характера силы связи возникала необходимость в изучении большого числа сходных связей с целью определения любого изменения вероятности. Во-вторых, следовало начинать с исходно низких и предположительно поддающихся определению вероятностей, которые обычно предполагали образование слабых и довольно произвольных связей. Типичная схема представляла собой конкретное число вариантов реагирования, например, нажатие на один из предлагаемых на выбор пяти ключей. В-третьих, сводились воедино результаты, определенные для множества специфических связей, для того, чтобы получить возможность дать оценку влияния определенной тактики обращения с испытуемым на вероятность.

Под тактиками подразумевалось следующее: (1) встречаемость ситуации, (2) встречаемость связи, не давшей результатов, (3) вознаграждение и (4) наказание. Вознаграждение, которое для того времени правильнее было бы назвать «подкреплением», в большинстве экспериментов заключалось просто в том, что

экспериментатор говорил «правильно» на ответ испытуемого, хотя в некоторых случаях это могла быть и некая материальная награда вкупе с чисто символическим поощрением. Наказание обычно означало, что экспериментатор на ответ испытуемого говорил: «Неправильно». Мне не приходит в голову ни один случай в серии экспериментов, когда бы наказание было более серьезным.

Простая встречаемость ситуации без ясно выраженных связей, как оказалось, вызывала небольшие изменения или совсем не вызывала изменений в вероятностях реакции. Опытный вариант испытания включал в себя тест, когда испытуемый должен был с завязанными глазами рисовать линии конкретной длины — 3 дюйма, 4 дюйма, 5 дюймов, — но не должен был указывать, какова длина нарисованной им линии. При таких условиях не наблюдалось систематических изменений ни в средней длине, ни в вариабельности нарисованных линий.

Изучавшийся тип связи можно проиллюстрировать таким примером: испытуемый должен был показывать какую-то цифру от 1 до 5 в ответ на слово-стимул, произносимое экспериментатором, например, на слово «картошка». Если этот тест не давал никакого результата, изменение вероятности было очень умеренным. Вероятность того, что испытуемый скажет «5» в следующий раз, когда снова услышит слово «картошка» (если он уже называл цифру «5» раньше), была выше случайной, но лишь незначительно выше. Ответ, за которым следовало поощрение (вознаграждение), явно усиливался в том смысле, что вероятность повторяемости этого ответа впоследствии заметно возрастала. Оказалось также, что усиление как бы несколько «размывалось» в направлении связи предшествовавшей и связи следующей за той, что получила поощрение — феномен, который называется «распространением эффекта», — и этот феномен интерпретировался как демонстрация непосредственного биологического эффекта поощрения. Степень поощрения значения не имела, и в самом деле, неожиданно сильное поощрение в некоторых случаях оказывало разрушающее воздействие на процесс научения вместо того, чтобы оказать особо значимый эффект.

Исследования показали, что научение происходит, хотя довольно медленно, даже в тех случаях, когда индивиду неизвестно, какой элемент в целом комплексе обстоятельств вызывает поощрение со стороны экспериментатора. В качестве примера могу рассказать об одной серии тестов, в которой я принимал непосредственное участие.

В начале декабря мне дали задание купить рождественские открытки всех видов, какие только я смогу найти в магазинах Нью-Йорка, по 4 открытки каждого вида. Эти открытки явились опытным материалом для тестов, с помощью которого было возможно вознаградить испытуемого за указание на некую не очень приметную деталь, встречающуюся в ряде различных почтовых карточек. В тот раз в качестве такого критерия для поощрения было выбрано наличие золотой краски в цветовой гамме открытки. Если экспериментатор поощрял выбор испытуемых, говоря: «Да, мне тоже нравится эта открытка», испытуемые начинали чаще выбирать такие открытки, в оформлении которых использовалась золотая краска, не создавая при этом, что эта краска является основанием для их выбора, но это был медленный и долгий прогресс. Он немного напоминал эксперименты Скиннера, где голубей вознаграждали за то, что они крутились в кольцах или совершали какие-нибудь другие действия, которые казались совершенно не связанными с конечной для голубей целью — получением корма.

Возможно, наиболее удивительным результатом программы исследований научения, по крайней мере, в том, что касалось моего отца, явилось обнаружение того, что в этой экспериментальной парадигме наказание имело лишь малый ослабляющий эффект или вообще не оказывало ослабляющего эффекта. Кстати, подкрепление в результате образования связи, как оказалось, более чем компенсировало любое ослабление в результате образования связи, ведущей к наказанию. Был сделан вывод о том, что любой эффект наказания зависит от того, какие ответные действия испытуемых он сразу же вызывает. Если индивиды способны в тот же момент сделать что-то другое и получить за это действие

поощрение, это означает, что они учатся, но научение имеет место исключительно благодаря поощрению, а не как результат предыдущего наказания.

Я не уверен, насколько мой отец осознавал, в какой мере полученные им результаты зависели от характеристик парадигмы, которой он руководствовался в ходе работы — от слабых и зачастую случайных связей, которые он пытался подкрепить. Я считаю, что одним из справедливых оснований для критики этих исследований являлась та достаточно специфическая обстановка, в которой демонстрировались эффекты. Однако я подозреваю, что отец, вероятно, полагал, что даже при более высоких уровнях мышления кумулятивный эффект подкреплений и вознаграждений закладывает тот фундамент, на котором строятся продуктивное мышление и интеллектуальная деятельность высшего порядка.

Последний раз я принимал участие в экспериментах моего отца по научению летом, в период между окончанием колледжа и поступлением в аспирантуру. В то время отец ненадолго вернулся к работе с животными, опять с цыплятами, и я, выполняя обязанности экспериментатора, на собственном опыте испытал некоторые реальные трудности экспериментирования с животными. Я не знаю, насколько мои читатели осведомлены о кокцидиозе у цыплят. Эта проблема нанесла серьезный урон нашим подопытным. Наша собака способствовала дальнейшему уменьшению численности цыплят.

В целом отец в этих экспериментах использовал ту же парадигму, которая использовалась им во многих его экспериментах с людьми — задание, предполагающее многие возможности выбора без исходного указания на то, какая реакция рассматривается как правильная.

Профессиональный плотник изготовил для отца несколько различных моделей экспериментального устройства, поэтому они выглядели не так грубо, как устройства, использовавшиеся моим отцом в его ранних исследованиях, и предположительно должны были давать цыплятам явные подсказки. В каждом таком устройстве было несколько проходов, и если цыпленок входил в нужный коридорчик, его ожидало вознаграждение в виде загончика с пищей и компании остальных цыплят.

Наказание за неправильный выбор состояло в том, что цыпленка запирали в коридорчике, а потом снова сажали в коробку, которая служила отправной точкой. Снова было обнаружено, что после получения вознаграждения цыпленок с большей степенью вероятности снова выбирал тот же коридорчик, в который он входил раньше, однако после наказания цыпленок не проявлял тенденции впоследствии выбрать какой-нибудь другой коридор. Я обнаружил один факт, который не вошел в опубликованные результаты исследований и который заключался в том, что после наказания цыпленок начинал высказывать все большее и большее нежелание входить в любой из коридорчиков. Мне приходилось сидеть перед испытательным устройством и ждать, ждать в течение долгого времени, а в конце концов я был вынужден отмечать, что испытание «не дало никакой реакции». Поэтому я могу предположить, что если бы я был сторонником теории Скиннера, я мог бы сказать, что наказание действительно подавляет деятельность испытуемого, хотя и не переориентирует ответные реакции цыплят.

Третье основное исследование, проводившееся в тот год, когда я работал в институте, стало впоследствии известно как «Исследование по профессиональной ориентации» (The Guidance Study). Результаты этого исследования впервые были опубликованы в 1934 году под названием «Прогнозирование профессиональных успехов» (Prediction of Vocational Success). Это исследование служит еще одной иллюстрацией стремления моего отца собирать достоверные данные в качестве основы для принятия стратегических решений; в этом случае речь шла конкретно о проверке продуктивности тестов на профессиональную ориентацию. Это было, насколько мне известно, первое крупномасштабное и долгосрочное исследование тестов интеллекта и школьных аттестатов как эффективных показателей, способных прогнозировать дальнейшую профессиональную ориентацию индивида, хотя примерно в то же самое время Терман начал проводить свои исследования с

интеллектуально одаренными детьми.

В 1922 году считалось, что возраст 14 лет, или возраст учащегося восьмого класса, представляет собой подходящий уровень, с которого можно начинать проведение испытаний в группе, предназначенной для последующего наблюдения. Восьмой класс был выбран потому, что, как правило, не многие ученики продолжали свое школьное образование дальше этого класса или четырнадцатилетнего возраста. Была разработана «батарея» тестов, включающая в себя следующее: (1) тест на показатель абстрактных умственных способностей, (2) серия тестов для оценки навыков выполнения простых обязанностей «конторских» служащих, и (3) тест на проверку способностей к механическим работам, разработанный Стенквистом и различный для мальчиков и девочек. В соответствии с этим тестом испытуемый должен был собрать 10 или около того простых механических устройств, подобных велосипедному звонку. Эта «батарея» тестов была предложена для выполнения примерно 2 500 мальчикам и девочкам в ряде школ города Нью-Йорка. Из ведомостей о школьной успеваемости были взяты все имеющиеся данные об этих детях, и начался период наблюдения. Наблюдения шли полным ходом в 1926–1927 годах, когда я работал в институте. Только те, кто жил в крупных городах, подобных Нью-Йорку, способны понять, с какими трудностями сталкивались исследователи в ходе столь протяженного во времени и пространстве наблюдения. В то время первое октября традиционно являлось днем всеобщих перемещений, и большое число наблюдаемых переезжало по новым адресам — зачастую это было связано с тем, что люди желали избавиться от визита налогового инспектора или просто не хотели, чтобы их нашли. Девочки выросли, выходили замуж и меняли не только адреса, но и фамилии. Я помню яркие рассказы моего покойного коллеги, Ирвинга Лоржа, о том, как ему приходилось буквально выслеживать некоторых из наиболее хитроумных участников эксперимента.

Несмотря на все издержки, примерно 90 % всех участников наблюдалось в течение 9 лет, и периодически составлялись отчеты об их успехах в образовании и работе. Были вычислены сложные показатели: показатель успехов в образовании, показатель типа работы и заработка, а также показатель удовлетворенности работой. В целом результаты оказались довольно разочаровывающими в том, что касалось возможности эффективной профессиональной ориентации детей.

Выбранные участниками эксперимента профессии были классифицированы как преимущественно механические, преимущественно канцелярские и смешанные. Только в отношении канцелярских профессий было обнаружено некое подобие корреляции с результатами тестов, и даже эти корреляции наблюдались только для середины 20-х годов.

Когда я, чтобы освежить свою память, просмотрел таблицы корреляций, составленные моим отцом, то обнаружил, что эти корреляции удивительным образом напоминают корреляции, которые я вывел в ходе собственного эксперимента по наблюдению за 10 000 профессиональных карьер, который я провел приблизительно через 25 лет после исследования моего отца. В моем исследовании только 6 % из примерно 15 000 корреляций оказались значимыми на уровне 0,05 (R. Thorndike & Hagen, 1959).

По сравнению с прогнозами в профессиональной деятельности, прогнозирование в области образования оказалось, конечно, довольно успешным. Корреляции со школьными успехами имели умеренный характер, а те участники эксперимента, которым по меньшей мере удалось поступить в колледж, составляли полное стандартное отклонение от среднего уровня целой группы наблюдаемых. Карточки с данными об участниках эксперимента все еще хранились в архивах института, когда я принял руководство институтом после смерти его предыдущего директора, Лоржа, в 1960 году. Предпринимались различные безуспешные попытки восстановить контакты с членами экспериментальной группы в более поздний период их жизни. В какой-то момент я надеялся использовать номера пенсионных удостоверений и наладить утраченные контакты с помощью Службы социального обеспечения, однако выяснилось, что это невозможно. Служба социального обеспечения чрезвычайно щепетильна в вопросе о конфиденциальности своих

архивов и имеет на то свои причины. Но мне всегда становится немного грустно, когда я думаю об этих отчетах шестидесятилетней давности, которые можно было бы связать с полной профессиональной карьерой оставшихся в живых участников отцовского исследования, которым теперь уже за 70 лет.

Я затронул в своем докладе в основном те аспекты в карьере моего отца, которые были мне лучше всего знакомы и в которых я сам принимал некоторое участие. Есть еще множество других тем, в которые я мог бы углубиться. Отец занимался также исследованиями по переносу профессиональных навыков, куда входили как эксперименты, в которых интенсивные специальные практические занятия сочетались со специфическими заданиями, так и корреляционные исследования по переходу от конкретных школьных предметов к оценке общих интеллектуальных способностей. Эти исследования утвердили моего отца в убеждении, что следует преподавать те предметы, которые сами по себе достойны изучения, а не те, чья единственная ценность заключается в развитии ума или в том, что они в будущем способны облегчить переход к какому-то еще предмету. Были еще исследования отца по обучению взрослых людей, показавшие, что, при условии соответствующей мотивации, взрослые люди в возрасте старше 40 лет способны усваивать новые знания так же, как и молодые люди 20 с лишним лет. Отец также проводил исследования умственного утомления и воздействия на процесс обучения таких физических условий как вентиляция, исследования потребностей, интересов и взглядов людей различных возрастов. Он изучал не только индивидов, но и группы, сообщества людей, применяя количественные методы для оценки городов и определения благоприятности городов для проживания. Эти исследования включали в себя методы, которые, как я полагаю, были первым использованием в психологии того, что в настоящее время получило название «структурных уравнений», методов «проходных коэффициентов», созданных Сьюэллом Райтом. Была честлюбивая, пусть только частично успешная, попытка отца распространить психологические методы и мышление на широкий спектр социальных проблем в работе «Природа человека и общественный порядок» (Human Nature and the Social Order) (1940).

Его 50 книг и более 400 статей, далеко не все из которых я сам прочитал, охватывают широкий спектр проблем без постоянной концентрации на каком-то одном предмете. Он сам писал, как бы слегка извиняясь, в кратком очерке, который подготовил для «Истории психологии в автобиографиях» Мерчисона, что в своей профессиональной деятельности он никогда не занимался единственной доминирующей и постоянной темой. Скорее, он брался за все то, что, по его мнению, было достойно разработки, и целиком посвящал себя этому.

В общем, можно сказать, что работа и семья были всей его жизнью. В прошлые выходные я разговаривал со своей старшей дочерью, которой было около 7 лет, когда умер мой отец, о том, что она помнит о своем дедушке. У нее в памяти остался образ человека, который большую часть времени проводил в своем кабинете, где он непрерывно дымил сигаретой, положив ноги на стол, но был готов в любой момент оторваться от работы и начать выпускать колечки дыма, чтобы позабавить внучку, или мастерить ей шляпы и лодочки из газеты. И, пожалуй, эти воспоминания олицетворяют интересы и ценности моего отца не меньше, чем все остальное. Он никогда активно не интересовался политикой, религией или общественной жизнью. В некоторых отношениях отец был истинным трудоголиком, который перед сном читал в постели Британскую энциклопедию, подбирая подходящие отрывки для тестов на усвоение прочитанных текстов, не потому, как я полагаю, что отца что-то понуждало заниматься этим, а потому, что больше всего прочего в жизни он любил собирать и анализировать данные. Несмотря на плохое самочувствие, он вплоть до последних месяцев своей жизни продолжал работать над теми проблемами, информацию о которых он мог получать от других людей, например, над корреляционным анализом черт характера людей, основанным на биографиях. Тогда это меня, как правило, удивляло, но теперь это уже не кажется мне странным, с тех пор, как я осознал, что, когда отец умер, ему было почти столько же лет, сколько мне сейчас. Когда работа действительно остается центром и смыслом жизни человека, такому человеку совсем не просто отказаться от своей

работы, и я подозреваю, что буду продолжать обдумывать вопросы для тестов и проводить простейший факторный анализ до тех пор, пока не уйду в мир иной.

МАКС ВЕРТХЕЙМЕР:

СОВРЕМЕННАЯ КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

И ПРОБЛЕМА ГЕШТАЛЬТПСИХОЛОГИИ

Я понимаю, что многое изменилось как в психологии, так и в американском обществе с тех пор, как я покинул этот мир в 1943 году. Однако мой сын, несмотря на то, что растительность на его лице являет собой полную противоположность моей (для чего ему эта смешная куцая бородка? Не лучше ли было отпустить солидные пышные усы?), говорит мне, что даже если кто-то сегодня принимает идеи гештальтпсихологии всерьез, эти идеи необходимо заново облечь в такие слова, которые будут понятны современным людям. Профессиональный жаргон претерпевает изменения. Так что сегодня я хотел бы с помощью несколько неидеального понимания моим сыном собственно классической теории гештальтов и в особенности современной когнитивной психологии поделиться с вами своим мнением о том, какова была, есть и будет роль идеи о гештальтах в том, что сегодня называют когнитивной психологией.

Я попытаюсь сказать несколько слов о современной когнитивной психологии, поговорить о том, в чем заключается проблема гештальтпсихологии, а также о том, в чем две указанные теории могут сочетаться или не сочетаться друг с другом. Для того, чтобы как-то приблизить свое выступление к сегодняшнему дню, я попытаюсь избегать в своей речи «сексистских» выражений, а также постараюсь говорить с современным американским акцентом, а не так, как я говорил много лет назад.

Но прежде чем приступить к основной теме своего выступления, я бы хотел немного рассказать вам о себе. Много лет прошло с тех пор, как я перешел в иную фазу своего существования, и не каждый психолог знаком сегодня с теорией гештальтов. Я родился 15 апреля 1880 года в Праге. Теперь это Чехословакия, но в то время она входила в состав Австро-Венгрии. Мой отец был директором пользовавшегося успехом бизнес-колледжа, расположенного в центре Праги, а моя мать хорошо разбиралась в литературе, искусстве и культуре центральной Европы и прекрасно играла на скрипке. Мой старший брат, Вальтер, должен был в будущем стать преемником отца и возглавить бизнес-колледж Вертхеймеров, но умер, не дожив до 30 лет.

Я получил начальное образование в частных школах Праги, после окончания школы я посещал Карлов университет в том же городе, изучая широкий спектр дисциплин — от философии и искусства до юриспруденции. Среди педагогов, оказавших на меня наиболее значительное влияние, я могу назвать Христиана фон Эренфельса, который высказал предположение о том, что психология 1880-х годов, систематическая элементарная психология Вундта (systematic elementistic Wundtian psychology) выпустила из внимания важный элемент — гештальт-качество, или «качество целостности», то есть такие характеристики, как, к примеру, мелодия или «квадратность», которые необходимо добавить к элементам (тонам или линиям) для того, чтобы получить целостный воспринимаемый образ. В конце концов я уехал из Праги в Берлин, чтобы в Берлинском университете изучать философию и психологию под руководством таких выдающихся профессоров, как Карл Штумпф. Я получил степень доктора философии в Юрцбурге в 1904 году совместно с Освальдом Кюльпе и Карлом Марбе за работу над методикой по ассоциативной связи слов с целью обнаружения вины преступника в ходе следствия.

В последующие несколько лет я принимал участие в ряде разработок в различных областях: продолжал работу по детектированию вины, занимался дальнейшим изучением метода ассоциативной связи слов, а также исследованиями пациентов, страдающих афазией. В 1910 году, заинтригованный феноменом кажущегося движения (как в современном кинематографе), я начал проведение ряда экспериментов, результатом которых явился научный доклад, который я прочитал в 1912 году и который, по мнению многих, заложил основы школы

гештальтпсихологии. Эксперименты, в которых мои друзья Курт Коффка и Вольфганг Келер выступали в качестве наблюдателей, показали, что феномен воспринимаемого зрительного движения (когда две визуальные картинки демонстрируются поочередно через определенные временные и пространственные интервалы) не может быть получен в результате суммирования ощущений или восприятий двух картинок. Качество полного воспринимаемого опыта, то есть движения, не может быть выведено из свойств двух его «составляющих элементов», двух неподвижных картинок. Фактически Келеру, Коффке и мне вскоре стало ясно, что этот принцип в целом широко применим в психологии и даже в природе: динамические, интегрированные целостные системы (или гештальты) обычно не являются суммой своих составных частей или элементов. Скорее наоборот, характеристики природных целостных систем определяют природу, роль и функции своих составляющих, и части истинного гештальта ведут себя по отношению друг к другу далеко не индифферентно.

Этот общий принцип впервые пришел мне в голову в связи с музыкой и психологией мышления. Интерес, проявляемый мной к психологии мышления, также привел меня к созданию концепций решения задач и творческой мысли, над которыми я работал начиная с 1912 года до тех пор, пока не закончил книгу «Продуктивное мышление» (Productive Thinking), незадолго до своей смерти (1982). Это как раз та часть теории гештальтов, на которой я хотел бы сегодня сконцентрировать ваше внимание. Психология продуктивного мышления, в той же мере, что и психология музыки, восприятия, личности и психология социальных явлений дает нам яркие примеры потребности в точном, строгом и экспериментальном холизме (холизм — «философия целостности»). Именно в этом состоит суть теории гештальтов.

Чтобы закончить рассказ о себе, могу добавить, что в течение ряда лет я работал в Берлине, после чего в 1929 году был приглашен университетом города Франкфурта на работу на кафедре философии и психологии. В 1923 году я женился на своей юной студентке, Анне Каро, и вскоре после этого у нас один за другим родились трое детей: Валентин (который стал адвокатом) в 1925 году, Майкл (который стал профессором психологии) в 1927 году и Лиза (тоже ставшая профессором психологии) в 1928 году. К 1933 году политическая ситуация в Германии настолько ухудшилась, что стало ясно, что нам придется покинуть страну. Мое еврейское происхождение представляло угрозу для жизни и благополучия моей семьи. Поэтому в начале 1933 года мы уехали в Чехословакию, а в сентябре того же года прибыли в Соединенные Штаты; с этого года и до самой своей внезапной смерти, последовавшей в 1943 году, я преподавал в Новой Школе социальных исследований в Нью-Йорке. Возвращаясь к сегодняшней главной теме, хочу поделиться с вами некоторыми своими мыслями по поводу современной когнитивной психологии, по поводу того, к каким последствиям привела разработка теории гештальтов, а также по поводу того, в чем могут, а в чем не могут сочетаться указанные две психологические теории.

Позвольте мне начать с пересказа и цитирования предисловия моего сына и двух его коллег, Андерса Эриксона и Питера Г. Полсона, являющихся экспертами в когнитивной психологии. Это предисловие было подготовлено ими к переизданию 1982 года моей книги «Продуктивное мышление». Должен признаться, что кое-какие вещи в этом предисловии в некоторой степени меня удивляют. Возможно, моему сыну следовало быть поосторожнее и не соглашаться с некоторыми суждениями, высказанными в нем; или же ему следовало перефразировать некоторые из подобных высказываний для придания им большей ясности и точности.

ВЛИЯНИЕ «ПРОДУКТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ»

Эриксон, Полсон и Вертхеймер высказали любезное предположение о том, что моя книга «Продуктивное мышление» «явилась открытием для своего времени, стимулировала проведение множества исследований в последующие десятилетия и

продолжает давать соответствующую пищу для ума приверженцев когнитивной психологии, а по существу — любым склонным к размышлениям людям 1980-х годов». Они подчеркивают, что в своей книге я раскрывал основные темы и приводил множество примеров продуктивного мышления еще до 1920 года; у моей книги был долгий период созревания. Она была написана в свете преобладающих теоретических парадигм того времени, вытекающих из теории элементов Вундта, британского ассоцианизма и американского бихевиоризма. Согласно всем этим теориям, предполагалось, что точная экспериментальная работа по получению простых ассоциаций или связей типа «стимул — реакция» способна обеспечить полное понимание любых поведенческих моделей человека, как простых, так и сложных. Хотя подобные парадигмы могли, вероятно, достаточно хорошо объяснять «репродуктивное» мышление, моя книга доказывала, что они не в состоянии объяснить продуктивное мышление, то есть дать истинное понимание концептуальных проблем и взаимозависимостей.

В течение нескольких десятилетий мои коллеги (такие как Дункер, Катона, Коффка, Келер) и я демонстрировали, что для полного понимания процесса познания в целом и процесса решения задач в частности, необходимо принимать во внимание интегрированные ментальные структуры, имеющие организованные подчасти, характеристики которых определяются их местом, ролью и функцией в таких структурах. Эрикссон и другие высказали предположение о том, что эта работа, совместно с работами Бартлетта (1932), Поля (1945) и других, дала подробные описания примеров процессов решения задач и мышления, научное толкование которых требует проведения анализа сложных ментальных структур и процессов. Они дают мне щедрую и высокую оценку, утверждая, что эти мои демонстрации являются краеугольным камнем, на котором строятся современные теории о таких сложных когнитивных процессах, как воспоминание, решение проблем и мышление.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАРАДИГМЫ ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ

Авторы предисловия заявляют, что в период с начала 1940-х и до конца 1950-х годов в понимании подобных феноменов большого прогресса не наблюдалось, поскольку отсутствовали концептуальные инструменты, необходимые для построения теорий о сложных ментальных структурах и о процессах, могущих воздействовать на эти структуры таким образом, чтобы вызывать интеллектуальное поведение. Однако ситуация изменилась после публикации работы Хомского (1957) по трансформационной грамматике, а особенно после того, как в 1958 году Ньюэлл, Шоу и Саймон представили описание компьютерной программы, предназначенной для решения задач пропозициональной логики, и собственной программы для решения общих задач (General Problem Solver) (1962). Подобные разработки, по их утверждению, продемонстрировали, что ментальные структуры, включая цели и процессы, вызывающие их и управляющие ими, поддаются совершенно точному описанию. Это, между прочим, одно из мест, в которых, по моему мнению, мой сын проявил некоторую неосмотрительность: разве эти программы действительно описывают процессы, которые вызывают ментальные структуры и цели и управляют ими? Возможно, управляют, но вряд ли вызывают. Я вернусь к этим вопросам позже. В любом случае соавторы предисловия указывают, что программа для решения общих задач успешно имитирует шаги, предпринимаемые студентами во время решения элементарных логических задач. Они утверждают, что программа выдает цели и подцели для того, чтобы осуществить выбор следующего шага (или «средства») для продвижения по пути решения задачи, и они также утверждают, возможно, несколько неосторожно, что эти цели и прочие процессы в некоторых смыслах подобны структурам и процессам, которые были описаны ранее разными представителями школы гештальтпсихологии.

Ньюэлл и Саймон (1972) и Саймон (1978) детализировали парадигму обработки информации для решения задач. Эта широко принятая модель описывает процесс решения задачи как «целенаправленный поиск» среди многообразия возможных

решений в рамках определенной «проблемной области». Такая модель достаточно хорошо имитирует усилия по решению задач у тех людей, которые имеют недостаточные знания или малый опыт решения задач, особенно с привлечением анализа «средств-целей», составляющего неотъемлемую часть программы для решения общих проблем. Однако объяснения, основанные на подобных механизмах целенаправленного поиска, не в состоянии описать, как эксперты в конкретной проблемной области приступают к решению задачи, находящейся в рамках их компетенции.

Таким образом, эта имитация по большей части стоит ближе к тому, что я определил как «слепое» или бессмысленное репродуктивное мышление, чем к истинно проницательному продуктивному мышлению. Если уж придерживаться этой общей модели, то при этом теоретическая концептуализация собственно процесса понимания должна быть куда более полно развитой и утонченной. В последнее десятилетие представители школы когнитивной психологии действительно стремились отыскать процессы и структуры, лежащие в основе понимания в ряде различных областей, и выдвинули предположение о том, что комплексные абстрактные структуры абстрактного знания, такие, как схемы, программы или системы, способны отвечать за понимание текста и за многие другие когнитивные процессы.

Некоторые попытки анализа роли понимания в процессе решения задач базируются на исследованиях в области лингвистики и искусственного интеллекта. Современные модели основаны на предположении, что процесс успешного понимания включает в себя построение ментального представления о задаче с использованием процессов и структур знания, организованных неким образом в одну или большее число соответствующих схем. В данном смысле под словом «схема» подразумевается комплексная структура знания, объединяющая следующее: (1) цели, которые могут быть удовлетворены в результате выполнения операций, входящих в схему; (2) условия, при которых может применяться подобная схема, включая необходимые предпосылки для успешного выполнения процедур, заложенных в схему; и (3) структуры и процессы познания, которые включены в достижение целей схемы. Схема относительно низкого уровня может представлять шаги, которые необходимы для решения очень специфической задачи, типа структуры, задействованной в процессе слепого механического или репродуктивного мышления. Обучение, исполненное большего смысла, как указывают Эриксон, Полсон и Вертхеймер, требует как минимум генерализации существующей схемы низкого уровня; в таком случае «инсайт» характеризуется как обнаружение применимости существующей схемы к новой ситуации.

Затем наш триумвират делает проницательное наблюдение о том, что «современные ученые пока имеют очень слабое представление о подобных процессах обнаружения». Они отмечают, что Андерсон, Грино, Клайн и Невес (1981) в попытке дать описание возможного механизма генерализации схемы выдвигают предположение о том, что для того, чтобы стать специалистом в какой-то области, требуется усвоение большого количества «общих» схем. Но «каким образом эти схемы должны интегрироваться для достижения понимания и инсайта, пока еще совсем неясно». Меня так и «подмывает» добавить, что равным образом совершенно неясно, как компьютерная программа может узнать, какую именно схему из большого набора «общих схем» будет разумно опробовать для решения конкретной новой задачи. Мне кажется, что в этом заключается один из основных недостатков современной когнитивной психологии, и я вернусь к этому вопросу позже.

Эриксон, Полсон и Вертхеймер развивают эту тему, суммируя проведенный Грино (1977) анализ взаимозависимости между результатами того, что они называют «таким процессом понимания», и успешным решением задачи. Этот тип «процесса понимания» дает успешное решение при условии удовлетворения трех критериев: (1) представление соответствует фактической структуре задачи (могу добавить, что этот пункт представляется мне наиболее сложным); (2) представление хорошо интегрировано в том смысле, что все его компоненты правильно взаимосвязаны

между собой; и (3) представление хорошо интегрируется с прочими знаниями «решателя» задачи. Авторы отмечают, что те представления, которые срабатывают, отличаются именно такими характеристиками. Однако при этом они добавляю, что «процессы, приводящие к истинно продуктивному мышлению (то есть процессы, обеспечивающие представления, которые действительно могут успешно применяться при решении задачи), все еще остаются неясными». Слепое или механическое применение генерализации схем не способно быть продуктивным; в современных моделях по-прежнему отсутствуют реструктуризация и инсайт, важность которых я подчеркивал в своей книге. К этому выводу я надеюсь подвести вас к концу своего выступления.

Теперь разрешите напомнить вам некоторые наиболее важные аспекты подхода, используемого в гештальтпсихологии. Я вновь начну с цитирования и переложения нескольких высказываний моего сына из той главы, которую он написал о гештальт-теории обучения несколько лет тому назад (1980). Частично эта глава, как мне кажется, действительно демонстрирует достаточно хорошее понимание сущности гештальтпсихологии. Возможно, мой сын не так уж безнадежен.

Начну с самого главного понятия: что такое гештальт? Гештальт — это ярко выраженное целое, система, в пределах которой ее составные части находятся в динамической взаимосвязи друг с другом и с единым целым, где интегрированная целостность каждой части и подчасти имеет свои место, роль и функцию, обязательно отводимые для нее самой природой целого (или целостной системы). Это антитеза суммы, или пучка, или разветвленной диаграммы, или технологической схемы, составные части которых тоже могут иметь связи. Структура гештальта такова, что изменение одной его части обязательно влечет за собой изменения в остальных частях и в самом целом; части гештальта не являются изолированными компонентами, не зависящими друг от друга. Если слегка сдвинуть одну карту в карточном домике, весь домик может рухнуть. Крошечный прокол в мыльном пузыре вызывает немедленное и коренное изменение целого. В гештальте природа целого и его составляющих частей полностью взаимоинтегрированы. Характеристики целого определяют характеристики каждой его части и ее функции в этом целом, а характеристики различных частей целого взаимозависимы.

ПРИРОДА ПРОЦЕССА НАУЧЕНИЯ

Теория гештальтов утверждает, что механический, ассоциативный, инертный образ души не позволяет по достоинству оценить богатство, творческие возможности, а также тонко организованную природу ментальных процессов и событий. В сердцевине истинного научения лежит понимание, инсайт, прозрение. Ассоциативные за-цепки («крючки») являются бездарными карикатурами на действительный процесс научения, которому, напротив, свойственно проникновение в существо вопроса, истинное соответствие специфической природе и структуре изучаемого материала и достижение доставляющего удовлетворение опыта понимания того, что раньше представлялось бессмысленным — опыта истинного прозрения (когда человек говорит: «Ага! Я понял! Так вот в чем суть!»). Обычно научение представляет собой процесс перехода от ситуации, когда что-то представляется совершенно бессмысленным, до такого состояния, когда нечто ранее неизвестное или непонятное становится ясным, доступным пониманию, чем-то таким, с чем вы легко можете справиться.

Позвольте привести маленький пример. Много лет назад мы наняли новую женщину-иммигрантку для работы по дому. Наш дом находился в одном из пригородов Нью-Йорка. Скоро она научилась отвечать на телефонные звонки. Однажды зазвонил телефон, она взяла трубку, и я услышал, как она ответила: «Да... да... конечно», а затем повесила трубку. Через несколько секунд телефон зазвонил вновь, и опять повторилась та же сцена. Когда я и в третий раз услышал, как она ответила: «Да... да... конечно» и положила трубку, я не мог больше сдержаться любопытства и спросил у нее, что сказал ей абонент. Она ответила, что

он спросил: «Это дом Вертхеймеров?», и она сказала «да»; в следующий раз звонивший спросил, дома ли профессор Вертхеймер, и она снова ответила «да»; а в третий раз абонент сказал: «От Вашингтона до вас большое расстояние», и наша служанка опять ответила ему: «Да, конечно».

Переход от бессмысленности к осмыслению — это и есть процесс научения. Научение имеет место в тот момент, когда обучающийся достигает понимания, когда он проникает в истинную сущность проблемной ситуации и способен действовать таким образом, который показывает, что он действительно понял задачу и ее соответствующие характеристики. Если понимание достигнуто, достаточно одного маленького шажка, не представляющего большого труда, для переноса научения на новую ситуацию, к которой оно тоже применимо. Так что один из способов убедиться, что научение действительно имело место, состоит в том, чтобы проверить, можно ли обобщить изученный «материал» и применить его к сходному заданию: если научение вылилось всего лишь в механическое заучивание или в бессмысленный подбор ассоциаций, обучающийся не сможет распознать сходство между заданием, которое он уже освоил, и новым заданием, которое, при всех его кажущихся отличиях от первого, требует для своего решения того же инсайта, который уже должен быть достигнут при выполнении первого задания.

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И РЕОРГАНИЗАЦИЯ

Для решения задачи требуется выработка разумного, соответствующим образом организованного представления о поле задачи. Здесь может подразумеваться переход от хаотичного восприятия предлагаемой информации к составлению организованной, ясной и цельной концепции об этой информации; или же может подразумеваться реорганизация ошибочного представления о задаче в иное, более действенное представление. Многие проблемы таковы, что когда люди впервые сталкиваются с ними, они не имеют представления о том, как приступить к их решению, и такие проблемы действительно могут, на первый взгляд, показаться совершенно недоступными пониманию или неясными. Решение начинается представляться возможным только когда центральные черты проблемы становятся четко осознанными и намечаются пути возможного подхода к проблеме. Не имеющие отношения к делу характеристики должны быть отброшены, ключевые характеристики должны приобрести выраженность, и должно быть выработано представление о задаче, правильно отражающее то, как соответствуют друг другу различные части задачи; следует достичь понимания взаимосвязей между частями, а также взаимосвязей между частями и задачей в целом. Повторюсь, что для проверки понимания необходимо определить, можно ли перенести достигнутый инсайт на другие проблемные ситуации, являющиеся сходными по своей структуре, но отличающиеся в каких-то деталях. Следовательно, процесс решения задачи обычно предполагает реорганизацию. В процесс реорганизации входит выработка представления, учитывающего все относящиеся к делу аспекты поля задачи. Далее, основанный на инсайте подход к решению проблемы помогает избежать нелепых ошибок того типа, какие могут иметь место в случае «слепого» или механического подхода. То, чему вы научились, вы сможете интуитивно перенести на соответствующие новые ситуации; в этом случае попытки бессмысленного переноса знания на несоответствующие ситуации невозможны.

ЭТАП ХЕФФДИНГА

Такой процесс соответствующего переноса представляет собой один аспект феномена, который гештальтпсихологи называют этапом Хёффдинга, по имени датского философа и психолога Харальда Хёффдинга, который сформулировал его в конце XIX века. Как узнать, что та или иная конкретная стратегия способна успешно сработать в конкретной ситуации? В более общем смысле, как можно узнать, что новая ситуация есть та самая ситуация, с которой, в той или иной ее

форме, вы уже сталкивались ранее? К примеру, как вы узнаете, что человек, с которым вы встретились на вечеринке, есть тот, с кем вы уже встречались прежде? Хёффдинг выдвинул предположение о том, что сходство, или подобие, является решающим фактором, который определяет узнавание. Когда вы встречаетесь с кем-то впервые, этот опыт (обозначим его буквой А) оставляет энграмму в вашей долговременной памяти (обозначим эту энграмму буквой а). Позже вы снова сталкиваетесь с этим же человеком и получаете опыт А'. Как вам удастся узнать в этом человеке того, кого вы уже видели раньше? Несомненно, ваш новый опыт (А') должен каким-то образом вступить в контакт с энграммой «а», оставшейся в вашей памяти во время вашей первой встречи (А) с этим человеком. Однако единственный способ, с помощью которого А' может вступить в контакт с «а», состоит в их сходстве. Таким образом, перенос решения уже знакомой задачи (а) на новую задачу (А') возможен лишь в том случае, если человек, решающий задачу, способен заметить сходство между двумя этими задачами. Осознание такого сходства является тем решающим этапом, или этапом Хёффдинга, который делает перенос возможным. Этот этап требует от человека постижения того, что старое решение может быть столь же успешно применено к новой проблеме. Решающим этапом «инсайта», или понимания, является знание того, какую стратегию следует опробовать для решения; после этого применить стратегию будет уже относительно просто.

СКОРЕЕ НЕ СНИЗУ ВВЕРХ. А СВЕРХУ ВНИЗ:

АНАЛИЗ И СИНТЕЗ

Хочу остановиться еще на одном аспекте классической теории гештальтов, прежде чем перейти к вопросу о том, в какой степени современная когнитивная психология затрагивает или решает проблему гештальтпсихологии. Этот аспект касается древнего логического разграничения между анализом и синтезом. Теоретики гештальтпсихологии всегда ставили анализ выше синтеза. Сторонники противоположного подхода доказывали, что следует начинать с элементов и пытаться понять, каким образом в результате сочетания этих элементов получается целое. Этот подход называется синтетическим, и в течение многих веков он предлагался к применению для широкого спектра компонентов: простых идей, сенсорных свойств, стимулов и реакций, рефлексов, понятий, узелков в семантической сетке, а в настоящее время и для переключателей в микрокомпьютерах. В противовес этому взгляду, подход теории гештальтов утверждает, что анализ должен идти не снизу вверх, а сверху вниз; эта стратегия признает первичность целого и его решающую роль в определении его частей. Отдавая должное интегрированной, ясно выраженной и динамической природе целого, необходимо начинать с уровня целого и переходить к составляющим его частям, а не пытаться подняться до уровня характеристик гештальта, начиная с тех элементов, которые, предположительно, составляют такой гештальт, или целостную систему.

Теперь позвольте мне высказать свое мнение по вопросу о том, в какой степени современная когнитивная психология отражает некоторые из более ранних проблем гештальтпсихологии, а после этого я перейду к более важному вопросу о том, в какой степени современная когнитивная теория отвечает главной проблеме гештальтпсихологии — проблеме значения, понимания, реорганизации и инсайта, то есть сердцевине того, что теория гештальтов считает характерным для истинного мышления. Беглый взгляд на современную литературу может оставить впечатление, что даже не принимая в расчет некоторое воздействие гештальтпсихологии на современные исследования восприятия, можно сказать, что когнитивная психология сегодня включает в себя, по крайней мере, три основные идеи гештальтпсихологии: отношения «часть — целое», интерпретацию по принципу «сверху вниз» и инсайт. Но более пристальный взгляд показывает, что это иллюзорное впечатление. В когнитивной психологии теряется специфический гештальт-аспект этих идей.

ОТНОШЕНИЯ «ЧАСТЬ — ЦЕЛОЕ»

В современной когнитивной психологии вопрос, о взаимоотношениях между частью и целым ставится не в смысле того, как целое определяет характер частей или как осуществляется интеграция частей таким образом, чтобы выполнять те функции, которых требует от них характер целого. В когнитивной психологии речь скорее идет о разграничении между целостной системой (или программой, или суммой) и ее подсистемами (или стандартными подпрограммами, или подсуммами). В несколько гипертрофированном смысле, в современной когнитивной психологии две четверти доллара и один серебряный доллар составляют целую сумму в 1,50 доллара, частями которой являются серебряный доллар и две четверти доллара. С точки зрения гештальтпсихологии, такие инертные суммы не могут быть определены как гештальты, в пределах которых находятся их значимые составляющие части: это просто конгломераты без каких бы то ни было динамических признаков, присущих истинному гештальту. Подобным же образом сложная микрокомпьютерная программа с различными подпрограммами, которые могут быть введены в нее, не представляет собой целого со значимыми составными частями в том смысле, который вкладывает в это понятие гештальт-психология, потому что добавление таких компонентов не дает в результате целое, представляющее собой нечто большее, чем просто сумму его составляющих частей. Только в случае, когда характеристики частей поддаются определению «сверху вниз», есть основание, с точки зрения гештальтпсихологии, говорить о взаимоотношениях «часть — целое».

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПО ПРИНЦИПУ «СВЕРХУ ВНИЗ» И «СНИЗУ ВВЕРХ»

Использование фразы «сверху вниз» в современной когнитивной психологии также отличается от использования его в теории гештальтов. Несколько минут назад я подчеркивал, что анализ имеет преимущества перед синтезом. Именно это и подразумевает теория гештальтов, говоря о движении не снизу вверх, а сверху вниз. Однако эта идея не имеет ничего общего со сравнением стратегий в решении задач или научении, которые «опираются на теорию или на конкретные данные», а именно это подразумевается в современной когнитивной психологии под терминами «сверху вниз» и «снизу вверх», начинаете ли вы с правила или с конкретного проявления этого правила. Однако это никак не связано с движением от целого к одной из его частей или от составной части к превосходящему ее целому. Таким образом, сходство между терминами начинается и заканчивается на чисто вербальном уровне; фактически, значения этих двух фраз не имеют между собой ничего общего.

ИНСАЙТ

Что же произошло с самим понятием «инсайта», созданным гештальтпсихологией, в контексте моделей обработки информации, доминирующих в современной когнитивной психологии? Полной интеграции понятия «инсайт» в этих моделях не произошло. В действительности это понятие в когнитивной психологии довольно сильно искажается и неверно понимается, что было продемонстрировано серией исследований, проведенных Вейсбергом и его коллегами (например, Weisberg, 1980). Вейсберг сделал попытку объяснить работу испытуемых над традиционными проблемами, предполагающими достижения «инсайта», с точки зрения процессов обработки информации, и утверждал при этом, что идеи «инсайта» и «фиксации», принятые в гештальтпсихологии, представляются как ненужными, так и бесполезными в объяснении поведения индивида при решении задач. Вейсберг заявляет, что сторонники теории гештальтов утверждают, что те задачи, которые они изучали ранее, вызывают трудности потому, что испытуемые «заклиниваются» на необоснованных предположениях по поводу задач, и такая «фиксация» мешает

им достичь инсайта, то есть проникновения в решение задачи; если убрать источник «фиксации», решение должно возникнуть внезапно. Для того, чтобы решить задачу, основанную на инсайте, индивид должен рассматривать эту задачу с новой, реструктурированной точки зрения, которая не зависит от прошлого опыта. Вейсберг пишет:

«Термин «инсайт» иногда выбирается для того, чтобы показать, что индивид решает подобные задачи, «проникая» в их структуру под воздействием внезапного озарения (подобно тому, как внезапная вспышка света позволяет рассмотреть все то, что раньше скрывалось во тьме). Предположительно, такой инсайт позволяет человеку найти истинно творческое решение, являющееся относительно независимым от его прошлого опыта».

Затем Вейсберг пытается развенчать идеи «инсайта» и «фиксации» (закрепления), продемонстрировав, что испытуемые достигают «интуитивных» решений просто за счет использования своего прежнего опыта, что отсутствие инсайта имеет место вовсе не по причине «фиксации» и что даже если убратьсылки, которые предположительно вызывали «фиксацию», задача от этого не упрощается. Результаты экспериментов Вейсберга по решению нескольких различных задач привели его к заключению о том, что основанные на инсайте задачи представляют трудности потому, что инструкции, которые получают испытуемые, подводят их к очевидным «решениям», с помощью которых невозможно решить задачу. Испытуемые не в состоянии сразу понять, что эти решения не сработают, а иной раз верное решение не становится очевидным даже после того, как были отброшены ошибочные решения. Вейсберг делает следующий вывод: при решении подобных задач испытуемые вырабатывают представление, основанное на их прошлом опыте и на информации, которая содержится в самой задаче. Создавая такое представление, испытуемые берут из памяти только ту информацию, которая имеет отношение к характеру задачи, а если задачу не удастся решить сразу, испытуемый меняет подход к восприятию информации, формируя новое представление; решения, полученные с помощью такого нового представления, могут потом переноситься на другие, новые задачи, если в них будет обнаруживаться сходство с прежними задачами.

Разрушают ли эти открытия и выводы разумность понятий «фиксации» (функциональной закрепленности) и инсайта, принятых в теории гештальтов? Нет. Классическая теория гештальтов тоже пришла ко многим из выводов, сделанных Вейсбергом. Келер (1929), к примеру, охарактеризовал инсайт как понятие, включающее в себя понимание того, «почему» и «как» имеет место феномен: «Не бывает простой последовательности нейтральных событий, связанных косвенным образом. Каждая событийная фаза вырастает из предшествующих фаз и зависит от их конкретного характера». Опыт ситуации складывается без привлечения инсайта в том случае, когда ни одно из ее состояний не зависит от другого состояния и не определяет его. Келер также высказывает предположение о том, что автоматические процессы нельзя рассматривать как основанные на инсайте, поскольку они дают только результат, но не дают представления о том, «почему» и «как».

Основанное на инсайте поведение — это целенаправленное поведение, при котором каждое состояние обоснованно связывается с предыдущими и последующими состояниями в соответствии с точным представлением (или моделью, если вам так больше нравится) всей последовательности. Частичные инсайты, как их описывал, к примеру, Дункер (1945), являются частью возможного развития соответствующего представления. Келер ничего не говорит ни о внезапном озарении, ни о полной независимости от предыдущего опыта. Но в книге «Продуктивное мышление» реструктуризация проблемы действительно характеризуется как «внезапная радикальная трансформация от первого ко второму взгляду», и делается предположение о том, что «слепое» поведение может быть вызвано тем, что человек продолжает придерживаться определенного взгляда по привычке. В моей книге проблема описывается как структурно незавершенная ситуация (S), структурно завершенная ситуация (S), а также как шаги или

операции, задействованные при переходе S в S. Определенный конкретный характер и структурные характеристики S приводят индивида к осуществлению определенных операций, необходимых для удовлетворения конкретных требований S. Обычно этот процесс осуществляется не мгновенно, а постепенно. Процесс понимания не просто включает в себя данные части и их трансформации. Он работает со структурно значимым материалом, выбираемым из прошлого опыта. Однако информация, полученная из прошлого опыта, конечно, «не сваливается беспорядочно в одну кучу». Используется только та информация, которая согласуется с процессом трансформации S в S, и только в соответствии с требованиями S.

Пожалуй, нет необходимости развивать этот пункт далее. Результаты исследований Вейсберга и даже его собственные интерпретации полностью согласуются с классическим взглядом теории гештальтов на инсайт.

Однако позвольте мне наконец перейти к главной теме разговора. Достигла ли современная когнитивная психология успехов в решении того, что я называю проблемой гештальтпсихологии, то есть проблемы значения, понимания, инсайта? Я хотел бы для начала отдать должное блестящим достижениям современной когнитивной науки — как в области искусственного интеллекта, так и в области обработки информации. Конечно, программы, основанные на искусственном интеллекте, работают совсем не по тому принципу, как думают люди, даже люди с необычайно высокоразвитыми умственными способностями; эти программы предназначены не для имитации человеческого мышления, а для достижения оптимальных решений. Эти программы лучше людей-экспертов справляются с такими задачами, как поиск нефтяных месторождений, прогнозирование погоды, точная медицинская диагностика, обнаружение вражеских стратегических ракет и игра в шахматы, поскольку они имеют удивительно совершенную память, мощные возможности для поиска, а иногда и встроенную эвристику.

Что касается моделей обработки информации, то некоторые из них предназначены для искусной имитации процесса решения проблем людьми, особенно проблем в таких областях, с которыми люди могут быть еще не знакомы. Существуют программы, которые точно имитируют (включая такие сложные аспекты, как карты ошибок) те усилия по нахождению решений, которые предпринимают студенты в процессе работы над такими заданиями, как задача о кувшине с водой, задача о каннибалах и миссионерах (или, как она теперь называется, «Хоббиты и Орки»), задачи о переправе через реку, о башнях Ханоя и даже геометрическое задание, состоящее из доказательства равенства вертикальных углов, которое описывается в главе 3 книги «Продуктивное мышление» (Greeno, 1982).

СТРАТЕГИЯ КОГНИТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Следовательно, программные продукты, являющиеся результатом разработок в когнитивной науке, позволяют решать ограниченный круг задач лучше, чем это может делать большинство людей, и способны составлять модели попыток решения проблем, неотличимые от тех моделей, по которым действуют сами люди, столкнувшиеся с этими же проблемами. Каким образом это достигается? Программы обоих типов используют представление задачи и осуществляют систематический поиск в конкретном поле задачи для нахождения ее решения.

Проблемы описываются как набор состояний реального мира в сочетании с набором операторов, выполнение которых преобразует эти состояния в другие. К примеру, в шахматах состояния реального мира — это положения шахматных фигурок на доске в любой данный момент игры, а набор операторов — это те ходы, которые фигуры могут совершать в соответствии с правилами игры. Такое «поле проблемы» можно представить в виде графика, точки на котором являются представлениями о конкретных состояниях реального мира, а проходящие через эти точки кривые — как трансформации из одного состояния в другое. При условии

принятия подобного представления процесс решения задачи состоит из поиска, осуществляемого в поле проблемы, то есть нахождения пути от начальной точки на графике до точки, представляющей собой цель, которую предстоит достигнуть. Поле проблемы можно «пройти» тремя способами: с помощью «слепого» поиска, оценочных функций и эвристического поиска. «Слепой» поиск — это метод «грубой силы», когда исследуется каждая возможность до тех пор, пока не будет достигнута цель. Решение гарантируется, однако иной раз ценой огромных затрат времени и усилий. Использование оценочных функций позволяет упрощать график, сводя его к более удобным размерам путем усечения ответвлений. Например, если на каком-то пути вас может подстеречь смертельная опасность, весь этот путь отбрасывается. Различные типы эвристического поиска обязательно предполагают какое-то сокращение, ведущее к уменьшению времени и снижению расходов, необходимых для исследования поля проблемы, но при этом не гарантируется, что цель будет достигнута (то есть менее чем оптимальный подход). Анализ средств/целей представляет собой метод эвристического поиска, в котором поиск в поле проблемы осуществляется в обратном направлении, то есть от цели к исходному состоянию. Суть этого метода состоит в том, что сравниваются настоящее состояние и целевое состояние, отмечаются различия, затем с помощью таблицы связей определяются операторы, способные уменьшить различия.

НЕДОСТАТКИ «ПРОГРАММЫ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ОБЩИХ ЗАДАЧ»

Представляю базовый подход, используемый в новаторской «Программе для решения общих задач» (Newell, Shaw and Simon, 1962) и во многих сходных программах, которые были составлены или написаны начиная с 1962 года. Такой подход имеет несколько «узких мест», часть из которых уже упоминалась. Во-первых, хотя анализ средств/целей адекватно описывает действия новичков в ходе решения задачи, он не в состоянии удовлетворительно описать такие же действия экспертов.

Основное различие в подходе к решению задачи между новичком и экспертом состоит в степени сложности или полноты составляемого каждым из них представления о задаче (Greeno, 1977). Представления о задаче, составляемые экспертами, обычно хорошо интегрированы, четки и содержат большое количество информации, относящейся конкретно к полю проблемы. По контрасту, представления, составляемые новичками, оказываются недостаточно хорошо интегрированными и содержат преимущественно ту информацию, которая была задана в самом описании задачи.

Второй недостаток связан с первым. Как указывает Халац (1982), задачи, обычно моделируемые с помощью такого подхода (например, задача о башнях Ханоя), представляют собой такие задачи, в которых предшествующие знания играют незначительную или несущественную роль. В результате этого основной акцент в решении таких задач приходится на нахождение стратегий для быстрого и эффективного осуществления поиска в пределах поля проблемы. Однако решение более натуралистических задач, таких как понимание естественного языка или устранение неисправностей, представляет собой более насыщенную знаниями деятельность; решение задач в таких областях требует представления и использования значительного объема знаний, связанных с конкретной предметной областью.

В принципе, модели — это способ представления духовного состояния, близкого к инсайту. Состояние озарения можно рассматривать как модель, в которой компоненты, необходимые для решения задачи, и их соответствующие характеристики представляются в правильных соотношениях друг с другом. Действительно, как только правильные соотношения становятся «видны» (то есть представлены), необходимый путь решения должен с легкостью выводиться из них. В хорошей модели будет представлена лишь та информация, которая необходима для решения задачи. Если задача особенно сложна, тогда знание того, какая информация необходима для ее решения, а какая не имеет значения, само по себе

представляет нетривиальную проблему. Эта мысль лежит в корне того, что я назвал проблемой теории гештальтов. Также в корне этой проблемы лежит идея о том, что выбор правильной модели для представления известной предметной области является далеко не простой задачей; основные принципы согласования моделей с заданиями вряд ли будут выработаны в скором времени.

СЛЕПАЯ РИГИДНОСТЬ В СРАВНЕНИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ И ПОНИМАНИЕМ

Следовательно, модели, подобные «решателю общих задач», описывают то, как решаются задачи после того, как они поняты. Задачи должны вводиться в такие программы со всей относящейся к делу информацией, подобранной на данный момент и организованной в зависимости от степени ее значимости. Не существует ни одной программы, которая могла бы сформулировать задачу в том виде, в каком способен решить ее компьютер; для того чтобы сформулировать задачу значимым образом, требуется обширный, четко организованный и относящийся к задаче объем знаний. «Решатель общих задач» и другие программы, подобные этой, являются, таким образом, изящными, но слепыми моделями процедур поиска, пригодных в том случае, когда задача понята. Как указывает Ньюэлл (1983), даже лучшие современные экспертные программы и системы все еще являются поверхностными или ограниченными; они не знают, что им известно и почему. Где же тогда значение, понимание, инсайт в тех компьютерных моделях, которые представляют собой основу современной когнитивной психологии?

Давайте начнем со значения. Как известно любому человеку, когда-либо работавшему с компьютером, компьютеры невыносимо буквальны: та точность, какая требуется при взаимодействии пользователя с компьютером, в результате оказывается сродни *rigor mortis*. Вот почему компьютерные переводы с одного языка на другой так часто оказываются непонятной тарабарщиной; ведь в языке оригинала смысл того или иного слова определяется контекстом, и необходима огромная компьютерная память только для того, чтобы уточнить, к примеру, возможные коннотационные и денотационные значения разговорного английского слова «well» («ну», «хорошо», «итак» и так далее). Гибкость в определении какой-то конкретной концепции или идеи не относится к числу сильных свойств компьютера. Кроме того, я не слышал, чтобы хотя бы один компьютер обладал чувством юмора. Способна ли хоть одна программа выдать подобную сжатую формулировку из «Ридерз Дайджест»: «Да, век космических скоростей. Завтрак в Париже; обед в Гонконге; багаж в Пеории»?

Выдаваемые компьютерами значения являются безнадежно, строго и бездушно буквальными. У компьютеров отсутствует воображение, отсутствуют творческие способности.

Где же в компьютерной модели инсайт и понимание? Да нигде.

Кроме того, в компьютерных моделях отсутствует этап Хеффдинга. Запрограммировать реальный мир самому компьютеру не под силу. Он может лишь оставаться в рамках созданного программистом отображения, но передать его обратно в реальный мир компьютер не способен. Компьютер не способен генерировать соответствующие представления и не способен знать, есть у него такое представление или нет. Инсайт и понимание являются исходными предпосылками для программы; они должны предшествовать программе. Систематизация, мышление, понимание, преобразование — это все прерогативы программиста, а не программы. Мы вынуждены признать, что то, что способны осуществить компьютер и программа, представляется тривиальным по сравнению с тем, что необходимо проделать программисту для того, чтобы получить «правильное» представление.

Представление и поиск, заложенные в компьютерной программе, являют собой конечный продукт мыслительного процесса, основанного на инсайте, в самой же программе ни инсайт, ни мысль не присутствуют. Как вы узнаете, к какой области

относится задача? Компьютер этого не знает; это может определить программист. Как узнать, какую программу следует ввести для конкретных целей? Для этого необходимо понимание и прохождение этапа Хеффдинга, на что способен только программист, но не компьютер. Как узнать, какое представление сформулировать или использовать в конкретной ситуации? Для этого необходимо понимание, которое должно быть «внедрено» в программу. Как узнать, какую информацию следует ввести в компьютер и в какой форме? Для этого необходимо понимать, что имеет отношение к делу и какие данные содержатся в буквальном словаре компьютера. Как узнать, что вы действительно нашли то, что искали, — то есть решение? Для этого необходимо уметь улавливать сходство между тем, чего требует от вас задача, и конкретными соответствующими аспектами самого решения: значит, опять не обойтись без этапа Хеффдинга. Суммируем все сказанное: у компьютеров нет идей, только цепочки символов, которые точно накладываются на то, что уже заложено в их памяти или поддается обработке; если точная формулировка оказывается ошибочной, компьютер тут бессилен. Он не может переводить символы в термины реального мира. Более того, компьютер не может даже расшифровывать истинные значения слов: трехлетний ребенок способен узнать слово «кошка», произнесенное десятью разными людьми, даже неизвестными ему, но этого не может ни один компьютер. Более того, компьютеры не могут распознавать понятия, только конкретные буквальные цепочки символов. Компьютеры не могут распознавать принципы, не могут они также указать, какие принципы применимы в конкретном случае. Я веду речь к тому, что компьютеры не способны понимать; ни одному компьютеру не под силу перейти от непонимания к пониманию. Компьютеры могут отлично подходить для слепого (или даже частично направленного) буквального поиска в определенной области, закодированной человеком в потенциально неисчерпаемой памяти компьютера, а также для выполнения «слепых» операций на базе информации, заложенной в их память; но компьютеры не обладают пониманием ни значений символов, которые хранятся в их памяти и которыми компьютеры манипулируют, ни структуры любой задачи (то есть у компьютеров отсутствует инсайт). Все необходимое мышление, инсайт и понимание закладываются в программу человеком на стадии создания программы; после того как программа запущена ни компьютер, ни программа, ни сочетание технических средств и программного обеспечения не думают, не мыслят: весь мыслительный процесс был уже проделан ранее и использован при составлении программы.

Теперь скажите, пожалуйста, отдала ли когнитивная психология должное проблеме инсайта и понимания, поднятой гештальтпсихологами? Действительно, некоторые современные психологи делают героические попытки разобраться в вопросе о том, что является источником соответствующих и правильных представлений и операций, однако ни одна компьютерная модель не способна дать ответ на этот ключевой вопрос. Следовательно, с позиций книги «Продуктивное мышление», моим ответом будет безоговорочное «нет». Несомненно, компьютеры могут быть продуктивными, но ни один из них не способен мыслить. Дело не в том, что современные подходы с применением обработки информации являются неправильными сами по себе; просто они не способны ничего дать при рассмотрении проблемы инсайта. Они полностью ее обходят. И поэтому основная проблема теории гештальтов все так же остается нерешенной — и столь же важной, — как и до появления на сцене современной когнитивной психологии.

В основу данной статьи положена лекция (из серии лекций «Обзор семи психологических теорий»), прочитанная по приглашению ежегодного съезда Американской Ассоциации психологов в Анахейме, штат Калифорния, 26 августа 1983 года. В отредактированной версии это выступление было опубликовано под заголовком «Взгляд гештальтпсихолога на перспективы применения компьютерного моделирования в когнитивных процессах» в сборнике «Роль компьютеров в человеческом поведении», 1985, 1, 19–33.

ЭДВАРД ЧЕЙС ТОЛМЕН:

ЖИЗНЬ НАУЧНОГО

И СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ

Эта глава об Эдварде Чейсе Толмене состоит из двух частей.

Вторая часть по существу представляет собой ту речь, которую я произнес по случаю празднования столетия Толмена, состоявшегося в Толмен-Холле, на территории колледжа Беркли при Калифорнийском университете в июне 1986 года. Поскольку во время этого события я в основном выступал с позиций студента, я очень мало сказал о жизни Толмена. Чтобы восполнить этот пробел, я включаю в эту главу, в качестве первой ее части, краткую биографию. Большую часть материала для этой первой части я взял из одной из глав толменовской книги (1952) «История психологии в автобиографии» (A History of Psychology in Autobiography).

Толмен родился в Ньютоне, штат Массачусетс, в 1886 году и получил начальное и среднее образование в государственных школах города Ньютона. Семья Толмена принадлежала к тому классу, который социологи определили бы как «высший средний класс» или, возможно, как «нижняя прослойка высшего класса». Отец Толмена был президентом промышленной компании, а дядя Толмена с материнской стороны занимал такой же пост в подобной компании. По этой традиции родственники ожидали, что Толмен и его брат, который был на 5 лет старше Эдварда, в будущем оба займутся отцовским бизнесом, однако ни один из братьев не пошел по стопам отца. Оба поступили в Массачусетский технологический институт и сделали успешную карьеру в науке. Толмен отмечает, что тот факт, что братья решили сделать научную карьеру вместо того, чтобы работать в промышленности, и то, что это их решение не вызвало никаких семейных раздоров — напротив, родные оказывали братьям финансовую поддержку в течение всех лет их учебы в колледже, — возможно, многое говорит о характере семейных отношений и в целом о той культурной среде, в которой выросли братья Толмены.

СЕМЕЙНАЯ АТМОСФЕРА

Семья Толмена состояла из «сердечной, любящей, но в некоторых отношениях склонной к пуританизму матери и из добродушного и ласкового, но чрезвычайно занятого делами отца, который обладал прямо подавляющей энергией и был настолько увлечен своей деятельностью, что, когда он делал попытки заинтересовать нас, мальчиков, своим бизнесом, он доводил нас своими рассказами до полного изнеможения». Толмен делает предположение о том, что, возможно, его отец относился к людям «конституции того типа который, согласно последним исследованиям этноцентризма, способен, предположительно, приводить к развитию честлюбивых, но неавторитарных личностей».

Рассказывая о других аспектах обстановки в семье, которые могли оказать важное влияние на его жизнь, Толмен говорит: «Хотя мы жили в обеспеченной среде консервативного пригородного района, где большое значение придавалось благосостоянию людей, так сказать, их внешней стороне, в нашей семье и в семьях некоторых соседей все еще был жив дух реформизма, поддержки равноправия негров, женских прав, унитаризма и гуманизма, сохранившийся с первых дней «Прозвещения Новой Англии». Такие социальные тенденции сочетались с особым бостонским «упором» на «культуру» вкупе с некоторой долей морального подъема и пацифизма, присущей конкретно нашей семье».

Толмен полагал, что одно из отличий его семейной атмосферы состояло в следующее:

«Бунт моего брата и меня против доминирующей роли родителей [заклучавшийся в том, что мы отказались заниматься семейным бизнесом] имел такую направленность, которой сами наши родители не могли бы противостоять слишком сильно или слишком сознательно. Мы выбирали себе профессии. Мы были настроены увеличить сумму человеческих знаний и, как предполагалось, собирались применить эти знания во благо всего человечества. Более того, нам предстояло жить в соответствии с пуританской традицией упорного труда и, согласно принципам нашей матери, с квакерской традицией простоты в быту и благородной умственной работы».

ОБРАЗОВАНИЕ

Как бы то ни было, Толмен поступил в политехнический институт штата Массачусетс и окончил его со степенью бакалавра в области электрохимии. Толмен отмечал, что поступил в Массачусетский политехнический институт «не потому, что хотел стать инженером, а потому, что имел способности к математике и естественным наукам, а также под давлением родителей». Брат Толмена избрал ту же стезю и впоследствии стал всемирно известным ученым в области теоретической химии и физики.

В последний год учебы в Массачусетском политехническом институте (MIT) Толмен более четко определил направление своих интересов и принял решение по поводу дальнейшей карьеры. В то время он прочитал кое-что из произведений Уильяма Джеймса и решил, что хочет стать философом. Закончив в 1911 году MIT, Толмен отправился на летний триместр в Гарвард и «прослушал вводный курс лекций по философии, который читал Перри, и курс по психологии, который вел Йеркс — оба этих ученых были в то время молодыми ассистентами профессора (младшее преподавательское звание в американских университетах) объединенного факультета философии и психологии. Там и тогда я решил, что у меня не хватит ума стать философом, но психология больше отвечает как моим способностям, так и интересам. В то время психология предлагала то, что казалось прекрасным компромиссом между философией и наукой». Поэтому следующей осенью Толмен поступил в очную аспирантуру в Гарварде по специальности «философия и психология». В своей автобиографии он сообщает, что наиболее живо запомнил следующие курсы: курс Перри по этике (подкрепленный чтением книги Макдугала «Социальная психология»), который положил начало более позднему интересу Толмена к теме мотивации и вооружил его основными концепциями, которыми он пользовался в течение всей своей жизни; курс Холта по экспериментальной работе, «который вызвал у меня ужасное разочарование, потому что не имел ничего общего с теми действительно важными человеческими проблемами, которыми, как я полагал, занимается психология»; ускоренный курс Лэнгфельда по общей психологии, изучаемый по учебнику Титченера, который, как писал Толмен, «на время почти убедил меня в структуралистском интроспектизме»; семинар Холта по эпистемологии и курс Йеркса по сравнительной психологии с использованием книги Уотсона «Поведение — введение в сравнительную психологию» (Behavior — An Introduction to Comparative Psychology).

После первого года аспирантуры в Гарварде Толмен отправился на лето в Германию, чтобы подготовиться там к экзамену по немецкому языку на степень доктора философии. [Вплоть до 1950 года в большинстве университетов для получения степени доктора философии требовалось сдать экзамен по французскому и немецкому языку (или по русскому, на выбор).] Толмен провел месяц в Гессене вместе с Коффкой, «и так впервые приобщился к гештальтпсихологии — хотя в то время я еще очень смутно представлял себе, в чем состоит ее суть. Тем не менее, это общение подготовило меня к восприятию концепций гештальтпсихологии в период после первой мировой войны, когда у себя в Америке мы смогли познакомиться с этими концепциями в более полном объеме через книги Вертхеймера, Келера и Коффки». Осенью 1923 года Толмен на пару месяцев вернулся в Гессен, чтобы узнать побольше.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ КАРЬЕРА

Получив в 1915 году докторскую степень, Толмен в течение трех лет проработал в должности младшего преподавателя (так называемого инструктора) в Северо-Западном университете (звание ассистента профессора, присваиваемое молодому преподавателю, впервые поступающему на работу в высшее учебное заведение, стало распространенным только после второй мировой войны). Как пишет о себе Толмен, в те дни он был довольно застенчивым, не умел четко выражать свои мысли и боялся своих студентов. К тому же, как выяснилось, его подвело семейное воспитание:

«Это было как раз время перед первой мировой войной, и мое пацифистское воспитание, вкуче с моими собственными проблемами, связанными с агрессией, привели меня в состояние жуткого эмоционального смятения... Как-то раз меня вызвали к декану — это было летом 1917–1918 учебного года, — поскольку я поставил свою подпись под студенческой листовкой, распространявшейся на Среднем Западе, в которой говорилось о «военных целях» и которая, несомненно, имела некоторую пацифистскую направленность... В конце учебного года я был уволен по причине сокращения штатов, связанного с войной, а также моей не слишком успешной преподавательской деятельности... Однако я всегда считал, что мои близкие к пацифизму взгляды тоже сыграли в этом увольнении свою роль».

В начале следующего академического года, в 1918 году, Толмен был принят младшим преподавателем в университет штата Калифорния в Беркли, где он и проработал до конца жизни. Как вспоминает сам Толмен, с самого начала:

«Калифорния стала для меня символом некоего окончательного освобождения от моего ужасающе слишком пуританского и слишком бостонского воспитания. «Свобода Запада», реальная ли, воображаемая ли, сразу же захватила мое воображение и покорила меня, так что с тех пор я оставался верен ей — хотя по прошествии лет я, конечно, начал осознавать, что не все то золото, что блестит, даже в Калифорнии... Всю приобретенную мною зрелость психолога — а как мне кажется, я кое-чего достиг в этой области — я в основном считаю заслугой благоприятной социальной, интеллектуальной и физической атмосферы Беркли, а также моего необыкновенно счастливого брака».

ВКЛАД В ПСИХОЛОГИЮ

За годы, проведенные в Беркли, Толмен создал когнитивную теорию научения, благодаря которой его помнят даже в наши дни. Толмен полагал, что процесс научения включает в себя развитие познавательных структур, или блоков знания об окружающем мире и взаимоотношениях конкретного организма с этим миром. В противоположность Торндайку и Халлу, Толмен не рассматривал процесс научения как подкрепление связей «стимул — реакция».

Вместо этого он выдвинул теорию о том, что процесс научения состоит из образования того, что он называл «экспектациями признаков — гештальт», «отношениями признаков — дезигнат» или «гипотезами». Все эти концепции представляют, «что ведет к чему» в любой ситуации. Эти концепции очень близки к популярной в настоящее время концепции «представления».

ОЦЕНКА

Толмен более всего известен как пионер в истории когнитивной психологии, внесший в нее свой вклад в те дни, когда в этой области доминировала теория бихевиористов. Сам Толмен в своей характерной скромной манере занижает значимость собственных достижений и отдает пальму первенства другим:

«В заключение, я полагаю, следует указать основные источники, из которых, по моему мнению, я черпал свои идеи. Прежде всего, я хочу отдать должное, если сумею, всем своим студентам, чьи идеи я без зазрения совести постоянно присваивал и эксплуатировал в течение многих лет так, что в конце концов уверовал в то, что это мои собственные идеи... Моя благодарность адресована моим преподавателям в Гарварде, которые научили меня думать, мыслить критически, оперировать сложными понятиями, но не терять при этом связи с естественными науками... Моя благодарность адресована гештальтпсихологам, а более всех Курту Левину, чьи идеи я время от времени заимствовал, так что они впитались в мою кровь...

Я хочу отдать должное тому году, который я провел в Вене, и особенно Эгону Брунsvику, который открыл мне глаза на значение и жизнеспособность европейской традиции [и] дал мне возможность по-новому осмыслить ориентированную на «достижения» сущность характера поведения... И наконец, я хочу выразить благодарность факультету общественных отношений Гарвардского университета, преподаватели которого в течение 1949-50 годов дали мне некоторое представление о социологии, антропологии, о личности и о социальной психологии, а также навели меня на размышления о путях объединения некоторых моих концепций с идеями ученых в других, указанных выше областях науки. Потому что, если мы хотим двигаться вперед, мы должны сначала достичь понимания перспектив смежных наук, а затем попытаться внести в свои исследования продукты деятельности этих наук — не только тех, которые имеют отношение к физиологии, но даже тех наук, которые рассматривают вопросы жизни людей в обществе».

Речь, которую я произнес в 1986 году на праздновании столетия Толмена, касалась нескольких из тех тем, которые уже были затронуты выше, в биографических сведениях о Толмене. Разница состоит лишь в том, что я использовал эти темы в попытке отдать Толмену подобающую ему дань восхищения как психологу, преподавателю и человеку. В слегка отредактированном виде эта речь представляет собой следующее:

«В этот день или, скорее, в этот год, когда ему могло бы исполниться 100 лет, я хочу отдать дань любви и восхищения моему учителю, Эдварду Чейсу Толмену. Позвольте мне начать с того, что я чувствую себя очень странно сейчас, выступая на столетнем юбилее Толмена. Необычные чувства владеют сейчас мной. Мне был 21 (или 22?) года, когда я впервые приехал в Беркли в 1946 году для совместной работы с Толменом. В тот год Тол-мен только-только перешагнул свой 60-летний рубеж. Сейчас я сам старше, чем был тогда Толмен, и именно этот факт вызывает у меня поразительно странное чувство, потому что такого просто не может быть. Нельзя быть старше собственного отца!

Впрочем, символический возврат в собственное прошлое всегда сопровождается несколько странными чувствами, это естественно для таких событий, как встречи со старыми друзьями, памятные даты или столетние юбилеи. Во время любого из подобных событий у людей возникает сильное желание переосмыслить свои воспоминания таким образом, чтобы они соответствовали нам сегодняшним, с нынешними взглядами, опытом и представлениями. На нашем личном плане мы перекраиваем воспоминания о наших родителях и бывших возлюбленных. На интеллектуальном плане мы пересматриваем наши представления о своих научных предках (возможно, лучше сказать — о наших предшественниках) и создаем их заново. В этом смысле мы в чем-то уподобляемся генерал-майору Стэнли из книги Гилберта и Салливана, который являет собой тот типичный образчик современного генерал-майора, который купил себе первый офицерский чин, а купив его, решил, что теперь ему нужен дом предков, который бы соответствовал его рангу. Поэтому он сделал то, что требовалось: купил себе «родовое гнездо», стены которого были украшены портретами «предков».

Мы, психологи, именно этим и занимаемся все время, переделывая свою историю, перекраивая свое прошлое так, чтобы придать смысл настоящему. Не этим ли мы занимаемся сейчас? Несомненно, другие проделывали то же самое за Толмена

(или с Толменом?) таким образом, что я испытываю огромное чувство неловкости. Однако, в духе, как я надеюсь, самого Толмена, я хотел бы познакомить вас с этими новыми оценками, прежде чем решить, чего же они стоят».

СНОСКА НА ПОЛЯХ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ

Похоже, без ревизионизма в истории никак не обойтись. Если переоценке подвергались такие личности, как Джордж Вашингтон и центральные фигуры Французской революции, то почему бы не проделать то же самое и с Толменом? Подобным ревизионистским подходом к Толмену руководствовался Дональд Кэмпбелл, один из бывших студентов Толмена, а также Дэвид Крантц с соавторами, которые намекают, что в целом Толмен завершил свой творческий путь как довольно второстепенная фигура на подмостках истории психологии (Campbell, 1979; Krantz, 1972; Krantz & Wiggins, 1973). Следует уточнить, что при этом они признают, что теория Толмена оказалась гораздо более верной, чем теории его бывших соперников; они также подтверждают, что Толмена очень любили все: и его студенты, и его коллеги, и его друзья, и, коли на то пошло, даже большинство его профессиональных противников. Из всего вышесказанного так и напрашивается вывод, что хватит, мол, с Толмена и того, что он оказался по существу прав и пользовался уважением и горячей любовью (и на том спасибо!).

Однако, как утверждают Кэмпбелл и Крантц, Толмен был способен (и должен) достичь много большего, поскольку, по их мнению, Толмен не смог оказать значительного влияния потому, что не выполнил того, что они определяют как роль «вождя племени». Процитируем Кэмпбелла:

«В самом начале своего исследования я столкнулся с загадкой, заключавшейся в том, что студенты Толмена почти полностью переставали проводить узнаваемо толменовские эксперименты или использовать в работе толменовские концепции после того, как они покидали университет в Беркли. Наблюдалось совершенно обратное — в книгах, которые посвятили Толмену его ученики (например, Креч и Крэтчфилд, 1948 г.) [то же самое я могу с уверенностью сказать и о себе], совершенно не чувствовалось специфического влияния Толмена. По контрасту с этим, студенты Спенса продолжали преданно использовать парадигму Халла в течение многих лет после того, как они заканчивали университет штата Айова... А вот еще более интересная загадка: почему же студенты Толмена оказались наименее верными своему учителю, если из всех теорий научения, созданных в 1930-е годы, теория Толмена, как мы ясно видим сейчас, была наилучшей?»

Затем Кэмпбелл цитирует выдержки из интервью со студентами всех главных психологов-теоретиков того времени, занимавшихся проблемой научения (это исследование было проведено Крантцем и Уиггинсом в 1973 году). Эти интервью не оставляют никакого сомнения в том, что Толмен и, скажем, Кеннет Спенс (один из основных «конкурентов» Толмена) отличались совершенно различной манерой «самоподачи». Кэмпбелл видит в этом различии между ними ключ к тому, что произошло впоследствии с их студентами. В отличие от Толмена, не сумевшего справиться с ролью «предводителя племени», у Спенса не было проблем с исполнением этой роли. Этот факт может частично объяснить замечательную верность студентов Спенса его теории в течение длительного времени после того, как они заканчивали университетский курс.

До сих пор доказательства, приводимые этими ревизионистами, представлялись вполне убедительными. Несомненно, Халл, Спенс и Скиннер старались внушить своим ученикам верность своим теоретическим позициям и в этих попытках достигали достаточных успехов. Процитирую высказывание одного из студентов Кеннета Спенса: «[Он] старался оградить своих студентов от, как он называл их, «ошибок» других ученых с помощью обширного собственного опыта. Таким образом, на наших занятиях всегда царила интеллектуальная атмосфера «мы против них», и мы так никогда по настоящему и не изучали «их» теории...» (Эта и последующие цитаты взяты из работы Крантца и Уиггинса, 1973.) Другой студент

сказал: «Он требовал от своих студентов абсолютного принятия его позиции. На тех, кто не соглашался или спорил с ним, он смотрел с презрением».

Или возьмем высказывания некоторых бывших студентов Скиннера о своем учителе. Один из них отмечает, что «Одна из уникальных особенностей работы со Скиннером состояла в том, что он давал нам поистине «апостольские» задания (то есть задачи, которые были по плечу только верным апостолам). Необходимо было проделывать горы работы, проводить многочисленные эксперименты, изучать разнообразные переменные показатели и испробовать различные процедуры...» Та же самая тема апостольского, подвижнического труда звучит в воспоминаниях еще одного бывшего студента Скиннера: «Теперь я пришел к взглядам, совершенно отличным от системы взглядов Скиннера. Это произошло со мной под влиянием других людей, других мировоззрений, других идей... [Но, как бы я ни был обязан Скиннеру], мне до сих пор приходится избавляться от его влияния...»

В представлении Скиннера о самом себе, которое он внушал нам, своим студентам, сочетались черты Томаса Альвы Эдисона, Бертрана Рассела и Иисуса Христа. Без сомнения, он вправе претендовать на сходство со всеми этими тремя личностями...

Точны ли эти описания, соответствуют ли они истине? Без сомнения, в них имеются какие-то искажения или преувеличения, возникшие по прошествии лет под воздействием бог знает каких личных факторов. (Был ли точен Платон в своем описании Сократа? Или Аристотель в своих высказываниях о Платоне?) Я беседовал с некоторыми из студентов Спенса. Выяснилось, что некоторые из мнений, высказанных о их бывшем учителе, представляются им ошибочными. Насколько они помнят студенческие дни, проведенные в Айове, Спенс всегда настаивал на том, что его студентам необходимо глубокое понимание альтернативных теорий, особенно теории Толмена.

Какие бы выводы вы ни сделали из этих доводов, возможно, главный смысл заключается не в том, точны или не точны воспоминания о Спенсе; может быть, значение имеет лишь основная направленность, так сказать, общий тон. И в этом смысле не возникает сомнений в том, что Толмен «подавал» себя совершенно иначе, чем Спенс (и, если на то пошло, чем Халл и Скиннер). Потому что я могу поклясться в том, что ничего из сказанного о Спенсе или Скиннере не могло быть сказано студентами Толмена о самом Толмене.

В подтверждение этого я приведу высказывания бывших студентов Толмена. Один из них сказал следующее:

«В моей библиографии указано 119 публикаций. Одна из них представляет собой мой совместный труд с Толменом и с еще одним аспирантом. Это единственная из моих работ, непосредственно связанная с теорией Толмена, но я бы сказал, что во всех моих произведениях и исследовательской деятельности присутствует влияние систематического научного подхода Толмена, а еще более — его личности».

Вот еще одно высказывание:

«Он хотел, чтобы мы стояли на своих ногах и были самостоятельными личностями, а не его собственностью. Любое проявление рабской приверженности его взглядам вызывало у него отвращение. Поэтому те из нас, кому посчастливилось учиться у него, сами пробивали себе дорогу в жизни, и я надеюсь, что мы выиграли как психологи, а еще более надеюсь, что мы выиграли и как личности от общения с таким человеком, как Толмен».

Подводя итог, могу сказать, что Кэмпбелл, Крантц и Уиггинс, безусловно, имели основания утверждать, что, в отличие от своих «конкурентов»-теоретиков, Толмен не сумел проявить себя в роли «вожака племени». Кэмпбелл скорее сожалеет по этому поводу; он полагает, что он и прочие студенты Толмена, а также вся психология в целом, только выиграли бы от того, если бы Толмен поощрял «последовательничество» в своих студентах. Кэмпбелл подразумевает под этим, что Толмен превратился во второстепенную фигуру в психологии и не имел

большого влияния именно потому, что он отверг роль руководителя. Без сомнения, в этом смысле Толмен действительно потерпел поражение. Вопрос состоит в том, заслуживает ли порицания такое поражение. В попытке ответить на этот вопрос я хотел бы представить аудитории Толмена с разных точек зрения — как психолога, как преподавателя и как человека.

ТОЛМЕН КАК ПСИХОЛОГ

Сначала я хотел бы сказать несколько слов о Толмене как психологе. Чтобы понять психологическое наследие Толмена, необходимо начать с того, что Толмен был бихевиористом и считал себя бихевиористом. Он не проявлял терпимости к интроспекции, по крайней мере, интроспекции того сорта, какая практиковалась Вундтом и Титченером. Но в равной степени вызывал у него возражения и тот тип бихевиоризма, приверженцем которого являлся Уотсон. В более широком смысле слова, собственный бихевиоризм Толмена, который он иногда называл «целенаправленным бихевиоризмом», представлял собой некий «сплав», в котором слились воедино американский прагматизм, убежденность в абсолютной важности мотивации и некий более вольный подход к объективности.

КОГНИТИВНЫЙ БИХЕВИОРИЗМ

Сегодня Толмена обычно определяют как «когнитивного бихевиориста» и создателя «когнитивной теории» научения.

Несомненно, он является предтечей современной «когнитивной психологии». Мы все еще употребляем этот термин, хотя в настоящее время выражение «когнитивная психология» используется в столь широком смысле, что уже неясно, что же конкретно означает термин «познание» и есть ли еще хоть один человек, которого нельзя было бы назвать «когнитивным психологом». Конечно, Толмен знал, что он подразумевает под этим термином.

Для него этот термин был связан с рядом центральных состояний или процессов, занимающих промежуточное положение между знанием и деятельностью. Сам Толмен определял их как «экспектации признак-гештальт», — один из многих введенных им неологизмов; чем больше дефисов было в термине, тем больше нравился он Толмену. Сегодня некоторые из нас называют эти центральные состояния «представлениями», а некоторые даже используют для этого термин «идеи». Другим примером такого центрального процесса, сохранившегося в современном употреблении, является толменовское понятие «когнитивной карты», которое совершенно явно предшествовало современным аналогичным концепциям пространственной памяти, пространственного мышления и тому подобным концепциям.

Однако, как бы эти центральные процессы не назывались, они могут проявляться, а могут и не проявляться в поведении, поскольку Толмен проводил важное разграничение между ожиданиями и деятельностью. Это разграничение сильно напоминает всем нам теперь знакомое различие между «компетентностью и деятельностью», сформулированное Нозом Хомским годы спустя.

МОЛЯРНЫЙ БИХЕВИОРИЗМ

Другой важной темой в теории Толмена было различие молекулярных и молярных аспектов поведения — разграничение между непосредственными мускульными движениями животного с одной стороны, и определяемой в более широком смысле, более целенаправленной деятельностью с другой стороны. Толмен являлся сторонником теоретизации на молярном уровне, и ценность этого подхода была эмпирически продемонстрирована множеством его экспериментов,

показывающих, что крысы запоминают скорее место, где они получали вознаграждение (например, корм), а не конкретные движения, которые им были необходимы, чтобы добраться до этого места. 110 подобных демонстраций запоминания места также подтвердили убеждение Толмена в том, что научение не влечет за собой закрепления связей «стимул — реакция».

Для Толмена различие между молекулярным и молярным уровнем было четко параллельно различию между проксимальным стимулом и воспринимаемым образом, которое делали гештальтпсихологи, например, его коллега Эгон Брунстик, и прочие студенты, изучавшие восприятие. Гештальтпсихологи продемонстрировали, что то, что человек видит, не определяется исключительно проксимальным стимулом — стимулом, описываемым в терминах рецептивных процессов. Во-первых, они указывали, что два или более различных типов проксимальных стимулов могут продуцировать некий перцептивный «парафраз», вызывающий один и тот же (более или менее) воспринимаемый образ — как при узнавании мелодии, когда она переходит в другую тональность — и различные перцептивные константности. Во-вторых, и наоборот первому, психологи, изучавшие восприятие, утверждали, что один и тот же тип проксимальных стимулов может вызывать различные воспринимаемые образы, как в случае с различными нечеткими рисунками. Что же, спрашивал Толмен, разве то же самое не относится к поведению? Разве неверно, что один и тот же акт, то есть один и тот же тип поведения, определяемый на молярном уровне, может осуществляться с помощью различных молекулярных реакций? «Сокращения мышц», имеющие место, когда одна из крыс Скиннера нажимает на рычаг в экспериментальном ящике Скиннера или когда одна из крыс Толмена бежит по лабиринту, могут оказаться совершенно различными в различных испытаниях. И, подобным же образом, разве неправда, что одна и та же модель поведения, описываемая на молекулярном уровне, может нести в себе различные молярные значения — например, когда вы бьете человека рукой по лицу, в обоих случаях совершенно одинаково, но в одном случае потому, что ненавидите этого человека, а в другом случае — потому что у него на щеке сидит тарантул? Приведенные здесь примеры — мои, но автором этого разграничения является Толмен.

ТОЛМЕН КАК ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ

Только что описанное различие представляется идентичным тому разграничению, которое лингвисты и психолингвисты провели гораздо позже — между поверхностными и основными структурами в языке. Механизмы, несомненно, другие, однако и это различие было обнаружено с помощью тех же самых базовых тестов: парафраз и двусмысленность. Две различные поверхностные структуры могут относиться к одной и той же базовой структуре, как в примерах «собака преследует кошку» и «кошка преследуется собакой», или же одна и та же поверхностная структура может относиться к двум (или более) исходным, например: «дымящиеся вулканы могут быть опасны». Можно упомянуть еще одну область, в которой Толмен оказался предвестником более поздних разработок. Возьмем термин «допустимость», который так популярен сегодня среди сторонников Гибсона. Подобно Дж. Дж. Гибсону, Толмен знал, что объектам свойственна некая тенденция вызывать в нас определенные действия, и поэтому Толмен изобретал термины, например, «пригодный-для-сидения», «пригодный-для-едения», или переносил в английский язык латинские слова типа «manipulandum» (подлежащий манипуляции), «discriminandum» (то, что необходимо выделить или отличить) — все эти неологизмы с использованием суффиксов *able* или *andum* и множества тире между словами являлись типичными плодами изобретательности Толмена.

Несомненно, Гибсон шел своим собственным путем. Однако Толмен предвидел его, как предвидел и многое другое. Приведу всего один дополнительный пример этому — Толмен явился предвестником понятия модулярности. В своей статье 1949 года «Различные типы научения» (There is More than One Kind of Learning) Толмен утверждает, что, к примеру, процессы усвоения двигательных навыков и решения

задач управляются совершенно различными законами.

Одна из причин, объясняющих, почему Толмен оказался предтечей в столь многих областях, заключается в том, что по своей сути Толмен был благоразумным и здравомыслящим человеком. В отличие от многих своих «соперников»-теоретиков, у Толмена не было нетерпимости к взглядам других людей, он, если можно так выразиться, не страдал «имперскими» замашками; Толмен никогда не считал, что одна позиция, одна точка зрения способна быть всеобъемлющей, и потому он был в состоянии воспринимать концепции, исходящие из столь различных источников, как американский функционализм, гештальтпсихология, теория поля Левина, психоанализ и теория вероятностного обучения Брунsvика. Толмен всегда был готов изменить свой взгляд, пересмотреть систему идей в соответствии с требованиями, диктуемыми новыми данными, новыми интерпретациями и новыми интересами. Толмен был человеком необыкновенной широты взглядов, он всегда был открыт для восприятия новых идей. Он был самым «незакостенелым» психологом-мыслителем из всех, кого я встречал в своей жизни. Вернемся к нашей прежней теме: было ли это его недостатком или просто осознанием с его стороны того, что невозможно быть империалистом, если ваши потенциальные колонии не желают быть колонизированы?

Толмен придерживался мнения (и я теперь тоже разделяю его), что академическая наука, вся в целом, но, пожалуй, особенно психология, не должна пребывать в замороженном состоянии. Поэтому не следует слишком строго следовать одной какой-то методике, быть полностью уверенным в единственной методологии, слишком упорно цепляться даже за самые близкие и дорогие вам сиюминутные теории. Он никогда не уподоблялся своим научным противникам, которые просто служили некие научные «религиозные службы» под девизом «должно быть только так».

«Полагаю, что лично я не питаю пристрастия к представлению о том, что наука движется вперед благодаря упорному осознанному анализу каждым ученым того, чего он достиг и в каком направлении он идет. Несомненно, такой анализ представляется подходящим для философа от науки и может оказаться ценным для многих отдельных ученых, но лично меня пугает, когда я начинаю слишком беспокоиться о том, каким конкретным логическим и методологическим канонам я должен или не должен подчиняться».

Толмен также с подозрительностью относился к слишком сильной вере в методологию: «Психология, во всех своих проявлениях, сегодня являет собой столь обширный и неизвестный континент, что мне всегда казалось неумным быть слишком точным, слишком доверять количественным методам, дедукции и аксиомам, за исключением сверхконтролируемых и сверхограниченных рамок эксперимента». Он также не одобрял двусмысленного использования околонуучных терминов. Одним из терминов, раздражавших Толмена, был термин «реакция, отклик» (по-английски «response»):

«[Я] и сейчас думаю, что термин «реакция» является одним из наиболее «скользких» и неизученных среди наших современных понятий. Все мы с радостью пользуемся этим термином, при этом обозначаем им все что угодно — от выделения 10 капель слюны, выбора животным конкретной дорожки во время эксперимента, бега животного по лабиринту, достижения склона в экспериментальном ящике Скиннера и вплоть до получения степени доктора философии или символического акта враждебности к своему отцу, проявляющегося в агрессии к какому-либо влиятельному лицу. У меня просто нет слов!»

Это высказывание Толмена имеет очень современное звучание.

ТОЛМЕН И ПСИХОЛОГИЯ ЕГО ВРЕМЕНИ

Частично из-за того, что Толмен во многом опережал свое время, его теории вызвали критику. Особым нападкам со стороны многих его противников подвергалась его когнитивная теория. Что они такое, эти когнитивные процессы, занимающие столь важное положение в системе, как можно в них проникнуть, каким образом они связываются с деятельностью? Толмен чувствовал вызов в знаменитом ироническом замечании Гутри о крысе, которую оставили в раздумьях о том, какой путь в лабиринте выбрать. Это было забавное замечание. Толмен говорил о нем и иногда волновался из-за этого. Может быть, ему следовало бы ответить, что, в конце концов, лучше оставить крысу, погруженную в раздумья, чем оставить человека, занятого только своей мускульной силой. Или, в более конструктивном плане, он мог бы указать, что проводить разграничение между научением и деятельностью и настаивать на том, что условия, приводящие к научению, отличаются от условий, вызывающих деятельность, — уже само по себе представляет шаг вперед, к ответу на это критическое замечание. Хотя Толмен изучал процессы познания, он также наметил теории деятельности и мотивации. Мотив управляет поведением некоего существа до тех пор, пока не происходит настройка какого-то внутреннего состояния. А до тех пор существо продолжает выполнять действия. И животное, следующее какой-то модели поведения, совсем не является тем существом, которому, по описанию Гутри (и в соответствии с его представлением о теории Толмена), не остается ничего лучшего, чем сидеть и размышлять над своими возможностями. Если у Толмена и было какое-то «белое пятно», то оно было общим для большинства других психологов того времени: игнорирование уроков биологии. Он никогда не задумывался о том, что различные существа могут по-разному, в корне по-разному, вести себя и приходить к научению. В заключительных строках своего президентского обращения к Американской Ассоциации психологов в 1937 году Толмен выразил кредо ведущих психологов своего времени, занимавшихся разработкой теории обучения:

«Позвольте мне теперь завершить свое обращение окончательным признанием в своей вере. Я убежден, что все самые важные проблемы психологии (за исключением, возможно, таких предметов, как формирование супер-я, то есть любые предметы, кроме тех, которые имеют отношение к обществу и языку) могут быть по своей сути изучены посредством экспериментального и теоретического анализа поведения крысы, находящейся в отправной точке лабиринта...»

В этом своем заявлении Толмен оказался созвучен практически всем своим современникам-бихевиористам. Конечно, он при этом категоризировал проблемы, как это ему было всегда свойственно, и, несомненно, исключение из указанного проблемного круга тех проблем, которые связаны с обществом и языком, представляет собой истинную категоризацию — такую, на которую не способны были ни Халл, ни Скиннер. Но, несмотря на это, Толмен разделял общую убежденность в том, что психологические законы одинаковы для всех возможных видов. В свете современных знаний эта перспектива представляется довольно устаревшей — один из немногих аспектов в теориях Толмена, действительно ставший анахронизмом на данный момент.

ТОЛМЕН КАК ЛИЧНОСТЬ

Но довольно о научном вкладе Толмена. О многом я так и не упомянул, но мне хотелось бы рассказать немного о личном стиле Толмена. Эдвард Чейс Толмен был необыкновенной личностью — и как ученый, и как преподаватель, и как человек. Как ученый, он всегда готов был задавать вопросы, сомневаться, он относился к себе и своим идеям с чувством юмора. Удивительно, насколько редко стали встречаться подобные качества, — и какими редкими, к слову сказать, они были и во времена Толмена. Однажды Толмен произнес речь (это могло быть и его президентское обращение), которую завершил показом коротенького фильма о своих экспериментах, где крыса находилась в лабиринте; так вот, в конце этой пленки он вмонтировал маленький, на полминуты, кусочек из мультфильма о Микки Маусе. Это было настолько характерно для Толмена — принимать серьезно тему исследований, предмет, а что касается себя самого, не бояться «лягнуть» себя

и улыбнуться над этим. Когда Толмен описывал свою систему в одной из глав пятитомника Коха «Психология: Изучение науки» (Koch, Psychology: The Study of a Science) (как оказалось, это была его последняя публикация), в этом описании проявилось то же самое его противоречивое и самоуничижительное отношение к себе:

«Если впоследствии выяснится, что то, что я делал, оказалось не очень понятным или полезным, я готов привести в оправдание примерно полдюжины причин. Во-первых, я считаю, что время, подходящее для таких грандиозных или всеобъемлющих систем в психологии, какими я пытался сделать свои психологические системы, давно уже миновало. И потому, я полагаю, было бы более прилично и достойно предоставить этому отрезку относительно недавнего прошлого возможность самому «хоронить своих мертвецов»...»

Однако Толмен постоянно напоминает своим слушателям, что хотя он вечно уклоняется и извиняется, этот интеллектуальный стиль избран им исключительно из, так сказать, «любви к искусству». Говоря о себе, он однажды заметил:

«Я люблю думать о психологии с тех точек зрения, которые созвучны мне. Поскольку все науки, а психология в особенности, до сих пор погружены в такие глубокие бездны неясности и неизвестности, то самым лучшим для любого индивидуального ученого, особенно для любого психолога, было бы следовать собственному свету надежды и собственным стремлениям, как бы неадекватны они ни были. По существу, именно этим все мы и занимаемся. В конечном счете, единственным верным критерием является получение удовольствия. А я получал такое удовольствие».

Мне очень приятно, что Толмен мог это сказать в конце своей жизни.

Как университетский преподаватель, Толмен проявлял страстность в поисках истины. Но его никогда не волновали свои, так сказать, «ставки» в этих поисках. Он проявлял страстность в отношении своих студентов, но никогда не беспокоился об их приверженности к какой бы то ни было позиции. И наконец, он вкладывал страстность в процесс обучения, в процесс поиска правды; отсюда его отказ подписать клятву верности Калифорнийскому университету. В 1949 году, в предверии завершения эры Маккарти, университет пытался добиться от своих факультетов клятвы в верности в соответствии с законом штата. В «Год клятвы» — 1949/1950 — именно Толмен стал лидером факультета, возглавившим борьбу против такой клятвы. Толмен отказался поставить свою подпись, но в характерной для себя манере указал, что в случае своего увольнения он мог бы предложить университету финансовое пожертвование. Он посоветовал своим молодым коллегам подписать клятву верности и предоставить продолжать борьбу тем преподавателям, у которых было более стабильное положение для ее ведения. Эти мужественные попытки принесли Толмену всеобщее одобрение. Он получил почетные степени от главных университетов страны, а когда он скончался 19 ноября 1959 года, «Вашингтон Пост» написала в своей передовице: «Его смерть на прошлой неделе является потерей не только для нации, но и для всего ученого мира».

ПРИРОДНЫЕ ЦЕЛОСТНЫЕ СИСТЕМЫ:

ВОЛЬФГАНГ КЕЛЕР И ТЕОРИЯ ГЕШТАЛЬТОВ

Следующая статья представляет собой воображаемое интервью, которое я взял у доктора Келера в его доме в Нью-Гемпшире в июне 1967 года, незадолго до его смерти. Когда я подошел к дому, доктор Келер был во дворе: он колот дрова. Лезвие его топора сверкало; очевидно, инструмент всегда содержался в рабочем состоянии. Хотя доктор Келер занимался физическим трудом, он был одет в безукоризненно чистый костюм с галстуком и выглядел настоящим джентльменом.

Мои первые впечатления о докторе Келере оказались достаточно противоречивыми. Его манера говорить была формальной и вежливой. Говорил он тихо, но с такой внутренней силой, что сразу овладевал вниманием слушателя. При обсуждении вопросов личного характера доктор Келер испытывал явную неловкость. Он сохранил некоторую долю аристократической отстраненности. Я вспомнил рассказы некоторых бывших ассистентов Келера о том, что порой он бывал невероятно суровым и требовательным. Однако одновременно говорили о его прямо-таки художническом чутье и разнообразных культурных интересах. В одном углу гостиной разместились фортепиано и стеллаж с нотами. Келер заметил, что игра на фортепиано всегда была одним из его любимых занятий в свободное время. У двери стояла пара сильно поношенных ботинок для пеших прогулок. Через окно я увидел припаркованный во дворе автомобиль с откидным верхом, который на тот момент был опущен. Как я понял из этих впечатлений, Келер предпочитал проводить время на свежем воздухе. Я подумал о романтической струйке в немецкой культуре.

Доктор Келер пояснил, что обычно он отказывается давать интервью, но недавно, возвращаясь из путешествия по Европе, понял, что ему хотелось бы объяснить психологам в несколько менее формальной манере, чем в его научных статьях и лекциях, всю широту теории гештальтов, а также привести несколько примеров того, каким образом теория гештальтов составляет основу психологии, являясь одновременно научно строгой и близкой человеческим проблемам. Теперь я предоставлю слово самому доктору Келеру.

Я родился в городе Таллинне, в Эстонии, в 1887 году. Мой отец был директором местной школы, организованной немецким сообществом граждан, живущих и работающих в этом районе, для обучения своих детей. Когда мне было около шести лет, мои родители вернулись в Германию, где я и вырос. Образованию в нашей семье придавалось большое значение. Мой старший брат, Вильгельм, с которым меня всегда связывала близкая дружба, стал выдающимся ученым. Все мои сестры получили профессиональную подготовку и стали учительницами или сиделками в больнице. Я всегда делал успехи в учебе. Помимо этого, немецкий идеал образованного человека того времени включал в себя обширную культурную подготовку. С ранних лет я любил классическую музыку. К тому времени, как я стал молодым человеком, у меня сложилось общее представление (достаточное для поддержания беседы) об искусстве и гуманитарных науках, особенно о философии.

Я учился в университетах Тюбингена, Бонна и Берлина. В то время немецкая университетская система являлась предметом зависти всего мира, поскольку имела давнюю традицию выдающейся академической свободы и репутацию успешной научно-исследовательской работы и академической строгости. Есть одна старая пословица о студентах немецких университетов, которая гласит, что одна треть студентов не выдерживает трудностей ученья и получает нервное расстройство; еще одна треть бежит тягот образования, погрязает в пьянстве и обычно попадает в гости к дьяволу; зато из последней трети студентов в конце концов получаются люди, правящие Европой. Я получил тщательную научную подготовку в физике, химии и биологии. Глубокое впечатление на меня произвел один из профессоров физики Берлинского университета — великий Макс Планк. На его лекциях я узнал о таких концепциях, как принцип энтропии и динамическая

саморегуляция физических систем, таких, как электролитические среды.

В течение всей моей научной деятельности я считал полезным анализировать (с точки зрения подобных концепций) психологические феномены, такие, например, как кажущееся движение или постоянные послеэффекты. По прошествии лет многие из моих коллег говорили, что моя манера мыслить была характерна скорее для физика, чем для психолога. Я получил степень доктора философии в области психологии в университете города Берлина в 1909 году. Мои ранние доклады по психологии касались психологического анализа чувства слуха, и эта тема счастливо сочетала в себе мою научную подготовку и мою любовь к музыке.

В те дни в среде психологов шло множество дискуссий о том, что называли кризисом науки. Хотя в естественных науках были достигнуты внушительные успехи, многие сомневались в том, что научный метод может быть применен в психологии для решения значимых человеческих проблем. Многие психологи призывали полностью отказаться от научного метода в пользу интуитивной «науки понимания».

В самом деле, трудно было понять многое из того, что представлялось значимым в экспериментальной психологии того времени. К примеру, в изучении восприятия пытались имитировать химический научный подход путем точного анализа и разделения явлений на их простейшие составляющие — «элементы». Предлагались перечни этих так называемых элементов, например, ощущений и чувств, а также понятий для определения каждого из таких элементов, таких, как глубина или продолжительность. Предполагалось, что исходные феномены перцептивного опыта могут быть реконструированы с помощью некоего процесса простого добавления или иного сочетания этих элементов.

Мы называли это теорией восприятия из «кирпичей и цемента». Недостаток этой теории состоял в том, что никто не был в состоянии продемонстрировать, как любая комбинация этих рационально выведенных элементов может образовать целостный воспринимаемый образ во всей его свежести и значимости.

КОФФКА И ВЕРТХЕЙМЕР

Получив докторскую степень, я отправился в Академию города Франкфурта, где началась моя научная карьера. Сначала я намеревался продолжить свои психологические исследования слуха и действительно опубликовал несколько статей на эту тему в течение последующих двух лет. В следующем году к преподавательскому составу присоединился Курт Коффка. Летом 1910 году появился также Макс Вертгеймер с некоторыми новыми идеями, касавшимися изучения визуальной перцепции. Старый профессор Вертгеймера из Берлинского университета предложил ему место в своей лаборатории для проверки этих идей. Коффка и я были у Вертгеймера первыми испытуемыми.

Исходный эксперимент Вертгеймера был очень прост, однако с помощью простых экспериментов можно демонстрировать важные концепции. Представьте себе, что вы сидите в затемненной комнате, а перед вами находятся два стробирующих пучка света из двух источников, размещенных на расстоянии в несколько дюймов друг от друга. Вспышки света происходят в регулярной, попеременной последовательности. В том случае, когда интервал между вспышками очень велик, вы можете видеть, что вспышки света от двух источников происходят попеременно, так, как постулирует теория восприятия из «кирпичей и цемента». Если же вспышки сменяют одна другую очень быстро, то в вашем восприятии свет будет гореть постоянно, при этом интенсивность свечения обеих ламп быстро будет то увеличиваться, то уменьшаться. Однако при некоторой промежуточной частоте вы начнете воспринимать этот свет как исходящий от единственного источника и совершающий колебания между вспышками из одной стороны в другую. Такое воспринимаемое (кажущееся) движение не обладает статическими характеристиками, которые ранее приписывались перцептивным «элементам». Что

еще важнее, это движение невозможно прогнозировать путем какого бы то ни было возможного суммирования этих элементов.

В ходе обсуждения того, какое значение могут иметь эти эксперименты для теории восприятия движения, Вертхеймер, Коффка и я пришли к общему выводу о том, что изучение природных целостных систем психологических феноменов позволяет психологической науке вновь обрести свою значимость для человечества. Мы взялись за осуществление проекта, потребовавшего от нас целой жизни, чтобы продемонстрировать, каким образом такая реконцептуализация может быть применена ко всей научной сфере психологии, а также за ее пределами.

Мы начали с изучения зрительного восприятия, поскольку оно являло собой «главную твердыню» тех теорий из «кирпича и цемента», против которых мы выступали, а также потому, что исследования зрительного восприятия позволяли осуществлять строгий контроль в ходе экспериментов. В течение нескольких последующих лет мы опубликовали ряд статей, в которых продемонстрировали, что зрительные воспринимаемые образы представляют собой организованные целостные системы, подчасти которых не являются независимыми, а напротив, динамически влияют друг на друга. Отсюда пошло наше знаменитое изречение: «Целое не равно сумме его частей».

Таким образом, мы показали, что, с научной точки зрения, при изучении какой-либо психологической проблемы целесообразно начинать анализ «сверху», то есть, начиная с целого. Мы проанализировали такой психологический феномен, как зрительный воспринимаемый образ, разделив его на естественные подчасти в качестве базы для дальнейших исследований. Такой подход позволял сохранить как научную строгость, так и яркость исходного феномена. В своих книгах и статьях, вместо того, чтобы погружаться в сложные описания элементов восприятия или в статистические выкладки и т. к., мы сумели очень просто доказать важные положения, используя, к примеру, иллюстрации с фигурками-перевертышами на меняющемся фоне так, что наши читатели могли сделать самоочевидные выводы на основании собственного непосредственного опыта.

ТЕОРИЯ ГЕШТАЛЬТОВ

Немецкое слово «Gestalt» означает форму или общую конфигурацию. В более расширенном смысле этот термин может быть применен за рамками области чувственного восприятия к любой организованной целостной структуре, например к энграмме или к сущности такого понятия, как, например, справедливость. Мы применили термин «гештальт» к своему теоретическому подходу из уважения к врожденным целостным структурам воспринимаемых объектов или иным психологическим целостным системам. Мы верили в то, что анализ, исходящий из целостной системы, поможет психологической науке избежать погружения в близорукой трясине мелочей, которое было характерно для теории восприятия начала XX столетия и которое, по моему мнению, продолжает препятствовать развитию психологии в настоящее время. Наивные попытки экспериментальной психологии имитировать химию с ее разделением веществ на элементы игнорировали два очевидных факта, известных любому химику. Во-первых, хотя теоретически химия в конечном итоге может быть сведена к физике, поскольку физические свойства веществ в целом представляют собой функцию физических свойств элементов, составляющих такие вещества, взаимодействия между этими элементами очень быстро приобретают такую сложность, что вещества обладают свойствами, которые никак не могут прогнозироваться на основании всесторонних знаний о свойствах их элементов. По этой причине химия остается независимой наукой, которая в основном фокусируется на изучении поведения веществ. Во-вторых, во многих молекулах атомы способны образовывать более одной структурной конфигурации. Различия в этих структурных «гештальтах» влекут за собой очень важные различия в свойствах молекулы как целостной структуры.

Мои исследования свойств «гештальтов» приняли неожиданный оборот, когда в

1913 году я получил предложение от Прусской Академии наук возглавить работу научной станции по изучению человекообразных обезьян, которая находилась на острове Тенерифе, недалеко от побережья Африки. Я пробыл там до 1920 года, частично из-за первой мировой войны.

ВОСПРИЯТИЕ И «ИНСАЙТ»

В те годы я занимался естественнонаучными испытаниями, которые продемонстрировали, что у человекообразных обезьян функции и восприятия и познания организованы в целостные структуры. Что касается восприятия, я продемонстрировал, что обезьяны скорее запоминали взаимосвязи между стимулами, чем какую-то простую реакцию на единичный стимул. К примеру, обезьяны научались последовательно реагировать на более слабый из двух стимулов, несмотря даже на то, что стимул, которого следовало избегать во время тестирования, был тем же самым стимулом, реагирование обезьян на который в ходе подготовительных экспериментов вознаграждалось кормом. Это феномен транспозиции, который можно обнаружить во многих «гештальтах», к примеру, в мелодиях. Что касается познания, я продемонстрировал, что решение задач требовало не столько постепенного накопления новых фактов, сколько реорганизации существующих фактов в новую, логически ясную структуру.

Я суммировал свои открытия в книге «Исследование интеллекта человекообразных обезьян» (The Mentality of Apes), которая впервые была напечатана в 1917 году, во время моего пребывания на Тенерифе. Я гордился тем, что мне удалось продемонстрировать, что когнитивная реструктуризация составляет суть значимого, более сложного процесса научения. К примеру, в одном из моих хорошо известных экспериментов по решению задач шимпанзе был помещен в клетку, в которой на высокой перекладине был подвешен банан. Кроме того, в клетке находились два ящика. Встав на любой из ящиков поотдельности, шимпанзе не мог дотянуться до банана. Попытки животного решить эту проблему начались с полной его беспомощности и многочисленных вспышек ярости. Но внезапно поведение шимпанзе совершенно изменилось. Его эмоциональное расстройство улетучилось. Шимпанзе быстро подбежал к меньшему из ящиков; подтащил его к большему ящику, который находился прямо под бананом; установил ящик поменьше на большой ящик; затем без промедлений влез на маленький ящик и сорвал банан с перекладины. Последующие опыты по решению такой же задачи завершались очень быстро, даже в случаях, когда ящики помещали в самых разных частях клетки. Другими словами, специфические двигательные навыки животного с каждым испытанием претерпевали эффективную реорганизацию, как подчасти общего решения. В своей книге я подчеркивал, что истинное достижение, в отличие от случайного решения, происходило как единое непрерывное явление как в пространстве, так и во времени. Эти эксперименты с человекообразными обезьянами привели меня к определению «инсайта» как (часто мгновенного) возникновения готового решения, связанного с целостной картиной перцептивного или когнитивного поля.

СЛУХИ О ШПИОНАЖЕ

Ходили слухи (Leu, 1990), что после того как началась первая мировая война, я был завербован германским правительством для шпионажа за военно-морским флотом союзников в окрестностях Тенерифе. Действительно, остров Тенерифе представлял собой странный выбор места для размещения станции исследования человекообразных обезьян, поскольку человекообразные обезьяны на Канарах не водятся. Логически, проще было бы заниматься их изучением в привычной для них среде обитания — в Камеруне, который являлся колонией Германии и находился на африканском континенте. И просто транспортировать обезьян для исследований в крупный зоопарк в Германии. Правда и то, что остров Тенерифе представлял собой стратегически важный пункт во время первой мировой войны

по причине его близости к главным морским путям Атлантики. Наконец, правдой является и то, что в Военно-морских архивах как Германии, так и Британии имеется множество подтверждений того, что правительство Германии вело очень активную шпионскую деятельность на Канарских островах во время Первой мировой войны и что британское правительство имело очень большие подозрения в том, что я состою членом этой шпионской организации, и неоднократно настаивало на том, чтобы местное испанское правительство провело обыск моего жилья. Дело усложнилось еще тем, что мой бывший ассистент, ухаживавший на Тенерифе за животными, и двое моих детей от первого брака вспомнили, что на втором этаже своего дома я держал радиоприемник, детям запрещалось туда подниматься и что я всегда тщательно прятал этот приемник, когда меня предупреждали о том, что солдаты собираются ко мне с очередным обыском. Принимая во внимание все вышесказанное, я могу сказать только одно — я был верным сыном своей родины, Германии, до тех пор, пока условия жизни в моей стране не стали непереносимыми; и я в равной степени хранил верность своей второй, приемной родине — Соединенным Штатам Америки — с 1935 года и до конца жизни.

В 1920 году я возвратился в Германию для временного исполнения обязанностей директора Института психологии при Берлинском университете. В 1920 году я также опубликовал мою книгу «Физические гештальты» (Physical Gestalten), которую я продолжаю считать одним из моих самых важных достижений. Книгу предваряло предисловие, предназначенное для физиков, и еще одно предисловие — для философов и биологов. В этой книге я продемонстрировал, что перцептивные гештальты оказывают силовое воздействие на конечное состояние воспринимаемого образа, характеризующегося целостностью и сбалансированностью. Например, визуальный стимул, представляющий собой незаконченный круг, будет восприниматься как полный круг. Мой коллега Вертгеймер выдвинул в 1912 году предположение о том, что гештальт-свойства визуальных восприятий, по всей вероятности, являются отражениями схожих структурных взаимосвязей тех протекающих в мозге процессов, которые лежат в основе процесса восприятия.

Я развил идеи Вертгеймера в книге «Физические гештальты» с привлечением математических аргументов о том, что динамический характер психологических феноменов является отражением схожих динамических явлений, имеющих место в различных участках мозга, выходящих за пределы простой синаптической передачи импульсов и подчиняющихся физическим законам самораспространения и равновесия.

Идентичность структур психологических феноменов и лежащих в их основе структур мозговых процессов явилась базой для создания знаменитой теории изоморфизма. Я считаю эту теорию своим важнейшим научным вкладом, позволившим продемонстрировать, что психологические процессы поддаются анализу с применением методов и терминологии физики поля.

В 1922 году я получил дополнительное академическое назначение на должность профессора философии в Берлинском университете. В то время в университете уже работал Вертгеймер, и мы продолжали поддерживать тесные связи с Коффкой, который преподавал в Гессенском университете. В 1920-е годы и вплоть до начала 1930-х годов Институт психологии оставался живым по духу и выдающимся учреждением. Мы применили принципы теории гештальтов к обширному спектру психологических вопросов и привлекли к работе студентов со всего мира. Наш институт размещался в одном крыле здания, которое в свое время служило императорским дворцом. Мы работали в комнатах с высокими, затейливо расписанными потолками. Я уверен, что никогда больше психологические эксперименты не проводились в столь пышной обстановке! Мы не только пытались культивировать у своих студентов высочайшие идеалы служения науке, но также внушить им осознание взаимосвязанности всего самого прекрасного, что было создано человечеством. Однажды, когда кто-то рассказал мне о чрезвычайно изящном эксперименте в области слухового восприятия, я заметил: «Что ж, этот

эксперимент достоин гения Моцарта!»

БЕСЧИНСТВА НАЦИСТОВ

По этой благоприятной обстановке не пришлось продлиться долго. За пределами университетов в Германии шло брожение, которое частично являлось отражением серьезного экономического и социального кризиса в стране. Большинство из моих ученых коллег рассматривало национал-социалистов как головорезов. Даже когда нацистская партия захватила контроль над правительством в январе 1933 года, большинство из нас с трудом могло представить, что нацисты смогут осуществить коренные перемены в университетской системе или в культурном руководстве столь высокообразованного и просвещенного общества как наше. Однако, практически сразу после прихода нацистской партии к власти Министерство культуры начало проведение кампании по увольнению профессоров еврейской национальности. К моему изумлению, почти никто из моих коллег-христиан не выразил желания публично выступить против подобной несправедливости. Многие из них посчитали, что им не следует высказывать свое мнение по предмету, выходящему за пределы их непосредственной профессиональной компетенции, даже если они будут выступать как рядовые граждане своей страны.

В апреле 1933 года я выразил свой протест публично в форме статьи, напечатанной в одной из берлинских газет. В этой статье я указывал, что национал-социалисты ведут себя непоследовательно, выражая высоко националистические и антисемитские взгляды одновременно, поскольку многие выдающиеся сыновья и дочери Германии, внесшие великий вклад в немецкую культуру, были людьми еврейской национальности. Как только статья была напечатана, она вызвала множество споров, и редакции пришлось отпечатать дополнительный выпуск этого номера газеты. Мои друзья предупреждали меня о том, что нацисты незамедлительно отреагируют на мой откровенный выпад в их адрес тем, что арестуют меня той же ночью.

Зная о том, что гестапо имеет обыкновение производить аресты в предрассветные часы, мы решили не ложиться спать и всю ночь исполняли камерную музыку. Меня так и не арестовали. Однако партия национал-социалистов продолжала подавлять всех, кто решался противостоять ей во мнении, и изгонять дух академической свободы из учебных заведений. Говорили, что моя газетная статья явилась последним открытым антинацистским высказыванием в печати, сделанным в годы правления Третьего рейха.

В декабре 1933 года солдаты затеяли стычку с людьми, выходящими из нашего университета после коллоквиума. Я выразил энергичный протест по этому поводу и получил обещание, что подобный инцидент больше не повторится. Однако то же самое повторилось в феврале 1934 года и снова в апреле 1934 года, в нашем институте проводились обыски, нацисты пытались найти доказательства того, что мы ведем подрывную деятельность. Я протестовал еще более резко, но тщетно. С каждым днем я все яснее понимал, что не смогу уберечь своих ассистентов от увольнения и сохранить научную целостность нашего института. Я выдвинул предложение о собственной отставке, но не настаивал на этом. После, с некоторой долей грусти, я принял предложение взять на себя организацию лекций Уильяма Джеймса, который должен был прибыть в Гарвард в качестве приглашенного профессора осенью 1934 года, и еще одного цикла лекций, которые Джеймс должен был читать в университете Чикаго во время весеннего семестра 1935 года.

Зловещие перемены в германских университетах продолжались. Находясь в Гарварде, я получил письменную просьбу подписать клятву личной верности Адольфу Гитлеру. В январе 1935 года меня известили о том, что вакансия в моем институте была занята без моего разрешения. В мае я узнал, что все мои ассистенты, которых я собственноручно подготовил к работе, уволены. Убедившись в том, что традиционный дух академической свободы и высокой культуры, царивший в германских университетах, «приказал долго жить», я уволился из

Берлинского университета в августе 1935 года и принял должность профессора Шварцморского колледжа в штате Пенсильвания.

Я преподавал в Шварцморе начиная с 1935 года и до ухода в отставку в 1958 году. Я продолжал свои исследования в областях психологии, поддававшихся экспериментальному контролю, а именно — в областях восприятия и познания. Я рассматривал эту свою работу в качестве подготовки теории гештальтов для завершающего исследования человеческой мотивации. Так же, как и в Берлинском университете, я пытался связать психологические процессы с лежащими в их основе процессами, протекающими в головном мозге и подчиняющимися законам физики поля. Я интерпретировал мотивацию как силы, воздействующие, с одной стороны, на перцептивные и когнитивные процессы личности, а с другой стороны — на прочие процессы, которые должны протекать в других участках головного мозга, являясь отражением физиологических потребностей организма.

СИЛЫ ПОЛЯ В ПРОЦЕССАХ ГОЛОВНОГО МОЗГА

В попытке научного определения протекающих в головном мозге процессов, которые должны лежать в основе всех психологических процессов, я начал серию продолжительных психологических экспериментов с целью продемонстрировать силы поля, составляющие основу восприятия. Совместно со своими студентами и коллегами из Шварцморского колледжа я записывал электрические потенциалы, поступающие от зрительной зоны коры головного мозга кошек, которые указывали на возникновение токов постоянного напряжения, соответствовавших перцептивным феноменам. К примеру, когда кошке показывали движущийся объект, электрические токи, проходящие через кору головного мозга, смещались в направлении, которое можно было бы прогнозировать на базе наших знаний о кортикальном представителе различных участков поля зрения. Эти токи постоянного напряжения невозможно было бы прогнозировать с помощью атомистических теорий простой синаптической передачи импульсов. Я был уверен, что они, напротив, вызываются относительно стабильными электрическими потенциалами, постоянно присутствующими в кортикальных синапсах.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОТРЕБНОСТИ И ЦЕННОСТИ

Я также развил свое исследование об общем значении векторов в человеческой жизни, применив его к другой стороне психологии, то есть к вопросам этики и эстетики. Я отредактировал лекции, которые читал в 1934 году в Гарвардском университете, и собрал их в книгу, озаглавленную «Место системы ценностей в мире фактов» (The Place of Value in a World of Facts). Книга вышла в свет в 1938 году. В ней я подробно описывал, как то, что мы испытываем как «потребность» в некоей моральной или этической ситуации, вызывает векторную силу, воздействующую на нас в психологическом и неврологическом плане точно так же, как зрительное восприятие отражает психофизическое воздействие, направленное на завершенность воспринимаемого образа. Потребность всегда возникает в контексте других факторов или человеческих поступков. Она оказывает на нас сильное побуждающее воздействие даже в том случае, когда наши личные нужды не участвуют в процессе. Действительно, наши реакции на потребность способны в некоторых случаях ставить нас под угрозу физической опасности.

Я рассматривал такую потребность как объективный базис Системы ценностей, а следовательно, и человеческой морали. Таким образом, теория гештальтов с ее упором на динамику и векторы не только подводила под психологию современный физиологический фундамент, но также восстанавливала возможность проведения научного анализа некоторых из наиболее значимых сторон опыта человечества, таких, как этика. Для меня всегда имело важность то, что теория гештальтов могла быть верна как в приложении к исходным данным человеческого опыта, так и к целостности человеческой жизни. Мой коллега фон Хорнбостел однажды написал

прекрасную статью под названием «Единство чувств» (The Unity of the Senses). Психология способна быть одновременно по-научному точной и по-человечески многозначной, и те из ученых, которые являлись приверженцами теории гештальтов, гордились тем, что первыми сумели продемонстрировать это.

Теперь я отвлекусь от хронологии событий своей жизни и расскажу, как мы, авторы теории гештальтов, рассматривали проблемы мотивации и эмоций у людей. Я делаю это с целью исправить впечатление, сложившееся у многих современных психологов, что мы занимались в основном изучением зрительного восприятия. Мне также хотелось бы, чтобы психологи поняли, что именно по причине нашего кропотливого подхода к изучению мотивации и эмоций мы разошлись во взглядах со сторонниками схожих теоретических систем, которые пользовались нашими идеями и терминами, но развивали их таким образом, который не вызывал у меня одобрения. Я обнаружил, что в настоящее время у многих психологов возникла путаница по вопросу о том, кого следует, а кого не следует считать сторонником теории гештальтов.

ГЕШТАЛЬТ В СРАВНЕНИИ С ВЗАИМОСВЯЗЯМИ МЕЖДУ ФИГУРАМИ И ФОНОМ

Начну с различия между «гешталтом» и структурой «фигура — фон». Из стремления к научной точности мы очень тщательно формулировали свои определения. Для Вертхеймера, Коффки и меня гештальт представлял собой любую встречающуюся в природе организованную целостную структуру или функциональное целое. Гештальт может являться зрительно воспринимаемым образом, временно существующим паттерном, таким, как мелодия или танец, когнитивной целостной структурой, такой, как энграмма, или каким-то понятием, например, «правда» или «демократия». Структура «фигура — фон» представляет собой особый случай гештальта, который имеет место только в процессе восприятия. В дополнение к внутренней организации, характерной для каждого гештальта, фигура имеет ясно выраженную форму, четкие контуры и большую выразительность, чем фон, на котором она размещается. Вертхеймер и я использовали структурные образования «фигура — фон» только в отношении зрительных целостных структур. Мой коллега Коффка проявлял больший либерализм в этом отношении и хотел распространить эту структуру на область слухового восприятия и на функции прочих органов чувств.

АФФЕКТИВНЫЕ ГЕШТАЛЬТЫ

Мы полагали, что, по крайней мере, когнитивные компоненты мотивационных и эмоциональных состояний представляют собой гешталты, и были уверены в том, что анализ гештальтов может оказаться полезным для их понимания. Мы обсуждали потребности как силы, придающие уже существующим гешталтам личную направленность, которую мы называли характером потребности.

Таким направленным гешталтом может быть воспринимаемый образ, например, звук падающей воды, который слышит человек, испытывающий жажду, или познавательный образ, например, идея о воде. И наоборот, когда личная потребность удовлетворяется, направленный характер, придаваемый гешталту, разрушается. Коффка отмечал, что после того, как мы плотно поели, даже самая изысканная пища теряет для нас привлекательность.

Когда направленный характер, связанный с проблемой, является достаточно сильным, страдает способность человека решать проблемы: он может проглядеть изящное и правильное решение. В исключительных случаях могут организовываться неверные, неправильно адаптированные гешталты. Пример этого описал один из моих студентов, Шульте, в статье о развитии параноидальных бредовых состояний, опубликованной в 1924 году. Он описал последовательность, в

которой некоторые ситуации требуют отношений типа «мы»; индивид не в состоянии ощущать себя частью коллектива и соответственно действовать, даже если его остро влечет желание ощутить себя членом какой-то группы, и таким образом постепенно формируется обманчивое осознание своей связи с другими людьми как компенсационное удовлетворение его потребности. В одной из своих статей я описал, как навязчивое состояние способно приобретать характер очень энергичного существа, которое как будто живет внутри человека. Навязчивые состояния часто бывают неправильно адаптированными, поскольку они способствуют формированию у человека целого мира представлений, концентрирующихся вокруг одной темы. Однако при этом я добавлял, что иногда навязчивые идеи могут «находиться на службе» у более сильной потребности, как, например, в случае у ученом или историком, поглощенным поисками истины. В таком случае сила их мысли, создающая целостные, завершенные представления и сохраняющая их в течение продолжительных периодов времени, способна вызвать к жизни новые восприятия или реорганизацию существующих понятий в новые, более созидательные структуры.

МЫСЛИ ОБ ОСТОРОЖНОСТИ

Мы были убеждены в том, что анализ с позиции теории гештальтов способен прояснить многие другие вопросы о мотивации и эмоциях.

Я, безусловно, считал, что когнитивным структурам присущ аспект личной целостности, характерный для гештальтов. Однажды я посетил клинику для душевнобольных в Нью-Йорке. Я был просто потрясен видом пациентов, которые отчаянно пытались сохранить хотя бы остаток самоорганизации. Однако я настаивал на том, что врачам и ученым следует подходить к проблемам психопатологии с должной осторожностью и точностью.

Прежде всего, я хотел, чтобы теория гештальтов нашла приложение именно в областях, в которых существовала возможность контроля над экспериментами. Это имело для меня особую важность потому, что с первых лет создания теории гештальтов ученые-бихевиористы очень часто обвиняли нас в мистицизме. Даже такой великодушный ученый как Карл Лешли однажды спросил меня, не прячу ли я в рукаве религию.

Во-вторых, мы настаивали на том, что восприятие или познание практически полностью определяются объективной структурной организацией самого стимула или целостной системы. Как я уже рассказывал, мы выступали против теорий восприятия, рассматривающих сознание как устройство «из кирпичей и цемента», которые объясняли, что мы, как правило, воспринимаем целостные, значимые объекты с помощью некоего внутреннего процесса синтеза, например, путем «бессознательных умозаключений или предположений». Мы были убеждены в том, что такие факторы организма, как утомление или эмоциональные потребности, лишь в редких случаях оказывают на фактическое формирование гештальтов то влияние, какое было описано (Пульте). Мы рассматривали потребности организма как специфические переменные, приобретающие важность только в тех случаях, когда объективные стимулы оказываются слабыми или недостаточно хорошо организованными.

И наконец, мы с большой осторожностью подходили к вопросу о человеческой мотивации, поскольку общепринятое мнение ограничивало мотивацию исключительно личными интересами индивидов. Я однажды уже упоминал о том, что мой коллега Вертхеймер всегда относился с подозрением к утверждениям об исключительно личных интересах.

Я разделяю его несогласие с тем, что все мотивы поведения человека подчиняются только его личному внутреннему голосу, который нашептывает: «А что я буду иметь с этого»? Мы отдавали предпочтение изучению аспектов анализа гештальтов, например, изучению процесса решения задач, то есть аспектов, менее

связанных с удовлетворением потребностей, с целью избежать любого неверного толкования наших идей в том плане, что все в мире имеет смысл, только когда касается нашего субъективного «я». Мы считали, что позже, после того как будут четко установлены фундаментальные принципы, личные интересы людей будут рассматриваться как специфические переменные в структуре гештальта, каковыми они по-существу и являются.

После такого вступления я могу перейти к вопросу о связи теории гештальтов с работами Левина и Гольдштейна. Я понимаю, как легко было многим психологам перепутать наши и их теории, поскольку мы пользовались одинаковыми или схожими терминами и в 1920-е годы работали в тесном содружестве с названными учеными.

ТЕОРИЯ ПОЛЯ ЛЕВИНА

Левин учился в Берлинском университете и после получения докторской степени стал преподавателем в нашем институте. Вскоре он собрал вокруг себя группу студентов-энтузиастов. Левин высоко ставил теорию гештальтов, но считал себя вправе критиковать ее в тех случаях, когда считал ее слишком ограниченной. Я ощущал некую личную связь с ним, что-то вроде духовного родства, потому что он мыслил о проблемах психологии в математических терминах. Однако я не одобрял его готовности толковать термины в более широком плане с целью незамедлительного применения гештальт-анализа к проблемам мотивации. Например, он определял как гештальт все «жизненное пространство» индивида, включая внутриспсихические структуры и процессы, не поддающиеся непосредственному наблюдению или точному определению. В конце 1920-х годов мои студенты и студенты Левина вели что-то вроде непрекращающихся «военных действий» в стенах института. Это научное соперничество оказало удивительно стимулирующее воздействие на нас и наших студентов.

Я гордился тем, что многие студенты, прошедшие год или два в нашем институте, в последующие несколько десятилетий стали известными психологами. К 1933 году, когда Левин приехал в Соединенные Штаты, он был убежден в том, что его теоретическая система значительно отличается от теории гештальтов и потому заслуживает собственного имени. Он назвал свою теорию теорией поля, или топологической психологией. В своей книге, имевшей такое же название, Левин посвятил мне предисловие, в котором выразил свое восхищение тем, как я в свое время успешно возглавлял счастливый и энергичный коллектив единомышленников в Берлинском университете. Тут же он ехидно добавил, что всеми силами пытался развенчать миф о том, что гештальтпсихологи не выступают друг против друга в печати. Поскольку основной интерес для Левина представляла проблема мотивации и поскольку он слишком свободно толковал термины, я согласился с тем, что система Левина не идентична теории гештальтов и заслуживает отдельного имени.

ГЕШТАЛЬТ-НЕВРОЛОГИЯ ГОЛЬДШТЕЙНА

Курт Гольдштейн был неврологом, работавшим во Франкфурте, в институте по реабилитации солдат, получивших черепно-мозговые ранения. Подобно Левину, Гольдштейн с энтузиазмом относился к возможности применения гештальтов к сложным человеческим проблемам.

Он был в числе основателей — вместе с Вертхеймером, Коффкой и мной — журнала «Психологические исследования» (Psychologische Forschung) в 1921 году. За годы, проведенные мною в Берлине, этот журнал напечатал значительное количество материалов, касающихся теории гештальтов. Однако, подобно Левину, он тоже вскоре осознал, что для приложения теории гештальтов к исследованиям высших когнитивных процессов необходимо более широкое толкование терминов

гештальтпсихологии. Приведу один пример: он определял двигательный акт, следующий в качестве реакции на стимулирование, как образование фигуры, происходящее на фоне общего физиологического состояния организма. К тому времени как Гольдштейн прочел цикл лекций в Гарвардском университете в 1938–1939 годах, он уже определял свою теоретическую систему как биологию организма, или холистический подход (холизм — целостность). Гольдштейн дал высокую оценку теории гештальтов, однако при этом ясно дал понять, что его теоретические принципы отличаются от наших. Я согласился с этим заявлением и к началу 1940-х годов творил о его работе в прохладной, отстраненной манере. Я продолжаю рассматривать работы и Левина и Гольдштейна не как теорию гештальтов, а как ее теоретические производные.

Теперь я хотел бы поговорить о том, каким образом достижения теории гештальтов искажались и подвергались оскорблениям. Я имею в виду неумного «мыслителя» по имени Фриц Перлс. Перлс выполнял обязанности ассистента Гольдштейна в 1926 году в Институте неврологии города Франкфурта. В то время Гольдштейн и его коллега, Гельб, уже применяли идеи гештальтпсихологии к исследованиям мозговых травм, давая себе право расширять термины теории гештальтов, о чем я уже говорил выше. Именно по этой причине они стали определять принципы гештальтов как биологию организма, а не как гештальт-теорию. Вероятно, Перлс неправильно понял и запомнил различия между этими двумя теоретическими системами, например, более широкое использование Гольдштейном термина «фигура».

Совершенно очевидно, что Перлс не взял на себя труда прочитать наши работы, прежде чем писать свои книги, потому что он совершенно неправильно интерпретировал наши идеи. К примеру, в одной из своих книг он написал, что выбор из числа всех возможных стимулов одного такого стимула, который будет выступать для индивида в роли фигуры, является результатом множества факторов, которые он свел вместе под общим определением «интерес». Это заявление подразумевает, что потребности организма оказывают сильное воздействие на восприятие.

Как я уже упоминал, создатели теории гештальтов неоднократно доказывали, что воспринимаемый образ формируется прежде всего под воздействием динамических свойств самих стимулов. Многие из того, что Перлс определил как восприятие, мы бы могли описать как избирательное внимание к уже сформировавшемуся гешталту. Я очень удивился, прочитав и книге Перлса, что он приписывал теории гештальтов идею о том, что интересы организма являются необходимым условием формирования структуры «фигура — фон». Я также резко возражаю против сведения Перлсом воедино ряда факторов под таким термином, как «интерес», без обсуждения того, что представляют собой эти факторы и при каких условиях они могут оказывать такое объединенное воздействие, о котором упоминает Перлс.

Приведу вам еще один пример того, как Перлс неправильно понял теорию гештальтов, из его книги, очень правильно озаглавленной им: «Изучение содержимого мусорной корзины» (In and Out Garbage Pail) (1969). Он говорит: «[Наш ответ] исходит из направления, которое никогда не претендовало на статус философии [,] это гештальтпсихология... Формулировка, предложенная гештальтпсихологами, никак не может быть правильной. Они говорят, что целое больше, чем его соответствующие части. Другими словами, нечто добавляется к картине мира просто за счет образования некой конфигурации.

Если бы это было так, наше представление об энергетическом балансе вселенной нарушилось бы... Можем ли мы тогда позволить гештальтпсихологам приписывать образованию гештальта большую силу, чем та, которой наши благочестивые предки наделяли Бога?»

Удивительно, что Перлс делает подобные заявления по поводу теории гештальтов. Как я указывал раньше, мы признавали возможность приложения гештальт-анализа к очень обширному спектру отраслей науки — к физике, биологии,

психологии и к их различным подразделам, а также к этике и эстетике. Фактически мы считали, что мы являемся провозвестниками общей философской позиции, а не какого-то очередного специфического методологического подхода к проблеме зрительного восприятия. Именно по этой причине мы называли себя не гештальтпсихологами, а авторами теории гештальтов.

Что касается утверждений Перлса по поводу энергетического баланса, то я в своей книге «Физические гештальты» (Physical Gestalten) четко продемонстрировал, что все гештальты подчиняются физическим законам сохранения энергии и энтропии. И наконец, представление Перлса о том, что гештальт есть нечто такое, что добавляется к сумме частей, точно совпадает с частью доктрины ранних психологов, с отрицанием которой мои коллеги и я выступали в наших первых работах о теории гештальтов, как я рассказывал выше. На самом деле мы утверждали, что целое фундаментально отличается от любой возможной суммы его частей.

Проявляя снисходительность к Перлсу, можно отметить, что, возможно, в своей работе он непосредственно следовал теориям Левина и Гольдштейна, поскольку эти исследователи предпочитали более вольную трактовку таких терминов, как «фигура», чем это делали я и мои коллеги в нашей теории гештальтов. Насколько мне известно, достаточно тщательное исследование этих взаимосвязей пока не было осуществлено. Я знаю, что Пол Гудмэн предпринял попытку дать общую теоретическую формулировку гештальт-психотерапии во второй части книги «Гештальт-терапия» (Gestalt Therapy), написанной им в соавторстве с Перлсом и Ральфом Хефферли-ном (Peris, Hefferline, & Goodman, 1951). К сожалению, он обсуждал теории Левина, Гольдштейна и прочих психологов так, как будто они принадлежали к основному направлению теории гештальтов. Надеюсь, я ясно дал понять, что это совершенно неверная точка зрения. Несомненно, книги, которые Перлс написал самостоятельно в более поздний период своей жизни, содержат множество грубых искажений наших идей, которые могли бы показаться смешными, если бы современные студенты психологических факультетов не принимали их сегодня всерьез. Моя коллега, Мэри Хенль, написала статью, в которой обсуждается, в чем и каким образом философия, положенная в основу гештальт-психотерапии, отличается от основных принципов теории гештальтов.

Мне кажется, что внимание, которое теория гештальтов уделяла важности человеческих ценностей, косвенным образом поддерживали современные ученые-бихевиористы — только такое подтверждение со стороны бихевиористов и могла получить теория гештальтов. Теперь современные бихевиористы говорят, что если мы хотим понять и изменить поведение человека, мы должны иметь какое-то представление о том, о чем думав! этот человек и что он в жизни ценит. Просто замечательно! Они называют это «когнитивным бихевиоризмом». Когда я высказывал подобные мысли 40 лет назад, они говорили, что я засоряю научную психологию мистицизмом.

Мне также приятно видеть, что современная психология восприятия продолжает демонстрировать, что все то, что мы воспринимаем, в огромной степени определяется объективными свойствами стимула. Мотивация играет свою роль в определении того, какие из существующих гештальтов завладевают нашим вниманием и с какими гештальтами мы взаимодействуем, однако большинство экспериментаторов согласится с тем, что нужды оказывают относительно небольшое воздействие на действительное формирование гештальта или структуры типа «фигура — фон». Не вызовет у них возражений и тот факт, что слишком сильные потребности часто препятствуют нахождению изящных и правильных решений проблемы.

По другому пункту хочу заметить: одна из главных тем теории гештальтов — изоморфические взаимоотношения между перцептивными феноменами и лежащими в их основе процессами деятельности головного мозга — продолжает и в настоящее время оказывать влияние на экспериментальное изучение восприятия с помощью исследования «после-эффектов восприятия фигуры». Если индивиду показывать какую-то фигуру, особенно в случае большой продолжительности или

интенсивности такого показа, это окажет воздействие на восприятие таким индивидом последующих демонстрируемых ему фигур. Подобные изменения в восприятии отражают изменения, происходящие в электролитической среде мозгового вещества и вызываемые первой экспонировавшейся фигурой.

И наконец, единственное напутствие, которое я хотел бы дать молодым психологам современности, состоит в том, что теория гештальтов зародилась как мятеж против наивных представлений о том, что наука ограничивается анализом на уровне атомных частиц.

В студенческие годы мои коллеги и я были потрясены, когда узнали, что яркие, динамичные, полные смысла аспекты повседневной жизни, такие, как восприятие и память, описываются в терминах не связанных между собой элементов, которые непонятно каким образом сочетаются с помощью ментальных ассоциаций. Нас тревожило то, что скрытый смысл подобного мировоззрения состоит в том, что человеческая жизнь по сути своей скучна и бессмысленна. Американская психология продолжила эту традицию с ее удушающим, упором на экспериментальную методологию и теоретический анализ, от которого в значительной мере страдали значимость и смысл. Это несколько напоминает ситуацию, когда человек придает слишком большое значение каким-то деталям своего автомобиля, например, работе тормозов и чистоте ветрового стекла. Это, безусловно, необходимо, однако эти детали не являются главными в автомобиле. Точно так же методология и анализ не составляют основную сущность психологического исследования. Если в стремлении достичь научного понимания людей ученый забывает о том, какой мощной жизненной энергией обладают человеческие качества, он может легко впасть в утонченную, но чрезвычайно «заразную» философию, которую можно определить следующими словами: «не что иное, как...» Карл Маркс пытался убедить нас в том, что люди — не более чем «пешки в игре» всеподавляющих экономических сил. Зигмунд Фрейд пытался доказать, что человеческая любовь есть не что иное, как производное животных инстинктов. Психологи-экспериментаторы часто действуют таким образом, как будто бы сущность человеческого научения заключается в одних только ассоцианистских законах, которые можно открыть в ходе экспериментов с бессмысленными слогами.

Подобная философия пропитала все аспекты американской культуры. Я определил ее термин — «смог». Она противоречит тем культурным идеалам, на которых было основано государство Соединенных Штатов. Люди, написавшие Декларацию независимости и Американскую конституцию, придерживались очень оптимистических взглядов на человеческую природу. Они верили, что способности к здравомыслию и простым человеческим качеств рядовых граждан Америки окажется достаточно для разумного управления страной — верили, что самый эффективный способ совершенствования политической и культурной жизни состоит в том, чтобы позволить свободным гражданам руководствоваться собственным здравым смыслом, решая, что следует считать справедливым и необходимым для своей страны.

За последние несколько столетий наука сделала огромные шаги вперед, к прогрессу, и она заслуживает того уважения, которое испытывают к ней простые люди. Однако атомистическая научная теория, столь распространенная в XIX веке, некоторым до сих пор представляется единственным возможным научным взглядом на мир. Такой атомистический взгляд на людей и человеческое общество подрывает оптимизм, питаемый и основателями Америки относительно природы человека. Я хотел бы надеяться, что научная психология расширит свое научное мировоззрение, откажется от атомарной теории и поможет избавиться от вредной философии типа «не что иное, как...». Подобно тому как целое качественно отличается от суммы своих частей, люди способны быть качественно лучше и богаче любого продукта экономических сил, воздействующих на основные человеческие инстинкты. Если мы не будем забывать об атомистическом «смоге», незаметно прокрадывающемся на своих мягких кошачьих лапах в наше творчество и наши мысли, мы сможем оградить себя от его воздействия и сконцентрироваться

на богатстве человеческого жизненного опыта и на всех самых прекрасных творениях человеческих рук и мысли.

ГАРРИ СТЭК САЛЛИВЕН:

КЛИНИЦИСТ И ЧЕЛОВЕК

«Может быть, я не вернусь, но запомни это и не забывай. Я вынужден был быть противоречивым. У меня не было возможности избежать этого». (Последние слова Салливена, обращенные к его приемному сыну, Джеймсу Инско Саллиvenu, 2 января 1949 года.)

Гарри Стэк Салливен внес существенный вклад в историю теории личности. Он явился автором межличностного подхода, выдвинув идею о том, что понятие индивида о самости является отражением отношения других людей к этому индивиду. Под влиянием социальной психологии Джорджа Герберта Мида и Чарльза Кули Салливен считал, что «эго-концепция личности» является результатом того, что человек получил от своей матери, семьи и социального окружения.

Современные американские теории личности уходят корнями в творчество Салливена. К примеру, теория личности, созданная Саллиvenом, легла в основу работы Карла Роджерса. Идея «феноменального Я» в теории Роджерса предугадывалась в работе Салливена, и Роджерс построил свою теорию на идее Салливена о том, что Я-концепция является социологическим продуктом. Теория Салливена также предшествовала теории развития личности Эрика Эриксона. Согласно Саллиvenu, каждый человек в течение жизни проходит семь стадий развития: (1) младенчество; (2) детство; (3) отрочество; (4) период, предшествующий юности; (5) юность; (6) поздний период юности и (7) зрелость. Хотя Эриксон пользовался несколько иной классификацией психологических этапов развития, его теории предшествовала идея Салливена о том, что личность следует рассматривать в ее эволюционной перспективе.

В дополнение к основополагающим идеям Салливена о межличностных истоках личности и к поддержке им методики изучения личности, основанной на ее развитии, Салливен также был пионером в исследовании состояния беспокойства. Жизнь, по мнению Салливена, есть диалектика между гомеостазом и беспокойством. Гомеостаз имеет как органический, так и психологический аспект. На уровне организма индивид стремится к достижению гомеостатического состояния, то есть динамического постоянства, состояния «эйфории», при котором имеет место удовлетворение всех психических потребностей. На психологическом уровне индивид стремится к безболезненному приспособлению к окружающей среде. Психологический механизм, дающий индивиду возможность ощущать себя в ладу со своим окружением и собственным Я, есть высокое самоуважение (чувство собственного достоинства) индивида.

Силой, сводящей на нет состояние «эйфории», вносящей в жизнь человека тревогу и нервозность, является беспокойство, проистекающее из низкой самооценки. Беспокойство есть великое бедствие для людей; это противоречивая сила, которая разрушает и искажает способность индивида вступать в адекватные взаимосвязи с окружающим миром.

В беспокойстве таится корень душевных заболеваний, и поэтому одной из целей, которые ставил перед собой Салливен в своей психотерапевтической практике, было избавление людей от чувства беспокойства.

Теория личности Салливена вытекала из его идей, касающихся эволюции концепции самости, из восприятия самости, постепенно развивающейся и формирующейся под воздействием оценок, получаемых индивидом от других людей. Хотя личное представление о самости развивается медленно, необходимость в личной безопасности присутствует у индивида с самого начала его существования. Салливен выдвинул гипотезу о том, что угрозы самоуважению индивида проявляются в его чувстве беспокойства, которое, в свою очередь, приводит индивида к выработке защитных мер для освобождения от беспокойства

и для самозащиты. Подобные уколы, нанесенные самоуважению, исходят из источников, находящихся извне, и прежде всего от матери индивида, которая является главным его воспитателем. Вполне вероятно, что в основе этой теории лежал собственный жизненный опыт Салливена.

Гарри Стэк Салливен, единственный оставшийся в живых ребенок Тимоти Дж. Салливена и Эллы М. (Стэк) Салливен, родился в Норидже, штат Нью-Йорк, 21 февраля 1892 года. Из анализа взаимоотношений Салливена со своими родителями можно понять, каким образом он достиг своих революционных психологических прозрений.

Отец Гарри, Тимоти Дж. Салливен, которому с раннего детства легли на плечи заботы об обеспечении семьи после гибели его отца в железнодорожной катастрофе, вырос серьезным и погруженным в себя человеком, замкнутым и застенчивым. Вынужденный по воле несчастливой судьбы обрабатывать земельный надел Стэков и кормиться с этого, старший Салливен казался недостижимой фигурой собственному сыну, который предпочитал чтение в одиночестве повседневным трудам фермера. Только после того как умерла мать Гарри, а сам он стал врачом и приобрел некоторое профессиональное положение, ему удалось завязать удовлетворительные отношения со своим отцом.

Мать Гарри была на несколько лет старше своего мужа и происходила из семьи учителей, юристов, врачей и священников. Поговаривали, что она «страдала» из-за своего неравного брака, так как считала мужа ниже себя по положению. По мнению А. Г. Чэпмена (1976), в течение всего детства Салливена его мать «перекладывала на плечи сына свой бессильный гнев, свои истории о прежней известности своей семьи и беспочвенные мечтания о лучшем будущем». Убежденная в превосходстве своей семьи над семьей мужа, Элла рассказывала сыну легенды о славном прошлом своего рода. Особенно зачаровала юного Гарри одна из материнских сказок об одном из ее предков, которого, по преданию, звали «Западным Ветром», о коне, который мчался на восход солнца, чтобы встретить там свое будущее. Говорят, что Салливен, обладавший сентиментальной, склонной к фантазиям ирландской душой, частично верил в эту историю. Так оно было или нет, но подтверждением любви Салливена к лошадям служит его личная печать, на которой изображены две лошадиные головы, заключенные в круг, одна голова обращена вверх, вторая — вниз. Хотя Гарри занимали сказки матери, он, казалось, чувствовал, что она никогда не любила его по-настоящему. Неудовлетворенность женщины своей житейской долей, должно быть, передалась ее ребенку. Позднее Салливен сделал потрясающее признание:

«Я избежал многих зол, связанных с положением единственного ребенка в семье, исключительно благодаря тому факту, что моя мать никогда не брала на себя труда замечать истинные черты ребенка, которому она дала жизнь. А воображаемый ею сын так отличался от меня настоящего, что я чувствовал, что моя мать совершенно бесполезна для меня и не способна дать мне ничего, кроме причудливых иллюзий».

Одна резкая фраза в этом высказывании свидетельствует о трагедии детства Салливена и об источнике большинства его более поздних страданий: «Она была совершенно бесполезна для меня». Какие еще слова могли бы столь беспощадно, графически четко выразить все одиночество, отчужденность и гнев этого человека, явившиеся своеобразным источником, из которого развился его вдохновенный гений?

У себя дома, в Смирне, на ферме Стэков, куда родители привезли его в 3 года, юный Гарри рос на лоне природы в окружении домашних животных. Он был единственным ребенком в единственной католической семье среди старого протестантского сообщества янки, в котором в то время существовало сильное предубеждение против ирландцев.

Патрик Маллахи (1973) пишет, что самыми близкими друзьями мальчика были домашние животные, с которыми он чувствовал себя уютно и не так остро ощущал

свое одиночество. Клара Томпсон, коллега и близкий друг Салливена, в своей речи 1949 года, посвященной его памяти, тоже характеризовала Салливена как «человека, ощущающего одиночество с самого раннего детства». Так и рос этот одинокий ребенок, с матерью, которая вечно была недовольна и на что-то жаловалась, и с необщительным отцом, которого, вероятно, обижало такое неприятие со стороны жены; мальчик, лишенный общества сверстников, чувствовал себя затерянным на большой родительской ферме. Можно только представить себе его несбыточные, полуосознанные томления по утерянному раю, его потребность отыскать то, к чему он должен будет стремиться до конца жизни или до тех пор, пока конь (Западный Ветер) не сольется с восходом солнца.

Когда Салливен-человек стал Салливером-клиницистом, знатоком межличностных отношений, он написал самую знаменитую свою работу «Шизофрения как человеческий процесс» (*Schizophrenia as a Human Process*) (1974). В этой книге он описал того, кого называл самым одиноким из одиноких, то есть шизофреника. Если гений рождается из понимания и если самопонимание составляет основу всякого другого понимания, тогда гений Гарри Стэка Салливена заключался в осознании им того, какое воздействие оказывает личный опыт на развитие душевных заболеваний.

Салливен получил начальное и среднее образование в школе «Юнион Скул» города Смирна, куда он поступил в 1897 или 1898 году. Хотя школьные архивы, относящиеся к первым годам учебы Салливена, погибли во время пожара, более поздние аттестационные данные свидетельствуют о том, что он был прекрасным учеником. Однако, поскольку юный Гарри не умел жить в коллективе и не имел друзей, он чувствовал себя в школе чужаком и обращался за утешением к книгам. Единственным источником положительной самооценки в те годы являлись для Салливена его постоянные отличные успехи в школьных предметах, но эти успехи не могли освободить Салливена от его застенчивости и чувства одиночества.

Несомненно, оторванность Салливена от общества сверстников вызывала в нем мучительное чувство собственной неполноценности.

Его размышления об этом этапе человеческой жизни представляют собой не измышления ученого-теоретика, это прозрения человека, призывающего в свидетели личный опыт и говорящего из глубин собственной души. Например, в книге «Концепции современной психиатрии» (*Conceptions of Modern Psychiatry*) (1953) Салливен пишет следующее о периоде, предшествующем юности:

«Есть множество совершенно убедительных причин того, почему правильная социальная ориентация требует длительного времени. Однако это время приходит в пору, предшествующую юности.

Способность любить проявляется в своей исходной форме, знаменуя собой переход человека от отрочества к порогу юности. То новое, что привносит этот этап в жизнь человека, состоит в следующем: в этой точке чувства удовлетворения и защищенности, испытываемые каким-то конкретным другим человеком, начинают значить для нас столь же много, как и наши собственные чувства, это означает, что пришла пора любви...»

«Возникновение способности любить, как правило, сначала бывает связано с человеком одного с нами пола... Когда это происходит, за пробуждением чувства любви следует возрастание потребности в совместной (согласованной) валидации символов, в оперировании символами, а также в валидации информации о жизни и окружающем мире...

Любовь к другому человеку не таит в себе угрозы для нашей безопасности. Любовь способствует более полному ощущению радости жизни. Поэтому вполне естественно, что любящий человек впервые начинает свободно выражать себя. Если другой человек станет значить для вас так же много, как и вы сами, то вы сможете говорить с этим человеком так, как вы никогда и ни с кем не говорили прежде.

Свобода, проистекающая из того, что ваш мир радости и безопасности расширился до того, чтобы вместить в себя двоих, связанных друг с другом чувством любви, позволяет вам теперь делиться друг с другом тончайшими оттенками значений, позволяет познавать жизнь и друг друга без ощущений страха, отпора или унижения, что еще более усиливает согласованную валидацию самых разнообразных вещей, всех конечных символов, которые отражают, представляют или соотносятся с состояниями существования в мире».

Именно этой стадии личного развития так мучительно не хватало самому Салливену, и он стремился воссоздать ее для своих пациентов с помощью своего знаменитого метода лечения путем создания для пациентов соответствующего социального окружения.

По окончании средней школы в возрасте 16 лет Салливен получил стипендию от штата, позволяющую продолжить образование, и в первый раз уехал из дома для обучения в Корнелльском университете в Итаке, штат Нью-Йорк. К концу первого семестра успехи Салливена были средними, но во втором семестре они резко снизились, и в июне 1909 года Салливен был отчислен из университета, потому что провалился по всем предметам.

В течение двух лет, последовавших за отчислением Салливена из университета, о нем, как кажется, не было известно ничего определенного. Существует предположение, что в то время Салливен пережил приступ некоего душевного расстройства, возможно, краткий шизофренический приступ, и лежал в Бингхэмптонской больнице, в которой должность первого заместителя главного врача занимал доктор Росс Макклур Чэпмен (позднее устроивший Салливена на работу в больницу Шеппард Прэтт). Говорят, что сам Салливен упоминал о том, что в молодые годы он был пациентом неспециализированной психиатрической клиники. К сожалению, все регистрационные карточки Бингхэмптонской больницы за 1909–1910 гг. сгорели во время пожара, и тщательный розыск не дал однозначного подтверждения этому предположению.

В 1911 году Салливен «объявился» в Чикаго, где поступил в Чикагский Колледж медицины и хирургии, после окончания которого стал практикующим психиатром. О Салливане-клинисте в период его работы в больнице Шеппард Прэтт вспоминает его коллега, доктор Декстер Буллард-старший:

«Я никогда не мог составить для себя ясную картину того, как он работал с пациентами — как я думаю, в основном с пациентами, страдающими шизофренией. Я слышал множество удивительных историй о пациентах, но я никогда точно не знал, работает ли Салливен со своими пациентами индивидуально, регулярно встречаясь с каждым из них, или делает больший упор на групповую работу. Он имел талант очень тщательно подбирать свой персонал. Бывали случаи, когда отстраненный от мира пациент сидел в уголке и вдруг начинал следить глазами за передвижениями одного из санитаров, Салливен замечал это, подходил к этому своему помощнику и начинал учить его, как попробовать найти подход к пациенту... Он обладал феноменальными способностями работы с персоналом, был очень чуток к своим работникам — и у него также был высокий процент выздоровления пациентов, по-моему, около 86 %... выше, чем в любой другой из больниц, которые я знал. В годы своей работы в Шеппарде Салливен не много занимался индивидуальной работой с пациентами». (Личное интервью, 9 апреля 1977 года.)

Используя помощь своего тщательно подобранного персонала, Салливен в 1929 году основал в больнице Шеппард Прэтт терапевтическое отделение для лечения пациентов по методу создания соответствующей социальной среды. В 1930 году он оставил работу с шизофрениками в клинике и переехал в Нью-Йорк, где занялся частной практикой с пациентами, страдающими неврозом навязчивых состояний. Следуя своим собственным теориям, он теперь занимался заболеванием, которое было в гораздо большей степени сродни шизофрении, чем любая другая нарушенная реакция на чувство беспокойства.

В своей статье 1931 года «Факторы среды в этиологии и курсе лечения шизофрении» (Environmental Factors of Etiology and Course Under Treatment of Schizophrenia) Салливен указывает, что проявления этой болезни следует объяснять прежде всего на базе человеческого опыта, а не на базе наследственных или органических факторов. Под воздействием личного опыта у некоторых людей, переживающих трудные обстоятельства в своей жизни, могут возникать изменения в их общей деятельности, поведении и образе мыслей. Такие изменения Салливен идентифицировал как шизофренический психоз. Салливен полагал, что, хотя наследственные и генетические факторы могут играть свою роль в развитии заболевания конкретного человека, они, если измерить степень их воздействия, оказываются малозначащими в этиологии болезни.

Истоки этиологии шизофрении следует искать, по мнению Салливена, в тех событиях реальной жизни, в которых участвовали или участвуют пациент и другие значимые для него индивиды. До достижения раннего подросткового возраста индивид не осознает, что самым трудным делом в жизни любого человека безусловно является его общение с другими людьми. В детстве индивид способен научиться общаться со своими родителями и прочими авторитетными фигурами, но только после того как у человека возникает потребность в реальной межличностной близости, в нем начинает совершаться некая тонкая подстройка личности, способствующая развитию его взаимоотношений с другими людьми. Шизофреник никогда не достигает столь тонкого уровня совершенствования личности.

Салливен подчеркивал, что самый примитивный и, возможно, самый важный аспект личности формируется у младенца под влиянием собственной матери или человека, заменяющего ему мать. Если эти младенческие аспекты личности будут слишком искажены, это скажется в нарушениях в последующем развитии и в результате может привести к формированию патологической личности. Если искажения, передающиеся ребенку от матери, не слишком явно выражены, они могут принимать у мальчиков форму последующей юношеской оценки собственного «я» как бы глазами своей матери. В подобных случаях невропатическая зависимость от матери велика, и от нее трудно освободиться даже в зрелые годы, когда образ матери может принимать форму жены или «близкой» подруги.

В экстремальном случае мальчик может полностью интегрировать в себя систему ценностей и взглядов своей матери, и это будет мешать развитию у него естественного интереса к девочкам. В подобном случае только мать мальчика или женщины гораздо старше его по возрасту будут способны привлечь его как объекты, по выражению Салливена, «межличностной близости». Личность ребенка окажется не в состоянии естественно развиваться в направлении биологически предопределенной гетеросексуальности, и такой ребенок в будущем может стать психологическим калеккой во всех своих межличностных отношениях.

По Саллиvenu, такое отсутствие успешной гетеросексуальной коррекции часто приводит также к неудачам индивида в установлении нормальных отношений с другими мальчиками в период вступления в юношеские годы и является основной причиной, приводящей в результате к шизофреническому приступу.

Салливен обнаружил, что именно на средней или последней стадии юности, с приходом к молодым людям «откровенной сексуальности», у таких юношей начинают возникать серьезные проблемы. Не успели они приобрести вес в обществе сверстников, как наступает пора проявлять интерес к представительницам противоположного пола. Однако этому препятствует замедленное развитие такой личности. В результате положение индивида в рамках своей социальной группы и, следовательно, его самоуважение оказываются под серьезной угрозой. Для сохранения своего положения в группе сверстников и своего достоинства юноше приходится либо прибегать ко лжи о своей сексуальной жизни, либо изолировать себя от своей социальной группы и продолжать негетеросексуальное общение с другими такими же отставшими в развитии индивидами. Под нарастающим давлением сексуальных влечений результатом

подобного выбора вполне могут явиться гомосексуальные отношения. У других юношей попытки справиться с этой проблемой могут принимать форму возврата к более раннему стилю межличностных отношений, который еще усиливает возобновленную зависимость от родителей и связанного с родителями взрослого окружения.

Согласно теории Салливена, подобная чрезмерная идентификация с матерью (или с другой авторитетной фигурой, заменяющей мать) в сочетании с резким отпором в межличностных отношениях в юношеском возрасте может привести к тому, что Салливан определяет как зарождение шизофренических процессов. Для шизофреника мужского пола, пережившего разрушительную потерю самоуважения, вселенная кажется лишенной целостности. Она представляется ему непредсказуемой. Для того чтобы освободиться от беспокойства, которое влечет за собой такое осознание, индивид пытается найти прибежище в иллюзорном мире, воздвигая тем самым барьер между собой и другими людьми, которые пугают его. А поскольку создание такого барьера лишает индивида возможности совместной валидации, шизофреник становится неспособен поддерживать межличностные отношения. Но мере того как его поведение будет становиться все более неадекватным, в нем может начать развиваться мания преследования, и его состояние постепенно ухудшится. Салливан рекомендовал дружелюбное, сочувствующее окружение как ключ к предотвращению такого прогрессирующего развития болезни.

Согласно теории Салливена, люди, с которыми страдающие шизофренией пациенты имеют личный контакт, играют важную роль в определении течения и исхода заболевания. Подобным образом люди, сыгравшие свою роль в возникновении болезни пациента — обычно это домашнее окружение больного, в котором и имеет место возникновение болезни, — вряд ли способны оказать пациенту помощь в острые периоды его психоза. Весь клинический опыт Салливена (а он был значительным) по стационарному уходу за мужчинами, страдающими шизофренией, в возрасте между 14 и 25 годами, подтвердил оба вывода Салливена, о чем он докладывал в 1974 году: «Я пришел к заключению, что личные характеристики всех тех людей, с которыми контактируют страдающие шизофренией пациенты, должны рассматриваться как главный критерий при любой попытке достижения хороших терапевтических результатов».

Как постоянно показывал его клинический опыт, даже большая и успешная работа, проведенная с пациентом-шизофреником, может быть совершенно сведена на нет из-за краткого контакта такого пациента с несоответствующим лечебным персоналом. Такой подход Салливена в этом вопросе часто заставлял его сразу же запрещать визиты к больному его родственникам и прочим людям, связанных с началом болезни, и ограничивать посещения пациента во время острых стадий заболевания. Благодаря такому типу «сегрегации», при строгом контроле личных контактов, пациента сразу же после его поступления в клинику удавалось поместить в общество только высококвалифицированного персонала, что представляло существенную важность для приостановки или стабилизации развивающегося шизофренического состояния.

Метод группового лечения больных специальной командой тщательно подобранного персонала имел первоочередное значение для успешного лечения и ухода за пациентами в отделении Салливена. Поскольку, по мнению Салливена, личность не являлась продуктом добрых намерений, приобретаемых на более зрелых этапах жизни, Салливан считал, что профессионалы, прошедшие специальную подготовку для работы в клиниках для душевнобольных, в том числе и его коллеги, совершенно непригодны для такой работы и не способны успешно с ней справиться. А точнее, Салливан заявлял, что к нему приходили наниматься врачи, стремящиеся достичь проникновения в проблемы разума. Они приходили устраиваться на работу в качестве хорошо подготовленных врачей и потому, согласно мнению Салливена, уже обладали приобретенной неспособностью понимать хоть что-нибудь из того, что он мог бы сказать им. Салливан не верил в то, что если они будут работать с ним даже до того часа, когда вострубит архангел

Гавриил, они научатся понимать или принимать близко к сердцу то, о чем он говорит им. Они уже были обучены, у них уже была медицинская степень, у них уже сложилась целая система представлений о психиатрии, проистекающая из их непонимания процессов физической химии.

По этим причинам Салливен настаивал на необходимости подготовки собственного персонала и, как правило, не брал на работу в свое отделение высококвалифицированных профессионалов. Вместо этого он привлекал младший медперсонал для работы и контактов с пациентами, утверждая, что способности этих работников правильно выполнять все, что требуется пациенту, и даже больше, представляют собой продукт их личности, сформировавшийся за годы до того, как они заинтересовались работой по уходу за пациентами с душевными заболеваниями. Он координировал работу команды единомышленников, тщательно отобранных на основании их личных качеств, подходящих, по мнению Салливена, для контактирования с шизофрениками. Такая терапевтическая группа, как полагал Салливен, способна достигать результатов, совершенно противоположных (по крайней мере, в случае острого начала заболевания) неутешительному прогнозу для пациента.

Для внедрения своего терапевтического метода, который Салливен определял как «лечебное социальное окружение», он в последние 12 месяцев своего пребывания в клинике Шеппард Прэтт открыл и руководил работой специального отделения для мужчин-шизофреников.

Это отделение помещалось в здании, которое было тогда известно как приемный корпус клиники, и выполняло функции приемного отделения, оборудованного в соответствии с личными инструкциями Салливена как клиническая общественная служба. Управление этим отделением находилось полностью в руках Салливена. Это было отделение, удивительно отличающееся от обычных иерархических структур, принятых в административных больничных службах. Салливен всегда был противоречивой личностью, но в 1929 году совет попечителей клиники едва не уволил его с поста руководителя отделения, потому что взгляды Салливена и взгляды совета на работу в отделении совершенно не совпадали.

Отделение Салливена было освобождено от всякого контроля со стороны Службы по уходу за больными, и в него не допускалась ни одна женщина из медперсонала, за исключением сестры-хозяйки. Всех санитаров для работы в отделении Салливен тщательно отбирал и подготавливал к работе лично, и, хотя они классифицировались как младший медперсонал, на деле они проявляли себя как истинные профессионалы. Команда Салливена выработала сильное «чувство локтя» и даже проводила неформальные рабочие собрания в местном баре или в выбранном Саллиvenом доме неподалеку от территории больницы. Теория Салливена состояла в том, что все эти санитары, столь успешно работающие с пациентами, страдающими шизофренией, сами являются потенциальными шизофрениками. Это мнение сочеталось с убежденностью Салливена-клинициста в том, что некоторые из его навыков также проистекают из его личного соприкосновения с шизофреническими процессами.

Причины, по которым Салливен решил отказаться от услуг дипломированной медсестры в своем отделении, уходили корнями в определенные и очень важные теоретические соображения. Салливен был убежден, что пациент-шизофреник в годы формирования своей личности подвергался унижению в собственной семье, в результате чего он начал переживать острое и болезненное чувство собственной неполноценности. Салливен полагал, что было бы бессмысленно ожидать, что такой индивид сможет найти исцеление в медицинском учреждении, функционирующим в соответствии с устаревшими нормами иерархических ценностей. Салливен считал, что соприкосновение пациента с подобным лечебным учреждением способно привести только к возникновению у больного пораженческих настроений. Дипломированная медсестра в его во всем прочем чисто мужском отделении являлась бы также олицетворением авторитетной женской фигуры в подчиненном ей обществе мужчин. Размышляя о той борьбе за власть, которая происходит в семье, где мать делает вид, что уважает авторитет

отца, а на деле сама управляет домом, Салливен рассматривал клинику как место, где медицинская сестра часто выказывает формальное уважение к врачу, а фактически сама руководит отделением. В отделении Салливена не могло быть места таким взаимоотношениям. Он прежде всего и более всего радел об уже пострадавшем самоуважении своих пациентов.

Теория Салливена заключалась в том, что лечение пациента должно начинаться с освобождения его от ситуации, которая вызвала его проблемы. Его задачей было помочь шизофренику возобновить попытки «вписаться» в общество других людей, и Салливен полагал, что это будет возможно только в таком отделении, в котором находятся люди только одного пола, возраста и диагноза. Поскольку Салливен был убежден в том, что первые 24 часа госпитализации имеют самое решающее значение в лечении пациента, он не мог осознанно помещать пациента в условия, лишенные «защиты» и приватности, в которых чувства крайней униженности и деградации у пациента могут только усилиться. Вместо этого он побуждал своих санитаров проводить как можно больше времени с новыми пациентами и помогать им по возможности вновь обрести спокойствие. По просьбе Салливена в его отделении была сооружена специальная защитная стена, которая служила для того, чтобы ограждать пациентов от взоров любых посторонних посетителей, входящих в здание. Ни один случайный человек не мог увидеть, что происходит в отделении, если его не допускали «на половину» Салливена. Для Салливена повседневная жизнь индивида имела более критическое значение для успешного излечения, чем любой час, проведенный пациентом в обществе терапевта.

Однако Салливен осознавал, что роль врача в лечении пациента является чрезвычайно важной. Понимая, что любой, даже самый малый отрезок времени, проведенный пациентом в обществе своего врача, имеет решающее значение, он использовал записывающие устройства, имевшиеся в его распоряжении в то время, чтобы обеспечить гарантии того, что любые контакты, имеющие место между пациентами и прочими людьми в отделении, можно будет проанализировать и исследовать.

Микрофоны, вмонтированные в письменном столе, в потолках и в ванной комнате, управлялись с помощью выключателей, спрятанных внутри ящиков письменного стола, а секретарь Салливена, чей кабинет находился этажом ниже кабинета Салливена, регистрировал все происходящее.

Фундаментальным в теории Салливена было понятие о том, что психиатр или терапевт является неизбежным участником всего того, что происходит во время подобного общения. Он также считал, как указывается в его книге «Клинические исследования в психиатрии» (Clinical Studies in Psychiatry), что ни один человек не будет испытывать серьезных трудностей в жизни, если он имеет хорошее понимание того, что с ним происходит. Поэтому в своей терапевтической практике Салливен делал упор не на раскрытии и выведении на поверхность бессознательных содержаний и не на формировании зависимых клинических взаимоотношений между врачом и пациентом. Он стремился к ясному общению между пациентом и врачом. Для Салливена миссия терапевта заключалась в том, чтобы помочь пациенту понять и выразить словами свой опыт. Возвращаясь к своей концепции, предполагающей, что беспокойство возникает в процессе общения человека с другими людьми, Салливен усиливал воздействие значимой фигуры другого человека (терапевта) на развитие индивида (пациента) с помощью терапевтического средства, которое он определил как «соучаствующее наблюдение». Изучая собственную роль в качестве психиатра, Салливен разработал теорию, утверждающую, что врач-аналитик является не только наблюдателем, но и соучастником процесса лечения.

Поскольку для Салливена все помехи на пути развития личности являлись проявлениями беспокойства, вызванного у индивида фигурой значимого другого человека, из этого следовало, что подобное беспокойство может быть выявлено и понято пациентом в присутствии значимой фигуры другого человека, олицетворяемого в данном случае терапевтом. К какому типу людей относится терапевт, что он делает, что говорит, как и когда он это говорит — все имеет

значение и непосредственно связывается с успехами, которые делает пациент в процессе лечения. Несмотря на то, что и у пациента и у его врача имеются сильные мотивы для встречи, в равной степени их поведением движет и беспокойное желание уйти друг от друга. Для подобного клинического интервью характерно взаимопереплетение побуждений — бесконечные вариации наступления и отступления. Осознание этих мотивов и объяснение их происхождения должно достигаться во время клинического интервью между врачом и пациентом, во время процесса, который, как надеялся Салливен, приведет к осознанию их значимости в рамках существующей ситуации.

Во время работы с пациентами-шизофрениками Салливен наблюдал, что они чаще использовали речь в качестве средства защиты, а не средства общения. Индивид, который при контактах с другими людьми испытывает сильное чувство беспокойства, может держать этих людей на расстоянии, либо физически уклоняясь от общения с ними, либо разговаривая с ними таким образом, чтобы вынудить слушателей уйти и оставить его в покое. Со стороны пациента такие действия не являются сознательными или запланированными, это просто осложненная реакция на беспокойство, в результате которой пациенту успешно удается избегать общения с людьми. Салливен определял такой тип защитной структуры (наряду с прочими подобными структурами, такими, как избирательное невнимание, диссоциация, паранойя и навязчивые состояния) «динамизмом трудности». Для него подобные реакции служили подтверждением того, что пациенты с душевными расстройствами не отличаются от остальных людей, но являют собой совершенно удивительные примеры общечеловеческого опыта.

Салливен полагал, что люди крайне редко (а пациенты, безусловно, никогда) не входят в контакт с другими людьми, не соблюдая при этом значительных предосторожностей и не испытывая некоего чувства ожидания отпора со стороны других. Для него понимание возникающих в результате блоков общения, завязывающегося между индивидами, являлось необходимым условием для последующего понимания присущего всем людям чувства беспокойства и ожидания унижения, а также составляло основную цель терапевтического интервью. Он рассматривал клиническое интервью как миниатюрную модель процессов межчеловеческого общения. Он считал, что клиническому интервью присущи все самые важные черты любых межличностных взаимосвязей.

В ходе этого интервью человека, находящегося под наблюдением, можно понять только с точки зрения его взаимосвязей с другими людьми, оказывающими на него влияние, и с точки зрения поведения наблюдателя (то есть терапевта), который представляет собой часть такого поля влияния. Согласно теории Салливена, нет и не может быть ни одной ситуации, в которой задающий вопросы человек (терапевт) выступал бы как «нейтральная» фигура. Он неизбежно становится участником такого интервью, и все обширное поле социальных взаимодействий меняется под влиянием его присутствия. Сегодня подход Салливена известен в клинической терапии как «теория поля».

В своей врачебной практике Салливен всегда, даже в случае самых тяжелых проявлений шизофрении, обращался с пациентами как с «нормальными» людьми, каковыми он их и считал. Хотя он никогда не забывал о том, в каком состоянии находится индивид (настороженность, замешательство, гнев, искаженные представления и пр.), он все равно «обрушивался» во время интервью на каждого пациента в попытке добиться от него осознания реальности. Понимая, насколько болезненным может оказаться подобное осознание для некоторых пациентов, он, тем не менее, предпринимал попытки повысить способность каждого пациента изучать реальный мир и общаться с ним. Вынуждая индивида взглянуть в лицо фактам реальности, он вел и пациента и наблюдателя к такому восприятию реальности, которое сможет снизить угрожающий уровень беспокойства в душе пациента.

Приведенное ниже интервью Салливена с пациентом в больнице Шеппард Инок-Прэтт было записано примерно в 1927 году. Беседа Салливена с 23-летним мужчиной-шизофреником состоялась на пятый день госпитализации. Пациент

выглядел растерянным и несколько подавленным. Казалось, что заставить его что-то сделать можно только ценой настоятельных просьб. Он вполне определенно выразил мысль о том, что тот, кто попытается войти с ним в контакт, будет стремиться его отравить. Пищу он принимал только насильно, и поэтому в день, когда состоялось клиническое интервью, ему трижды пришлось вводить пищу через катетер.

Салливен: В чем проблема? Почему вы не разговариваете? Не расскажете ли вы мне, в чем дело? (Во время разговора пациент в естественной манере двигается по комнате и продолжает смотреть на секретаря, ведущего запись.) В чем тут смысл?

Пациент: Сэр?

С.: В чем смысл?

П.: Смысл?

С.: Почему вы сидите тут и молчите? Если вы не против, я хотел бы знать, почему вы ведете себя так странно. Вам кажется, что вы знаете того джентльмена, да? Вы все время смотрите на него.

П.: Я прекрасно знаю, кто вы такой.

С.: Рад за вас. Поделитесь со мной. Скажите, кто я такой. Не думаю, что вам это известно. Я думаю, что у вас нет ни малейшего представления о том, кто я.

П.: Я отлично знаю, что вы полицейский, это точно (ухмыляется).

С.: А почему вы думаете, что я полицейский?

П.: А разве вы не этим все время занимаетесь — стараетесь упрятать меня в тюрьму?

С.: Кто? Кто старается сделать это?

П.: Все.

С.: А почему? Почему все пытаются посадить вас в тюрьму? Разве вы совершили что-то недозволенное? Почему все вокруг пытаются засадить вас в тюрьму? У вас есть какие-нибудь мысли на этот счет? Не скажете ли вы мне, почему вы думаете, что все стараются посадить вас в тюрьму?

П.: Просто потому, что я так сказал, и все..

С.: Вы верите всему, что говорите? И в ваших словах никогда не бывает ошибок? Вы что, один из тех людей, которые всегда правы? Вы всегда бываете правы? (Пациент отрицательно качает головой). Я рад, что вы не тщеславны.

А теперь скажите откровенно, вы действительно думаете, что я — полицейский?

П.: Точно. Я помню одного из них с того времени, как я ходил в город.

С.: Что заставляет вас думать, что я — полицейский? Что заставляет вас думать, что я — полицейский? Потому что у меня большие ноги? (Пациент усмехается.) Или просто потому, что вам нравится считать меня полицейским? Ну же, ответьте мне, что бы вы ни думали. Поверьте, говорить не труднее, чем хранить молчание. Вас привезли в больницу полицейские?

П.: Меня привезла сюда моя мать. Мать и брат.

С.: Так почему же вы связываете меня с полицией? Мне бы очень хотелось знать. Вы не считаете, что это какая-то сумасшедшая идея? (Пациент слабо улыбается). Вы не находите, что несколько странно связывать меня с полицией? Разве для этого не требуется большая доля фантазии с вашей стороны? Или вот, может быть,

вы видели синий крест на моей машине. Это так?

П.: Я знаю вашу машину — точно.

С.: Вы знаете, полиция разрешает врачам ездить в машинах с синим крестом. Все доктора, которые пожелают, могут получить синие кресты в полицейском участке в Балтиморе. Такие же кресты, как на машинах скорой помощи. Вы знали это или нет? Синий крест — это знак того, что машину надо пропускать вперед. Я прикрепил свой крест в хвостовой части машины, чтобы полицейские видели, что я имею право превышать скорость. Но тот факт, что на моей машине есть синий крест, означающий «полицейское разрешение», не значит, что я тоже стал полицейским.

Мистер (имя пациента), вы чувствуете, что все настроены против вас — что все к вам плохо относятся, — вы так думаете? (Пациент отрицательно качает головой.) Вы упрямый человек? У вас упрямый характер?

П.: Нет, сэр.

Запись интервью ясно показывает, что в 1927 году Салливен уже применял то, что сегодня называют «тестом на осознание реальности». Салливен в быстром темпе задает пациенту много вопросов для того, чтобы побудить пациента проверить собственное осознание реального мира. Цель вопросов Салливена побудить пациента сопоставить свое представление о реальности с самой реальностью для того, чтобы пациент смог понять, что собственные его представления о реальном мире искажены. Постоянно понуждая пациентов анализировать, что является реальным, Салливен хотел показать им, что их идеи о реальности деформированы. Салливен предполагал, что, когда пациенты придут к пониманию этого несоответствия, они начнут корректировать собственные искаженные представления. Творческие способности Салливена проявились в том, как он использовал метод тестирования осознания реальности еще в 1927 году. За несколько десятилетий до того, как этот метод сделался стандартной практикой в клинической терапии, Салливен уже вносил новаторские усовершенствования в эту форму психиатрического лечения.

Салливен полагал, и последующие результаты продемонстрировали правильность его предположений, что успешная клиническая работа, проведенная в лечебном учреждении, должна распространяться и на послебольничную жизнь выздоравливающего пациента. Однако, к сожалению, такие пациенты, выписавшись из больницы, слишком часто попадали снова в нездоровую для них среду (в основном, домашнюю), которая ускоряла новый приступ болезни задолго до того, как родные пациента начинали осознавать, как помочь пациенту избежать болезненных впечатлений. Часто результатом подобных неблагоприятных обстоятельств являлся рецидив заболевания.

Салливен был убежден, что для того, чтобы случаи рецидивов болезни встречались реже, необходимо тщательно пересмотреть проблемы этиологии болезни и стационарного ухода за больными шизофренией. Он обдумывал вопрос о создании особых сообществ для выздоравливающих больных, в которых молодые пациенты-шизофреники могли бы жить в течение длительного времени после завершения пребывания в больнице, чтобы достаточно укрепить свою психику для осознания и решения будущих межличностных проблем.

Салливен был одним из ведущих американских психологов-теоретиков XX века, занимавшихся вопросами личности. Ему также принадлежит заслуга модификации фрейдовского психоанализа. Салливен принадлежал к неопрейдистам (хотя он отрицал правомерность применения к себе этого термина), но важно подчеркнуть те значительные изменения, которые Салливен ввел в теорию Фрейда. В то время как Фрейд верил в интрапсихическую модель личности, в идею о том, что личность определяется внутренними психологическими силами, Салливен придерживался межличностной модели самости и идеи о том, что личность является продуктом взаимодействия между человеческим организмом и семейно-общественными

структурами. В то время как Фрейд подчеркивал, что силы либидо оказывают решающее влияние на личность, делая особый упор на Эдиповом комплексе, Салливен смещал акценты в область самоуважения и корректировки. Как Фрейд, так и Салливен понимали взрослую личность как арену, на которой разыгрываются неразрешенные конфликты детской жизни, и идея о призраках прошлого, преследующих человека в его настоящем, составляла общий для них фундамент психоанализа. Однако Фрейд настаивал на первостепенной значимости Эдипова комплекса, энергии либидо и на идее, утверждающей, что личность человека в основном формируется уже к трем годам. Что касается Салливена, то он рассматривал жизнь не как простое повторение Эдипова конфликта, а как процесс постоянного и прогрессирующего развития с рождения человека и до самой его смерти. В своей долговременной реконструкции психоанализа Салливен продемонстрировал, что самость является не только продуктом действия внутренних сил, но и результатом нашего собственного образа, отражаемого в представлениях общества.

Среди приверженцев американского психоанализа Салливен явился той главной силой (совместно с Уильямом Алансоном Уайтом и Адольфом Мейером), которой удалось переместить фокус теории психоанализа. Салливен способствовал смещению центра тяжести от невропсихологии к социальной психологии. Фрейд придерживался мнения, что личность человека является интрапсихической по своей природе и определяется прежде всего неврологическими побуждениями.

Первейшим из психологических побуждений Фрейд считал либидо. В противоположность этому Салливен делал больший упор на социологическом и межличностном развитии личности, а не на неврологических детерминантах. Философские теории двадцатого века подчеркнули решающую роль общества в формировании взглядов и характера человека. Салливен скорректировал психоаналитическую теорию в соответствии с этими философскими течениями XX века.

Салливен пролил свет на более тесные взаимосвязи между психоанализом и социологической теорией XX века.

РОБЕРТ ХОАТ ТРАЙОН:

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Мое имя — Роберт Хоат Трайон. Я умер много лет тому назад и должен признаться, что ваше предложение приехать сюда и выступить перед вами очень удивило меня. Между прочим, вы забыли прислать мне билет на самолет, а поездка в штат Нью-Мексико из нового места моего обитания стоит очень дорого. Там также очень трудно получить выездную визу; они даже не знают точно, какой паспорт мне выдать.

В любом случае, именно эти причины заставили меня колебаться, прежде чем я принял ваше любезное приглашение, хотя мне все еще непонятно, почему вы пригласили меня. В конце концов я все-таки решил приехать, главным образом из любопытства. Я полагаю, вы хотели встретиться со мной, чтобы услышать от меня рассказ о моем времени, о моей жизни и работе. Я постараюсь выполнить ваше желание.

Я родился 4 сентября 1901 года в городе Бьютт, штат Монтана.

Я происхожу из так называемых «бедных рабочих слоев». Мой отец зарабатывал на жизнь слесарным ремеслом. Мои отец и мать были не слишком образованными людьми, они оба закончили только начальную школу. Никому из моих братьев и сестер, а у меня их было семеро, не пришлось учиться дальше после окончания средней школы. Мы всегда были бедны, и до самого дня смерти я привык думать о себе как о «рабочей косточке». Я скончался 25 сентября 1967 года в Беркли, штат Калифорния, в возрасте 66 лет.

ОБРАЗОВАНИЕ

Когда я был еще совсем маленьким, моя семья переехала в Лос-Анджелес. Я совершенно не помню этот переезд; видимо, это было примерно в 1904 или 1905 году. Я вырос в Лос-Анджелесе, который в то время был очень живописным маленьким городом, стоящим на фоне гор неподалеку от океана. Я был хорошим учеником и окончил среднюю школу с высокими оценками. В качестве награды за отличные успехи в учебе я, первый из всей моей семьи, поступил в колледж — в Южное отделение университета штата Калифорния, в наши дни известное как ЮКЛА (UCLA). Основным моим предметом был английский язык. В то время там можно было отучиться только два курса, а для продолжения образования нужно было ехать на север, в Беркли. Именно так я и поступил и продолжал заниматься английским языком. Тогда, да и всегда, я лелеял мечту стать писателем. В годы, когда я специализировался в английском, я встретился с некоторыми очень интересными людьми. В основном это были журналисты из Сан-Франциско, образовавшие вдохновлявший меня кружок «богемцев». Мы могли бесконечно беседовать о политике, философии и литературе, поглощая при этом огромные количества пива. Пиво, должен вам сказать, сделалось тогда и осталось одним из самых больших моих пристрастий. Кстати, могу добавить, что в последние 30 или более лет мне было очень трудно получить стаканчик холодного пива. В то время я также встретил свою первую жену, Кэролин, познакомившую меня с психологией, в которой она специализировалась. Она убедила меня прослушать курс лекций одного из ее профессоров. Я согласился. Я был зачарован. Я оставил свои мечты о писательстве — когда вы молоды, ваши пристрастия быстро меняются, — и я начал читать литературу и специализироваться в области психологии. Имя того профессора было Эдвард Толмен.

После окончания университета мне предложили остаться в Беркли в аспирантуре. Я согласился и в 1928 году получил степень доктора философии в двух областях — психологии и генетике. Я учился в аспирантуре с людьми, некоторых из которых вы, вероятно, помните; позвольте мне назвать несколько фамилий соучеников из

числа моих друзей: Йошиока, Макферлейн и Тинклпо. Нашими учителями были Толмен, Францен и Стрэттон. Толмен учил меня психологии, Францен — статистике, а Стрэттон — ну, от Стрэттона я мало чему научился.

Будучи аспирантом, я опубликовал две статьи, обе об эффектах ненадежности измерений на межгрупповые различия. Обе мои статьи были напечатаны в «Журнале сравнительной психологии» (Journal of Comparative Psychology) и обе произвели некоторое впечатление на местные психологические круги в целом и на профессора Толмена в частности. Моя диссертация, озаглавленная «Индивидуальные различия на последовательных этапах научения», была принята факультетом психологии в 1928 году.

В те дни многие психологи изучали процессы научения. Публиковались данные разнообразных экспериментов по изучению сущности процесса научения. Помимо этого, Лешли использовал научение в своих попытках исследования кортикальной локализации функции для получения энграммы. С помощью экспериментов по научению другие психологи изучали мотивы и побуждения, и так все и шло, все дальше и дальше; все вокруг занималось исследованиями процесса научения.

В то время ученые считали необходимым исследовать процесс научения в качестве средства для измерения умственных способностей. Поэтому, как было бы естественно предположить, следовало дать точное количественное определение научения. Но это было не так. Понятие научения всегда описывалось в терминах «кривой научения», представляющей собой график зависимости среднестатистической умственной работоспособности испытуемых от последовательных этапов в процессе научения. Такое описание представлялось мне неадекватным, и я решил придумать что-нибудь для устранения этого несоответствия. Я провел испытания с сотнями крыс в двух очень сложных лабиринтах, исследуя индивидуальные различия в их обучаемости со всей возможной тщательностью и коррелируя выполнение задания крысами на различных стадиях процесса научения.

Моя диссертация имела скромный успех. Она убедила меня в том, что надежные и значимые показатели научения могут быть получены и что можно многое узнать о процессе научения, проводя кропотливые эксперименты с животными на различных стадиях приобретения ими навыков. Моя диссертация также убедила профессора Толмена в том, что я разбираюсь в статистике и что меня следует привлечь к преподаванию этого предмета моим коллегам-аспирантам. Мы обсудили с Толмечем его предложение стать инструктором (младшее преподавательское звание в университетах США в то время) психологии в Беркли.

НАЧАЛО КАРЬЕРЫ

У Стрэттона, возглавлявшего в то время факультет психологии, имелись совершенно другие идеи на мой счет. Похоже, что он был настроен категорически против меня. Я не знаю, чем это объяснялось, но подозреваю, что он не считал меня джентльменом и потому полагал, что я недостойн занимать академическую должность, особенно на руководимом им факультете. Стрэттон указывал в качестве довода, что я хожу на работу без пиджака, к тому же в одной и той же рубашке. Что еще хуже, он считал, что у меня грязные ногти. Это служило для него доказательством того, что я не являюсь джентльменом. В любом случае, он упорно возражал против моего назначения. События сложились таким образом, что усилия профессора Стрэттона не увенчались успехом.

В 1928 году Толмечу предложили возглавить факультет в Гарварде. Он воспринял это предложение с большой серьезностью и отправился на встречу с президентом университета штата Калифорния Спраулом. Толмеч согласился занять предлагаемую ему должность на трех условиях. Он просил, во-первых, чтобы Чарли Гонзика назначили его лаборантом на полной ставке. Гонзик работал лаборантом на факультете в Беркли и потерял несколько пальцев на правой руке в результате

несчастливого случая. В то время компенсации за полученную на работе травму не выплачивались, и Толмен чувствовал себя обязанным помочь Гонзику с работой. Во-вторых, он попросил о небольшой прибавке к жалованью для себя. И, в-третьих, он настаивал на том, чтобы меня назначили инструктором психологии. Все три просьбы Толмена были удовлетворены, и я — сын слесаря, в грязной рубашке, с грязными ногтями и тому подобными «недостатками» — был назначен на почетную должность инструктора психологии в университете штата Калифорния, Беркли. Я проработал в этой должности всю свою жизнь и никогда не покидал Беркли, за исключением военного времени и поездок с лекциями время от времени.

Я начал преподавать. Мне никогда не нравился этот род занятий — формальное аудиторное преподавание — это так, хотя некоторые говорили, что у меня это хорошо получается. В те первые годы моей профессиональной карьеры среди аспирантов, которым я преподавал, были: Гизелли, который позднее сделал карьеру в области промышленной психологии; Кратчфилд и Баллачи, будущие представители школы социальной психологии; Чарли Гонзик, ставший клиницистом; Джон Гарднер, занимавший впоследствии пост министра здравоохранения, образования и социального обеспечения в администрации Кеннеди и Джонсона, и некоторые другие известные люди. В дальнейшем в числе моих аспирантов были Джерри Хирш, генетик, представитель школы бихевиоризма, проживающий ныне в Иллинойсе, и Дэн Бэйли, приверженец количественной психологии, ныне проживающий в штате Аризона.

Тогда же я начал заниматься исследовательской деятельностью, причем очень интенсивно. Меня заинтересовали две взаимосвязанные проблемы в психологии. Я желал изучить наследственные причины поведения и хотел дать количественное описание процесса научения.

Я всегда считал и теперь считаю, что количественные описания могут помочь в создании адекватной теории научения. Я опубликовал такое описание, фактически я опубликовал 12 таких описаний, все в «Журнале сравнительной психологии». Через минуту я опишу вам то, что мне удалось обнаружить, но прежде я хотел бы отметить, что одним из самых глубочайших разочарований в моей жизни явилось для меня то, что никто не посчитал мои описания тем, чем считал их я, то есть исчерпывающей теорией научения. И, кстати, не такой уж плохой, поскольку она позволяла осуществить важное прогнозирование поведения крыс в лабиринтах.

Я полагаю, что внес вклад в различные отрасли психологии. Я внес вклад в поведенческую генетику, в ваше понимание процесса научения, у меня имеются некоторые скромные достижения в области статистических процедур, которые могут быть применены в науках о поведении, и я сам использовал эти статистические процедуры в той сфере, которую другие называют экологией поведения. Позвольте мне очень кратко описать свою работу в каждой из указанных выше областей.

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ГЕНЕТИКА

Когда я впервые приехал в Беркли, Толмен только что опубликовал результаты эксперимента по селективному выведению, в котором он пытался получить две популяции животных, одна из которых легко поддавалась бы научению, а вторая делала бы много ошибок.

Эксперимент имел ограниченный успех: животные первого поколения отбора реагировали на давление отбора; однако показатели у животных второго поколения отбора регрессировали до средних значений. По моему мнению, Толмен сделал две ошибки. Самая серьезная состояла в том, что селективное выведение было основано на выполнении животными заданий в лабиринте сомнительной надежности.

Вторая ошибка заключалась в том, что Толмен слишком скоро прервал проведение эксперимента. Те, у кого была специальная подготовка в генетике, знали, что интерпретации, основанные всего на двух поколениях селективного выведения, являются довольно шаткими.

Фактически, Толмен допустил третью ошибку. Он осуществлял родственное спаривание, хотя пытался достичь селективного выведения. Это серьезная ошибка, поскольку инбридинг истощает генетическую дисперсию, от которой зависит селективное выведение. Я сам допустил такое упущение, не зная о том, что это ошибка. На нее мне спустя годы указал Джерри Макклиарн, который пришел работать на факультет в Беркли в конце 1950-х годов.

МОИ ЭКСПЕРИМЕНТЫ ПО СЕЛЕКТИВНОМУ ВЫВЕДЕНИЮ

Как бы то ни было, еще один студент, Джеффрис, и я убедили Толмена сделать еще одну попытку, на этот раз с использованием лабиринта известной надежности. Мы построили действительно надежный лабиринт в форме буквы Т, с семнадцатью отсеками. Голодные крысы в течение 22 часов бегали в этом лабиринте в поисках корма. При таких условиях испытаний нечетный-четный показатель надежности наших измерений, выраженный в количестве ошибок, сделанных животными, составил 0,93. Мы опубликовали наши результаты; насколько мне известно, это был первый случай, когда сообщались показатели надежности методов измерения, использовавшихся в экспериментах по обучению животных.

Толмен и Джеффрис начали проявлять нетерпение. Эксперименты по селективному выведению занимают много времени. Я приступил к оставшейся части эксперимента самостоятельно, не подозревая, что у меня уйдет более десяти лет на его проведение. Как выяснилось, первой моей задачей было найти достаточное количество крыс для эксперимента, и мне пришлось обойти для этого всю территорию колледжа в Беркли: я достал несколько крыс на факультете анатомии, еще несколько — на факультете зоологии и так далее, пока мне не удалось собрать базовую популяцию, разнородную исходную популяцию примерно в 100 штук. Как я уже указывал выше, селективное выведение зависит от генетической изменчивости в пределах популяции, так что тот факт, что моя исходная популяция была неоднородной, имеет важность. Слово «гетерогенный» (то есть неоднородный) имеет греческое происхождение, hetero означает «другой», а geneous относится к генетическому материалу, генам.

Я проверил поведение этих гетерогенных животных в лабиринте и получил картину распределения ошибок. Некоторые крысы в ходе «освоения» лабиринта делали много ошибок, другие — относительно мало. Затем я отобрал для размножения самых сообразительных крыс и скрестил их между собой. Точно так же я поступил с самыми «тупыми» крысами. В свое время я получил приплод в результате этого спаривания. Полученный приплод я снова испытал в лабиринте, когда крысы достигли подходящего для эксперимента возраста. Затем я скрестил самых сообразительных крыс из линии «умных» крыс с самыми несообразительными крысами из линии «тупых» крыс и по прошествии соответствующего времени испытал их потомство, и так далее. Я получил двадцать одно поколение крыс методом селективного выведения.

Эксперимент оказался успешным. Выведенные мною линии сильно отличались одна от другой по числу ошибок, которые делали крысы во время освоения лабиринта. В самом деле, к седьмому выведенному мной методом селекции поколению крыс распределение ошибок было столь велико, что показатели ошибок больше не перекрещивались. Самая глупая крыса из «умной» линии делала меньше ошибок, чем самая умная крыса из «глупой» линии.

ЗНАЧИМОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ ГЕНЕРАЛИЗАЦИИ

Как я говорил, эксперимент оказался успешным. Он имел успех и имеет его до сих пор, насколько можно судить по числу ссылок на мой эксперимент, которые продолжают появляться в настоящее время. Этот эксперимент обсуждается почти в каждом учебнике по введению в психологию, выходящем из печати в ваши дни, к моей великой радости.

Результаты эксперимента были значимыми, причем, по трем причинам. Во-первых, потому что они продемонстрировали, что способность к научению, которая совершенно недвусмысленно является фенотипом, в большой степени зависящим от факторов окружающей среды, имеет генетическую основу. Во-вторых (и я прошу отметить, какое было время: зенит славы бихевиоризма и американской теории научения), эти результаты имели важность потому, что они ясно продемонстрировали несостоятельность идеи Уотсона, Куо и Данлэпа о создании психологии, в которой нет места фактору наследственности. В-третьих, что наиболее важно, эти результаты были значимыми, поскольку мы создали биологический материал, на котором и мы и другие могли проводить множество последующих экспериментов.

Именно это мы и сделали; мы осуществили множество экспериментов на крысах, которых мы вывели методом селекции. Один из вопросов, на который мы чувствовали себя обязанными найти ответ, заключался в том, могут ли различия в наших выведенных селекцией линиях быть объяснены различиями в стимулах (побуждениях). Мы продемонстрировали, что не могут. Скорее, наши животные различались по интенсивности навыка, выражаясь языком 1940-х годов.

Сирл, еще один аспирант из Беркли, продемонстрировал, что крысы, отобранные как «умные» и «глупые» соответственно, не являлись в целом умными и глупыми.

Скорее, мы осуществили селекцию одной специфической характеристики, а именно — навыка крыс по выполнению задания в лабиринтах, освоение которого зависело от правильного использования пространственных подсказок. Это еще больше укрепило мою убежденность в том, что умственные способности, интеллект следует рассматривать в терминах кластеров независимых, хотя и скоррелированных способностей.

В этом отношении я не соглашался со Спирменом, который исходил из показателя генерализованного интеллекта, некоего фактора «g» (то есть общего, или генерализованного, фактора). Мы вступили в публичные дебаты по поводу наших расхождений во мнениях. Это был единственный «научный» спор, какой когда-либо был у меня со Спирменом. Второе столкновение было более личного плана: он являлся редактором журнала, в который я отдал свою статью. Когда статья появилась в печати, я заметил в ней орфографическую ошибку.

Поскольку на последнем курсе университета я специализировался в английском языке, эта ошибка принесла мне значительные неприятности, а также доставила Спирмену удовольствие указать мне на нее. Я просмотрел рукопись статьи и убедился, что правильно написал это слово и что вина за ошибку лежит на наборщике. Однако Спирмен так и не поверил мне и продолжал насмехаться над моей орфографией.

И, наконец, эти эксперименты также оказали влияние на теорию научения. Представляя свою новую теорию научения в своем президентском обращении к Американской Ассоциации психологов в 1937 году, Толмен счел нужным внести в свое описание процесса научения следующие четыре переменные индивидуальных различий: (1) наследственность, (2) возраст, (3) предыдущая подготовка (подготовленность) и (4) эндокринный баланс, или режим приема лекарственных средств и витаминов (или НАТЕ).

ЭКСПЕРИМЕНТЫ ПО НАУЧЕНИЮ

В эти годы — 1930-е — я также работал над процессом научения.

Всего я опубликовал 10 статей в этой области, и еще 2 рукописи остались у меня в столе. Первая статья этой серии была напечатана в 1930 году; она называлась «Изучение индивидуальных различий в способности к освоению лабиринтов: I. Измерения надежности индивидуальных различий» (Studies in Individual Differences in Maze Learning Ability: I. Measurement of the Reliability of Individual Differences). Последняя статья этой серии была напечатана в 1941 году; она называлась «Изучение индивидуальных различий в способности к освоению лабиринтов: X. Оценки и прочие показатели исходных эмоциональных реакций на незнакомые неодушевленные предметы» (Studies in Individual Differences in Maze Ability: X. Ratings and other Measures of Initial Emotional Response to Novel Inanimate Objects).

СТРУКТУРА НАУЧЕНИЯ

Самой лучшей из этой серии была седьмая по счету статья, в которой я попытался сформулировать то, что я назвал общей теорией научения. Моя теория представляла собой попытку объяснить индивидуальные особенности в способности животных осваивать лабиринт на базе общих психологических компонентов научения, которые можно было вывести из наблюдений за поведением животных на различных этапах их научения. По моему мнению, конкретные психологические компоненты, лежащие в основе научения, могли быть выведены из поведения крыс при условии, что действия животных удовлетворяют критериям внутренней согласованности, хорошего соответствия, позволяют прогнозировать другие модели поведения *in situ* и в иных релевантных ситуациях. В целом я вывел 10 таких существующих компонентов, некоторыми из которых были: установка на направление, выходные градиенты, конфликты и нацеленность на пищу.

По мере того как животные научаются ориентироваться в лабиринте, эти психологические компоненты образуют соединения высшего порядка, которые являются динамическими и изменяются по мере накопления опыта. Для того чтобы объяснить те изменения, которые претерпевают эти компоненты с накоплением животными опыта, мне потребовались шесть допущений (посылок): (1) способность к сохранению, или запоминанию, компонентов; (2) запоминание последствий, вызванных компонентами; (3) запоминание усилий, приложенных при использовании этих компонентов; (4) существование многочисленных целей; (5) доминирование некоторых компонентов за счет эмоционального подкрепления; (6) выбор тех компонентов, которые требуют наименьших усилий.

В целом моя теория научения представляла собой шаг вперед в представлениях о том, каким образом эти компоненты объединяются в образования высшего порядка по мере накопления животными опыта.

Мои исследования в областях научения и поведенческой генетики были прерваны вступлением Соединенных Штатов во вторую мировую войну. Гарднер Мэрфи, известный теоретик, специалист в области теории личности, прочитал несколько моих работ по статистике и вызвал меня в Вашингтон для работы в Управлении по стратегическим вопросам (OSS), что-то вроде современного Центрального разведывательного управления. Я был назначен заместителем начальника отдела планирования OSS. В обязанности нашего отдела входила разработка действенных показателей, позволяющих осуществлять отбор людей, которые хорошо бы справлялись с ролью разведчиков, диверсантов, офицеров связи в различных движениях сопротивления на территории оккупированной нацистами Европы.

Теперь я должен вам признаться в том, что отбор сообразительных и глупых крыс совсем не одно и то же, что подбор хороших шпионов, однако мы добились успеха. Из людей, заброшенных нами в тыл врага, в плен попали лишь единицы.

Война закончилась, и я возвратился в Беркли. Я был избран деканом факультета благодаря тому, что в военное время я получил опыт руководства отделом, по крайней мере, так мне сказали. Стрэттон и Тол мен, занимавшие эту должность до меня, были фактическими главами факультета, я же настаивал на том, что моя роль должна быть чисто номинальной. Я начал вводить в процесс руководства факультетом демократические процедуры. Я считал свои методы прогрессивными, и они были таковыми, но, увы, при этом не работали. На нашем факультете все хотели поступать так, как считали нужным, а когда, благодаря моему просвещенному демократическому руководству, получили такую возможность, в результате возник полный хаос. Факультет сильно пострадал и не скоро оправился после этого.

После войны я уже по-настоящему не вернулся к исследованиям в области поведенческой генетики или научения. Вместо этого я очень заинтересовался компьютерами, статистическими процедурами, особенно их применением к решению «релевантных» проблем в общественных науках. Я начал применять компьютер на своих занятиях по курсу дифференциальной психологии как для студентов последнего курса, так и для аспирантов. Компьютеры освобождали людей от долгих часов утомительной работы с настольными калькуляторами, которая ранее оказывала на студентов ужасное воздействие. Теперь у моих студентов оставалось больше времени на идеи. Позвольте привести один пример. Один из моих аспирантов, Стивенсон, выступил в качестве первопроходца в своем исследовании структуры творческих способностей на примере 33 инженеров. Затем Стивенсон сформировал перекрестные ссылки для данных, полученных по всем испытуемым, с помощью базового кластерного анализа. Мы рассчитали, что в случае использования настольного калькулятора нам потребовалось бы для проведения этого исследования 15 лет. С помощью компьютера оно заняло у нас 8 часов. Мой пример показывает, как компьютер позволяет ученому справляться с такими экспериментальными проблемами, за которые он никогда бы не решился взяться в его отсутствие.

Я упорно трудился над методом кластерного, или группового, анализа. Этот метод, в его окончательной форме, явился последним моим известным достижением. Фактически, эта работа была опубликована уже после моей смерти. Групповой анализ служит четырем целям: (1) сведение многих переменных к нескольким базовым показателям, способным охватить общую ковариантность между переменными, (2) выбор однородных подмножеств переменных, которые являются наблюдаемыми представлениями базовых показателей (или размеров), (3) описание статистических свойств показателей и кластеров и (4) геометрические, или графические, описания кластерной структуры данных.

В середине 1950-х годов я начал отдавать все свое время разработкам в области кластерного анализа, хотя некоторые из вас могут вспомнить, что первую свою монографию по этому предмету я написал еще в 1939 году. Однако только теперь я по-настоящему занялся работой над методом кластерного анализа и составлением компьютерной программы для этих целей. Для этого мне понадобилось провести буквально тысячи часов за настольным калькулятором. Конечным результатом этой мучительно трудной работы (мучительно трудной потому, что я никогда не имел больших способностей к программированию) явилась моя книга о кластерном анализе, написанная совместно с Дэном Бэйли — «Система анализа BC TRY» (The BC TRY System of Analysis).

Теперь в моем распоряжении находились методы изучения того, каким образом группируются люди в крупных метрополиях. Поскольку я жил и работал в Беркли, естественно, что я выбрал Бей-Эреа в качестве своей исследовательской лаборатории. Я использовал для исследований данные переписи населения 1940 и 1950 годов.

В этой работе я отталкивался от единственной посылки: в крупных областях городского расселения люди группируются, или образуют социальные группы, на основе конкретных определяющих поведенческих принципов. Я дал этим социальным группам наименования типа «Группа отверженных», «Рабочая

группа» и «Группа избранных». В ходе этого исследования обнаружились интересные факты. Во-первых, указанные социальные группы оставались относительно постоянными. Между данными переписей 1940 и 1950 годов наблюдались удивительные сходства, несмотря на то, что между двумя этими переписями прошла взрывающая социальные устои вторая мировая война. Во-вторых, эти социальные группировки были до некоторой степени дифференцированными в биологическом смысле; для групп была характерна репродуктивная изоляция. Можно только представить себе последствия такого спаривания в человеческих популяциях, особенно если эти условия сохраняются в течение достаточно продолжительных периодов времени. И, в-третьих, я нашел работу в области экологии поведения интересной, поскольку она позволила мне исследовать распространенность и характеристики психиатрических нарушений в подобных социальных ареалах.

В те годы, 1950-е и 1960-е, я также начал работу над учебником по вводному курсу общей психологии. Я всегда чувствовал, что существует реальная потребность в небольшой книжке такого типа, примерно в 200 страниц, которая сможет дать представление об основных концепциях общей психологии и проиллюстрировать их с помощью фундаментальных методов, принятых в нашей области.

Мне всегда казалось, что студентов совершенно сбивала с толку чудовищная мешанина из фраз типа: «этот эксперимент демонстрирует...» и «та теория постулирует...», то есть стиль составления учебников, который и по сей день в той или иной мере является отличительной чертой многих современных общих энциклопедических учебных пособий. Я полагал, что смогу написать книгу в собственном стиле, что я действительно сделал. Корректурa книги легла на мой письменный стол в день моей смерти. Рукопись так никогда и не увидела свет.

ИНТЕГРАЦИИ ЛЕШЛИ

Карл Спенсер Лешли (1890–1958) — выдающийся ученый первой половины XX века, занимавшийся изучением деятельности мозга и поведения. Бич, Хебб, Морган и Ниссен (1960) собрали 31 из более чем 100 публикаций Лешли в книге, озаглавленной «Нейропсихология Лешли» (The Neuropsychology of Lashley). В этом сборнике внимание сконцентрировано на научной работе Лешли. В соответствии с характером настоящего сборника мы попытаемся представить вам этого человека и его научную деятельность с более личной точки зрения.

Жизнь Лешли можно условно разделить на четыре периода: (1) его воспитание, 1890–1905 гг.; (2) его подготовка к карьере психолога, 1905–1917 гг.; (3) должности, занимаемые Лешли в университетах, 1917–1942 гг.; (4) его деятельность на посту директора Лабораторий биологии приматов Йеркеа и последующий уход на пенсию, 1942–1958 гг. Первого из этих периодов мы коснемся кратко, уделяя больше внимания остальным трем.

Лешли родился 7 июня 1890 года в Дэйвисе, Западная Виргиния.

Он был единственным сыном Чарльза Гилпена Лешли и Маргарет Бланш Спенсер. Его отец был торговцем, банкиром и представителем муниципальной власти. Его мать, происходившая из рода американского философа и просветителя Джонатана Эдвардса, до замужества работала школьной учительницей. Она страстно любила читать, и под ее влиянием у Лешли развилась ранняя склонность к чтению и учебе и непреходящая любовь к природе. Лешли также имел способности к механике и, будучи подростком, научился шить на материнской швейной машине и освоил столярное дело.

В период с 1894 по 1898 семья Лешли совершила ряд переездов, в конце концов добравшись до Сиэтла. В течение этого времени Карл, начиная с четырех лет, учился в различных общественных и частных школах. Из Сиэтла семья Лешли совершила путешествие на Аляску и в Клондайк в 1898 году во время золотой лихорадки. Для юного Лешли это был памятный опыт, и впоследствии он еще два раза предпринимал поездку в те места. К 1899 году семья Лешли возвратилась в Дэйвис, где Карл поступил в общественную среднюю школу, которую закончил в возрасте четырнадцати лет.

— «Моя подготовка была нетипичной для психологов. На выпускном курсе я специализировался в сравнительной гистологии; темой моей диссертации на степень магистра была бактериология, а темой докторской диссертации — генетика... Я избрал карьеру психолога только спустя два года после получения степени доктора философии. Я никогда не посещал курсов по физиологии или неврологии, то есть по предметам, составлявшим главный интерес в моей жизни».

Это Лешли написал в ответ на вопрос анкеты, касавшийся его профессиональной подготовки. Я опишу нетипичную подготовку Лешли более подробно и познакомлю читателя с людьми, оказавшими на него влияние.

ПРЕДВЫПУСКНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗАПАДНОЙ ВИРГИНИИ. 1905–1910

Лешли поступил в университет штата Западная Виргиния в 1905 году и после подготовительного года (который потребовался, поскольку средняя школа в Дэйвисе не имела аккредитации) начал занятия, необходимые для получения степени бакалавра. На первом курсе Лешли выбрал в качестве факультативного предмета основы биологии, которые преподавал специалист в сравнительной неврологии, Джон Блэк Джонстон.

Этот курс направил Лешли по пути карьеры в естественных науках. Позже он отмечал, что лекции по сравнительной анатомии явились единственной его

подготовкой в области неврологии. Так что, в некотором смысле, Лешли был студентом Джонстона.

Когда Лешли окончил первый курс университета, Джонстон уехал из Западной Виргинии, и его место занял Альберт М. Риз. Риз принял Лешли, который в то время решил специализироваться в зоологии, ассистентом в свою лабораторию. В этой должности Лешли проработал 3 года, выполняя самую различную работу — от вываривания человеческих скелетов до проведения курса лабораторных занятий по неврологии. Он получал минимум инструкций от Риза при выполнении этих обязанностей и при проведении исследований для своей дипломной работы по гистологии пищеварительного тракта химеровых. Сотрудничество Лешли с Ризом, возможность заниматься самостоятельной работой и интенсивные занятия по зоологии, несомненно, сыграли свою роль, и Лешли был награжден аспирантской стипендией и направлен для изучения зоологии в аспирантуру Питтсбургского университета.

АСПИРАНТУРА В УНИВЕРСИТЕТЕ ПИТТСБУРГА. 1910-1911

Курс биологии в Питтсбурге не пришелся Лешли по вкусу из-за того, что основной упор в нем делался на бактериологию. Тем не менее, Лешли получил степень магистра, представив диссертацию по бактериологии тухлых яиц. В Питтсбурге он познакомился с Карлом Далленбахом, преподавателем психологии. У Далленбаха Лешли прошел лабораторный курс экспериментальной психологии. Хотя похоже, что это было первое формальное соприкосновение Лешли с психологией, оно, скорее всего, не сыграло значительной роли в последующем переключении интересов Лешли на эту область, потому что курс Далленбаха был выдержан в небиологической традиции Вундта и Титченера.

АСПИРАНТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВМЕСТНО С ГЕРБЕРТОМ С. ДЖЕННИНГСОН. 1911-1914

Лешли покинул Питтсбург на лето 1911 года для проведения генетических исследований в Биологической Лаборатории Колд Спринг Харбор на Лонг-Айленде. Осенью он начал подготовку докторской диссертации по зоологии. Лешли проводил исследования совместно с генетиком Гербертом С. Дженнингсом в университете Джона Хопкинса в Балтиморе. Сначала Лешли ассистировал Дженнингсу в его исследованиях размножения инфузории-туфельки. Впоследствии Лешли провел исследования для своей диссертации, а затем независимое исследование с изучением отдаленных результатов по вопросу, в какой степени вариации в количестве щупалец в клонах гидры являются наследуемыми. Оба эксперимента показали ограниченную роль наследственности. Лешли получил степень доктора философии в 1914 году.

Дженнингс оказал на Лешли значительное влияние не только потому, что от Дженнингса он многое узнал о проведении генетических исследований, но и потому, что под влиянием Дженнингса у Лешли выработалась антипатия к витализму — понятию о том, что живые существа обладают некой неуловимой жизненной силой в дополнение к физико-химическим элементам — и к идеям Жака Леба. Леб интерпретировал поведение низших организмов исключительно с помощью тропизмов (вызванные реакции, направленные к стимулу или от стимула). Леб был убежден в том, что для понимания (и контроля) поведения не требуется ничего, помимо идентификации причинного внешнего стимула. В противоположность Лебу, Дженнингс искал внутренние сенсорно-двигательные, физиологические объяснения поведения и осознавал важность вопросов о функции и эволюции поведения. Взгляды Дженнингса были более близки Лешли, чем позиция Леба.

**СОВМЕСТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ С ДЖОНОМ Б. УОТСОНОМ.
ПРОВОДИМЫЕ ЛЕШЛИ В ПЕРИОД ЕГО ОБУЧЕНИЯ В АСПИРАНТУРЕ И
ПОСЛЕ ПОЛУЧЕНИЯ ИМ СТЕПЕНИ ДОКТОРА. 1911-1915**

Главное влияние в университете Хопкинса оказал на Лешли Джон Б. Уотсон, который в тот период достиг зенита славы как психолог. Более того, в то время его научные достижения еще не пострадали от его честолюбивого стремления сделать бихевиористскую систему доминирующей в психологии. Поэтому лучшего времени для их сотрудничества нельзя было придумать. И какое это было сотрудничество! Уотсон — честолюбивый, полный энтузиазма, увлекающийся ученый на последнем взлете славы, первоклассный представитель школы сравнительной психологии; Лешли — энергичный, независимый, изобретательный, с широким кругозором и великолепной подготовкой в зоологии. Несомненно, их четырехлетнее сотрудничество было плодотворным, по крайней мере, с точки зрения Лешли. За этот период он опубликовал 14 статей по психологии, причем в девяти из них чувствуется влияние Уотсона. Более того, практически не приходится сомневаться в том, что именно исследования в содружестве с Уотсоном обратили интересы Лешли к карьере психолога и заложили фундамент для его последующих научных интересов в областях развития, изучения приматов, сенсорных способностей животных, сравнительной психологии и психологии научения.

Важное сравнительное исследование, над которым совместно работали Уотсон и Лешли, представляло собой полевое исследование, проводившееся весной 1913 года на Птичьей отмели на Драй Тортугас (группа мелких островков в Мексиканском заливе, расположенных примерно в 70 милях к западу от Ки Уэст, Флорида). Изучались два вида птиц: глупая крачка и темная крачка. Один из исследовательских проектов являлся продолжением ранней работы Уотсона 1907 и 1910 года по изучению инстинкта дома у этих птиц. Уотсон искал подтверждение предположению, что эти птицы способны возвращаться домой, покрывая длинные, незнакомые им водные пространства. Задача Лешли заключалась в том, чтобы транспортировать птиц на значительные расстояния и там выпускать их. Он совершил две перевозки птиц к западу от Мексиканского залива, первую в Мобил, штат Алабама, а вторую — в Гальвестон, штат Техас. Это были трудные задания. Главным было довести птиц до места живыми, чтобы можно было выпустить их там для обратного перелета на Тортугас. Лешли искусно справился с этой задачей, и эксперименты продемонстрировали, что крачки действительно способны добираться домой, покрывая при этом большие расстояния.

В отдельном, но вспомогательном эксперименте Лешли изучал способность крачек находить свои гнезда на Птичьей отмели после того, как их снимали с гнезд и выпускали на острове, неподалеку от места их гнездовья. Его описание и анализ того, как птицы возвращались в свои гнезда, были в основном проделаны в ключе, характерном для этологии — изучения типичного поведения видов в естественных условиях — и предзнаменовали принятие Лешли европейской этологической традиции задолго до того, как она получила признание у большинства представителей сравнительной психологии в Северной Америке.

Заметным исследованием в области научения, проведенным Уотсоном и Лешли, был эксперимент по выработке условных рефлексов. Лешли предпринимал попытки выработки условного рефлекса слюноотделения у людей. Эти попытки предшествовали его более позднему интересу к нейрофизиологии условных рефлексов. По воспоминаниям Лешли, начало эксперимента было следующим:

«В 1914 году, [осенью], насколько я помню, Уотсон привлек внимание слушателей своего семинара к французскому изданию трудов Бехтерева [вышедшему в 1913 году], и той зимой работа семинара была посвящена переводу и обсуждению этой книги. Весной я выполнял роль бесплатного ассистента, и мы вместе сконструировали аппарат и распланировали проведение экспериментов. Мы просто собирались повторить эксперименты Бехтерева. Мы работали над сгибательным, коленным, зрачковым рефлексам. Уотсон взял на себя всю инициативу... Я же проделал большую часть собственно экспериментальной

работы. Я придумал дренажные трубки для протока околоушной железы и подчелюстного протока и составил план работы по слюноотделению, результаты которой я опубликовал».

Президентское обращение Уотсона к Американской Ассоциации психологов в 1915 году представляло собой отчет о проведении этого эксперимента. О работе по выработке условного рефлекса слюноотделения Уотсон упомянул лишь постольку, поскольку это было необходимо для описания аппарата, сконструированного Лешли и предназначенного для измерения слюноотделения у людей. Вместо этого Уотсон сконцентрировал внимание на выработке условных двигательных рефлексов, в особенности на проблеме выработки условного сгибательного рефлекса в ответ на звуковые стимулы.

В начале 1916 года сотрудничество Уотсона и Лешли пришло к концу, главным образом потому, что у них определились разные интересы в области выработки условных рефлексов. Уотсон рассматривал условный рефлекс как базовую единицу навыка и полагал, что выработка условных рефлексов закладывает основы для понимания развития всех типов поведения. Что касается Лешли, то он хотел выяснить, как представлены условные рефлексы в рамках нервной системы. По словам Лешли:

«Уотсон рассматривал [условный рефлекс] как основу системной психологии, и его не особенно интересовала природа реакции как таковой. Я же заинтересовался физиологией реакции, и попытка проследить проводящие пути условного рефлекса в нервной системе положила начало моей программе по исследованию деятельности головного мозга».

Несмотря на то, что начиная с 1916 года эти двое шли разными научными путями, они сохранили дружеские и уважительные взаимоотношения, продолжавшиеся в течение долгого времени после того, как Уотсон был уволен из университета Джона Хопкинса. Нетрудно понять, почему Лешли хотел сохранить связи с Уотсоном. Уотсон оказал на Лешли значительное влияние. Их совместное исследование, особенно в области выработки условных рефлексов, привело Лешли к выбору карьеры психолога и заложило основу для развития его последующих научных интересов. Однако при всем этом различия между двумя учеными были фундаментальными и, возможно, даже предсказуемыми. То значение, которое Уотсон придавал выработке условных рефлексов как методу, условному рефлексу как основной единице навыка и, наконец, контролю поведения как теоретической задаче, отвечало идеям Жака Леба, одного из преподавателей университета в Чикаго. Стремление же Лешли постичь физиологические основы выработки условных рефлексов отражало подход учителя Лешли, Дженнингса, основанный на понимании и объяснении явлений. Следовательно, противоположные взгляды Уотсона и Лешли на условный рефлекс являлись точным отражением более раннего по времени столкновения мнений Леба и Дженнингса.

ИССЛЕДОВАНИЯ. ПРОВОДИВШИЕСЯ ЛЕШЛИ ПОСЛЕ ПОЛУЧЕНИЯ ДОКТОРСКОЙ СТЕПЕНИ СОВМЕСТНО С ШЕПЕРДОМ И. ФРАНЦЕМ. 1915-1917

Первые попытки Лешли по определению изменений в нервной системе, имеющих место во время выработки условных рефлексов и в процессе научения, оказались безуспешными. Он не смог выработать стабильные условные рефлексы слюновыделения у людей. Его работа по определению воздействия лекарственных препаратов на научение крыс ориентации в лабиринте не дала убедительных результатов. Более плодотворный подход к этой проблеме — исследование удаленного мозга животных — предлагался Шепердом И. Францем, который работал в государственной больнице для душевнобольных в близлежащем Вашингтоне, округ Колумбия.

Франц согласился на предложение Лешли о проведении совместных исследований.

Они осуществили целый ряд проектов, однако два наиболее важных проекта следует выделить особо, поскольку они знаменуют собой начало программных исследований Лешли базовой роли мозга в процессе научения. В ходе обоих экспериментов Лешли проводил научение крыс в университете Джона Хопкинса и возил их в лабораторию Франца в Вашингтоне и обратно — для проведения операций и для более поздней гистологии с целью определения нарушений, вызванных этими операциями. В первом исследовании изучалось воздействие повреждений лобной доли головного мозга на сохранение навыка прохождения через лабиринт с одним выходом после изменения объемов «сверхнаучения», то есть приобретения дополнительных навыков после первого правильного прохождения через лабиринт. Полученные данные позволяли предположить, что разрушение лобной доли головного мозга мало сказывалось на сохранении навыка.

Во втором исследовании дополнительно к лобной доле повреждались другие участки мозга. В качестве задачи для выполнения животным предлагался тот же самый простой лабиринт с одним выходом, а кроме того, более сложное задание в испытательном аппарате с наклонной плоскостью. Ни одно из повреждений головного мозга не оказало серьезного воздействия ни на приобретение животным навыка прохождения через лабиринт, ни на его сохранение. А вот при выполнении задания на наклонной плоскости наблюдалась иная картина.

В этом случае Лешли и Франц обнаружили следующее: (1) сохранение навыка нарушалось или вообще отсутствовало при полном, но не частичном, разрушении лобных долей головного мозга — наблюдалась локализация функции; (2) когда разрушение лобных долей мозга было частичным, результат не зависел от того, какой участок мозга оказывался поврежденным — то есть, по определению Лешли, все участки головного мозга имели эквипотенциальное значение для проявления навыка. Проводившиеся Францем операции по удалению участков мозга и лабораторные процедуры для исследования процессов научения и сохранения навыков у животных вооружили Лешли методами, необходимыми, чтобы начать проведение собственного исследования церебральных механизмов процесса научения, исследования, которое по времени составило новый этап в научной карьере Лешли.

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ДОЛЖНОСТИ, 1917-1942

В 1917 году Лешли был принят инструктором (должность младшего университетского преподавателя) в университет штата Миннесота. Там он провел один год, а затем взял отпуск и уехал в Балтимор для совместной работы с Уотсоном по изучению воздействия кинематографа на процесс полового воспитания людей. Лешли и Уотсон путешествовали по городкам штата Мэриленд, демонстрируя их жителям фильм, предназначенный для просвещения людей и предупреждения их об опасности венерических заболеваний, и собирая данные по эффективности демонстрации. В этом исследовании были свои забавные моменты, но, возможно, оно также способствовало развитию у Лешли долговременного интереса к исследованиям сексуального поведения. В 1920 году новый руководитель факультета, Ричард М. Эллиот, убедил Лешли возвратиться в университет штата Миннесота. Эллиот следил за тем, чтобы у Лешли было все необходимое для проведения исследований, по возможности оберегал его от всяческих рутинных обязанностей, не слишком загружал преподавательской деятельностью и продвигал так быстро, как только мог. К 1924 году Лешли уже был профессором.

В 1926 году Лешли принял пост психолога-исследователя в Фонде изучения поведения при Институте подростковых исследований в Чикаго. Возможно, Лешли решился на переезд в надежде на то, что смена климата благотворно скажется на здоровье его жены, у которой было сильное астматическое заболевание, но, вероятно, еще одним фактором для перехода на новую работу могла послужить неспособность руководства миннесотского университета обеспечить Лешли большую поддержку в его исследованиях. Проработав три года в Фонде изучения поведения, Лешли принял назначение на факультет психологии в университете Чикаго, где он оставался до 1935 года.

ИЗУЧЕНИЕ ЦЕРЕБРАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ В ПРОЦЕССЕ НАУЧЕНИЯ

Результатом изучения Лешли церебральной локализации процесса научения явились 13 главных исследовательских статей, большинство из которых было написано в годы, проведенные в Миннесоте и Чикаго. Значительная часть исследований легла в основу трех обобщающих публикаций Лешли: (1) единственной его книги «Механизмы мозга и интеллект» (Brain Mechanisms and Intelligence), опубликованной в 1929 году; (2) его президентского обращения к Американской Ассоциации психологов, которое было сделано на девятом Международном Психологическом Конгрессе в Йельском университете в 1929 году и опубликовано в 1930 году; (3) обзорной статьи «Интеграционные функции коры головного мозга» (Integrative Functions of the Cerebral Cortex), опубликованной в 1933 году. Я хочу познакомить читателей с важными темами этих произведений, поскольку в них представлено многое из того, за что сейчас помнят Лешли.

«МЕХАНИЗМЫ МОЗГА И ИНТЕЛЛЕКТ»

В этой монографии (1929) суммированы результаты исследований, проведенных Лешли в Миннесоте и в чикагском Фонде изучения поведения. Цель этих исследований состояла в проведении анализа нервных механизмов, играющих роль в процессе научения. Слово «интеллект», вынесенное в заглавие книги, отражало убеждение Лешли в том, что научение невозможно отделить от более широкой проблемы интеллекта.

В этом исследовании изучались эффекты удаления участков коры головного мозга у крыс на приобретение и сохранение различных типов навыков, в основном по прохождению лабиринтов разных видов, но также и по различению яркости света и выполнению заданий на наклонной плоскости. Животных оперировали, а потом давали им некоторое время на восстановление сил. Затем испытывались способности животных к приобретению и фиксации различных типов навыков с использованием времени и точности в качестве критериев.

В конце испытаний каждое животное умерщвляли и определяли степень повреждения мозга путем деления и окрашивания мозгового вещества. Тщательно определялось место повреждения. Степень поражения выражалась в процентах от общей площади поверхности головного мозга.

Основным результатом эксперимента было обнаружение того, что повреждение мозга оказывает воздействие на приобретенные крысами навыки по прохождению лабиринта. Однако особенно важным оказалось то, что степень воздействия зависела от величины повреждения коры головного мозга, а не от того, какой конкретно участок был поврежден: «Количество удаленного мозгового вещества имеет значение; а локализация повреждения — нет»; «В процессе научения животного прохождению через лабиринт ни один из участков мозга не представляется более важным, чем любой другой участок». В случае самых трудных заданий в лабиринте корреляция между научением и степенью повреждения головного мозга была наиболее сильно выраженной. Лешли также исследовал сохранение у животных навыков в тех случаях, когда повреждение участков головного мозга происходило после научения. И опять обнаружилось, что выполнение заданий зависит больше от количества оставшегося неповрежденным мозгового вещества, чем от места повреждения мозга. «Ясно, что навык прохождения лабиринта, сформировавшись, не локализуется в какой-то одной части головного мозга и что выполнение этого навыка каким-то образом обуславливается количеством оставшегося неповрежденным мозгового вещества».

Суммируя свои открытия, Лешли использовал два связанных между собой кратких определения: (1) эквипотенциальность (все части функциональной области головного мозга в равной степени способны выполнять функции всего мозга) и (2)

массовый эффект (выполнение функции снижается прямо пропорционально количеству поврежденного функционального мозгового вещества). При выведении подобных заключений Лешли рассмотрел и отверг возможность того, что отрицательные эффекты поражений мозга на навыки животных были вызваны вмешательством нарушений чисто сенсорного или двигательного характера. Данные, которые нам нет необходимости рассматривать здесь, убедили Лешли в том, что имело место некое более общее ухудшение в процессе научения в целом.

Лешли подчеркивал, что свидетельствующие против воздействия локализации результаты и выводы имеют ограниченную общность. Они не относятся ко всем проблемам. К примеру, на приобретение навыков в распознавании яркости света по большей части не влияли мозговые повреждения, независимо от их обширности или локализации. Результаты других исследований показали, что навыки выполнения этой задачи, сформированные у здоровых животных, имели локализацию. Лешли выдвинул предположение о том, что эти навыки являются менее сложными, чем навыки прохождения через лабиринт, и поэтому их выполнение не зависит от больших количеств неповрежденного мозгового вещества.

«БАЗОВЫЕ НЕРВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ.

УЧАСТВУЮЩИЕ В ПОВЕДЕНИИ»

Международный Психологический Конгресс 1929 года был примечателен двумя выступлениями. Одно сделал Иван Павлов, который описал свою последнюю работу о роли подкорковых центров в развитии безусловных рефлексов. Вторым выступлением была та речь, которую Лешли затем опубликовал под заглавием «Базовые нервные механизмы, участвующие в поведении» (Basic Neural Mechanisms in Behavior) (1930). Первым выступал Павлов; а два дня спустя — Лешли. Павлов присутствовал на выступлении Лешли, но точно известно, что Лешли не слышал доклада Павлова. Насколько мне известно, этим ученым не довелось встретиться во время конгресса.

Лешли начал свое выступление с сожалений по поводу неадекватности современных понятий, касающихся механизмов деятельности мозга. Он сказал, что существуют две базовые теории. Одна гласит, что функции локализуются в определенных участках мозга. Но даже если бы это было правдой, такая теория не дает проникновения в суть того, каким образом эти части мозга функционируют или воздействуют друг на друга. Вторую гипотезу Лешли определил как теорию рефлексов.

«Она утверждает, что механизмы церебральной функции являются по своей сути такими же, как спинномозговые рефлексы, включающие в себя проведение нервных импульсов по определенным ограниченным путям, ведущим от органов чувств к эффекторам. Выполнение навыка, как речевого, так и двигательного, определяется наличием конкретных связей между ограниченным числом нервных клеток, которые всегда являются функциональными в процессе выполнения этого навыка. Моделью этой теории является телефонная система. Точно так же, как два аппарата могут соединяться друг с другом только посредством определенных проводов, органы чувств и мышцы, задействованные в каждом конкретном акте, связываются друг с другом с помощью нервных волокон, предназначенных именно для этого акта... Важной характеристикой теории рефлексов является предпосылка о том, что индивидуальные нейроны предназначаются для выполнения определенных функций. Все значение этой теории зиждется исключительно на этом пункте, и никакие гипотетические интерпретации связей не меняют базовой посылки».

Затем Лешли представил данные, доказывающие несостоятельность обеих теорий. Он утверждал, что равноценность стимулов (различные стимулы способны вызывать одинаковую реакцию) не была бы возможной, если бы отдельные участки

мозга или клетки реагировали на конкретные стимулы. Подобным же образом равнозначность реакций (один и тот же стимул способен вызывать различные виды реагирования) не была бы возможной, если бы участки мозга или единичные клетки выполняли очень специфические функции. И наконец, гибкость (восстановление функции) нервной системы после повреждения являлась дополнительным опровержением существующих теорий (в этом контексте Лешли описал свои собственные открытия, о которых сообщалось в книге «Механизмы мозга и интеллект»). Затем, обрушившись на теорию рефлексов, Лешли заявил, что она начинает становиться препятствием на пути понимания истинной интеграции коры головного мозга. Лешли коротко обрисовал альтернативную гипотезу, однако она была не очень ясно выражена и не являлась важной частью его доклада. Более важными в обращении Лешли были его решительные нападки на павловскую теорию рефлексов, в которых (забавный, но факт) имя самого Павлова не было упомянуто ни разу. Позже Павлов подверг лекцию Лешли столь страстному осуждению, что переводчик, пытавшийся справиться с двадцати минутной гневной тирадой ученого, в конце концов сдался и сказал только: «Профессор Павлов говорит: «Нет!»». Без сомнения, Павлова задела критические замечания Лешли, потому что он ждал, что его работа по выработке условных рефлексов получит более теплый прием в Северо-Американских штатах. По мнению Павлова, его теория идеально соответствовала новому бихевиористскому духу в психологии. Несомненно, он испытал горькое разочарование от того, что один из первых бихевиористов своего времени полностью отрицал его идеи.

«ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ФУНКЦИИ КОРЫ ГОЛОВНОГО МОЗГА»

Эта статья (1933) содержит практически все данные Лешли (а также других ученых) и все его доводы в пользу его идей о массовом эффекте и эквипотенциальности. В заключение Лешли сказал, что полученные данные указывают на взаимозависимость между различными частями мозга и что специализация мозговых структур представляется, пожалуй, менее важной, чем показатель количества мозгового вещества, то есть массовый эффект. Более того, результаты исследований показали, что как в отношении всей коры головного мозга в целом (для определенных функций), так и в отношении ее специфических участков (для других функций) верно то, что все составные части мозга одинаково способны выполнять функции целого — то есть принцип эквипотенциальности. Лешли теперь полагал, что принцип эквипотенциальности подходит и для высокоспециализированных участков головного мозга, например тех, которые отвечают за зрение и двигательную активность.

ГАРВАРДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ. 1935-1942

В 1935 году Лешли стал профессором психологии в Гарвардском университете. Неписанная история гласит, что Джеймс Б. Конант, бывший в то время президентом Гарварда, дал комитету по подбору кадров задание найти «самого лучшего психолога в мире». Комитет порекомендовал кандидатуру Лешли, и он был назначен на эту должность еще до того, как получил предложение от Гарварда. Подразумевается, что это предложение свалилось на Лешли, как снег на голову. Однако факты свидетельствуют о том, что университет обращался к Лешли с этим предложением еще в 1927 году, а затем еще раз в 1928 году. Поэтому третья попытка университета пригласить к себе Лешли в 1935 году не могла быть для него неожиданностью.

В этот раз Лешли принял предложение. Всегда отличавшийся непочтительностью к авторитетам, Лешли позднее любил говорить, что основной причиной, по которой он решил отправиться в Гарвард, была возможность ездить на морские прогулки, к которым он всегда испытывал любовь.

Вскоре после прибытия Лешли в Гарвард ситуация начала складываться не в его

пользу. Его сверх меры и против желания загрузили административными обязанностями. У него не было решающего голоса в делах факультета, чего он не ожидал.

Обещанная Лешли руководством финансовая поддержка в организации исследовательского института неврологии и психологии так и не материализовалась. Были приняты некоторые стратегические решения в рамках факультета, идущие вразрез с мнением Лешли. Да и морские прогулки оказались не такими чудесными, как он себе представлял. Примерно через год такой жизни Лешли в интеллектуальном плане отдалился от своего факультета. Он написал президенту Гарварда Конанту письмо, полное резкой критики, в котором требовал, чтобы ему предоставили должность «профессора по особым поручениям» («приходящего» профессора), а в качестве альтернативного решения предлагал свою отставку. Гарвард нехотя согласился, и Лешли был назначен на должность профессора в области нейропсихологических исследований в 1937 году. В 1942 году отчуждение Лешли от Гарварда проявилось с большей очевидностью после того, как Лешли стал директором Лабораторий Йеркса по биологии приматов в Ориндж Парк, штат Флорида. Хотя официально Лешли все еще являлся членом гарвардского факультета, его связь с университетом с того времени ограничивалась тем, что Лешли руководил работой студентов, готовящихся к сдаче экзаменов на степень доктора философии и пожелавших работать совместно с Лешли в Лабораториях Йеркса, и имел небольшое количество учебных часов в Гарварде — сначала во время летних триместров, а затем на него было возложено проведение ежегодных двухнедельных подготовительных семинаров для студентов выпускного курса.

Переход в Лаборатории Йеркса, казалось, отвечал наклонностям Лешли. Он не испытывал сильной склонности к преподавательской деятельности. Он стал свободен от университетской бюрократии и политики. Груз административной ответственности в Лабораториях Йеркса не был обременительным для Лешли, поскольку большая часть его ложилась на плечи заместителя директора, Генри Ниссена. Лаборатории привлекали к работе перспективных студентов последних курсов и ученых-единомышленников с докторскими степенями. Среди них были такие люди, как Фрэнк Бич, Дональд Хебб, Карл Прибрам, Остин Ризен и Роджер Сперри. Лешли оказался в том благоприятном окружении, которому было по плечу претворение в жизнь большинства его научных интересов, он чувствовал себя почти так, как будто снова вернулся студентом-выпускником в больницу Джона Хопкинса, в ту атмосферу, в которой он преуспел. Уединенность северной Флориды, к которой многим приезжающим на работу к Йерксу людям было трудно привыкнуть, возможно, даже пришлась по душе Лешли. Может быть, она была подобна тому уединению, в котором они с Уотсоном работали на островках Драй Торту-гас, проводя свои исследования поведения птиц. И наконец, более теплый климат штата Флорида, вероятно, благотворно сказался на здоровье жены Лешли; несомненно, Лешли это устраивало. И кстати, здесь было больше простора и для морских прогулок.

К тому времени как Лешли принял пост директора в Лабораториях Йеркса, его эмпирические исследования мозга и поведения были в основном завершены, а большинство его трудов было опубликовано.

Однако еще предстояло провести значительную работу. В этом разделе главы я сконцентрировал внимание на вкладе Лешли в сравнительную психологию, в частности, на базовых теоретических статьях Лешли в этой области и на его связях с европейской этологией. В завершение приводятся выдержки из писем Лешли для того, чтобы мои читатели получили представление о личных интересах Лешли и профессиональной значимости его идей.

ВАЖНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В ОБЛАСТИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

До приезда в Лаборатории Йеркса Лешли внес чрезвычайно значимый вклад в

сравнительную психологию. Во-первых, развитию науки способствовали результаты того полевого исследования, описанного выше, которое Лешли проводил совместно с Уотсоном и которое касалось поведения глупых и темных крачек, связанного с возвращением птиц в свои гнезда и на родину. Во-вторых, здесь следует упомянуть президентское обращение Лешли, «Экспериментальный анализ инстинктивного поведения», произнесенное на собрании Восточной Ассоциации психологов в 1938 году. Психология США 1920-х, 1930-х и 1940-х годов подчеркивала значение научения в предпочтении инстинкту и окружающей среде, в предпочтении генетическим детерминантам поведения. Лешли утверждал, что предубеждение против инстинкта приняло неверное направление:

«Я отлично осознаю, что инстинкты были изгнаны из психологии несколько лет тому назад, однако мне кажется, что эта чистка не выполнила своей главной задачи. Движение, направленное против роли инстинкта, ставило своей основной целью постулирование сил воображения в качестве факторов, объясняющих поведение. Делом одной только случайности было то, что эти последние факторы тоже стали рассматриваться как конституциональные. Психология инстинктов представляла собой динамику сил воображения, а направленное против инстинктов движение явилось в основном крестовым походом против подобного концептуального динамизма. Каким-то образом аргументация оказалась искаженной. Из наследственности сделали козла отпущения, а гипостатизация психических энергий продолжается. Желания и неприязненные ощущения, силы поля и динамические напряжения, потребности и векторы, либидо и средства-цели имеют такой же концептуальный статус, как и отвергнутые инстинкты, и, кроме того, у этих концепций отсутствует одна из связей с физиологической реальностью, та связь, которая присуща инстинктам благодаря проблеме генетической передачи...

Хотя различия между генетическими эффектами и воздействием среды имеют небольшое значение для многих областей психологии, они имеют реальное значение в приложении к проблемам физиологического «базиса» поведения. Это правда, поскольку информация, касающаяся механизмов развития и гистологической организации, является гораздо более точной, чем любая доступная информация, касающаяся тех изменений, которые происходят в процессе научения. Фундаментальные принципы невральной интеграции могут быть выведены из врожденной структуры и зависящего от нее поведения. Гибкость и вариабельность поведения, приобретенного в результате научения, препятствует проведению любых подобных корреляций со структурными паттернами».

После такого великолепного начала Лешли перешел к рассмотрению разнообразных моделей инстинктивного поведения (например, танец пчелы, нашедшей мед; распознавание кровного родства; репродуктивная деятельность; различение визуальных картинок; прыжковая реакция у крыс; поиск яиц чайками), лежащей в их основании сенсорной организации и возможного их контролирования с помощью комплекса стимулов. На неврологическом уровне Лешли предполагал, что все инстинкты могут оказаться вытекающими из активации очень специфических сенсорно-двигательных механизмов. В качестве первого шага к пониманию этих механизмов Лешли назвал определение адекватных стимулов, вызывающих инстинктивные модели поведения. Лешли возвратился к проблеме «наследственность — среда» на симпозиуме, который состоялся в 1947 году в Принстонском университете.

Выступление Лешли на этом симпозиуме было позднее опубликовано под заголовком «Структурные вариации в нервной системе, связанные с поведением» (1947). Эта статья относится к целому ряду областей в психологии и сегодня представляется столь же своевременной, как и тогда, когда Лешли ее написал. Аргументация Лешли проста и убедительна: индивидуальные различия мозга в пределах вида подобны различиям, существующим между видами. Поскольку у нас не возникает никаких сомнений в том, что межвидовые различия определяются генетическими детерминантами, возможно предположить, что индивидуальные различия в пределах одного вида и зависящие от них индивидуальные различия в

моделях поведения определяются подобным же образом. Затем Лешли привел данные, свидетельствующие о существовании значительных, поддающихся измерению вариаций в каждом из участков мозга. Признавая, что наследственный базис таких вариаций не был изучен, Лешли заявил о его генетическом происхождении по аналогии с известным наследственным базисом других структур и продолжал настаивать на том, что индивидуальные различия в мозге должны обладать функциональной значимостью и что их, по самой меньшей мере, нельзя игнорировать в качестве возможных причин индивидуальных различий в умственных способностях и поведении.

Президентское обращение Лешли к Американскому Обществу натуралистов, опубликованное в 1949 году под заглавием «Постоянные проблемы в эволюции разума», явилось третьим и последним важнейшим теоретическим заявлением Лешли в области сравнительной психологии.

В этой статье нашли яркое отражение материализм Лешли, его бихевиоризм, то значение, которое Лешли придавал генетическим детерминантам поведения, и этология. По поводу материализма: «Эволюция разума — есть эволюция нервных механизмов...». Что касается бихевиоризма: «Сравнительный анализ поведения животных — это сравнительное изучение разума в соответствии с любым значимым определением этого термина».

По поводу генетических детерминант поведения Лешли утверждал, что различие между инстинктивным поведением как продуктом генов и разумным поведением как продуктом опыта было преувеличено и что оба типа поведения определяются генетически. Различия между ними скорее количественные, чем качественные. Что касается этологии: «Для изучения сложных инстинктов требуется детальный анализ точного стимула или сочетания стимулов, вызывающих поведение, в сочетании с описаниями выявленных моделей поведения». И, наконец, Лешли спрашивает, что же отличает животных в эволюционном смысле? И сам отвечает на этот вопрос: «Более высокоразвитые животные обладают большими способностями ощущать взаимосвязи, большим разнообразием типов перцептивной организации. Такая организация является врожденным свойством нервной системы, несмотря на то, что в то время мы имели лишь самое расплывчатое представление о лежащих в ее основе нервных механизмах».

РОЛЬ СВЯЗУЮЩЕГО ЗВЕНА С ЭТОЛОГИЕЙ

Вплоть до середины 1960-х годов, между североамериканской сравнительной психологией и европейской этологией существовало множество противоречий и непонимания. В некотором смысле Лешли можно назвать связующим звеном между двумя этими лагерями.

Хотя Лешли и относился к сторонникам сравнительной психологии, он высоко ценил этологов, особенно Лоренца и Тинбергена, за их кропотливый анализ эффективных стимулов и за их тонкие наблюдения, касающиеся паттернов реагирования. Было время, когда Лешли даже рекомендовал факультету психологии Гарварда рассмотреть вопрос о назначении на должность Тинбергена, но его рекомендация не возымела действия.

Уважению к Лешли со стороны этологов, несомненно, способствовал его статус директора Лабораторий Йеркса, ведущего мирового центра по изучению приматов. В бытность Лешли директором Лаборатории Йеркса принимали большое количество гостей, в том числе наиболее выдающихся этологов своего времени: Карла фон Фриша, Конрада Лоренца, Нико Тинбергена, У. Г. Торпа и Пауля Шиллера. Шиллер приехал работать в Лабораториях Йеркса в 1947 году и через два года трагически погиб, катаясь на лыжах. Он начал переводить некоторые важные статьи по этологии на английский язык, чтобы труды этологов стали доступны представителям американской школы сравнительной психологии. Эту работу позднее завершила его жена, Клэр Шиллер. Статьи были опубликованы

отдельным томом под названием «Инстинктивное поведение» (Instinctive Behavior). Лешли написал предисловие к этой книге.

Письма Лешли дают читателю богатую пищу для ума и являются бесценным источником информации о личных качествах и профессиональных характеристиках этого человека. Следующие выдержки, предлагаемые вниманию читателей, взяты из писем, которые Лешли написал в последние 16 лет своей жизни, и приводятся для того, чтобы читатели могли получить более полное представление о том, что за человек был Лешли.

В переписке с Уильямом А. Кепнером, отставным профессором биологии университета штата Виргиния, Лешли дискутирует на тему сравнительной ценности цели как конечной причины (Кепнер) и механизма (Лешли):

«Я полагаю, что различия между нами по своей сути представляют собой различия в системе ценностей. Вам хотелось бы оградить от профанаций красоту, правду и любовь к матери. Я был воспитан на «Мелонз Фуд» и Ницше [sic]. Я способен объяснять любовь к матери воздействием гормонов гипофиза и рассматривать правду исключительно как предмет статистики. Тем не менее, я уверен, что получаю от жизни ничуть не меньшее удовольствие, чем большинство религиозных и возвышенных людей. Страх перед атомной бомбой испытывает отнюдь не сторонник механистической теории, а тот, кто страшится той вечной и блаженной жизни, в которую он верует. Я ни разу не встречал в психиатрической литературе упоминания о приверженце механистической теории, который страдал бы неврозом». (Письмо к Кепнеру, 29 апреля 1952 г.)

«К чему искать смысл в природе? Насколько я могу проанализировать мотив этого, он заключается в том, чтобы добавить значимости вещам, которые мы считаем достойными восхищения; обнаружить, что это было запланировано так же, как мы строим планы по поводу вещей, которые желаем получить. Бог создал вселенную для того, чтобы начать эволюцию для того, чтобы создать человека для того, чтобы человек придумал водородную бомбу для того, чтобы уничтожить все, что было создано богом. Мне вполне понятна психология такого бога-шизофреника...

Когда-то я любил игру в покер и по сей день мне милее вселенная, которой правит случай. [Я также] когда-то рассчитал вероятность написания Andante из Опуса 131 Бетховена, бросая игральные кости. У меня получилось, что такая конкретная вероятность могла бы иметь место, если бы все люди на Земле бросали кости в течение миллиона лет, по 8 часов в день. Эти вычисления не мешают мне чувствовать, что я смог бы распоряжаться собственной жизнью настолько хорошо, чтобы переиграть любой случай. Идеализм? Нет, простая реакция на безысходность. Наши ценности — это курьезные привычки, которые легко приобрести, но трудно поменять. Идеал? Нет, простая реакция на разочарование. Наши ценности есть наши странные привычки, которые легко приобрести и от которых трудно потом отказаться». (Письмо к Кепнеру, 14 мая 1952 г.)

По поводу данных, якобы свидетельствующих в пользу телепатии, Лешли высказался следующим образом:

«Базовый принцип научного метода заключается в том, что условия для наблюдений должны быть сформулированы таким образом, чтобы любой соответствующим образом подготовленный наблюдатель имел возможность воспроизвести эти условия и получить те же результаты, [однако] исследования телепатических способностей никогда не отвечали этому критерию. Причины, объясняющие невозможность соответствия исследований телепатии принятым стандартам научной демонстрации, приближают телепатию к области религиозного мистицизма; наличие телепатических способностей всего у нескольких индивидов, получивших вдохновение свыше, и тому подобное... Отсутствие поддающихся проверке теорий телепатии является дальнейшим слабым местом исследований. Было сказано, причем сказано справедливо, что величайшим разочарованием для защитника телепатии окажется тот момент, когда феномену телепатии будет найдено объяснение». (Письмо

Р. Э. Макконнеллу, 3 октября 1954 г.)

По поводу сравнительной психологии и дуализма:

«Я сомневаюсь в психологии, которая отказывает животным в функциях воображения и рассуждения. Разница даже между крысой и человеком заключается в степени, но не в типе». (Письмо Бхаджану С. Шми, 5 января 1953 г.)

По поводу ограниченности науки:

«Не следует обманывать себя верой в то, что наука способна дать ответ на проблемы общества. Наука способна утвердить средства, но не цели, и мой пессимизм заставляет меня полагать, что наши ценности всегда будут диктоваться нам людьми, умеющими играть на наших чувствах: поэтами, проповедниками, ораторами, всяческими Хьюи Лонгами и кардиналами Ньюменами». (Письмо Роджеру Дж. Уильямсу, 19 июня 1946 г.)

О том, какое удовольствие доставила Лешли роль критика:

«Симпозиум доставил мне огромное удовольствие, поскольку я обнаружил себя играющим роль адвоката дьявола против почти всех прочих участников симпозиума. Мне кажется, некоторые из моих наиболее едких замечаний пострадали от редакторского топора. Ближе к закрытию заседания Пенфилд заметил с некоторой долей зависти: «Приятно, что Лешли так же критичен по отношению к себе, как и ко всем другим»». (Письмо Ф. М. Р. Уолшу, 28 января 1955 г.)

Лешли оставил пост директора Лабораторий Йеркса в 1955 году, но оставался членом совета директоров до своей скоростной смерти, последовавшей 7 августа 1958 года, когда Лешли находился на отдыхе во Франции. Хотя его исследования и теоретические выкладки в области нейрофизиологических механизмов научения и в сравнительной психологии уже представляются вполне достаточными для того, чтобы претендовать на научную славу, примечательно, что Лешли принадлежат и другие достижения.

Одним из этих достижений было исследование нервных процессов, лежащих в основе зрения. Результатом этого исследования явилась публикация 18 статей, первая из которых появилась в 1930 году, а последняя — в 1948 году. Эти статьи охватывают значительный спектр тем, включая методику изучения зрения у крыс, роль кортикальных структур в выполнении крысами заданий по распознаванию яркости света и различению картинок, а также многочисленные исследования анатомии зрительной системы у крыс.

Вторым важным достижением Лешли 1946 года (совместно с Джорджем Кларком) явились имевшие влияние критические замечания по поводу точности, с которой кора мозга может быть анатомически разделена на целевые функциональные участки. Третьим достижением является одно из вызывающих наибольшее восхищение теоретических заявок Лешли: «Проблема серийной последовательности действий в поведении» (The Problem of Serial Order in Behavior). В этой своей статье, написанной в 1951 году, Лешли отрицает понятие о том, что последовательность действий представляет собой цепочку связей, в которой каждый элемент (каким бы он ни был) вызывает последующий элемент посредством прямой ассоциации. Опираясь на широкий диапазон моделей поведения, Лешли вместо описанного представления выдвигает гипотезу о том, что серийные действия организуются в определенную последовательность до их исполнения и на более высоком уровне, то есть посредством обобщенного плана или схемы интеграции. Однако он тут же добавляет, что просто представил формулировку проблемы, а не ее решение. В качестве завершающего примечания можно добавить, что иногда кажется, что вклад Лешли в науку был по большей части негативным, что он только-критиковал существовавшие в его время теории, не предлагая при этом альтернативных решений. Хотя ему действительно нравилась роль критика, и, несомненно, он, как и философ Карл Поппер, верил в

то, что знания способны развиваться только с помощью критики, все-таки он был больше чем просто критиком. О каком бы предмете ни шла речь, Лешли прежде всего определял фундаментальные проблемы, которые предстояло решить в этой области. К примеру, вклад Лешли в сравнительную психологию оказал положительное воздействие, несмотря на то, что Лешли выступал с критикой существующей теории. Сторонники сравнительной психологии пересмотрели свое негативное отношение к инстинктам, подчеркнув роль наследственности как детерминанты поведения. Представители школы сравнительной психологии содействовали созданию подробных описаний поведенческих моделей и проведению тщательного анализа стимулов, вызывающих эти модели.

Возможно, лучше всего позицию Лешли в таких вопросах выражает его собственное высказывание: «Единственная молитва ученого должна быть такой: «Господи, огради меня от преклонения перед любыми авторитетами, как перед твоим, так и перед моим»». (Письмо к Зигмунду Коху, 6 апреля 1953 г.)

КАРЛ РОДЖЕРС

И КУЛЬТУРА ПСИХОТЕРАПИИ

Карл Р. Роджерс оказал на современную психотерапию влияние настолько значительнее, как, может быть, никакой другой психолог или психиатр американского происхождения. Теперь, спустя десять лет после его смерти, многие психологи, а также специалисты в других отраслях научной деятельности, занимающиеся вопросами ментального здоровья человека, признают, что полностью разделяют его подход к психотерапии. Деятельность Роджерса охватила и период второй мировой войны, когда осуществлялись первые попытки интернационального взаимодействия между разными странами, и времена бурной реакции на войну во Вьетнаме, и эпоху массового недовольства системой народного образования, а также роста социальной активности, сопровождавшегося расширением кампаний по борьбе с половой, этнической и экономической дискриминацией. Всеобщий кризис, породив почву для стремительных изменений в общественном сознании и усугубив чувство смятения в умах отдельных личностей, способствовал расцвету практической психологии. В десятилетия, следовавшие за второй мировой войной, наряду с традиционными психиатрами, психологи и другие специалисты, озабоченные душевным здоровьем человека в американском обществе, все чаще выступили в роли практических психотерапевтов. Основными терапевтическими методами, доступными для использования в те времена, были психоанализ в его многочисленных разновидностях, различные бихевиористские методы и роджерсовский клиент-ориентированный подход.

Карл Роджерс родился 8 января 1902 года в Чикаго, штат Иллинойс. Он был средним ребенком в дружной семье, придерживавшейся пуританских религиозных понятий и почитавшей за основную добродетель неутомимый труд. Когда семья переехала на ферму в штат Висконсин, у Роджерса проснулся интерес к агрикультуре. Позднее, в университете Висконсина-Мэдисона Роджерс увлекся исследованиями в области физических и биологических наук. Получив степень бакалавра, Роджерс некоторое время занимался изучением либеральных религиозных воззрений Объединенной Теологической школы, а затем переключился на изучение психологии в Педагогическом колледже Колумбийского университета, где он познакомился с принципом подхода Леты Холлингворт к изучению человеческого поведения, основанного на здравом смысле. На него оказал глубокое влияние прагматизм Джона Дьюэя, курс которого преподавал студентам Вильям Килпатрик. Во время клинической подготовки он увлекся также фрейдистскими концепциями.

Получив в 1931 году степень доктора философии по специальности клиническая психология, Роджерс занял должность штатного психолога в муниципальной детской клинике в Рочестере, штат Нью-Йорк. В этот период он написал свою первую книгу «Клиническое лечение трудных детей» (1939). Примерно в это же время он все больше увлекается сочинениями Отто Ранка, Джесси Тафта и Фредерика Аллена, чьи идеи о психотерапии оказали сильное влияние на формирование его представлений о терапевтической ситуации и на его стремление выявлять среди пациентов тех, кто ищет помощи и готов к совместной работе по самопостижению.

В 1940-е годы Роджерс переехал в университет штата Огайо, где он продолжил разработку своей концепции консультативных отношений. В 1945 году он принял руководство Консультативным центром в Чикагском университете. Ситуация в штате Огайо и в Чикаго оказалась в интеллектуальном плане наиболее продуктивной. Именно в период пребывания Роджерса в штате Огайо впервые получила известность формулировка понятия недирективной терапии, а впоследствии стала приобретать привлекательные очертания и идея клиент-ориентированной терапии. Его вторая книга, «Консультирование и психотерапия» (1942), содержит первоначальное описание этой теории и клинические материалы, в достаточной степени иллюстративные, чтобы получить представление об обеих

концепциях и увидеть возможность их осуществления в последовательной серии терапевтических сеансов.

Также в период своего пребывания в Чикаго Роджерс написал книгу «Клиент-ориентированная терапия» (1951), где он более полно изложил свою теорию психотерапии и проиллюстрировал возможности ее применения для оказания помощи детям и взрослым. В те же чикагские годы он наиболее полно изложил свою концепцию личности, которая определила направление в понимании его метода индивидуальной психотерапии и его философских выкладок об индивидуальных и групповых изменениях. Вместе со своими помощниками и коллегами в обоих университетах он сформулировал основы теории и практики психотерапии, которые до сих пор ассоциируются с его именем. Эти книги отражают феноменологические представления Роджерса о том, что поведение личности вполне может быть понято только с точки зрения этой самой личности. Восприятие событий в большей мере, чем сами события, играют ключевую роль в изменении поведения индивида. Роджерс описывает свои идеи более полно во вступительной статье к книге «Психология» Зигмунда Коха (1959).

Привлеченный возможностями применения клиент-ориентированной психотерапии для лечения больных шизофренией, Роджерс оставляет Чикагский университет в 1957 году, чтобы заняться преподаванием психологии и психиатрии в университете Висконсина. После нескольких лет в Мэдисоне он вместе с Ричардом Фарсоном, бывшим студентом Чикагского университета, отправляется в путешествие по Калифорнии. Фарсон в то время получил финансирование на открытие Западного Института наук о поведении и пригласил Роджерса к себе. Отношения с коллегами в Висконсине были не слишком хорошими, и Роджерс был готов переменить окружение. Спустя несколько лет Роджерс и его тогдашние сотрудники основали Центр по изучению личности в Лайолле, штат Калифорния. Работая в этих учреждениях до самой своей смерти в 1987 году, он расширил применение своего терапевтического подхода, распространив его на малые и большие группы пациентов, на целые учреждения и использовал его даже для разрешения межгрупповых конфликтов. Роджерс также сумел показать, как широко его принципы психотерапии могут быть применены в сфере образования и социальных изменений.

Центральным понятием клиент-ориентированной психотерапии является понятие «Я». Основными силами, способными помочь человеку справиться со своими проблемами и привести к благотворным терапевтическим изменениям, являются самовосприятие и личный опыт, а не оценки со стороны, сделанные какими-либо экспертами. «Я», как понимал его Роджерс, является фильтром, своеобразно «процеживающим» конкретные явления внешнего мира, воспринимаемые индивидом, и одновременно инструментом, определяющим интерпретацию индивидом этих восприятий и его реакцию на входящие сигналы. «Я» является также причиной чувства уважения к личности и признания ее компетентности. Особенно на ранних стадиях развитие этих качеств «Я» может быть искажено влиянием лиц, обладающих властью или обеспечивающих безопасность.

Неизбежно такие влияния играют свою положительную или отрицательную роль в установлении, поддержании и развитии самоуважения. В частности, выражение потребностей или желаний, дисгармонирующих с желаниями и ценностями фигур власти или персон, от которых индивид зависит, может представлять угрозу личной безопасности. Когда, по мере своего развития, индивид осознает в себе такие побуждения и тот факт, что авторитетные лица реагируют на них отрицательно, он может подавить или исказить свои побуждения, но от этого пострадает его развивающееся «Я».

В соответствии со взглядами Роджерса, такие нужды и желания «Я» и их исполнение являются основой самореализации. В здоровом окружении они могут быть приняты или, по крайней мере, не будут угнетаться до степени отрицания. В ситуациях развития, когда поддержание картины своего «Я» слишком жестко зависит от усвоения стандартов поведения, которые требуют искажения нужд и желаний «Я», отрицание или искажение может привести к нарушениям

психологических функций различной степени выраженности. Более доброкачественный опыт развития позволяет нуждам «Я» осуществиться и выразиться таким образом, что индивид чувствует свою ценность и привлекательность без искажения своего внутреннего опыта.

ПОКАЗАНИЯ ДЛЯ ПСИХОТЕРАПИИ

Хотя такая формулировка этиологии проблемы во многих отношениях сходна с психоаналитической, решение ее имеет совсем другую форму. В противоположность тем терапевтическим методам, при которых одобрение терапевта зависит от поведения пациента, при клиент-ориентированной терапии терапевт избегает такого обусловленного одобрения и проявляет безусловно положительное отношение к поведению своего клиента. Такая позиция принятия и не-суждения, называемая недирективной терапией, предполагает, что терапевт помогает клиенту и облегчает его состояние, а не направляет лечение. Обозначение «клиент» вместо «пациент» отражает стремление Роджерса установить более эгалитарные взаимоотношения, чем отношения между растерянным страдальцем и всезнающим специалистом, существующие в наиболее традиционных типах разговорной терапии. Клиент-ориентированный терапевт никогда не дает указаний или истолкований, он поощряет того, кто ищет его помощи, к самостоятельному определению области исследования, выбору своих личных целей и ритма лечения.

Центральным компонентом роджерсовской концепции терапии является утверждение, что клиенты способны сами разрешать свои личные психологические проблемы путем самоисследования, которое ведет к лучшему пониманию своего «Я», если только терапевт устанавливает и поддерживает основные условия лечения. Правильный терапевтический метод требует от терапевта быть чутким, точным, эмпатичным и лично вовлеченным в процесс, как можно чаще внешним поведением выражать свое понимание смысла высказываний клиента и их эмоциональной основы. Реакции терапевта должны всегда быть конгруэнтными с чувствами, выражаемыми клиентом. Такое уравнивание реакций терапевта с реакциями клиента облегчает самораскрытие и реабилитацию личности, позволяя возродить тенденции к личностному росту, который связан с ментальным здоровьем. Действовать в согласии с запросами истинного «Я» означает возможность самореализации (то есть действовать продуктивными способами, удовлетворяющими «Я», поскольку эти способы выражают соответствие между истинным «Я» личности и его поведенческими проявлениями).

РУКОВОДЯЩИЕ ЦЕННОСТИ

Хотя акценты в роджерсовских программах за более чем 50 лет его профессиональной деятельности неоднократно смещались, они всегда были ориентированы на неизменный набор ценностей. В своих выступлениях и статьях Карл Роджерс всегда выказывал себя защитником личной свободы и самоопределения. Он считал, что правдивость по отношению к самому себе требует развития личных стандартов и умения вести себя, ориентируясь на внутренние побуждения и убеждения, а не на желания других. Он имел возможность наблюдать за таким искаженным развитием на примере своей собственной личности и объяснял его (1980), по крайней мере, отчасти, реакциями на запреты и предписания, принятые в семье протестантских фундаменталистов. Каковы бы ни были источники его проблем, тема личной свободы доминировала в терапии Роджерса, делающей упор на процессах открытия или восстановления истинного внутреннего «Я».

АМЕРИКАНСКАЯ ДИНАМИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ

Методы психотерапии, созданные Роджерсом, были явлением чисто американским — первой жизнеспособной альтернативой европейской психоаналитической терапии. По сравнению с большинством вариантов аналитической терапии клиент-ориентированный подход был менее авторитарным. Он не основывался на каких-то определенных диагностических категориях — например, неврозах, исследуемых аналитической теорией. Он не опирался на особое значение каких-либо частных психологических процессов — ранних воспоминаний, снов, сексуальных наклонностей — или проявлениях защитных реакций. Он был свободен от «темной» терминологии и конструкций, трудных для обоснования, как в лабораторных условиях, так и в жизненном опыте личности, — Эдипов конфликт, зависть к пенису, комплекс неполноценности, коллективное бессознательное и тому подобное. Для многих терапевтов процедура представлялась удивительно простой. Понять душевное состояние клиента, определить основные мысли, содержащиеся в высказываниях клиента, принять его сообщения без критики и без оговорок было достаточным для создания условий, в которых личность могла заняться углубленным самоисследованием и, в конечном счете, прийти к открытию своего истинного «Я». Добросовестное и умелое использование этих методов помогало терапевту способствовать желаемым изменениям.

Идеи Роджерса были особенно привлекательны для психологов, которых отталкивало явное бездушие бихевиоризма. Клиент-ориентированная терапия опиралась на человеческие ценности, помогала определить смысл жизни, что могло привлечь к ней искателей духовной пищи, даже живущих в миру. Кстати, значительное число пасторов, протестантских и католических священников приходило в роджерсовский Консультативный центр для обучения. Важен и тот факт, что Роджерс был удостоен почетной степени в Колумбийском университете за разработку методов *демократической* психотерапии. При этом его метод сравнивался, разумеется, с более авторитарными видами терапии, заимствованными в Европе у ортодоксальной психиатрии, а также с подходами на основе бихевиористской психологии. Хотя никакая психотерапия не может быть по-настоящему демократичной, Роджерс настойчиво подчеркивал те стороны, которые он считал эгалитаристским аспектом клиент-ориентированной терапии.

Карл Роджерс способствовал проведению значительного количества исследований, открывших психотерапевтический процесс для систематического наблюдения, анализа и оценки. Это касается не только клиент-ориентированной терапии, но всей области в целом. Когда психотерапия считалась фактически несовместимой с научным методом, а в психотерапевтической практике царили психиатры с медицинским образованием, он показал, что психологическое лечение может подвергаться систематическому научному исследованию. Это было особенно ценно для практикующих ученых-психологов, которые боролись за признание законности своих усилий.

В свой чикагский период Роджерс систематически прилагал усилия для признания его концепции психотерапии. Проводя свои исследования, он стремился разработать методы, которые ограничивались бы рамками отношений терапевта с клиентом. В этих усилиях Роджерс нашел себе интеллектуального партнера в лице Вильяма Стефенсона, коллеги по Чикагскому университету. Оригинальная работа Стефенсона с использованием метода Q-классификации позволяла найти путь, который дает возможность перейти к постижению самоощущений клиента, анализ которых Роджерс считал законным способом изучения терапевтических изменений. Для клиентов он заключался в простой задаче рассортировать карточки с личностными характеристиками, перечислениями на них, от «меньше всего похоже на меня» до «больше всего похоже на меня». Сравнение результатов теста до и после лечения служило мерой субъективно ощущаемых изменений.

Хотя метод карточного теста пребывал в естественном союзе с феноменологическими характеристиками клиент-ориентированной теории, психологическое сообщество с неизбежностью призывало к более объективным заключениям, обеспеченным внешними оценками. При попытке получить подобные оценки от близких друзей клиентов оказалось, что те поддерживали

положительные отзывы клиентов. В 1954 году Роджерс и Даймонд опубликовали книгу «Психотерапия и изменения личности», в которой они сообщили о результатах многочисленных исследований с использованием данной методологии и обосновали эффективность клиент-ориентированной терапии.

В Чикаго Роджерс привлек к работе многих своих коллег, и они с энтузиазмом сотрудничали с ним, набирая эмпирическую базу, необходимую для подтверждения ценности разрабатываемых им методов. Они помогли ему также продвинуться в его деятельности, изучая условия и процессы терапевтического изменения, исследуя другие возможные области применения его терапии. Среди этих коллег были Джон Ватлер, оказавший помощь в оценке терапевтической эффективности и расширивший теоретические положения, Джон Шлайн, разработавший вариант сокращенного курса клиент-ориентированной терапии (задолго до того он интересовался сокращением продолжительности лечения для всех типов психотерапии), Эжен Гендлин, продолжавший работать над совершенствованием условий терапевтического процесса, Томас Гордон, применивший идеи клиент-ориентированной терапии в образовании и воспитании детей, Лаура Райс и Джеффри Барретт-Леонард, продолжившие разработку прикладных гуманистических аспектов теории, Нат Раскин и Юлиус Симан, продолжившие работу Роджерса в иной академической и практической среде.

В годы, проведенные в Чикаго, работа Роджерса подвергалась нападкам как со стороны психологов — приверженцев других направлений, так и непсихологов, которые усматривали опасность в том, что практикой психотерапии занимаются психологи. Психологи с его собственного факультета неоднозначно относились к теориям и исследованиям Роджерса, к его терапевтическим методам, а психиатры Чикагского факультета психиатрии были крайне раздражены деятельностью Консультативного центра. Психоаналитики дружно критиковали идею Роджерса о свободном и осознающем себя как личность индивиде, полагая, что эта концепция отказывает человеку не только в защитных механизмах, но даже в обычном нормальном контроле. Как-то раз, вернувшись с очередного публичного выступления в психоаналитической клинике Менингера, Роджерс сказал, что его концепцию полноценно функционирующей личности определили как рецепт производства психопатов. В те же чикагские годы широкую известность получили нелицеприятные карикатуры на тему принятых в клиент-ориентированной терапии методов ответных реакций со стороны терапевта. В клиент-ориентированной терапии врач не интерпретировал поведение больного, не старался облегчить наступление инсайта, не предлагал совет, не высказывал похвалу или осуждение, не затрагивал тем, помимо тех, которых касался сам клиент. Роль терапевта состояла лишь в принятии и прояснении утверждений самого клиента; часто врач практически просто повторял их. Высмеивая эти, подобные эху, повторения высказываний клиента терапевтом, критики задавали вопрос, насколько такое простое подражание является подходящим способом для обеспечения благополучия клиента. В действительности такое недирективное повторение ответов имело целью прояснить смысл и чувства, скрывающиеся в реакциях клиента. Этот метод рассматривался как сущность терапии, ее эффективность. Элия Портер, один из ранних сотрудников Роджерса, написал инструкцию для терапевта, которая даже сегодня может служить образцовой коллекцией методически правильных реакций на выражения чувств клиентом. Во многих современных программах клинического обучения супервизоры до сих пор следуют примерам, построенным по образцу таких ответов, в настоящее время называемых упражнениями в методике активного слушания. В конце концов Роджерс пришел к критике стилизации реакций терапевта, говоря о том, что это неизбежно порождает рутину в терапевтическом взаимодействии и в корне не соответствует его принципам: спонтанности и аутентичности.

«ГЛОРИЯ»

В 1965 году Ивретт Шостром показал свой фильм, который он снял в сотрудничестве с Карлом Роджерсом, Фредериком Пирлзом и Альбертом Эллисом.

В фильме показывался терапевтический сеанс, проводимый каждым из этих популярных психотерапевтов с электронным пациентом по имени *Глория*. В фильме Шострома впервые были показаны в сравнительном аспекте терапевтические концепции и методы основных психотерапевтических школ. Хотя сюжет охватывал всего лишь три системы психотерапии и в фильме показывалось лишь по одному короткому сеансу, проводимому каждым психотерапевтом, те, кто смотрел фильм в последующие годы (многие студенты на курсах патологической психологии или психотерапии), неизменно бывали заинтригованы ярко выраженными различиями между тремя практикующими специалистами, типом их воздействия, ответами *Глории* каждому из них.

В предыдущие десятилетия Фредерик Пирлз и его коллеги сформулировали принципы и стратегию гештальттерапии, динамической психотерапии, сосредоточенной на внеисторическом — «здесь-и-сейчас» — переживании и выражении чувств. Ее суть заключалась в том, что часто человек скрывает свое действительное отношение к вещам, демонстрируя поведение, соответствующее социальным условностям, даже когда работает с терапевтом. Такая позиция должна исправляться посредством преодоления сопротивления — с помощью бесконечных разоблачений и выявления скрытых чувств. Целью является большая честность с самим собой и, тем самым, больший комфорт в самовосприятии, а также более успешная самореализация. Пирлз пытался побудить *Глорию* выразить себя более аутентично — меньше фальшивить. Алберт Эллис, единственный из тех трех терапевтов, кто жив и сейчас, считается создателем рационально-эмотивной психотерапии, предшественницы того, что теперь известно как когнитивно-бихевиоральное лечение. Этот метод основан на восстановлении единства между восприятием и чувством, с одной стороны, и нуждами и желаниями — с другой, что позволяет клиенту избавиться от потребности в самобичевании и от чувства вины, предоставляя ему возможность изменить характер своего поведения в сторону большей целесообразности, к удовольствию окружающих и своему собственному. Эллис пытался заставить *Глорию* пойти на риск, активно искать то, чего она хочет для себя самой, вместо того, чтобы чувствовать себя вечной неудачницей. Карл Роджерс, в свою очередь, постоянно зывал к внутреннему опыту «Я» *Глории*, пытаясь помочь ей вывести собственные суждения о глубоко личных проблемах, которые побудили ее искать у него совета.

Основным доводом для Роджерса в пользу того, чтобы оставить Чикагский университет и перебраться в университет Висконсина-Медисона на факультет психиатрии, была возможность воспользоваться случаем и применить клиент-ориентированную терапию к пациентам государственной больницы в Мендоте. Другой причиной была смешанная оценка, которую получила его терапия. Некоторые скептики полагали, что клиент-ориентированная терапия являлась просто системой своего рода поверхностных консультаций и что лица, обращавшиеся в Консультативный центр, были в основном здоровыми людьми, которым требовалась лишь незначительная помощь, — если вообще требовалась. («А дайте-ка ему поработать таким примитивным способом с людьми, действительно страдающими душевными расстройствами!»)

Понятно, что возможность именно так и поступить, то есть лечить настоящих больных, да еще и в крупном психиатрическом отделении, была уникальным случаем. Вызов Висконсина был крайне привлекателен, а Роджерс был нетерпелив и чувствовал себя готовым немедленно воспользоваться, обещанной ему свободой.

ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БОЛЬНИЦЫ В МЕНДОТЕ

Работа Роджерса в государственной больнице в Мендоте и Висконсинском университете описана во многих публикациях. Одна из них (Роджерс, Гендлин, Кислер и Трюа, 1976) показывает, до какой степени расширил Роджерс свои горизонты, используя диагностический ярлык «шизофрения», который и всегда ему нравилось использовать. В другой публикации (Роджерс и Стивенс, 1967) описываются некоторые непостижимые нюансы человеческих взаимоотношений,

характерные для лиц, отнесенных к этой категории. Действительно, работа с больными, чей статус клиента не был выбран добровольно, в отличие от тех, кто обращался в Консультативный центр, оказалась сопряженной с особыми трудностями. Терапевтические результаты эксперимента в целом оказались неоднозначными. Безусловно, были успешные случаи, однако частота неудач способна была охладить всякое желание продолжать прилагать усилия по распространению этой «разговорной» терапии на больных в других клиниках в широких масштабах. Один маленький пример из ряда многочисленных трудностей, подстерегающих врача, работающего с больными шизофренией: иногда всего лишь добиться того, чтобы они пришли на прием, оказывалось очень сложной задачей.

ПОВОРОТ К ГРУППОВОЙ ТЕРАПИИ

Представляется вероятным, что Роджерс был более чем слегка разочарован своей неудачей в Мендоте в распространении принципов индивидуального психологического лечения на больных с тяжелыми расстройствами и что он рассматривал висконсинский эксперимент как неудачу. Можно подозревать, что он мог даже вообще разочароваться в лечении методом «тангема» (врач — клиент), потому что примерно в то же время он стал активно пропагандировать свою концепцию групповых встреч. С этого периода деятельности в публикациях Роджерса уже мало говорится о дальнейшем развитии его идей парной терапии. С этого времени групповое лечение, а не групповая терапия, становится основной точкой приложения сил для Роджерса. Такой поворот поднял много вопросов о сходстве и различиях лечения в группе и индивидуальной терапии. Роджерс не дал себе труда провести систематические сравнения между этими методами. Эти нерешенные вопросы усложняют оценку влияния идей Роджерса в области теории и практики групповой терапии.

Несмотря на поворот от терапии, ориентированной на индивидуальную работу, к терапии, ориентированной на работу с группой, уникальный метод Роджерса, основой которого являлись открытость и эмоциональность, казалось, срабатывал и тут. Отношение участников таких групп к своему опыту занятий было несокрушимо положительным. Более того, последующие исследования (Либерман, Ялом, Майлз, 1973), подтверждали, что результаты лечения, по крайней мере, в группах некоторых типов, могут в общем-то не отличаться от успешных результатов успешной индивидуальной терапии.

ТЕРАПИЯ ДЛЯ УЧРЕЖДЕНИЙ?

Находясь в Центре по изучения личности в Лайолле, Роджерс и его сотрудники задумали программу психологической терапии для коллективов учреждений, основанную на опыте работы с конфликтными группами. Представляется, что некоторые участники, будучи сами администраторами довольно крупных организаций, убедились в желательности культурных изменений в их организациях и учреждениях. Они хотели реализовать некоторые из идей Роджерса, создав атмосферу, ориентированную прежде всего на личность, — атмосферу, которая могла бы способствовать творческой активности и плодотворности межличностных взаимосвязей. Нет никакого сомнения в том, что некоторые из таких попыток оказались весьма успешными. Однако более известны случаи неудач. Действительно, всяческие усилия ввести программу изменений в работу учреждения, революционизировать межличностные отношения в некоторых глубоко бюрократизированных и традиционно авторитарных системах спровоцировали обострение множества проблем, что имело серьезные последствия для отдельных лиц и учреждений.

На поприще образования Роджерс был встречен с пониманием (и с проклятиями) на волне увлечения разнообразными подходами к обучению, которая прокатилась по многим американским университетским колледжам.

Некоторые из программ включали межгрупповые занятия, предназначенные для смягчения расовых конфликтов. Иногда при этом использовались методы сенситивного тренинга, когда участники (обычно афроамериканцы и белые студенты, но все чаще и представители других групп) пытались выразить свое отношение друг другу. С точки зрения отдельных специалистов по душевному здоровью, некоторые аспекты такой групповой активности представлялись проблематичными, — и не напрасно. Популярность групповой терапии в конце 60-х и в начале 70-х годов привела к неконтролируемому росту числа психотерапевтических групп, в которых зачастую истинные цели их создания подвергались сильному искажению. В частности, поведение некоторых лидеров и участников так называемых конфликтных групп ярко иллюстрирует, до какой степени извращались терапевтические цели в подобных группах. Критики (включая некоторых участников групповых занятий) были возмущены тем, что слишком часто группами руководили плохо обученные и/или авторитарные лидеры, тем, что занятия превращались в сеансы своеобразного промывания мозгов, подменявшего реальную возможность честного взаимного выражения чувств. Другие критики отмечали, что Роджерс все больше делал упор на межличностном выражении чувств, так что опыт занятий в его группах пренебрежительно окрестили «touchy-feely» («рискованные чувства»). Роджерс, казалось, все меньше и меньше заботился о развитии отдельных групп, вместо этого предпочитая оценивать воздействие группы по степени выраженности и той мере, в которой она обеспечивала эмоциональный опыт. Помимо этого, он, казалось, все чаще использовал свои собственные реакции в качестве единственного показателя эффективности работы группы.

Роджерс явно был обеспокоен сообщениями об эксцессах, случавшихся на занятиях групп общения. При любой возможности он подчеркивал серьезность задач, стоящих перед членами групп, вновь и вновь провозглашал идеи об их терапевтическом предназначении. Он утверждал, что его личный труд по руководству занятиями в группах должен оцениваться с этих позиций. Хотя он не мог отвечать за то, что делали другие, он осуждал поведение лидеров групп, которое часто бывало крайне неэтичным.

У Роджерса всегда было много последователей на других континентах, особенно в Японии и в Западной Европе. Путешествуя по Японии в 1970-х годах, можно было встретить многих японских «роджерсианцев». Визиты Роджерса в Санкт-Петербург тоже принесли свои плоды — здесь существует институт, работа которого направлена на развитие его терапевтических идей. Он называется «Дом Гармонии», туда довольно часто приезжает с консультациями дочь Роджерса, Натали, и его можно считать форпостом роджерсовской терапии в России. Приходится признать, однако, что нельзя сказать о процветании клиент-ориентированной терапии Роджерса. Однако его идеи определяют деятельность института. Важен сам факт подобного энтузиазма в России в отношении метода, идеологической основой которого является антиавторитаризм. Для страны, всегда характеризовавшейся авторитарным правлением, это несомненный прогресс.

В последние годы своей жизни Роджерс все больше увлекался тем, что можно считать его самым честолюбивым предприятием, а если посмотреть критически, его самым донкихотским проектом. Это была попытка применить принципы клиент-ориентированной терапии в отношении самых затяжных, представляющихся непримиримыми и смертельно опасными межгрупповых конфликтов того времени. Он совершил путешествия во многие «горячие точки» планеты и пытался применять там то, что он именовал «стратегией воздействия на большие группы». Таким образом, он работал одновременно с представителями антагонистических этнических групп, различных рас, религиозных и политических воззрений. Сюда входили члены конфликтующих группировок (не занимающие руководящие посты) из Северной Ирландии, Израиля, Бразилии, бывшего Советского Союза, Южной Африки и других регионов.

Опыт межгруппового общения представителей враждующих национальностей был встречен бурным всплеском энтузиазма. Картина высокого уровня и

эмоциональной раскованности в процессе общения участников больших групп была аналогична ситуации, складывавшейся, как правило, во время роджерсовских сеансов индивидуальной терапии. Положительное воздействие такого опыта подтверждается следующим фактом: защитников психотерапевтических идей Роджерса можно найти сегодня в странах, где он практиковал свои занятия с расширенными группами. В его книге «Путь существования» (1980) приводится большое число отчетов личного характера, которые убеждают читателя в том, что эмоционально насыщенная атмосфера была одним из главенствующих аспектов в работе групп. Личные свидетельства оказались на удивление схожими с откровениями, как правило, являвшимися следствием интенсивного и успешного индивидуального терапевтического лечения, несмотря на различие в контекстах и официальных целях. К сожалению, в записях отсутствует информация о том, какое влияние, если оно вообще было, межгрупповые занятия оказали на разрешение реальных конфликтов.

Карл Роджерс оставил в качестве бессмертного наследия свои достижения, из которых даже самое противоречивое по-прежнему стимулирует развитие психологической теории и практики. Можно даже сказать, что одной из составляющих этого наследия был бунт против официальной ортодоксальной психотерапии и психологии. Карл Роджерс отстаивал гуманистические ценности в эпоху, когда логический позитивизм был ведущим направлением философии. Он отказывался от набиравшей силу позиции профессиональной ограниченности, ставившей психотерапию в узкие рамки самодостаточных терминов. Он дал возможность развиться терапии, ориентированной на рост самосознания — терапии, которая была способна дать людям более живое ощущение себя как личности и указать пути к успешной самореализации. В широком смысле слова Роджерс полагал, что настроенные на правильное восприятие самих себя человеческие существа могут и должны будут образовать здоровое общество. В области просвещения его взгляды соответствовали идее о том, что свободные и ориентированные на правильное самовосприятие ученики смогут стать в большей степени образованными людьми и сознательными гражданами. Как психолог-академист, он стал пионером в области систематического исследования процесса психотерапевтического лечения и в разработке методов количественной и качественной оценки его результатов. Однако внимание широкой публики к Роджерсу было привлечено не его научными изысканиями. Скорее, это связано с его воззрениями на возможности человека, которые позднее были охарактеризованы как развитие потенциала с упором на рост личности, на личный выбор и освобожденную эмоциональность. В значительной мере привлекательность такой ориентации явилась причиной распространения влияния идей Роджерса далеко за пределы академической науки и прикладной психологии. Как реакция на проблемы, связанные с непопулярной войной во Вьетнаме, со слишком медленным поворотом к расовому равенству и постоянными межгрупповыми конфликтами в разных местах земного шара, у Роджера возникло ощущение некоего мессианства, которое в конце концов привело его к попытке обобщить свои терапевтические методы в том, что он назвал «мастерской по разрешению конфликтов». Хотя Роджерс не единственный среди психологов и психиатров видел тесную связь патологии личности с агрессией, а борьбы за мир с психотерапией, его старания приспособить идеологию индивидуализма к более широким лечебным программам были пионерской попыткой отойти в сторону от исключительно дуальной концепции терапевтического процесса.

Привлекательность роджерсовской миссии была столь значительна, что не составит труда понять, почему он воспринимался как некий гуру людьми в самых широких слоях общества и стал образцом для подражания в обществе психотерапевтов. В последние годы жизни Роджерса мнения о нем разделились — кто-то продолжал испытывать к его личности глубочайшее почтение, у других он начал вызывать скептическое отношение. Возможно, первая реакция объяснялась известностью реальных достижений участников его групповых занятий, масштабным выходом на уровень организаций, усилиями в борьбе за мир. Если посмотреть широко, отстранившись от излишней восторженности и критиканства, объективная оценка влияния Роджерса на развитие психотерапии и клинической

психологии заставляет признать его плодотворную роль, определившую форму и цели теории и практики психотерапии как в Америке, так и далеко за ее пределами.

НАСЛЕДИЕ ЖАНА ПИАЖЕ

Многие полагают, что ни одна теоретическая система не оказала столь большого влияния на психологию развития, как работы Жана Пиаже. Используя понятия, заимствованные из биологии, психологии, философии и математики для изучения способов, с помощью которых дети познают мир, Пиаже разработал замечательно сформулированную и целостную теорию когнитивного развития. Этот ученый отличался большой продуктивностью — он оставил после себя около 70 книг и более 100 статей по психологии. Несмотря на все критические замечания, упреки в ограниченной применимости и недостатке объективности методов Пиаже, наше понимание интеллектуального развития ребенка никогда не достигло бы настоящего уровня, если бы не его старания и открытия. Теоретические положения, сформулированные Пиаже, стимулировали проведение множества научных исследований.

Жан Пиаже родился в Швейцарии, в коммуне университета в Невшателе, в 1896 году. Его мать была умна и религиозна. Его отец был историком, серьезно интересовавшимся средневековой литературой. Пиаже уже в самом юном возрасте занимался достаточно глубокими научными изысканиями. Очень рано проявились его пристрастие вести наблюдения за природой и его ранний интерес к биологии и психологии. Когда ему было 10 лет, в свет вышла первая его статья по биологии — в ней описывался редкий случай воробья-альбиноса, которого он увидел в местном парке. Вскоре после этого он начал принимать участие в работе музея естественной истории — помогал классифицировать экспонаты коллекции по зоологии. Потом его заинтересовали моллюски — он опубликовал несколько статей на эту тему, еще будучи подростком. Оценив способности юного Пиаже, ему предложили место куратора в Женевском музее естественной истории, но он отклонил предложение, потому что ему, четырнадцатилетнему подростку, нужно было доучиться в школе.

В юности Пиаже, не оставив своего интереса к биологии, поддался очарованию эпистемологии. Он занялся изучением логики, философии, религии, не пренебрегая своим увлечением биологией. Позднее в своей работе Пиаже попытается перебросить мост через интеллектуальную пропасть между этими двумя дисциплинами.

В 1915 году, когда ему было 18 лет, Пиаже написал дипломную работу на факультете естественных наук в Невшатальском университете. К этому времени он уже страдал нервным истощением, которое позднее относил на счет усиленных занятий философией, в особенности, чтения трудов Анри Бергсона. В этот трудный период он уехал в горы больше чем на год. После этого неудивительно, что всю свою жизнь Пиаже подвергал умозрительную философию, не смягченную эмпирическими данными, суровой критике. В конце концов, через два года после того, как он оправился от нервного расстройства, Пиаже защитил диссертацию по моллюскам и получил докторскую степень (что соответствует нашей степени кандидата наук — *прим, составителей*). Его позднейшие исследования основ теории познания отчетливо вписывались в стандартную схему, принятую в биологии.

Позднее интерес Пиаже обратился к психологической науке. Он изучал идеи Фрейда и Юнга, работал в Цюрихе в Блейлеровской клинике и в двух психологических лабораториях. В 1920 году он опубликовал статью по детской психологии и психоанализу. Следующие два года прошли в Сорбонне за изучением логики, патологической психологии и эпистемологии.

Как молодой ученый, Пиаже получил должность ассистента в лаборатории Теофиля Симона и Альфреда Бине в Париже. Его первым заданием было разработать в рамках стандартов французскую версию теста Цирила Берта на логическое мышление, предлагая его парижским школьникам. Стандартизация теста требовала утомительного повторения одних и тех же действий, нужно было задавать одни и те же вопросы и регистрировать индивидуальные ответы

опрашиваемых. Пиаже открыто тяготился этой процедурой, что следует из его собственного отчета:

«С самых первых опросов я отметил, что, хотя тесты Берта, несомненно, обладают диагностической ценностью, основанной на количестве успешных и неверных ответов, намного интереснее было попытаться отыскать причины этих неверных ответов. И вот после стандартного опроса я завязывал со своими испытуемыми беседу, придерживаясь определенной системы, с целью узнать что-либо о процессе логического хода рассуждений, которой лежал в основе их правильных, а особенно их неправильных ответов. С изумлением я обнаружил, что простейшая задача, требующая применения логического мышления, представляла для нормального ребенка моложе одиннадцати-двенадцати лет трудности, о которых взрослые даже не догадываются».

Пиаже предположил, что полная информация о природе развития умственных способностей не может быть получена только на основании правильных или неправильных ответов на вопросы теста. Он отметил количественные различия в ответах на вопросы у детей разного возраста. Неправильные ответы детей одного и того же возраста проявляли тенденцию быть неправильными каким-то общим для них образом. При опросе детей разного возраста проявлялось отчетливое различие в типах ошибок, которые они были способны сделать. Таким образом, Пиаже сделал вывод, что более плодотворным было бы не подсчитывать количество правильных ответов у ребенка определенного возраста, а выявить способы мышления, используемые детьми по мере их развития. Его метод вербального исследования стал известен как *methode clinique* (клинический метод). Полагая, что стандартизованный опрос не может характеризовать процесс мышления у детей, Пиаже предпочитал свободную форму опроса, аналогичную сбору анамнеза в психиатрии. Разработкой этого метода Пиаже и положил начало труду всей своей жизни.

Под впечатлением ранних статей Пиаже о детской психологии директор института Руссо в Женеве предложил ему должность руководителя лаборатории. Пиаже воспользовался предложением, чтобы продолжить свои исследования по изучению процессов мышления у детей. Эти работы легли в основу серии статей и пяти его первых книг, появившихся в печати с 1923 по 1932 год.

С 1921 года и до самой своей смерти Пиаже занимался изучением детской психологии — развития логики, способности выявлять причинно-следственные связи, а также мышления, развития этических воззрений, представления ребенка о мире, пробуждения умственных способностей в период младенчества и раннего детства. Эта работа привела его к разработке теории умственной деятельности и ее развития. В двадцатые и тридцатые годы его работа получила высокую оценку в Соединенных Штатах. Однако в сороковые и пятидесятые, когда в психологии властвовали философские принципы логического позитивизма, она подверглась резкой критике. В дальнейшем, когда появились английские переводы последней работы Пиаже, интерес к его исследованиям снова вырос.

Пиаже до 80 лет и позже оставался активно работающим ученым, постоянно пересматривающим свои теоретические выводы всей своей научной деятельности. Он подчеркивал, что лишь весьма приблизительно очертил круг проблем в изучении развития познавательной деятельности человека, что более поздние исследования восполнят недостающие части его труда, что-то изменят, а от каких-то положений заставят отказаться. Сегодняшние психологи спорят о заслугах Пиаже, однако это не мешает им по-прежнему высоко ценить его вклад в развитие методологии, его всеобъемлющую теорию развития умственных способностей. После краткого обзора основных компонентов теории Пиаже в настоящей главе обсуждаются некоторые противоречивые элементы его концепции.

Возможно, самым значительным достижением Пиаже было то, что он продемонстрировал фундаментальное различие в том, как протекает умственная деятельность у детей и у взрослых. При рождении ребенок не осознает как себя самого, так и прочие объекты, в качестве независимых структур. Начиная с этого

примитивного уровня, когнитивные системы у детей постепенно изменяются, все более адаптируясь и обеспечивая ребенку более реалистическое представление об окружающем мире. Центральное положение в теории Пиаже занимает такое представление: знание о мире не является простым внутренним отражением или повторением того, что находится вне индивида, а напротив, приобретение знания является творческим событием, которое зависит от опыта и ограничено познавательными возможностями, наличествующими у ребенка на данный момент развития. Например, двухмесячный ребенок может познавать мир очень ограниченным числом способов: сосанием, касанием и концентрацией внимания на круглых объектах, похожих на лица. Понимание мира младенцем не может выйти за пределы этих первых способов познавательной деятельности.

Представление о сосании и касании как о видах познавательной деятельности может показаться странным, однако Пиаже полагал, что физическое действие является исходной базой всего познания и развития познавательной способности. Он считал действие настолько важным, что разработал специальную терминологию для его описания: он говорил о схемах, называя так организованную систему физических действий, таких как сосание и хватание. Под *схемой* понимались не отдельные двигательные акты, а обобщение, основанное на различных примерах специфических двигательных актов и общей их характеристики. Например, *схема* хватания ребенка состоит из черт, общих для всех актов хватания. Схемы, проигрываемые в уме, называются операциями. И схемы, и операции являются способами познания у детей.

Рост познавательной активности происходит, когда схемы и операции по мере своего развития становятся достаточно сложными. Этот процесс состоит из двух взаимодополняющих компонентов — ассимиляции и аккомодации (усвоения и приспособления). Когда ребенок сталкивается с каким-то действием или событием впервые, этот предмет или событие вписывается в существующую структуру познавательной деятельности ребенка. Ребенок может перестроить свою когнитивную структуру таким образом, чтобы в нее вошел новый опыт. Итак, ассимиляция запускает процесс усвоения новой информации и ее истолкования (иногда даже ее искажения) для того, чтобы привести ее в соответствие с уже существующей организацией умственной деятельности. Аккомодация включает изменение когнитивной системы для достижения более точного ее соответствия полученной извне информации. Например, новорожденные дети сосут грудь рефлекторно. Они буквально ассимилируют грудь в одну из существующих у них схем поведения. Если к их губам поднести палец или конец одеяла, они будут сосать и их. В течение некоторого времени они ассимилируют предметы в один из немногих имеющихся в их распоряжении организованных ответов. Однако все время обращаться с пальцем или с одеялом так, как будто это грудь, не будет продуктивным поведением. Поэтому, не переставая сосать одеяло, они перестраивают свои ответные реакции и свои когнитивные представления — свои схемы — об одеяле. Они могут по-другому складывать губы и тем самым менять свою схему сосания. Такая перестройка в ответ на предъявляемые нехарактерным объектом требования является примером аккомодации (приспособления).

Другим примером роста познавательных способностей у ребенка путем ассимиляции и аккомодации является детское объяснение сновидений. Маленький мальчик, который считает, что сны приходят к нему из воздушных шариков, посылаемых Богом, ассимилирует свой опыт сновидения с прежде существующей у него структурой познавательной деятельности. Поскольку сновидения обладают некоторыми визуальными качествами, сходными с теми, которые имеют явления внешнего мира, он ассоциирует их с воздушными шариками — знакомыми ему внешними объектами. Если ребенок говорит потом, что воздушные шарики «лопаются и превращаются в картинки внутри головы», он тем самым выказывает определенную степень аккомодации; он делает различие между внешним и внутренним. Позднее, поскольку он неизбежно сталкивается с некоторыми неприемлемыми аспектами своего объяснения, он будет делать новые аккомодации. Например, увидев достаточное количество сновидений, он поймет, что они нереальны, что они невещественны и, следовательно, отличаются от

предметов типа воздушных шариков и от событий, происходящих вне его воображения. Замеченные им различия между снами и не-снами, так же как и большая дифференциация внутри его системы познания, приведет мальчика на следующий когнитивный уровень понимания сновидений. Каждый случай ассимиляции и аккомодации до известной степени развивает его умственные способности: это развитие дает ему возможность находить новые и в какой-то степени уже другие способы ассимиляции и аккомодации в будущем. Они, в свою очередь, принося! следующее маленькое пополнение растущих умственных систем познавательной деятельности постепенно развивается, обеспечивая ребенка все более точным представлением о природе вещей. Когда ребенок делает внезапный скачок в понимании явления, он переходит на следующую стадию своего когнитивного развития.

СТАДИИ КОГНИТИВНОГО РАЗВИТИЯ

Пиаже исходил из идеи неразрывной целостности биологических и психологических функций. Он подчеркивал адаптивное значение умственных способностей и проследил их непрерывный рост, проходящий в четыре стадии. Каждая из этих стадий является частью непрерывного процесса адаптации, несмотря на их четкие различия между собой по некоторым существенным характеристикам, так что каждая стадия отличается от предшествующей и от следующей за ней. Этими четырьмя большими стадиями являются: сенсомоторная, преоперациональная, стадия конкретных операций (предметной деятельности) и стадия формальной деятельности. На каждой стадии появляются некоторые решающие для познавательной деятельности способности — способности, предоставляющие в распоряжение ребенка новые способы обработки информации, прежде недоступные. Приводимые для каждой стадии возрастные ориентиры имеют значение только самого грубого приближения; у разных детей — и при выполнении разных заданий — они могут отличаться очень сильно.

Теория стадий развития Пиаже не раз подвергалась критике за то, что она не охватывает всего диапазона способностей ребенка. В более поздних работах исследователям удалось идентифицировать познавательные способности, появляющиеся раньше, чем это считал возможным Пиаже. Важно понять, что сущность всей системы Пиаже несводима к точному хронологическому делению на стадии периода детства — скорее, речь идет о непрерывной цепи превращений. Тот факт, что в ходе дальнейших исследований могут выявиться незамеченные самим Пиаже проблемы развития познавательной способности ребенка, вовсе не опровергает концептуальных основ его теории. Скорее, эти исследования лишь подчеркивают непреходящую ценность основ, заложенных Пиаже, его концепций, определивших плодотворные направления в детской психологии, не потерявшие актуальности до сегодняшнего дня.

СЕНСОМОТОРНАЯ СТАДИЯ РАЗВИТИЯ—

ОТ РОЖДЕНИЯ ДО 2 ЛЕТ

На сенсомоторной стадии развития происходят самые фундаментальные и быстрые изменения структуры познавательной деятельности. Пиаже называет эту стадию сенсомоторной, дабы отразить свое убеждение, что знание строится на сенсорном (чувственном) восприятии и на двигательной активности. При рождении младенец не имеет никакого представления о собственной индивидуальности, способной действовать как отдельная и целостная единица. Младенец является центром вселенной — но вселенной, состоящей из непрерывно меняющихся ощущений, а не постоянных объектов. Пиаже сравнивал развитие на этой стадии с революционным открытием Коперника. Ребенок в процессе своей познавательной деятельности оказывается свергнут с вершины точки вселенной, низведен до статуса объекта,

существующего среди прочих объектов на основе равенства. На этой стадии дети постигают также и то, что они сами и другие объекты существуют в пространстве и что одни объекты могут явиться причиной того, что происходит с другими объектами. У младенца формируется представление об объекте (предмете) как о постоянной структуре, существование которой не зависит от его ощущений. Дети приобретают все эти знания до того, как заговорят.

Движения новорожденного ребенка хаотичны, а его схемы существуют в мозгу без всякой связи друг с другом. По мере повторения различных действий и улучшения координации движений путем многократных ассимиляций и аккомодации вырабатываются новые схемы. Сенсомоторная умственная деятельность, типичная на этой стадии развития, позволяет ребенку, например, подтянуть к себе одеяло, на дальнем конце которого лежит игрушка, чтобы взять эту игрушку. Эта задача может показаться простой, однако Пиаже показал, что это действительно когнитивное достижение. Прежде чем ребенок сможет выполнить эту задачу, он должен представить себе некоторые взаимоотношения и овладеть ими — в частности, понятиями «лежит на» и «передвижение предмета с одного места на другое» — и соединить их для достижения своей цели.

Возможно, самым значительным достижением в этот период является развитие понятия об объекте или представление о постоянстве объекта. Как отмечалось ранее, младенцы вначале не понимают, что объекты окружающего мира, в том числе и люди, существуют независимо от их ощущений. Они могут долго рассматривать игрушку, но если ее убрать, они даже не пытаются осуществить поиск. Исчезнув из поля зрения, предмет для них просто прекращает существовать. Отсутствием понятия об объекте объясняется то восхищение, которое вызывает у малышей игра в прятки («ку-ку»). Когда лицо матери исчезает из виду у маленькой дочки, а затем снова появляется, она удивлена и обрадована этим сотворением из ничего. В начале сенсомоторной стадии дети могут смотреть на ту точку, где предмет исчез; к концу сенсомоторного периода они активно ищут предмет после того, как он исчез. К этому времени дети уже имеют представление о том, что предметы существуют, даже когда их не видно и невозможно найти, — представление о постоянстве объектов. Отсутствие адекватного представления об объектах объясняет тот факт, что дети до года не могут играть в игру «угадай, в какой руке?» Когда они смотрят, как вы прячете монетку в руке, заводите руки за спину и показываете пустую руку, они начинают искать там, где, по их мнению, могла затеряться монетка. На ранних этапах сенсомоторной стадии дети думают, что она исчезла, когда вы спрятали ее в руке, и начинают искать между пальцами. К концу этого периода они смотрят вам за спину, поскольку именно там потерялся след монетки. К этому времени умственные способности еще ограничены уровнем физических действий. Следующей идет преоперациональная стадия, когда дети начинают пользоваться символами, воображением и речью и подходят к пониманию постоянства тождества (идентичности).

ПРЕОПЕРАЦИОНАЛЬНАЯ СТАДИЯ —

ОТ 2 ДО 7 ЛЕТ

На преоперациональной стадии дети обращаются к символической деятельности, используя воображение и речь. Например, теперь они могут представить себе объект в воображении, если он не присутствует в поле зрения. Их умственные функции больше не ограничены одними только физическими действиями. К концу этого периода дети становятся способны говорить о предметах, рисовать их, рассказывать истории и собирать трехмерные конструкции. Они также начинают использовать речь для управления своим поведением. Стадия называется *преоперациональной*, поскольку дети еще не способны выполнять некоторые основные умственные операции. Они не могут сосредоточить внимание сразу на двух измерениях, например, высоте и ширине; они не могут в уме отменить или изменить действие. Они могут мысленно повторить знакомое действие, однако они не могут думать о действиях, которые еще не совершали или хотя бы не видели,

как его совершают другие. Их мышление эгоцентрично: они не могут увидеть что-либо с точки зрения другого лица или встать мысленно на место другого человека.

Пиаже, начав разрабатывать свою теорию, полагал, что мышление маленьких детей, изначально дологическое и эгоцентрическое, постепенно изменяется под влиянием социальных взаимодействий. Однако недавние исследования говорят о том, что дети не всегда так уж эгоцентричны и ограничены в своем мышлении, как первоначально думал Пиаже. Лоуренсо и Мачадо (1996) в своем прекрасном обзоре идей Пиаже в свете современной критики его концепций отметили, что часто в формулировках Пиаже мышление маленьких детей представляется в виде дефицитной модели: дети рассматриваются с точки зрения операций, которые они не могут выполнять. Однако, как настойчиво подчеркивают авторы, стадии, о которых говорил Пиаже, не сменяются самопроизвольно вдруг, они не имеют между собой жестких границ. Новая стадия наступает постепенно, как последовательное преобразование, дифференциация и интеграция во времени предыдущей. Таким образом, характеризовать модель Пиаже как *негативную* — значит исказить основу его концепции, сущностью которой является развитие и процесс. Одна стадия развития у детей не завершается внезапно, чтобы уступить место последующей; они объединяют прежде усвоенные навыки по мере их приобретения.

Например, характер использования речи детьми на преоперациональной стадии отличается от способов, которыми пользуются взрослые. Когда ребенок впервые узнает, что предметы имеют имена, он думает, что имя является сущностной частью объекта. Например, слово мячик является таким же свойством мяча, как его форма или цвет. Такой способ мышления касательно имен предметов получил название номинального реализма. На ранних стадиях номинального реализма дети считают бессмысленным вопрос, почему определенные предметы имеют именно такие имена, какие имеют. Раз уж имя является частью предмета, рассуждает ребенок, предмет и не может иметь никакого другого имени. Далее, дети могут также полагать, что предмет не может существовать, пока у него не появится имя. На более поздних стадиях дети отказываются от этой точки зрения, они понимают, что имена присваиваются предметам. Однако не ранее 11 или 12 лет ребенок полностью осознает произвольную природу процесса называния.

Другой характеристикой преоперационального мышления является анимизм — представление, что неодушевленным объектам присущи ментальные процессы. Дети на преоперациональной стадии приписывают мысли, чувства и желания тучам, потолку, деревьям, велосипедам. Растениям «больно», если рвать их; тучи «гоняются» друг за другом. В соответствии с эгоцентрическим образом мыслей ребенка мотивы деятельности у внешних объектов связаны с его собственными действиями: солнце и луна «идут за ним» на прогулке.

Одним из важных достижений в преоперациональном периоде является развитие представления о постоянстве самоидентичности. Ребенок подходит к пониманию того, что объект остается качественно тем же самым, несмотря на изменения формы, размера или общего вида. Де Ври (1969) разработал интересный подход к изучению развития понятия постоянства самоидентичности у 3-6-летних детей. Каждому ребенку отдельно показывали послушного, доброго кота. После того как / дети удостоверились в том, что это именно кот, совместно определяли его как кота, ласкали его, экспериментатор говорила им, что скоро животное будет выглядеть по-другому. Она просила детей смотреть только на хвост кота, и, заслонив от них его голову, она надевала на нее маску свирепого пса и спрашивала, что это за зверь теперь. Многие дети, младшие по возрасту, думали, что кот превратился в собаку — настоящую собаку, которая может лаять.

СТАДИЯ КОНКРЕТНЫХ ОПЕРАЦИЙ

(ПРЕДМЕТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ) — ОТ 7 ДО 12 ЛЕТ

На стадии конкретных операций дети объединяют в целостную структуру многие отдельные схемы и концепции, выработанные на более ранних стадиях. У них формируются ментальные представления, которые точно отражают возможные действия и противодействия в физическом мире. Как говорилось ранее, операции являются актами умственной деятельности — *схемами*, выполняемыми в уме. На стадии конкретных операций ребенок способен воздействовать на предмет и изменять ситуацию умозрительно. Однако операции эти определяются как конкретные, поскольку ребенок может рассуждать только о физических предметах, например о кубиках или кусках глины. Рассуждения о таких абстракциях, как слова или математические символы, невозможны до достижения следующей стадии развития. В период конкретных операций дети имеют возможность осмыслить понятия числа, длины, количества, веса, объема, пространства и времени. На конечной стадии, стадии формальных операций, дети приобретают способность рассматривать проблему в абстрактной форме, без необходимости ее конкретного представления.

СТАДИЯ ФОРМАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ —

12 ЛЕТ И СТАРШЕ

На конечной стадии развития дети становятся способными рассматривать проблему абстрактно, не нуждаясь в ее конкретном воплощении. Они пробуют разные подходы к решению проблем, отбрасывают неподходящие решения без проверки их правильности на практике. Дети теперь могут свободно манипулировать всеми видами понятийных гипотез о мире, думать не только о том, что есть, но и о том, что могло бы быть. Когда маленькому ребенку предлагают фразу: «Если бы уголь был белым, снег был бы...» — он отвечает, настаивая на своем, что уголь черный. Владея способностью осуществлять формальные операции, дети освобождаются от ограниченности, связанной с установками на физическое восприятие, — теперь они обладают когнитивными способностями, необходимыми, чтобы целиком охватить взглядом сферу предполагаемых возможностей, в которой, однако, сохраняется определенный порядок. Эта новая способность личности — действовать в гипотетическом пространстве — описана Флавелем (1963):

«Не вовлеченный в исключительно утомительный процесс стабилизации и организации непосредственных впечатлений, подросток имеет отныне возможность представлять в воображении все, что могло бы быть — как совсем явные вещи, так и очень тонкие, — тем самым много лучше обосновывая выводы обо всем, что есть».

Вопросы, которые задают старшие дети при игре «Двадцать вопросов», свидетельствуют о более высоком уровне абстрагированности их формального операционального мышления. Отгадывая, какой предмет загадал экспериментатор, одиннадцатилетние, как и взрослые, начинают с общих вопросов, чтобы сузить диапазон вероятностей: «Это живое?»; «Это инструмент?». Шестилетки же сразу выдвигают конкретные предположения: «Это собака?»

Восьмилетние сочетают обе стратегии. Они начинают с общего вопроса, но дальше идут прямо к конкретным предположениям. Таким образом, они могут перейти от «Это инструмент?» сразу же к вопросу «Это молоток?», тогда как у одиннадцатилетних следующий вопрос может быть сформулирован по типу «Этим можно резать?». Использование вопросов, постепенно сужающих диапазон вероятностей, говорит о том, что предполагается большое разнообразие возможных ответов, чего не следует из вопросов детей младшего возраста.

Формальные операции являются основой мышления взрослого человека. В дополнение к абстрактному логическому рассуждению они делают возможным творческое мышление, которое лежит в основе самых впечатляющих достижений человечества: постижение истины и красоты; способность размышлять о самом

мышления; способность погрузиться в вероятное и невероятное; изобретение других миров. Не все подростки и даже взрослые достигают стадии формальных операций. Способность действовать логически зависит отчасти от культурных факторов и от уровня образования. Кроме того, лица, умственные способности которых немного ниже среднего, вообще не способны достигнуть мышления на уровне формальных операций, а некоторые развитые дети могут действовать так же или лучше, чем некоторые взрослые. В любом случае, к возрасту поздней юности у человека полностью развиваются его познавательные способности, развиваются в той степени, в какой это для него возможно. Позже человек приобретает новые знания и со временем может значительно обогатить содержание своего интеллекта, однако процессы, лежащие в основе когнитивного обмена с окружающим миром, полностью формируются по большей части к двадцати годам.

Сравнительно-культурологические исследования в русле теории Пиаже обращены к основному вопросу: проходит ли человеческое сознание в своем развитии в детском возрасте повсеместно один и тот же путь, независимо от культурных и расовых различий? Иногда представления Пиаже подвергались критике за то, что они якобы являются теорией развития познавательных способностей, адресованной исключительно западным ученым — теорией, которая, возможно, является лишь этноцентрическим описанием процессов умственного развития у детей, растущих в условиях городских технологических культур Европы и Северной Америки. Случалось слышать утверждение, что у представителей других обществ развитие когнитивных процессов может проходить иными путями, приспособленными к их собственной обстановке и имеющими для их социальной сферы большую культурную ценность. Сравнительно-культурологические исследования, проведенные в таких удаленных странах, как Таиланд, Руанда, Папуа, Ирак, Гана, Австралия и Мексика, позволили сделать два важных вывода. Первый состоит в том, что стадии развития, наблюдаемые Пиаже в Швейцарии, проходят у детей этих столь непохожих друг на друга обществ. Последовательность развития познавательных способностей — от сенсомоторной стадии до формальных операций — по-видимому, является универсальной. Другой вывод заключается в том, что скорость развития познавательных способностей может быть различной в разных цивилизациях. Дети могут переходить от одной стадии к другой в разном возрасте. Поскольку умственные способности отражают адаптированность индивида к окружающей среде, неудивительно, что понятия, важные для конкретной культуры, усваиваются относительно рано. Например, у мексиканских детей, растущих в семьях гончаров, быстрее формируется представление о сохранении вещества. Дети, живущие в сельских районах Африки, в Кот д'Ивуар, имеют больше сенсомоторных навыков, чем их сверстники из других стран. Очевидно, особенности опыта детей, их образ жизни, их культурные ценности оказывают влияние на когнитивное развитие.

Внутри данной культурной группы развитие познавательных способностей зависит от уровня образования, от того, живет ребенок в городе или в деревне. В Руанде, стране Центральной Африки, где обязательное образование введено относительно недавно, было выявлено, что обучение в школе помогает детям справляться с задачами, требующими выполнения конкретных операций. В отчете о работе о сравнении познавательных навыков у лиц, обучавшихся и не обучавшихся в школе, Рогофф (1981) делает вывод о существовании явных взаимосвязей между школьными видами деятельности и конкретными познавательными навыками. Что же касается сравнения навыков городских и сельских детей, другой исследователь обнаружил, что сельские тайские дети отстают по сравнению с городскими детьми в овладении некоторыми понятиями, требующими конкретно-операциональной деятельности. Городские дети осваиваются с этими понятиями после 5 лет, на шестом году жизни. Сельские дети начинают овладевать этими понятиями только по достижении девятилетнего возраста, однако затем быстро овладевают ими (всего за три года). Очевидно, что выявление таких межкультурных различий в развитии познавательных способностей является продуктивной и ценной областью исследований. За последние 20 лет было выполнено немало сравнительно-культурологических исследований. Фокус внимания этих когнитивных

исследований постепенно сдвигался от сравнительного изучения способов выполнения частных задач до изучения трансформации мышления индивида, происходящей в процессе различных социокультурных видов деятельности.

Предметом постоянного интереса является вопрос, можно ли с помощью специального тренинга ускорить процесс прохождения ребенком стадий когнитивного развития, выделенных Пиаже. Многие исследователи предпринимали попытки помочь детям в развитии некоторых аспектов познавательных способностей, проводя с ними специальное обучение. Значительное число этих усилий, по всей видимости, оказалось успешным. Один из таких опытов был выполнен Гельманом (1969), занимавшимся с пятилетними детьми темой сохранения количества и длины. Работа Гельмана выглядела красноречивой демонстрацией того, что обучение и опыт помогают детям усвоить принцип сохранения. Однако Гарднер (1978) подчеркивал, что Гельман проводил этот эксперимент только с пятилетними детьми. Возможно, они в силу своих возрастных особенностей уже были готовы усвоить принципы сохранения и вполне самостоятельно, а процедуры Гельмана просто чуть раньше подтолкнули их к овладению операциональным мышлением. Дополнительные исследования, несомненно, позволят выявить, до какой степени рост умственных способностей может быть ускорен и какие условия способствуют этому росту. В настоящее время наиболее верным представляется вывод, что дети переходят на очередную стадию когнитивного развития тогда, когда у них появляется необходимый для этого опыт деятельности и когда они достигают уровня зрелости познавательных способностей, требуемого на этой стадии.

Вполне вероятно, что если ребенка искусственно подгоняют в его продвижении от стадии к стадии, это может помешать нормальному развитию познавательных способностей, приводя в конечном итоге к уменьшению достижений ребенка в его когнитивном развитии. Интересно, что Пиаже называл эти усилия (ускорить развитие) «американской болезнью». Вольвилл (1970) отмечал, что способы рассуждения в раннем детстве, хотя они обычно отходят на задний план на последующих стадиях когнитивного развития, могут быть полезными для человека в дальнейшей его жизни, в особенности как основа его творческой деятельности и воображения. Если ребенка на ранних стадиях подгоняют, побуждая пройти их быстрее, чем это ему свойственно, эти ранние процессы могут недостаточно хорошо встроиться в общий аппарат познавательной деятельности, и, когда ребенок вырастет, ему может не хватать некоторых ценных способов мышления.

В то время как события в физическом мире относительно предсказуемы, события в обществе, в социальном мире сложны и более непредсказуемы. Реакции человеческих существ друг на друга определяются более сложным сочетанием мотивов, взаимных интенций, различных взглядов и координированных действий, которые неуловимы и субъективны. Учитывая сложность их идентификации, может вызвать удивление открытие, что познание общественных отношений развивается, вероятно, быстрее, чем познание физического мира. Действительно, в некоторых научных исследованиях по социальному когнитивному развитию получены выводы, которые бросают вызов утверждениям Пиаже о познавательных способностях маленьких детей. Эти выводы позволяют думать о том, что Пиаже недооценивал важность социального взаимодействия в когнитивном развитии. Например, представление о постоянстве личности формируется у ребенка раньше, чем представление о постоянстве объектов. Существует несколько возможных объяснений этого различия. Люди, с которыми взаимодействует ребенок, вероятнее всего, более близки и знакомы ему, чем физические объекты. Дети, скорее всего, гораздо эмоциональнее относятся к людям, нежели к предметам внешнего мира. Хоффман (1981) предположил, что такая вовлеченность во взаимоотношения усиливает мотивацию ребенка к научению и к развитию когнитивных способностей. Кроме того, эти взаимодействия являются для ребенка постоянным источником обратной связи — в виде реакций других людей — и эта обратная связь может способствовать когнитивному развитию, демонстрируя ребенку правильность или неправильность его гипотез о соответствующих социальных взаимодействиях.

Существуют определенные доказательства того, что социальные взаимодействия могут способствовать когнитивному развитию в такой же мере, как и социальному развитию, что подразумевается при подобном ходе рассуждений. Вильям Дуаз и его коллеги показали, что дети, работающие сообща, были способны справиться с заданием на пространственное мышление — скопировать модель деревни, пока эту модель поворачивали, чтобы показать ее детям с разных углов зрения. Дети того же возраста, но работающие в одиночку, с этим заданием справиться не смогли. В аналогичных исследованиях дети, которые сначала не могли выполнять задачи на сохранение, овладевали этой операцией после выполнения задач на сохранение совместно с ровесниками или с экспериментатором, предлагавшим им на выбор правильные или неправильные решения. Обсуждая эти результаты, Дэймон (1981) высказал предположение, что социальное взаимодействие требует от детей перестройки их когнитивных процессов и что это может оказать стойкое влияние на их способ мышления. Существование такой взаимосвязи между социальным взаимодействием и познанием физического мира понятно, если учесть, что дети часто исследуют физический мир, как и социальный, в контексте взаимодействия с другими людьми.

ПРИНЯТИЕ РОЛЕЙ И ЭМПАТИЯ

Если ребенок в процессе роста не сумеет преодолеть эгоцентричность раннего возраста, то, став взрослым, он столкнется с отклонениями от нормы и другими трудностями в социальном взаимодействии. Он не будет способен к сотрудничеству, участию, самоотверженности. Умение ставить себя на место другого — принимать на себя чью-то роль — жизненно необходима для социальных взаимодействий. Ребенок не рождается с этой способностью. Эмпатия — признание иного взгляда на действительность и способность разделить чувства другого человека — зависит от способности и умения увидеть вещи с чужой точки зрения. В соответствии с идеями Пиаже, способность принятия на себя разных ролей развивается постепенно, как результат социальных взаимодействий. Хороший пример эгоцентрического мышления можно видеть в таком эпизоде: в качестве эксперимента детям рассказывали сказку, в то время как их мамы в комнате не было, и затем спрашивали у детей, знают ли, по их мнению, мамы о том, что произошло с героями этой сказки. Двухлетние дети продемонстрировали свою эгоцентричность, предположив, что их матерям было известно, что случилось. Большинство четырехлетних детей признали, что их мамы, может быть, и не знают, в чем дело.

Однако другие исследователи предположили, что маленькие дети не столь эгоцентричны, как думал вначале Пиаже, и что степень эгоцентричности постепенно уменьшается в преоперациональном периоде. Например, взрослые, обращаясь к маленьким детям, используют простые слова, говорят медленнее и повторяют текст чаще, чем когда они разговаривают с другими взрослыми. В нашем исследовании четырехлетние дети также меняли свою манеру разговаривать, когда они обращались к двухлетним (Шатц и Гельман, 1973). Четырехлетние, как представляется, понимали потребности младших детей и старались их удовлетворить. Короче говоря, к четырем годам дети в нашей культуре способны принимать на себя чужие роли. У них развивается более высокий уровень социальных познавательных способностей, чем способностей к познанию свойств окружающего физического мира.

СЦЕНАРИИ

В соответствии с одной гипотезой о том, как дети узнают о собственных социальных ролях и о ролях других людей, они мысленно разрабатывают особые сценарии для осуществления действий в знакомых им ситуациях. Они разрабатывают сценарии поведения во время ланча, при встрече с незнакомцем во время ужина в ресторане. Эти сценарии отражают события, повторяющиеся в

опыте ребенка, и могут служить когнитивными медиаторами (способами осуществления познавательной деятельности) в поведении ребенка. Дети накапливают целый ряд сценариев; примером может послужить сценарий поведения за столом во время обеда, который ребенок разрабатывает, непосредственно участвуя в соответствующем виде деятельности. Этот обеденный сценарий, заученный в процессе непосредственного участия, безусловно, ограничен, поскольку дети обычно не занимаются планированием обеда или приготовлением пищи. Другие сценарии выучиваются путем наблюдения. Определенное знание о ролях других людей проявляется у детей в фантазиях, в ролевых играх. Например, Нельсон (1981) цитирует диалог, в котором четырехлетние дети продемонстрировали свое представление о сценарии планирования обеда: они понарошку разговаривали по телефону, играя в маму и папу, договаривающихся об обеде. Сценарии — это важные направляющие в деятельности, поскольку, будучи однажды выученными, они позволяют людям обратить свое внимание на новые детали в их окружении. Например, в первый школьный день, когда все внове, внимание ребенка распределяется между общей обстановкой, учителем, ровесниками, партией, школьным завтраком и уроками. Если бы рутинные стороны школьной жизни не становились вскоре хорошо знакомыми, ребенок просто не имел бы возможности обращать внимание на что-то еще, чему-то обучаться и о чем-то размышлять, помимо этих обыденных вещей. Однако ко второй школьной неделе сценарий урока, сформировавшийся у ребенка, делает всю эту рутину почти второй натурой, в результате чего ребенок может сосредоточиться на особых видах деятельности, предлагаемых в каждый последующий день школьной жизни, не сталкиваясь при этом с необходимостью уделять внимание бытовым деталям. Сценарии способствуют когнитивному развитию, поскольку с их помощью дети имеют возможность осуществлять более сложную познавательную деятельность в знакомых ситуациях с большим успехом, чем в новых. Например, хотя четырехлетние дети проявляют эгоцентричность в общении с ровесниками, они, как показали недавние исследования, на самом деле способны к совместной деятельности и мигут сосредоточиться на заданной теме, используя соответствующие обороты речи. Нельсон (1981) предположил, что два маленьких ребенка могут продуктивно общаться, если обоим знаком сценарий события, о котором идет речь. Таким образом, сценарии занимают очень значимое место в развитии, хотя слепое следование детским сценариям может помешать взрослому человеку в дальнейшей жизни выработать новый тип поведения, если это необходимо.

ВОСПРИЯТИЕ ДРУГИХ

Для взрослого человека восприятие другого лица включает множество умозаключений о свойственных ему различных чертах. Исследования показали, что способность к такому восприятию развивается постепенно. В исследованиях, когда детей и подростков просили описать знакомых им людей (Пиверс и Секорд, 1973), маленькие дети проявляли склонность говорить о конкретных типах поведения, например: «Она дает мне конфеты», и использовали такие недифференцированные прилагательные, как «добрый», «хороший». Дети более старшего возраста и подростки пользовались более информативными, дифференцированными и ориентированными вовне описаниями: «Она всегда готова помочь людям, которые испытывают трудности» — и делали при этом абстрагированные и генерализованные умозаключения из конкретных событий. Эти умозаключения о психологических качествах, присущих людям, с возрастом становятся все более обобщенными. Сходная тенденция прослеживается и в описании детьми людей, которых они лично не знают. В одном исследовании детей и подростков различных социальных классов просили описать бедных и богатых людей, определить что у них общего и чем они друг от друга отличаются (Лихи, 1981). Младшие дети делали упор в своих описаниях на периферические характеристики — имущество, внешний вид, поведение, — тогда как подростки подчеркивали характерные черты, мысли, факторы, имеющие социальную значимость, такие, например, как возможности в жизни и классовое сознание.

В соответствии со взглядами Пиаже, маленькие дети оценивают чужое поведение чаще по его последствиям, а более старшие дети рассматривают мотивы и намерения действующего лица. Например, детям рассказывают историю о мальчике, который случайно споткнулся и разбил несколько чашек, помогая убрать со стола. Затем рассказывают другую историю — о мальчике, который разбил одну чашку, пытаясь стянуть печенье из вазочки. Большинство детей в возрасте 6 и 7 лет считают, что первый ребенок больше виноват, потому что нанес больший ущерб. Более старшие дети и взрослые обычно полагают, что более виноват второй ребенок, потому что происшествие случилось, когда он делал что-то запретное. Во всяком случае, по-видимому, даже маленькие дети способны четко распознавать конкретные намерения, и эта способность в конце концов развивается до степени умения определять мотивы поступков других людей. Революционная работа Пиаже в области восприятия деятельности других людей и вызревания у них способности морального суждения вдохновила многих его последователей, из которых следует упомянуть о Лоуренсе Колберге, который внес заметный вклад в теорию о стадиях нравственного развития.

Жан Пиаже сформировал богатую и сложную научную базу психологии развития мышления — его работа дала и продолжает давать ценный материал, который стимулировал поиск в этом направлении и положил начало многим плодотворным карьерам в этой области.

Безусловно, многие ученые могли бы вместе с Лоуренсо и Мачадо (1996) перефразировать известное изречение Эйнштейна о Евклиде: «Если Пиаже не удалось зажечь ваш молодой энтузиазм, значит вы не родились для карьеры специалиста в области психологии развития». В области, иногда критикуемой за ее пристальное внимание к мелочам, мы до сих пор пытаемся решить самую большую концептуальную проблему, справиться с которой завещал нам Пиаже: выяснить природу мышления, связи между знанием и ценностями, значение логики и необходимость эрудиции. Если бы он оставался с нами, мы уверены, он по-прежнему занимался бы этими вопросами и изучал дальше как проблемы, поднимаемые его критиками, так и проблемы, которые он ставил перед собою сам. Спустя сто лет после его рождения мы продолжаем совершенствовать блестящие исследования Пиаже. Он был, безусловно, великим теоретиком, его работы остаются крупнейшей вехой на пути нашего понимания развития человеческого познания.

БЕРРЕС ФРЕДЕРИК СКИННЕР; НЕПРЕДВИДЕННЫЕ СЛУЧАЙНОСТИ ЖИЗНИ

Беррес Фредерик Скиннер («Б.Ф.» для публики и «Фред» для тех, кто знал его лично) вполне может войти в историю как человек, оказавший на западную научную мысль влияние, несравнимое с вкладом других психологов. Концепция Скиннера о том, что человеческое поведение регулируется случайными подкреплениями, если отнестись к ней с той серьезностью, которой он требовал, представляется революционной. Она наносит сокрушительный удар бережно лелеяемой установке, которая гласит, что причинами поведения являются такие внутренние обстоятельства, как ум, мотивация и свободная воля. В настоящей главе дается представление о чисто человеческой стороне жизни этого гиганта-революционера, а также о его вкладе в психологическую науку.

МАЛЬЧИШКА

Фред Скиннер родился в 1904 году. Он вырос в маленьком американском городке Сусквеханна, штат Пенсильвания, в 30 милях к северу от Скрантона, в нескольких милях от границы со штатом Нью-Йорк. Он был старшим сыном честолобивого адвоката железной дороги «Ирай Рэйлроуд», которая была основой всей экономической жизни Сусквеханны. Его мать — прекрасная женщина, но с большими претензиями — некогда дебютировала на городской сцене. У нее было приятное контральто; но она пожертвовала карьерой певицы, чтобы выйти замуж за подающего надежды юриста, семья которого занимала более низкое социальное положение, чем семья ее родителей. У Фреда был единственный брат, младше него, спортсмен и всеобщий любимец.

В детстве и юности Скиннер посещал начальную и среднюю школу, расположенные в одном здании, и стал одним из восьми старшеклассников, получивших аттестаты. Одаренный проницательным умом и сознающий свою внутреннюю силу, он спорил с друзьями и даже с учителями, когда бывал уверен в своей правоте, и иногда оставлял впечатление, что не слишком уважает своих оппонентов. Он испытывал глубокое уважение только к одной преподавательнице, Мэри Грэйвз, которая рано разглядев его возможности, снабжала его книгами, беседовала с ним о литературе и о дарвинизме. Она больше, чем кто-либо другой в Сусквеханне, способствовала его устремлениям к интеллектуальному образу жизни.

Жизнь в Сусквеханне имела множество преимуществ. Она стимулировала развитие в мальчишках исследовательского духа и изобретательности.

Между рельсами «Ирай Рэйлроуд» и главной улицей города лежали покрытые густым лесом холмы северо-восточной Пенсильвании. Юный Фред регулярно совершал набеги на эти леса, собирая богатую дань в виде жимолости, кизила, плодов земляничного дерева, желудей, ежевики, грецких орехов. Он ловил угрей в реке Сусквеханне и делал запруды на ручьях, чтобы можно было купаться. Он приносил домой бурундуков, кроликов, пчел и голубей. Однажды с приятелем они попытались напоить голубей допьяна, скормив им пропитанную спиртом пшеницу.

Но даже больше, чем бродить по лесам, собирая добычу, Фред любил мастерить разные штуки. Он делал роликовые коньки, самокаты, прицепы, качели, волчки, планерные модели, воздушных змеев и даже изготовил пушку, из которой стрелял картошкой и морковкой по соседским домам. В возрасте 10 лет он соорудил себе укромное местечко, где можно было читать и мечтать — «ящик», где его ничто не отвлекало. Он любил читать книги о людях, которые изобретали что-то не просто из любопытства, а чтобы выжить: «Робинзон Крузо», «Швейцарская семья Робинзонов» и особенно «Таинственный остров» Жюль Верна. Фреду ближе был

Бенджамин Франклин, нежели такие американские изобретатели, как Томас Эдисон и Генри Форд, потому что он любил мир книг не меньше, чем мир гаек и болтов. Несмотря на неизгладимые впечатления первых 18 лет жизни Скиннера в Сусквеханне, деревенский уклад начинал все сильнее тяготить его, интеллектуальная самоудовлетворенность его родителей, ограниченные горизонты существования в маленьком городке вызвали у него чувство протеста. Бегство становилось неизбежным.

Фред бежал не в Нью-Йорк и не Бостон, а в другой маленький городок, Клинтон, штат Нью-Йорк, в 9 милях к западу от Ютики, в городок, где располагался Гамильтонский колледж. В 1922 году Скиннер стал одним из 111 его первокурсников. В противоположность тому, к чему он привык в Сусквеханне, в Гамильтоне он обнаружил, что ничем особенным не выделяется из массы студентов. Он не был спортсменом, что могло бы сразу дать ему какое-то выгодное положение, несмотря даже на то, что все новички носили зеленые кепки и насмешливо именовались сопляками. Его отец, Вильям Скиннер, в отличие от отцов однокашников Фреда, не был уроженцем Гамильтона. Фред не вошел в престижное братство, у него не было близких друзей или подружки.

Хуже того, ощущение превосходства в учебе у Фреда тоже сразу же было подорвано. Преподаватель устной речи критиковал его деревенский акцент. Фред был разочарован, он не чувствовал себя в безопасности, он был просто несчастен: «Они заставляют меня делать множество вещей, которые я не хочу делать, — жаловался он, — они не знают обо мне и половины того, что знаю я сам». Он ждал лета и возвращения в Сусквеханну, где было хотя бы несколько друзей, которые ценили его уникальность. Летом 1923 года, в самом конце семестра, произошла трагедия, которая усугубила его беды. Когда Фред приехал на несколько дней домой, чтобы побыть с родными, внезапно слег и умер его брат Эдвард. Теперь Фред стал единственным сыном, центром родительского внимания, и родители хотели видеть его снова на положении «домашнего мальчика».

В начале второго года учебы в колледже Фред вошел в круг студентов и преподавателей колледжа, где поощрялось индивидуальное самовыражение; с его изоляцией было покончено. Он стал тьютором (опекуном) младшего сына известного гамильтонского профессора химии, Артура Перси Сондерса. Перси Сондерс отличался замечательным разнообразием интересов. Он выращивал пионы, занимавшие на выставках призовые места, он был любителем-астрономом, играл на скрипке и любил литературу. По своим политическим убеждениям профессор был к тому же либералом, выписывал радикальные журналы и критиковал американских бизнесменов за их мелочность и филистерские ценности. Дом Сондерсов был салоном литераторов и художников, собиравшихся в музыкальной зале для бесед и совместного музицирования. Гостеприимством музыкальной залы пользовались писатели такого калибра, как Роберт Фрост, Эзра Паунд, Александр Уолкотт и Джеймс Эйджи.

Для молодого Скиннера это был новый, волнующий мир. Он видел в Перси Сондерсе живую антитезу своему отцу, ориентированному в своих помыслах на «Кай-вэни Клуб». Сондерс стал для Фреда наставником, которому он мог довериться, который поощрял его интеллектуальную независимость и зреющие литературные амбиции. Здесь он нашел также свободную и в то же время стимулирующую интеллектуальное развитие обстановку, заставившую забыть о жесткой морали его матери, о ее нескончаемых проповедях: Грейс Скиннер никогда не уставала напоминать Фреду, чтобы он постоянно заботился о том, что о его поведении подумают люди. Летом перед последним курсом обучения в колледже Скиннер посещал школу английского языка в Вермонте. Школа называлась «Буханка хлеба». Там он повстречался с Робертом Фростом, который согласился прочесть его короткие рассказы. За два месяца до защиты диплома Фред получил от Фроста хвалебное письмо. Это окончательно склонило его к решению стать писателем. «Должен сказать, у Вас есть артистическая жилка, — писал великий поэт, — Вы стоите больше, чем кто бы то ни было, чью прозу я видел в этом году». Его родители с большой неохотой согласились дать сыну возможность

попытать счастья в качестве писателя. Они полагали, что карьера литератора не может дать устойчивого положения в обществе и, хуже того, принесет сомнительную репутацию всей семье.

Фред не отправился в Нью-Йорк, подобно большинству начинающих американских писателей. Он чувствовал, что не должен оставлять родителей одних, потому что смерть Эдварда еще лежала на них тяжким грузом. Поэтому он планировал провести следующий учебный год, 1926/1927, дома, занимаясь писательским трудом. Его домом теперь был Скрэнтон, где Вильям занимал должность адвоката местной угольной компании.

Скиннер начал свою карьеру писателя с того, что оборудовал себе рабочее место. В маленькой комнатке на четвертом этаже он соорудил книжный шкаф, рабочий стол, подставку, на которую он складывал книги, когда сидел на стуле. На самом деле так называемый писатель гораздо больше времени занимался чтением, глотая, в числе прочего, романы Синклера Льюиса, Достоевского, Пруста, Уэллса. Он рылся в литературных журналах — «Субботнее литературное обозрение», «Америкэн Меркури», «Дайэл», «Нью массиз», «Ту вёдз мансли» и «Экзил».

Но ничто из прочитанного не побудило его написать и нескольких коротких рассказов, не говоря уж о великом американском романе. За два месяца он фактически ничего не написал. Дело в том, что быть просто писателем ему казалось недостаточным — он хотел писать особым образом, описывая окружающее совершенство объективно, чисто литературно без разглагольствований о мыслях и чувствах персонажей. Много позже, оглядываясь на этот период, который он назовет впоследствии «темным годом», Скиннер размышляет: «Писатель может изобразить человеческое поведение фотографически точно, но этого вовсе не достаточно, чтобы это поведение понять. Поведение людей интересует меня по-прежнему, но мой литературный метод себя не оправдал».

Пытаясь писать, Фред, кроме того, хотел выразить свою жизненную философию. Объективное описание должно было породить в уме читателя осознание некой истины, придававшей особый смысл всему написанному. Источниками ее возникновения должны были стать литературные изобразительные средства и собственное усилие читателя.

Возможность поупражняться в овладении изобразительными средствами представилась в тот момент, когда Фреду пришлось ухаживать за дедом по материнской линии, умиравшим от рака простаты. Фред был у постели старика, агонизировавшего от присоединившейся пневмонии, в последние часы его жизни. Он писал Сондерсу:

«Всю ночь этот организм — изношенный до совершенной невозможности — лежал здесь. Некоторые мышцы диафрагмы продолжали работать — воздух небольшими количествами судорожно проталкивался в оставшееся непораженным пространство легких. Будто наперстывая упущенное, сердце, поддерживаемое стрихнином, с напряжением перегоняло нечистую кровь, и истощало последние силы. Пульс его слабел — он немного покашлял и затих. Я прислушался к биению сердца — оно стихло. Я поднял его — немного черной жидкости вытекло изо рта» (архивы библиотеки Гамильтонского колледжа, 16 августа 1926 г.).

Однако описать умирание еще недостаточно. Что произошло в действительности?

«Я совершенно уверен, что мой дедушка — весь, все, что я о нем знаю и чувствую, его характер, личность, чувства, умения, желания — все, весь он ушел, как только физическое состояние его тела перестало быть пригодным для определенного рода нервной координированной деятельности. В точности как унылое тиканье часов, которое я слышу сейчас, исчезнет, когда части его, производящие это тиканье, остановятся» (архивы Гамильтонского колледжа, 16 августа 1926).

Традиционные религиозные и метафизические объяснения для понимания

сущности смерти — его деда, чьей-либо смерти вообще, — Скиннеру не понадобились. Достаточно было сосредоточиться на наблюдаемом: наблюдать и регистрировать происходящее. Все. В августе 1926 года Фред Скиннер показал себя вполне бихевиористом.

В том же месяце он прочитал книжное обозрение в «Дайэл», где Бертран Рассел благоприятно отзывался о бихевиористе Джоне Б. Уотсоне. Скиннер не помнит, чтобы ему случилось читать «Бихевиоризм» Уотсона (1925) до начала 1928 года. Он не был уверен, что вообще когда-либо читал уотсоновскую «Психологию с точки зрения бихевиориста», (Архивы Скиннера, 1919). Из письма Скиннера Сондерсу видно, что его поворот к бихевиористским взглядам произошел летом — осенью 1926 года. «Мы думаем — мы живем думаньем? — не проклятым зрением!» (архив библиотеки Гамильтонского колледжа, 16 августа 1926). Фред открыл фундаментальный парадокс бихевиоризма: средствами мышления эта теория сводит мышление к поведению.

Когда в конце 1928 года Скиннер пришел в Гарвард уже аспирантом, он считал любые ментальные толкования в психологии фикцией и тем самым был предрасположен иметь дело с таким психологическим феноменом, как поведение. Однако он еще не был экспериментатором. Он еще не выполнил ни одной научной работы и, разумеется, еще не стал основателем новой науки. Его научные амбиции были велики: «Я надеюсь разглядеть морщины вселенной», — заявил он Сондерсу (архивы Гамильтонского колледжа, 26 сентября 1928).

В Гарварде никто в такой мере не повлиял на формирование экспериментального подхода Фреда, как физиолог Вильям Крозье. Крозье специализировался на изучении движения, или тропизмов, низших организмов. Как профессор, он был безупречен и славился своими ударами по голени и отказами посредственным аспирантам в покровительстве. Скиннер принял научные предпосылки Крозье: без возможности осуществления полного контроля за условиями эксперимента не может быть экспериментальной науки. Крозье позволил Фреду ставить эксперименты в своей физиологической лаборатории и, в качестве соиздателя «Журнала по общей психологии» — в те дни одного из наиболее престижных журналов в этой области, — помогал ему публиковать результаты своих исследований. На Скиннера Крозье произвел столь сильное впечатление, что он почти полностью переключился на изучение физиологии. Однако его лучший друг, однокашник по Гарварду и будущий бихевиорист Фред С. Келлер, убедил Скиннера, что ему следует по-прежнему заниматься психологией и понемногу разрабатывать науку о поведении.

В конце 1929 и начале 1930 года Скиннер работал над модификацией прибора, который йельский бихевиорист Кларк Л. Халл вначале назвал «Ящик Скиннера». Еще раньше Фред соорудит звуконепроницаемый ящик, который поможет изолировать животное от отвлекающих шумов и тем самым сделает эксперимент более управляемым. Скиннер обладал конструкторским мышлением. Он вспомнил, что в конце 1929 года «стал непереносимо возбудим. Все, к чему бы я ни притрагивался, таило возможности сделать из этого что-то новое и перспективное».

Скиннер смастерил беговую дорожку из еловой доски. Крыса получала корм в конце дорожки, затем ее рукой переносили обратно в звуконепроницаемый ящик, для осуществления ею новой попытки. Перемещение крысы вручную было неэффективно, и он сконструировал дорожку для обратного пути, так что крыса, не сворачивая, могла возвращаться без вмешательства экспериментатора. Пищевой стимул побуждал ее к следующей попытке. Но обнаружился новый неожиданный эффект: крыса не всегда повторяла попытку сразу же после поедания корма. Она какое-то время выжидала, прежде чем сделать еще одну попытку, и это промедление животное интересовало Скиннера. А что если изучить время между поеданием корма и началом новой пробежки? Скоро он уже мог в ходе эксперимента контролировать эту переменную (время). Затем Скиннер сократил путь крысы до пробега по наклоняющейся доске. Когда крыса сбегала по этому укороченному пути, она наклоняла доску, при этом, за счет наклона, вращался

диск, с которого корм начинал сыпаться в кормушку. Поскольку крыса таким образом сама добывала свой корм, она стала делать пробежки чаще, отметка кимографа устанавливалась все дальше и дальше. Проведя линии между отметками, Скиннер смог графически измерить время между отдельными пробежками — это была наиболее достоверно измеряемая величина.

Одно цеплялось за другое, и вот, неожиданно счастливый случай, озарение — возможно, самая большая удача в экспериментаторской карьере Скиннера. Деревянный диск, служивший для подачи корма, имел центральный шпindel, выступающую часть которого ученый не срезал: «Однажды мне пришло в голову, — а что если я намотаю веревку вокруг шпинделя и дам ей разматываться по мере опорожнения диска? Таким образом я получал новый способ регистрации» (личное интервью, 15 декабря 1989). Теперь вместо отметок он имел кривую — кривую, позволяющую выявить изменения в скорости реакции, что было невозможно сделать с помощью отметок. Скиннер изобрел накопительное регистрирующее устройство, записывающее кривые с замечательной точностью. Он получил кривую поглощения пищи и «тангенс кривой точно указывал, насколько крыса голодна на данный момент времени» (личное интервью, 15 декабря 1989).

Теперь необходимость в наклонной доске отпадала: достаточно было просто ящика с проволокой, загнутой горизонтально, при участии которой подавался корм. Когда крыса торопилась, на кривых кумулятивного регистрирующего устройства отмечались закономерные изменения. На свой 26-й день рождения Фред написал родителям: «То, что всегда считалось «свободным поведением» крысы, как оказалось, подчиняется вполне естественному закону, подобно частоте ее пульса» (архивы Скиннера, конец марта 1930). Удивительным научным достижением молодого Скиннера оказалась возможность видеть воочию, как на его глазах, в действительности происходило нечто, предсказанное им заранее.

Весной 1930 года произошло еще два удивительных открытия. Скиннер вспоминает: «Я вовсе не стремился доказать, что «подкрепление» изменяет поведение, но, к моему изумлению, я обнаружил, что это именно так». Действительно крыса в конце концов нажимает на рычаг, корм высыпается и съедается. Однако не пища обеспечивает непосредственное подкрепление. В качестве такового выступает стук кормушки, в котором находится корм: «Если я даю животному еду, это не происходит одновременно. Когда крыса толкает рычаг и раздается «бомм», это «бомм» и есть главное. Он абсолютно совпадает во времени с движением крысы и именно это и делает возможным немедленное подкрепление». Скиннер не строит гипотез о различных режимах подкрепления: «У меня кончился корм, и я решил, что буду только обеспечивать подкрепление, сейчас и потом» — другая счастливая случайность (личное интервью 9 января 1990 года). Ему хватило проницательности понять значение случайностей, иногда сопутствующих эксперименту, он увидел новые возможности, на которые большинство других людей не обратили бы внимания. Неожиданности привели к поразительным научным результатам.

Однако Скиннер был больше чем просто талантливый, изобретательный экспериментатор. Выдающимся ученым его делала способность понимать значение новых научных фактов. Диссертация Фреда по теме «Понятие рефлекса» показала его незаурядные способности как теоретика. История изучения рефлекса от Декарта до Павлова была историей гипотез. Прошлые попытки различать безусловные и условные рефлексы были необязательны. Такие понятия, как «рефлекторная дуга» или «синапс», были сведены к простой корреляции: к связи между раздражителем и реакцией. Между тем Скиннер в своих исследованиях делал упор не на то, что происходит внутри организма, а на внешних событиях. Это подразумевало, что можно изучать рефлексы, не занимаясь физиологией. В этом состоял радикальный отход от традиционной рефлексологии.

Такой отход был неприемлем для Эдвина Дж. Боринга, руководителя Гарвардской психологической лаборатории и самой влиятельной фигуры на факультете. В письме на пяти страницах печатного текста Боринг обвинял Скиннера в претенциозном стремлении создать историю рефлекса, подменяя научные факты

собственной интерпретацией. «Для удобства полемики Скиннер готов отказаться от науки, он нуждается только в «пропаганде и школе». Фреда это нисколько не устрасило. Карандашом он набросал на полях: «Я принимаю вызов» (архивы Гарвардского университета, 13 октября 1930 г.). Боринг с большой неохотой одобрил его диссертацию, возможно, только потому, что «Журнал общей психологии» уже принял ее к публикации.

К 1931 году Скиннер имел докторскую степень по психологии и растущую славу оригинального экспериментатора. Однако он не захотел уйти из Гарварда до 1936 года. Вместо этого он получил престижное членство в недавно образовавшемся в Гарварде научном обществе — в качестве юниора. Это позволило ему продолжить эксперименты с ящиком и рычагом и работать и дальше над обособлением бихевиористского научного подхода Скиннера от рефлексологии Павлова, или, как это стали называть, обособлением оперантной теории условных рефлексов от классической теории условных рефлексов. Скиннер прочитал работу Павлова «Условные рефлексы», он восхищался тем, как хорошо этот ученый контролирует условия эксперимента, с готовностью принял заимствованный у великого русского физиолога термин «подкрепление». И все же он специально работает над тем, чтобы свой научный подход четко разграничить с павловским. Во-первых, Скиннер сосредотачивает внимание на поведении и реакциях здорового, ничем не травмированного организма, в то время как Павлов в основном исследует прооперированных им же самым животных, рефлексы которых неизбежно изменены. Во-вторых, разница между двумя методами состоит и в оценке эффекта промежуточного подкрепления: «Павлов нашел, что трудно поддерживать слюноотделение, если отсутствует постоянно поддерживаемая связь между получением пищи и условным раздражителем, однако крысы быстро и в течение длительного времени нажимают на рычаг даже в том случае, если подкрепление происходило сравнительно редко». Используя различные режимы подкрепления, Скиннер формирует различное поведение при нажатии на рычаг; он изучает поведение при нажатии на рычаг и переменные, функцией которых является это поведение. Это смещение акцента вызвало появление определенных трудностей. Павлов всегда связывал специфический раздражитель со специфической реакцией — звук звонка с отделением слюны. Когда же Скиннер наблюдал за поведением крысы в ящике с рычагом, оно не было непосредственно связано со специфическими раздражителями. Какие специфические стимулы вызывают реакцию в виде действий по обследованию ящика, вставание на задние лапы, манипуляции передними лапами и первое нажатие на рычаг? Он обнаружил закономерное поведение, однако но большей части его невозможно было объяснить как связь раздражителя и ответной реакции, поскольку экспериментатор не мог выделить специфические раздражители, вызывающие такое поведение.

Однако это не смутило Скиннера. В 1934 году он подготовил очерк об общей природе нажатия на рычаг. Открыто признав, что некоторые виды поведения крыс представляются спонтанными, поскольку невозможно определить специфические раздражители, запускающие такое поведение, он перешел к уяснению масштабов того, что же изучается при его научном подходе. Все специфические движения, задействованные при нажатии на рычаг, рассматривались как классы поведения, которые могут контролироваться какими-то подкреплениями, которые, в свою очередь, давали воспроизводимые, прогнозируемые реакции. Таким образом, собственно нажатие на рычаг становилось совершенно таким же предметом научного изучения, как и рефлекс: «Различие между оперантным и неоперантным исследованием почти полностью сводится к масштабам изучаемого явления» (архивы Гарвардского университета, 28 октября, 1970). На самом деле Скиннер не использовал термина «оперант» применительно к нажатию на рычаг до 1937 года, однако уже в 1934 году он, по существу, обсуждает его как таковой. Оперант — это операция, поведение, проявляющееся без каких-либо поддающихся выявлению запускающих раздражителей. Однако оно может быть поставлено под контроль подкрепляющих раздражителей с той же надежностью, что и ответные реакции на конкретные определяемые раздражители, такие, как условный ответ на условный раздражитель в лаборатории Павлова. Работа «Поведение организмов» (1938)

стала окончательным экспериментальным доказательством, позволившим отграничить скиннеровский бихевиористский научный подход от павловского. Книга легла в основу всех будущих научных исследований об оперантах. Более того, Скиннер никогда не сомневался в том, что оперантные исследования могут быть применены и к человеку. Работа «Поведение организмов», в которой речь шла исключительно о белых крысах, привела к твердому убеждению, на которое был сориентирован весь научный подход Скиннера: «Актуальность науки о поведении в значительной мере вытекает из возможности распространения ее в конечном счете на проблемы поведения человека».

Хотя Фред начал задумываться о возможности применения своего подхода для изучения человеческого поведения, он не забросил экспериментов с крысами ради исследований поведения людей. Он по-прежнему интересовался оперантным поведением животных, но переключился с крыс на голубей. Его интерес к голубям зародился в апреле 1940 года, во время путешествия на поезде в Чикаго. Глядя в окно на проплывающий мимо пейзаж, он обратил внимание на птиц, которые летели рядом с поездом, взмывали вверх и описывали круги, при этом не нарушая стройного порядка в соотношении групп. Птицы представились ему механизмами с необыкновенной маневренностью и способностью к точному ориентированию. Почему бы не использовать их в качестве управляющего устройства ракет, используемых для перехвата вражеских бомб — бомб, убивающих и калечащих тысячи мирных жителей? Таково было начало финансируемой правительством программы развития идеи птице-управляемых ракет под названием проект «Голубь». Хотя, в конечном счете, правительство отказалось от использования голубей для этих целей, усилия Скиннера по развитию «голубиной технологии» положили начало его карьере социального изобретателя. У голубей вырабатывалось условное поведение — они должны были клевать мишень внутри ракеты, которая затем выводила из строя бомбу. Голубиная технология была просто способом достижения социального эффекта — минимальной потери человеческих жизней при бомбардировках в военное время.

Помимо потребностей, возникших в связи со второй мировой войной, были и другие причины, повернувшие его к сфере социальных изобретений. Когда Скиннер в 1936 году оставил Гарвард, чтобы впервые встать за преподавательскую кафедру в Миннесотском университете, он уже не был холостяком; его женой стала Ивонна Блю, дочь процветающего офтальмолога из Чикаго. К 1944 году в семье Скиннеров было уже две дочери, Джулия и Дебора. Самое близкое социальное окружение Фреда, его семья, в значительной мере повлияло на его активность социального изобретателя.

Ивонна не очень хотела иметь детей. Скиннер вспоминает, что, когда в 1938 году родилась Джулия, Ивонна испытывала панический ужас перед рождением ребенка. Как бы он мог облегчить своей жене уход за новорожденной? Еще не оправившись от разочарования, вызванного отказом правительства от проекта «Голубь», летом 1944 года, подгоняемый в своих творческих усилиях рождением второй дочери, Деборы, Скиннер начал строить специальный прибор. Вначале он назвал его *baby tender* («механическая няня»), затем прибор получил торговое название *Aircrib* («воздушная камера»). Устройство Скиннера обеспечивало уникальное жизненное пространство для его новорожденной дочери — термостат с регулируемыми параметрами среды, замкнутая камера со смотровым окном из безопасного стекла и эластичным полом с марлевой подстилкой, легко меняемой по мере загрязнения. Ребенок содержался в идеальных комфортных для него условиях без всяких пижам на застежках и даже без пеленок. Дебора наслаждалась необычайной свободой движений и росла крепким, здоровым ребенком. К тому же камера освободила Ивонну. Ей уже не нужно было постоянно следить за состоянием Деборы, хотя в любое время она имела возможность вынуть ребенка из камеры, чтобы поддержать на ручках или поиграть.

Фред загорелся идеей коммерческого успеха своей «механической няни», однако его надежды оказались необоснованными. «Дженерал Миллз Корпорейшн» запретила продажу «механической няни». А вдруг что-нибудь случится с

термостатом? Как говорил А. Е. Беннет, представитель компании: «Один поджаренный младенец, один замороженный детеныш, один задохнувшийся малыш, поставленные в вину «Дженерал Миллз», могут стать неважной рекламой для компании» (архивы Гарвардского университета, 27 октября 1944 г.). Итак, Фред решил сам заняться производством и продажей «воздушной камеры». К несчастью, директор его предприятия оказался мошенником, и Скиннеру пришлось взять на себя труд сообщить обманутым заказчикам, что им не суждено стать счастливыми обладателями «воздушной камеры». С 1957 по 1967 год, тем не менее, стараниями малого предприятия «Эркриб Корпорейшн» было продано в общей сложности около 1000 «воздушных камер». Однако со смертью председателя компании продажи прекратились, хотя отдельные лица продолжали присылать Скиннеру письма с просьбами снабдить их спецификацией для сооружения собственных камер в домашних условиях.

Несмотря на коммерческую неудачу, «механическая няня» принесла Скиннеру первые радости всеамериканской славы. «Домашний журнал для дам» купил статью Фреда «Как модернизировать уход за младенцем» с описанием всех преимуществ «воздушной камеры» за 750 долларов. Издатель переименовал работу, назвав ее «Ребенок из ящика». «Скиннеровский ящик» и «Ребенок из ящика» перекликались, заставляя думать, что профессор ставил практические эксперименты на собственной дочери, Деборе. Ходили слухи, что Дебора Скиннер пыталась покончить жизнь самоубийством, что она страдала серьезными нервными расстройствами из-за двухлетнего заключения в «ящике» в период младенчества. Нужно заметить, что Дебора не только жива и здорова, но еще и стала замечательным художником и писателем и живет в Лондоне. Единственные последствия двух лет, проведенных с «механической няней», это необычайно цепкие пальцы ног и привычка спать под одной простыней.

Дебора Скиннер стала причиной появления еще одного изобретения, имеющего большой социальный потенциал. После 9 лет работы в Миннесоте и двух лет в университете в Индиане Скиннер в 1947 году возвратился в Гарвард в качестве преподавателя теории Вильяма Джеймса. Его тема — «Вербальное поведение: психологический анализ». Эта работа была в конце концов издана под названием «Вербальное поведение» (1957) — сложное исследование, посвященное не языку как таковому, а случайностям, формирующим вербальное поведение. Интерес Фреда к вербальному поведению резко возрос в связи с его наблюдениями за развитием речевых навыков у собственных дочерей, после того как семья в 1948 году переехала на постоянное место жительства в Кембридж, штат Массачусетс. Дебора училась читать намного медленнее, чем ее сестра Джулия, что очень огорчало как ее, так и ее отца. Фред, что вполне естественно, обеспокоился качеством преподавания в «Шэди Хилл», частной школе, которую посещали дети многих сотрудников Гарварда, в том числе и Дебби. В один прекрасный день в 1953 году Скиннер навестил свою дочь в «Шэди Хилл» и ужаснулся тем, как преподается в классе математика. Некоторые дети уже закончили решать задачи и им нечем было заняться; другие безуспешно сражались с заданием; результаты теста можно было узнать только на следующий день. Фреду представилось, что должен был существовать более рациональный способ обучения. И он сконструировал первую примитивную обучающую машину — устройство, в котором на сложенной гармошкой бумажной ленте, а позднее на картонных карточках, были напечатаны математические задачи. Вопросы были подобраны с постепенной возрастающей трудностью, так, чтобы обеспечить отвечающему возможность получения правильных ответов. Подвижной рычаг с помощью прозрачного окошка показывал, верно ли решена задача. Если ответ учащегося был правильным, передвигался другой рычаг, выставляя следующий вопрос. Если ответ на вопрос оказывался неверным, рычаг не мог двигаться, и студенту предоставлялась возможность попытаться решить задачу правильно. Машина не могла прочитать правильный или неправильный ответ; все, что она могла — это с помощью механического устройства показать, верно ли выполнено задание. Сутью скиннеровского изобретения была разработка учебных схем, в которых было обеспечено продвижение ученика от выполнения простейшего задания по арифметике или правописанию ко все более трудным, но так постепенно, что

ученик редко ошибался. Подкрепление в виде демонстрации в окошке правильного ответа на вопрос побуждало ученика переходить к следующему вопросу, потом к следующему, позволяя в конце концов вполне овладеть предметом. Таким образом, ученик осваивал тему не методом проб и ошибок, а движимый стимулом в виде подкреплений — его собственных правильных ответов на вопросы, появляющихся в окошке.

Скиннер собрал группу блестящих молодых бихевиористов, разработавших широкий спектр программ для машинного обучения с различной степенью сложности. Он также потратил много времени, и сил, пытаясь найти контакт с крупными корпорациями, в особенности с «IBM» и «Rheem», которые проявили интерес к проекту, однако не стали заниматься разработкой и продажей эффективных обучающих машин по разумной цене. Ни одна компания не желала рисковать, производя обучающие машины до того, как убедится, что существует массовый рынок сбыта этой продукции. Нежелание крупного американского бизнеса принять участие в разработке технологии обучения, которая, по убеждению Фреда, должна была произвести революцию в американском образовании, стало причиной горького разочарования — самого большого крушения его надежд как социального изобретателя. Он обвинял себя в неспособности заинтересовать своим изобретением представителей делового мира: «Моя небрежная манера одеваться, моя готовность отзываться на обращение по имени были ошибкой. Если бы я вел себя как «профессор» из общепринятого сценария, сообразно которому существует деловой человек, я, может быть, был бы услышан» (архивы Скиннера, 20 ноября 1962 г.).

Скиннер так и не понял до конца, что сценарий, сообразно которому живет деловой человек — штука мало романтическая. В действительности, за возвышенными образами мифа об американском свободном предпринимательстве скрывалась косная реальность — банальное стремление обеспечить безопасное и выгодное вложение денег. Парадокс, но Фреду пришлось иметь дело с людьми, чьи убеждения подозрительно напоминали устои элитарного клуба, которые были ему не по душе еще на последнем курсе Гамильтонского колледжа. Коммерческая судьба «воздушной камеры» и обучающей машины как перспективных социальных изобретений оказалась в руках у избегающих риска функционеров, с которыми у Скиннера, несмотря на все его усилия, было слишком мало общего.

После десятков публичных выступлений, рекламирующих машинное обучение, Скиннер наконец понял, что успеху его изобретения препятствует не только его неумение найти правильный подход к американским предпринимателям. Школьные учителя и администраторы боялись, что обучающие машины лишат их работы. К тому времени, когда вышла в свет «Технология обучения» (1968), Фред уже был убежден, что что-то полезное в ней увидят одни только бихевиористы. В конце жизни, когда он не мог не видеть, как с появлением компьютеров его обучающие машины безнадежно устарели, его все еще очень волновали проблемы образовательной системы в Америке и его собственная трагическая неудача в попытке использовать технологию обучения для решения проблем массового образования, неразрешимых другими способами (личное интервью, 9 марта 1990).

Карьера Скиннера в сфере социального образования была связана не только с техническими изобретениями, но и с его литературной деятельностью. Спустя всего лишь год после того, как была сконструирована «механическая няня», он попытался удовлетворить свои амбиции, продемонстрировав возможность социального приложения науки о поведении. Это была утопия, написанная в «белой горячке» лета 1945 года. Роман назывался «Уолден Два» (1948), в нем описывалось общество, контролируемое положительными подкреплениями. Дети выращивались в «воздушных камерах» в общественных детских садах. Все взрослые члены общества считались родителями всех детей. Частная собственность была отменена. Фактически не было правительства. Исчезло разделение труда; соревнование не поощрялось.

Сначала «Уолден Два» смог привлечь всеобщее внимание, особенно этому способствовала публикация в обзоре «Лайфа», назвавшего роман «искажением»

классического произведения Генри Дэвида Торо «Уолден, или жизнь в лесу». Однако, до начала эпохи контркультуры в 1960-х и начале 1970-х, было продано лишь несколько экземпляров скиннеровской книги. К тому времени уже было поставлено несколько экспериментов жизни в коммуне, в той или иной мере основанных на бихевиористских технологиях; смогли удержаться на плаву только две из них: «Дубы-близнецы» в Вирджинии и «Лос-Орконес» в Соноре, Мексика.

Идеи Скиннера сделали его своего рода контркультурным гуру для тех, кто вступил в такие коммуны. Один восторженный член общины «Дубы-близнецы», известный под именем Джош, описывал Фреда как своего рода светского мессию:

«И случилось так, что среди книжников и магов восстал пророк по имени Б. Ф. Скиннер, и Скиннер обратился к старейшинам и книжникам, говоря: «Ваши учения лживы. Слушайте меня, и я сообщу вам науку о человеческом поведении». И они насмеялись над ним: однако он остался невозмутим и сказал: «Вам не хватает понимания»».

Скиннер отчасти был ответствен за этот ореол вокруг своему имени. Фрезеру, своему альтер-эго из «Уолдена Два», он приписал комплекс человекобожия. Фред с болью осознавал, что с детских лет страдал тщеславным стремлением к богоподобию. Его сподвижники, и правда, обращались с ним, как со светским божеством, чья наука призвана спасти мир, а клеветники, в свою очередь, описывали его как дьявола, чья наука разрушит человеческую свободу.

Если «Уолден Два» позволил автору вкусить славу, навлек на него потоки брани и похвал, то его книга «За пределами свободы и величия» (1971) вызвала бурную полемику. После коммерческой неудачи последнего своего большого изобретения, обучающей машины, Скиннер снова предпринял попытку «сотворения своего мира» средствами литературы. И снова случай — мгновенное решение — способствовал произведенному эффекту. Первоначальное название книги было «Свобода и величие», однако издатель Фреда в Кнопфе заметил, что после прочтения книги очень мало что можно сказать о свободе и о величии. Тотчас же Скиннер предложил: «За пределами свободы и величия». Новое название разъярило читателей, взявших в руки книгу с убеждением, что целью Скиннера было свободу и величие разрушить. «За пределами» они прочли как «вместо».

Впрочем, это не противоречило его основному убеждению: представления об автономной человеческой деятельности, «литература о свободе и величии» препятствуют научному решению проблем перенаселения, загрязнения окружающей среды, перспективы ядерной катастрофы. Время человечества как вида истекло. Надеяться выжившим оставалось только на применение учеными-бихевиористами своей науки.

Хотя несколько положительных отзывов и было напечатано, в большинстве критика была отрицательной — нет, даже уничтожающей. Такие хорошо известные в интеллектуальном мире величины, как лингвист Ноам Хомский, романист Эйн Рэнд почувствовали себя глубоко задетыми. Хомский (1971) заявил, что скиннеровская бихевиористская технология не является «несовместимой с полицейским государством». Рэнд в своих произведениях 1971-1973 годов обвиняет Скиннера в навязчивой ненависти к «человеческому уму и добродетели: к разуму, научным достижениям, независимости, наслаждению, нравственной гордости [и] самоуважению». Десятки публичных выступлений, в том числе одно особенно содержательное выступление Вильяма Бакли в «Линии огня» (17 октября 1971 года) превратили Б. Ф. Скиннера в бесчестного ученого Дарфа Бадера. Скиннер так и не понял вполне причин всенародного возмущения. Он подверг критике утилитарную ценность индивидуальной свободы перед лицом народа, вся культура которого была построена именно на этой традиции. Хуже того, он заявил, что контроль поведения человека, осуществленный путем положительного подкрепления, может улучшить этот мир. Для народа, который всего лишь три десятилетия назад бросил вызов фанатичному стороннику контроля, Гитлеру, и его дьявольским планам построения «лучшего будущего», бихевиористская технология Скиннера звучала как тревожное эхо и как предупреждение. В глазах

народа, захваченного в начале 1970-х водоворотом антивоенного движения, борьбы за гражданские права, поднимающегося самосознания женщин и сексуальных меньшинств, книга «За пределами свободы и величия» возмутительным образом выпадала из наступательного шествия человеческой свободы. Он пытался оправдаться, разъяснить свою позицию во многочисленных публичных выступлениях и в следующей книге «О бихевиоризме». Отныне он был не столько социальным изобретателем, сколько стареющим поборником науки.

В августе 1990 года, в возрасте 86 лет и 8 дней, перед самой своей смертью, Скиннер произнес 20-минутную речь на ежегодной встрече в Бостоне. Большинство присутствующих понимали, что это, скорее всего, его последнее публичное выступление, потому что в ноябре 1989 года ему был поставлен диагноз: лейкемия. Когда немощный седовласый основатель оперантной науки и нескольких интересных, но не вполне успешных по части осуществления социальных изобретений обратился к своей аудитории, голос его звучал громко и твердо. Он не пользовался шпаргалками, речь его была безошибочна и ясна. Психологи обычно терпят неудачу, беря под покровительство учение о бихевиористском (поведенческом) анализе, предпочитая, в противоположность ему, объять мифической силы ума. Скиннер привел аналога, делающую понятной тягостное непонимание, тревогу и/или одобрение: сопротивление креационистов дарвиновской теории естественного отбора сравнивалось с современным сопротивлением когнитивных психологов бихевиористскому анализу.

Сопоставление когнитивной креационистской не-науки с дарвиновской оперантной наукой было вполне уместно. В значительной степени интеллектуальные усилия Скиннера в конце 1970-х и в 1980-х годов были сосредоточены на критике когнитивной психологии и на соотнесении избирательности поведения с естественным отбором. Последователи нового ментализма забыли, почему интроспекция не состоялась как наука. Хотя интроспекция, как излюбленный путь исследователя, изучающего ощущения и восприятие, утратила былую популярность, сторонники когнитивной психологии, пытаясь описать деятельность ума, по-прежнему концентрировали внимание на мозге, считая его чем-то вроде информационного процессора. В самом деле, когнитивисты все в большей и большей степени обращались к учению о мозге, когда пытались говорить о природе ума.

Психологи-когнитивисты любят говорить, что «ум — продукт деятельности мозга», однако несомненно, что в этом процессе участвует и остальное тело. Ум — это продукт деятельности тела. Это продукт деятельности личности. Иными словами, это поведение, и об этом заявляют бихевиористы в течение вот уже более половины века. Ограничить свое внимание лишь одним органом означало бы стать на уровень мышления греков эпохи Гомера.

Хотя учение о мозге, несомненно, очень важно, неврология никогда не смогла бы выявить природу ума.

Психологи-когнитивисты не продвинулись далеко вперед по сравнению с Уильямом Джеймсом. Они испытывали серьезные трудности, пытаясь опереться на другую науку — неврологию — как на основу собственных выводов.

Скиннер построил оперантную науку на основе экспериментального анализа, который не был основан на психологии. Поведение может само по себе явиться предметом научного изучения. В 1930-е годы Скиннер создал учение, появление которого предсказывал Джон Б. Уотсон, — учение, которое, как мы видим, отличалось от павловского. В 60-х годах Скиннер не только отвечал на вызов, брошенный когнитивной революцией, — он понимал также, что достижения этологии и генетики открыли новую перспективу дарвиновскому учению. В его статье 1966 года «Филогенез и онтогенез поведения» говорится, что наука о поведении в большей степени занята анализом онтогенетических (индивидуальных) случайностей, чем филогенетических (видовых). Тем не менее, он легко признавал, что «особенности поведения организм... всегда наследует от предков». Он определенно придерживался взгляда, что только прошлые влияния,

как генетические, так и культурные, определяют поведение — поведение определяется первичными выводами.

Ключевым моментом эволюции, позволившим человеку управлять сложным вербальным поведением и таким образом создать культуру, стало развитие голосовой мускулатуры. Однако в конце жизни Скиннер все с большим пессимизмом относился к способности человечества построить жизнеспособное будущее. «Наша эволюционная история подготовила нас к прошлому», — часто повторял он. «Я всегда знал, что должен умереть», — замечал он с легкой усмешкой; однако в конце своего пути он был также уверен, что конец ждет и весь этот мир, и его ждать осталось недолго:

«Я полагаю, что мир собирается сделать то, о чем говорит Шекспир в своем сонете «Мир будет поглощен тем, что его вскормило». Я полагаю, что эволюция является случайным, вероятностным процессом, в котором отсутствует какое бы то ни было намерение. Я полагаю, что эволюция голосовой мускулатуры, давшая возможность человеческим существам говорить о мире, иметь науку и культуру, недостаточна, чтобы принять в расчет будущее. И я убежден, вполне убежден, что мы уже прошли через критическую точку, откуда назад пути нет» (личное интервью, 9 марта 1990 г.).

Однако Скиннер не кончил свою жизнь в унынии и отчаянии. Даже страдая лейкемией, он продолжал бороться за свою науку, отвечал на письма, возился в своей мастерской в подвальчике. Каждый день он планировал так, чтобы самые продуктивные часы были посвящены работе с рукописями. Он вставал по будильнику и писал, подчиняясь суточному ритму, с 5 до 7 часов утра. В конце концов особенности своего организма он знал лучше, нежели кто-либо другой. Его личный опыт и культурное наследие создали образ замечательного человека и послужили основой создания науки, еще более замечательной, но несмотря на все это, Скиннер не претендовал ни на какие личные почести. Цепь случайностей обусловила его успех. Вот что он пишет в последнем томе своей автобиографии: «Будучи склонным полагать, что все сделанное мною не плод загадочного творческого процесса, а продукт стечения обстоятельств, я отказываюсь от всякой надежды носить имя Великого Мыслителя».

МИЛЬТОН ЭРИКСОН:

УЧЕНый, ГИПНОТИЗЕР, ЦЕЛИТЕЛЬ

На протяжении долгих лет человеческой истории изучение гипноза множество раз ломало карьеры ученых, увлекшихся этим сомнительным видом деятельности. Репутация Месмера была в пух и прах разбита выводами Королевской комиссии, собравшейся во Франции в 1785 году специально для изучения всех претензий, предъявляемых Месмеру. Многие почитатели Шарко отшатнулись от него после того, как он обратился к изучению явлений, связанных с гипнозом. Джон Эллиотсон (1843), известный английский хирург, совершенно погубил свою репутацию, попытавшись применять гипнотическое обезболивание. Джеймсу Эсдэйлу (1847), врачу с замечательными рекомендациями, было отказано в дальнейшем продвижении из-за того, что он применял гипноз в хирургии. Такое неодобрительное отношение к этому явлению не только погубило карьеру многим практикам, оно еще и препятствовало изучению гипноза. Зигмунд Фрейд отказался от занятий гипнозом, уступив скептическому отношению медицинской общественности и спасовал перед трудностями, с которыми он столкнулся при в процессе гипноза. Ученик и современник Фрейда, К. Г. Юнг, потерял интерес к гипнозу, поскольку не мог ни контролировать, ни даже понять его влияние. Несмотря на несколько работ в этой области, оставленных нам в наследство Джеймсом, Жане и другими, гипноз не пользовался доверием у ученых и не вписывался ни в одну из основных парадигм медицинской науки и практики. Своеобразная ирония заключается в том, что в 20-е годы самым серьезным исследователем гипноза был человек, которому предстояло стать влиятельным специалистом по теории обучения — Кларк Л. Халл (1933).

Милтон Эриксон обратился к изучению гипноза, когда, будучи второкурсником университета в Висконсине-Мэдисон, попал на демонстрацию гипноза Халла. Эриксон начал пробовать гипнотизировать друзей, знакомых, буквально всех первых встречных и стал в конце концов настоящим специалистом по этому вопросу. В конце 1923 году Халл предложил семинар по гипнозу для выпускников Висконсина, и Эриксон, теперь студент предпоследнего курса в этом учебном заведении, был приглашен для участия в демонстрации своих собственных находок в области гипноза. Хотя Халл весьма ценил необыкновенный дар своего студента, в их понимании происходящих при этом процессов было слишком много различий. Самым важным, возможно, было то, что Халл стремился стандартизировать методы гипнотического воздействия, а Эриксон к этому не стремился; во всяком случае, их сотрудничество не получило дальнейшего развития. Халл отправился в Йель, где его интересы вскоре устремились в другом направлении. Примерно в то же время началось ослепительное восхождение Эриксона в качестве мастера в области гипноза.

Милтон Эриксон родился 5 декабря 1901 года, в небольшом поселке золотоискателей, штат Невада. Вскоре после его рождения семья переехала в сельскую местность в штате Висконсин. Раннее детство Эриксона протекало трудно. Он страдал почти полной цветовой слепотой и имел тяжелые нарушения слуха. Он был настолько лишен музыкального слуха, что воспринимал пение как крик. К этим сенсорным проблемам нужно добавить еще дислексию, приводившую к путанице в понятиях и нарушениям речи. В возрасте 17 лет Эриксон заболел полиомиелитом, после которого он остался частично парализованным. Сенсорные нарушения состояли в том, что он не чувствовал своих ног. Ему предрекали, что он останется на всю жизнь прикованным к постели, но после 10 лет постоянных занятий он восстановил способность ходить, хотя хромота осталась. Такой жизненный опыт чрезвычайно обострил его наблюдательность, он очень чутко воспринимал и точно интерпретировал жестикуляцию, мимику и любые другие невербальные знаки. Благодаря такому своему таланту и при наличии формального медицинского образования, Эриксон развил у себя необыкновенную способность точно ставить диагноз и быстро разрабатывать единственный — самый эффективный — план лечения больных. В 1953 году, в возрасте 52 лет, Эриксон перенес повторный приступ полиомиелита, приковавший его к инвалидной

коляске; он с трудом шевелил пальцами, речь тоже была затруднена. Кроме того, болезнь поразила легкие, и до конца своих дней он мучился от постоянной боли. Однако все эти невзгоды не отразились на страстном увлечении Эриксона гипнозом. Уже к концу предпоследнего года учебы на отделении психологии в Висконсине у него за плечами были сотни загипнотизированных людей и множество поставленных экспериментов. Слава о его способностях распространялась, и его пригласили продемонстрировать сеанс гипноза психологам и медицинскому персоналу государственной больницы Мендоты.

Защитив диплом в университете Висконсина, Эриксон поступил в медицинский колледж университета в Колорадо, где в 1928 году получил степень доктора медицины. После интернатуры в психиатрической лечебнице в Колорадо он поначалу получил место в государственной больнице Роуд-Айленда, а вскоре после этого в государственной больнице в Ворчестере (Массачусетс). В Ворчестере Эриксон продолжал свои экспериментальные и клинические изыскания и опубликовал целый ряд интересных статей, где речь шла о различных проблемах психиатрии. После четырехлетнего пребывания в Ворчестере в 1934 году он получил место директора по научным исследованиям и преподаванию психиатрии в центральном военном госпитале Вэйнского округа в Элоизе, штат Мичиган. Он совмещал эту должность с работой в медицинском колледже Вэйнского государственного университета и в Мичиганском государственном университете. В июле 1948 года, в возрасте 46 лет, после стольких лет болезни и страданий от тяжелой аллергии, он оставил университетскую карьеру и стал заниматься частной практикой в Фениксе, штат Аризона. Некоторое время он работал директором клиники и помощником управляющего государственной больницы в Аризоне и до конца жизни оставался в Фениксе. Последние 28 лет, до самой своей смерти 25 марта 1980 года, Эриксон сохранял активность, работоспособность, творческие способности, читал лекции и проводил демонстрации, консультировал и лечил. Вначале работа его заключалась преимущественно в экспериментальных исследованиях, в конце же своей деятельности он все больше и больше занимался психотерапией.

Эриксон знал, что гипноз способен вызывать изменения в когнитивных и перцептивных процессах (т. е. познании и восприятии), однако оставалось неизвестным, может ли он явиться причиной галлюцинаторного восприятия цвета. Эриксон продемонстрировал появление галлюцинаторных переживаний цвета у загипнотизированных им участников исследования, и подтвердил аутентичность этого эффекта тем, что зарегистрировал возникновение в восприятии испытуемых образов соответствующих дополнительных цветов после вызванных гипнозом ощущений красного, синего, желтого и зеленого цветов. Дальнейшие исследования Эриксона (1936) в области зрительного восприятия включали серию доказательств возможности гипнотического наведения цветовой слепоты. В этих исследованиях для оценки влияния гипноза он использовал хорошо известный тест Ишихары на цветовую слепоту. В этом тесте испытуемым предъявляется серия карт, на которых цветовыми пятнами (различных цветов) изображены цифры. Для правильного прочтения цифр необходимо нормальное цветовое зрение. Эриксон понимал, что для людей, страдающих цветовой слепотой по физиологическим причинам, цвета действительно не существуют; при попытке пройти тестирование у них не возникало никаких ассоциаций, они не высказывали никакого мнения относительно цветов и чисел. Чтобы доказать, что такое положение справедливо и при гипнотически наведенной цветовой слепоте, он разработал процедуру, при которой испытуемым внушалась амнезия к некоторым цветам, к их сочетаниям и значениям. Эта процедура позволила получить забавные данные при тестировании у человека с внушенной слепотой к красному цвету. Поскольку в стандартном тесте Ишихары красным цветом была изображена цифра 3, то когда испытуемого просили сосчитать число пальцев на обеих руках, он не мог этого сделать иначе, чем считая по два. Число 3 оказалось для него просто недоступно для использования при счете. Он объяснял: «Число три для меня красное. Я не могу видеть 3, даже не могу о нем думать, не думая, или не ощущая, или не видя красного».

Эриксон (работы 1928, 1938 годов) выполнил также пионерские экспериментальные и клинические исследования других категорий восприятия и продемонстрировал возможность наведения в гипнозе частичной, избирательной и полной глухоты. В одной серии экспериментов гипнотически внушенная глухота изучалась с помощью классического метода условных рефлексов. В качестве непроизвольной реакции в этих исследованиях регистрировалось сокращение мышцы-сгибателя предплечья при электрическом ударе (безусловном раздражителе). Условным сигналом, предшествующим электрическому удару, был громкий звонок. Условной реакцией было сокращение мышцы-сгибателя, происходящее до удара током в ответ на звонок. С помощью этой процедуры Эриксон показал, что, когда испытуемые были в состоянии гипнотически внушенной глухоты, условная реакция тормозилась — звонок не вызывал сокращения мышцы. При восстановлении нормального слуха условная реакция растормаживалась, и вновь появлялся ответ на условный раздражитель.

Работая над изменением физиологических процессов гипнотическими средствами, Эриксон активировал физиологические реакции, внушая соответствующие раздражители, и он полагал, что такие гипнотически наведенные галлюцинации имеют статус реальности. Например, он мог повышать реакцию слюноотделения, внушая под гипнозом галлюцинаторный образ конфет-тянучек. Он вызывал увеличение и снижение температуры руки испытуемого, создавая галлюцинаторное переживание погружения ее в горячую или в холодную воду. Учитывая, что сам Эриксон большую часть своей жизни мучился от чрезвычайно сильных болей, неудивительно, что он очень серьезно занялся анализом и гипнотерапией боли. Он рассматривал боль как совместное воздействие воспоминаний о когда-то пережитой боли в настоящий момент испытываемого, ощущения боли и ожидания боли, могущей случиться в будущем. Он разработал множество приемов регуляции боли, включая гипнотическое внушение полного отсутствия боли, а также (с помощью искажения представления о времени и амнезии) сокращения временной протяженности воспринимаемых актуально болезненных ощущений и увеличения длительности светлого промежутка между приступами.

Проиллюстрируем последний случай на следующем примере. Для облегчения страданий одного пациента с хроническими, периодически повторяющимися приступами ничем не снимаемой боли, который все время между приступами с ужасом представлял себе следующий эпизод, используя гипноз, Эриксон заставил пациента забыть обо всех предшествующих приступах, так что каждый новый болевой эпизод воспринимался как неожиданность. Кроме того, он использовал искажение времени, чтобы уменьшить субъективно воспринимаемую продолжительность болевого воздействия примерно до 10 секунд. Это лечение вывело пациента из состояния хронического ужаса, и дальнейшая его эмоциональная жизнь протекала в состоянии относительного покоя.

В другом случае речь шла о молодом человеке, приступам мигрени которого неизменно предшествовали тошнота и тяжелая рвота. Начавшись, приступ мигрени ничем не купировался, лишая пациента трудоспособности на несколько дней. В такой ситуации Эриксон не стал непосредственно воздействовать на боль, а принял меры по устранению явления, предшествовавшего развитию боли. Он загипнотизировал пациента, внушив ему невозможность рвоты. Пробудившись от транса, больной попытался вызвать рвоту, однако ему это не удалось: «У меня всегда появляется рвота перед приступом мигрени, и сегодня утром у меня, я точно знаю, были все признаки, что это вот-вот начнется. Но если я не могу вырвать, может быть, и мигрени не будет».

Позднее Эриксон применил свои приемы гипнотического расширения и сжатия времени для обучения, запоминания, приобретения навыков и других сложных видов деятельности. Загипнотизированные получали указание выполнить определенное задание — например, задание сосчитать количество леденцов в мешочке в течение 10 минут. Нормальная скорость счета составляла примерно 59 леденцов в минуту. Однако один человек под гипнозом смог сосчитать 401 леденец

в течение 10 секунд. Он сообщил, что за эти 10 секунд он сосчитал 401 конфету, сложил в столбики одинаково окрашенные леденцы, отметил, что некоторые упали на пол, что они были в основном желтого цвета, сосчитал их один за другим без спешки, ему казалось, что счет занял примерно восемь минут.

Эриксон интересовался также тем, можно ли использовать искажение восприятия времени, чтобы облегчить приобретение каких-либо навыков (например, игры на каком-то музыкальном инструменте). В одном случае (Купер и Эриксон, 1950) участница эксперимента, которой в течение ровно 10 секунд, в состоянии транса представлялось, что она играла на скрипке, сообщила, что: (а) играла несколькими различными способами; (б) отметила и проработала места, которые нуждались в отдельной проработке; (в) проиграла все сочинение в целом и (г) запомнила эту пьесу, а техника ее исполнения резко возросла.

Эриксон показал, что поведение в трансе подстраивается под наш повседневный опыт, особенно в том, что касается запоминания и забывания. Нго работа по амнезии (Эриксон и Росси, 1974) предвосхищала идею зависимости памяти от состояния организма. В одном своем исследовании он загипнотизировал пациента и внушил ему, что тот способен помнить все, что происходило в кабинете, — но только находясь в этом кабинете. Покинув кабинет, больной забывал о событиях, происшедших там, возвращаясь в кабинет, он вновь восстанавливал их в памяти. Эриксон сообщал, что вызванная в состоянии транса амнезия на некоторые события может действительно сохраняться годы и обычно недоступна для выявления средствами психоанализа и глубокой психотерапии.

В 1933 году на семинаре выдающегося антрополога Эдварда Сепира Эриксон (1939) использовал гипноз для демонстрации серии особенно показательных примеров психопатологии обыденной жизни. В его демонстрациях участников вводили в состояние транса, они подвергались внушениям, эффект которых должен был наблюдаться в постгипнотическом периоде. Например, мужчине, курящему сигареты «Кэмел», под гипнозом было внушено, что после пробуждения у него возникнет сильное желание курить, но сигарет у него не будет, а из вежливости он не сможет попросить сигаретку у кого-то из присутствующих. По пробуждении навязчивое желание испытуемого покурить было совершенно очевидно, хотя проявлялось в замаскированном виде. Он рассказывал истории о том, как «дромадер получил один горб, а верблюд — два», о шутовских танцах в цирке, где «можно видеть слонов, гиппопотамов и верблюдов» и о том, как вид воды в бухте Нью-Хейвена всегда вызывает у него жажду, «как и курение». С любой темы разговора он сворачивал на тему курения.

В другой своей демонстрации Эриксон внушил загипнотизированному мужчине ложное убеждение о том, что «все немецкие мужчины женятся на женщинах, которые на два дюйма выше их». По пробуждении от гипнотического транса этот человек привел тот удивительный культурный факт, что немцы берут в жены женщин выше себя ростом. Когда ему возразили, он очень удивился, что кто-то в этом сомневается. Примеры противоположного плана только привели его к выводу, что «нет правил без исключения». Попытки изменить это убеждение с помощью примеров и аргументов имели очень незначительный эффект. Вне состояния транса он постоянно придерживался ложного, внушенного ему в состоянии транса, убеждения, защищая его с помощью рациональных доводов, отрицания и пренебрежения очевидным. Испытуемого снова ввели в транс, и ложное убеждение было устранено. По пробуждении оно полностью исчезло.

В одной из демонстраций Эриксон загипнотизировал испытуемого и ввел его в конфликтное состояние, внушив, что он украл что-то ценное у профессора Д., который тоже присутствовал на сеансе. По пробуждении участник выказал навязчивый интерес защитного характера в отношении. В разговоре с д-ром Д. он говорил о том, «как все крадут, как сам он что-то когда-то крал». Испытуемый пытался невзначай выяснить, насколько добродушен и незлопамятен профессор Д., способен ли он прощать людям зло, особенно кражу, однако утверждение, что д-р Д. как раз вот такой незлопамятный человек, не возымело действия. После повторного введения в состояние транса и снятия конфликта испытуемый

полностью избавился от защитного поведения.

Эриксон полагал, что гипноз и последующее измененное состояние сознания являются различными процессами. Центральным принципом обычного понимания гипноза является то, что все происходящее с испытуемым обусловлено внушением гипнотизера, что оператору (гипнотизеру) принадлежит центральная роль. Эриксон показал, что человек может войти в состояние транса без использования стандартной процедуры внушения — более того, без какого-либо участия оператора. Метод заключался в том, что испытуемому предлагалось представить себе, возможно более полно на этом сосредоточившись, последовательность мельчайших мышечных движений, необходимых при выполнении какой-либо простой задачи. Он обнаружил, что при подробном внимательном представлении в воображении кинестетического опыта многие испытуемые автоматически входят в гипнотически измененное когнитивное состояние. Огромное значение этих исследований заключалось в выявлении того, что, несмотря на всю важность роли гипнотизера, состояние транса вызывают внутренние процессы, происходящие в самом человеке.

Эриксон утверждал, что сам человек — ключ к успеху в наведении состояния транса. В теории, которую он называл теорией использования наведения транса, он выступал в защиту неформальных методов наведения, которые предполагали нечто большее, чем установление рапорта и использование силы и личности субъекта для наведения транса. В этих методах оператор в мельчайших деталях следует за поведением испытуемого и предвосхищает направление его мыслей и поведение, чтобы постепенно ввести испытуемого в состояние транса.

В одном примере пациент был столь тревожен, что ходил взад и вперед по кабинету Эриксона не в силах остановиться. Вместо того, чтобы проявить какое-либо недовольство таким поведением (например, пожаловаться на сопротивление пациента наведению гипноза), Эриксон начал с вопроса: «Хотите ли вы работать со мной, продолжая ходить по кабинету, так же, как вы это сейчас делаете?». Согласие пациента на это незначительное требование позволило Эриксону изменить ходьбу, ее направление, темп, перемежая ее сидением и расслаблением. Эта техника обеспечила непрерывное вхождение в измененное состояние и помогла использовать сопротивление пациента для введения его в транс.

Гипноз, в трактовке Эриксона, требует угнетения активности сознания, поскольку критическая способность сознания препятствует вхождению в гипнотическое состояние. Для этого Эриксон разработал технику смятения. Мышление останавливается и прерывается, когда сталкивается с непоследовательностью и неуместностью. Учитывая, что основными мотивами сознания являются понимание и осознание, фрустрация этих целей сбивает человека с толку, приводит в замешательство он утрачивает способность критически мыслить. В этот период субъект готов воспринять и выполнить простые указания, необходимые для наступления транса. Например, Эриксон мог сказать:

«Я так рад, что вы согласились стать испытуемым. Вероятно, вы сегодня наслаждались едой. Многим людям это нравится, хотя иногда они пропускают обед. Вероятно, сегодня утром вы съели завтрак. Может быть, завтра вы захотите что-то, что у вас есть сегодня. Вы уже ели это прежде, может быть, в пятницу, как и сегодня. Может быть вы захотите съесть это на будущей неделе, но прошлая неделя, эта неделя или будущая неделя — не имеет значения. Поскольку четверг всегда приходит прежде пятницы».

Такой не прямой и тонкий метод был разработан в работе с пациентами, нуждающимися в терапии, но из-за боязни, непонимания или враждебности выказывающими неконтролируемое сопротивление лечению. Этот метод приложим даже к пациентам с сенсорными расстройствами и нарушениями речи. Например, имея дело с глухими или с не знающими английского языка пациентами, Эриксон преобразовывал свой метод в пантомимический, используя невербальное поведение, включая пожатие руки, контакт глаз и безупречную

синхронизацию.

В начале 1940-х годов Мильтон Эриксон и его жена, Элизабет М. Эриксон, обратили внимание на природу и характер внушенных в транс постгипнотических действий, которые выполняются субъектом после пробуждения от транса в результате внушения, выполненного во время транса, причем для действия характерно отсутствие сколько-нибудь проявляемого субъектом осознания причинной мотивации его действия.

Изучая это явление, Эриксоны провели ряд очень эффективных демонстраций, показавших, что в момент выполнения постгипнотического внушения человек спонтанно возвращается в состояние транса и остается в нем до завершения действия. Вот отчет одного из участников после выполнения постгипнотического акта:

«Мы о чем-то беседовали, я забыл сейчас, о чем, как вдруг я увидел эту книгу и просто должен был подойти и взять и посмотреть на нее — не знаю, почему — просто почувствовал, что должен — я думаю, внезапный импульс. Затем я вернулся на место. Просто так получилось. Но вы, вероятно, видели меня, поскольку я должен был обойти вас, чтобы взять ее — не представляю другого пути, которым бы я мог к ней подойти. Потом, когда я снова положил ее, я должен был положить остальные книги на нее сверху. По крайней мере, я не думаю, чтобы кто-то другой это сделал, потому что я не помню, чтобы кто-то еще был в том конце комнаты — впрочем, не думаю, что я очень-то обращал внимание на что-либо, потому что, хотя я знаю, что внимательно рассмотрел эту книгу и открыл ее, но даже не мог бы указать ее автора или названия — на вид, вероятно, какая-то фантастика. В любом случае, это было забавно — вероятно, сиюминутный импульс, и он ничего не значит. О чем это мы говорили?».

Этот пример иллюстрирует, что при вступлении в силу постгипнотического внушения испытуемые: (а) имеют неосознаваемую мотивацию выполнить определенное действие, (б) входят в состояние транса во время выполнения акта и (в) после выполнения акта возвращаются к нормальной деятельности. Таким образом, постгипнотические внушения имеют характер потребности, которая вызывает состояние напряжения, пока внушенное действие не будет выполнено. В соответствии с таким анализом, испытуемые не знают, почему они выполняют постгипнотическое внушение, они просто имеют потребность выполнить его. После необходимого выполнения напряжение уходит, человек возвращается к нормальной деятельности.

По данным анализа Эриксона, поскольку испытуемые возвращаются в состояние транса в процессе выполнения постгипнотического внушения, в это время возможно восстановление гипнотического рапорта с ними, что устраняет тем самым необходимость в процедуре наведения транса, которая может оказаться непростой. Нижеследующее обсуждение ярко иллюстрирует, что при выполнении постгипнотических внушений, состояние транса у субъекта возобновляется и рапорт с гипнотизером удерживается.

Вскоре после пробуждения испытуемому сказали, что когда разговор коснется определенной темы, он должен будет немедленно встать со стула, пересечь комнату, взять маленькую статуэтку левой рукой и поставить ее на определенную книжную полку. Когда испытуемый, стоящий перед гипнотизером, пустился пересекать комнату, его левая рука была несколько приподнята над головой, оставаясь в каталептическом состоянии. Испытуемый, не колеблясь, продолжал свой путь. Подойдя к статуэтке, он обнаружил, что не может опустить левую руку и повернулся к гипнотизеру, как бы в ожидании дальнейших инструкций. Таким образом, на его примере было показано разнообразие явлений обычного наведенного транса. По завершении этой демонстрации ему было просто сказано: «Все в порядке, можете идти дальше». В ответ на такое неопределенное внушение испытуемый вернулся к прерванному выполнению постгипнотического внушения, завершил его и занял свое место, спонтанно пробудившись с полной амнезией обо всех событиях, происшедших от момента подачи сигнала и до его пробуждения, не

замечая даже, что изменилась его поза на стуле.

Описанный анализ имеет далеко идущие последствия: постгипнотические действия восстанавливают состояние транса, а также взаимосвязь между гипнотизером и испытуемым. Эта связь не исчерпывается с завершением гипнотического сеанса, а может сохраняться в течение длительного времени.

В 1940-х и 1950-х годах другие специалисты изучали специальные методы гипноза, такие как возрастная регрессия, увеличение возраста, постгипнотические внушения, положительные и отрицательные галлюцинации, гипнотические грезы и так далее. Однако в своей книге «Гипнотерапия» Бренман и Джилл (1947) пишут: «Наиболее широкое терапевтическое применение (методов гипноза) было сделано Эриксоном. Сочетая уникальную изобретательность с глубинным интуитивным пониманием психологического состояния пациента, он использует эти методы как основные рычаги в своей терапии».

Эриксон был радикальным образом неортодоксален в своих подходах к терапии. Опубликованные им статьи охватывают впечатляющий диапазон тем, включая исследования по Obsessive-фобиям, депрессиям, посттравматическим неврозам, случаям множественной личности, гипнозу в зубо врачебной практике, при заикании, эпилепсии, злоупотреблении наркотиками, мигренях и множества других расстройств, объемлющих круг проблем, разрешаемых уникальным эриксоновским способом. Как доказано множеством исследованных примеров, Эриксон изобретает тактику лечения для каждого конкретного случая. Его методы и обоснование этих методов часто бывали непредсказуемы. Сердцевиной его стратегии было осуществление изменения, которое преобразует смысл ситуации.

Однажды к Эриксону пришла женщина, которая чрезвычайно боялась, чтобы ее несчастливое детство не повлияло на ее отношения с собственными детьми. Она объяснила, что была в семье нежеланным ребенком, что у ее матери никогда не было времени для нее, и все ее ранние воспоминания окрашены глубокой грустью и чувством отторжения. Эриксон решил обойтись без обычных в таком случае организации и реорганизации процессов запоминания, а также без эмоциональных и познавательных процессов пациентки в состоянии транса. Вместо этого он ввел пациентку в транс и вызвал регресс в ранний возраст. Когда она находилась в транс, он вошел в ее жизненное пространство в роли доброго дядюшки, друга ее отца, но прозвищу «февральский человек», — который стал для нее значимой фигурой, к которой пациентка испытывала доверие.

Погружая пациентку в состояние транса с последующей амнезией, Эриксон продолжал вызывать регресс у больной до разных возрастных периодов, привнося элементы иного доброго жизненного опыта, объединяя его с исходными ментальными структурами. Он полностью изменил ее представления о прошлом и то значение, которое она придавало ему. Лечение оказалось эффективным. Пациентка избавилась от своих страхов стать плохой матерью, имела детей и, по ее собственной оценке, стала им хорошей матерью. Такое резкое изменение поведения и отношения является примером одного из наиболее ярких применений возрастной регрессии в истории современного гипноза.

Терапевтические методы Эриксона не всегда сводились к гипнозу. Он нашел, что часто эффективным оказывается простое изменение контекста проблемы. Например, в одном интересном случае к Эриксону привели 16-летнюю школьницу, явной проблемой которой было постоянное непроизвольное сосание большого пальца. Обсудив ситуацию с ее родителями, он сказал им, что ни при каких обстоятельствах они не должны ни словом обмолвиться о сосании большого пальца в разговоре с девочкой в течение следующего месяца и вмешиваться в процесс лечения. Затем он встретился с пациенткой:

«Она вынула большой палец изо рта ровно настолько, чтобы иметь возможность проговорить, что она не любит «докторишек».

Я ответил: «А мне не нравится, что ваши родители приказали мне лечить ваше

сосание пальца. Приказывать мне, вот еще! Это ваш палец и ваш рот, и какого черта вы не можете сосать, если вам хочется? Приказывать мне лечить вас! Единственное, что меня интересует, это почему, если вы хотите позлить родителей и сосать палец, вы не станете по-настоящему агрессивной, вместо того чтобы распыляться на мелочи, как ребенок, который не знает, как можно сосать большой палец действительно назло».

Затем Эриксон посоветовал ей, чтобы она садилась рядом с отцом, когда тот читает газету вечером:

«Сосите свой большой палец как следует и громко, досаждайте этому черту в течение самых долгих двадцати минут, которые ему когда-либо доводилось пережить. Затем идите в комнату, где ваша мать шьет каждый вечер, перед тем, как она отправится мыть посуду. Сядьте рядом с ней и как следует и громко пососите большой палец и позлите старушку в течение самых долгих двадцати минут, которые когда-либо у нее были. Делайте это каждый вечер и делайте это добросовестно. И по дороге в школу представьте себе во всех подробностях самого ненавистного вам сопляка, и каждый раз, как вы его встретите, засовывайте палец прямо в рот и наблюдайте, как он отвернется. И будьте готовы снова сунуть палец в рот, если он посмотрит на вас снова. И думайте обо всех своих учителях и выберите одного, которого вы действительно не любите, и представляйте, что учитель — это большой палец, каждый раз, как он или она посмотрит на вас. Я очень надеюсь, что Вы сумеете быть по-настоящему агрессивной».

В заключении сеанса Эриксон встретился с родителями девушки и вновь предупредил их, что если они сдержат свое обещание спокойно переносить все, то дочь прекратит сосать большой палец. Дома она не сосала большой палец, как обычно, и родители позвонили Эриксону по телефону, чтобы поделиться этой радостной вестью. Однако вечером девушка вела себя в полном соответствии с планом Эриксона, и родители также сдержали данное Эриксону обещание и ничего не ей сказали. В течение нескольких вечеров девушка следовала своей тактике; однако она стала сокращать длительность сосания пальца, начинала позже и заканчивала раньше, и даже пропустила один вечер. Через некоторое время она просто забыла о своей привычке! Понадобилось менее 4 недель, чтобы девушка прекратила сосать большой палец дома, а также и в других местах. Для этого оказалось достаточным одного лечебного сеанса, в ходе которого невротическая проблема и навязчивость превратились в требование и обязательство.

Важнейшим вкладом Эриксона в психотерапию были его идеи о том, что он определил как «стратегическая терапия». При этой форме лечения врач в высшей степени активен и авторитарен, он атакует проблему в лоб. В этом методе задействовано множество противоинтуйтивных приемов. В ходе лечения Эриксон часто создавал парадоксальные ситуации, в которых пациент был вынужден выбирать «хорошее самочувствие», поскольку альтернативой было «плохое самочувствие».

Рассмотрим такой показательный случай: Джордж в течение 5 лет находился на лечении в психиатрической больнице. Ему было около 25 лет, личность его была неизвестна. В течение этих пяти лет единственными словами, который он произносил, были: «Меня зовут Джордж», «Доброе утро» и «Спокойной ночи». Помимо этого он проговаривал только набор слов, никому совершенно непонятный.

Первые три года он сидел на скамейке напротив двери больничной палаты, нетерпеливо подпрыгивал и, если кто-нибудь входил в палату сразу же извергал на него свою неразбериху. В противном случае он просто спокойно сидел и бубнил бессмысленный набор слов самому себе.

Несчетные терпеливые усилия психиатров, психологов, сиделок, работников социальной службы, другого персонала, даже других пациентов добиться от него какого-то вразумительного высказывания были напрасны. Речь Джорджа состояла исключительно из бессмысленного набора слов. Эриксон стал работать в госпитале

на шестом году пребывания Джорджа в больнице. Он разработал план лечения Джорджа. Эриксон велел секретарю стенографировать произносимые Джорджем тексты. После длительного изучения стенограмм Эриксон составил свой собственный набор слов, позаимствовав у Джорджа его интонации. Затем Эриксон стал приходить в палату и садился рядом с Джорджем на скамью, постепенно увеличивая время своего пребывания там, пока оно не достигло часа, при этом он не произносил ни слова. В следующий свой визит Эриксон представился вслух, обращаясь в пустое пространство. На следующий день он обратился к Джорджу. Джордж ответил тревожным словоизвержением, не имеющим смысла, на что в ответ Эриксон спокойно проговорил свой текст, также лишенный содержательности. Джордж выглядел озадаченным, снова начал было высказываться, а Эриксон и на это ответил тирадой, состоящей из изготовленного заранее набора слов. Это продолжалось примерно шесть раз, а затем Эриксон ушел заниматься другими делами.

На следующее утро пациент и врач обменялись адекватным приветствием, назвав друг друга по имени. Затем Джордж произнес длинный монолог, пользуясь своим набором слов, в ответ на что автор (Эриксон) вежливо отвечал таким же образом. Затем последовал обмен короткими и длинными восклицаниями из бессвязных слов, пока Джордж не замолчал; тогда автор отправился выполнять другие свои обязанности. На другой день Джордж в течение четырех часов без остановки издавал бессмысленные восклицания. Эриксон сидел рядом с ним, отвечая в его манере, пропустив время ланча. Джордж продолжал говорить еще в течение 2 часов, на что Эриксон отреагировал двухчасовым монологом. Все это время Джордж смотрел на часы.

На другое утро Джордж правильно ответил на обычное приветствие, однако добавил к этому два бессмысленных предложения. Автор ответил равной по количеству текста бессмыслицей. Джордж возразил: «Говорите со смыслом, доктор».

— Разумеется, я был бы рад. Как ваша фамилия?

— О’Доновэн. Вот наконец-то нашелся кто-то, кто умеет задавать вопросы. За пять лет в этой чертовой дыре... (к чему были добавлены одно-два бессмысленных предложения).

Автор ответил: «Я рад, что узнал вашу фамилию, Джордж. Пять лет — слишком это много». (И добавил парочку бессмысленных замечаний.) Как можно было ожидать, Джордж в конце концов рассказал свою историю, и, как всегда, в беседах с ним, можно было услышать несколько абсурдных конструкций из его любимого набора. Последующее наблюдение за ним и лечение протекали великолепно. Хотя он так полностью и не освободился от привычки к бессмысленным текстам, но они трансформировались в нечто вроде бормотания. Через год он смог оставить больницу и найти работу. Он поддерживал контакт с врачами и сообщал, что у него все в порядке.

Он еще мог, как часто это случалось во время последующих визитов, отпускать нелепые замечания и добавлял: «Нет ли в этом сходства с бессмыслицей нашей жизни, доктор?», на что он явно надеялся получить в ответ сочувственное выражение согласия с добавлением короткого бессмысленного восклицания. Через три года после его выписки из больницы, в течение которых он был достаточно адаптирован, контакт с ним был утрачен, если не считать поздравительных открыток из другого города. Эриксону удалось ограничить болезненную привычку Джорджа, в подражание ему генерируя свой собственный набор слов. Это поставило Джорджа перед выбором: либо, в ответ на свои бредовые высказывания, подолгу слушать бессмысленные тексты, придуманные Эриксоном, либо прекратить бредить самому.

Эриксон также всячески приветствовал и принимал использование сопротивления (упрямства), создавая парадоксальные ситуации, когда выбор сопротивления в качестве основной точки приложения сил становился этапом терапевтической

тактики. Так, если его пациент говорил: «Я не могу...», Эриксон мог согласиться и даже потребовать, чтобы пациент ни в коем случае не делал того, о чем идет речь, формируя тем самым ситуацию сотрудничества. В одном из таких случаев (Хэйли, 1973) Эриксону привели мальчика, ученика седьмого класса, который не умел читать. В разговоре с мальчиком Эриксон выяснил, что тот мечтал отправиться летом на рыбалку с отцом, а вовсе не работать с репетиторами. В своей типичной манере Эриксон поощрял стремление мальчика забыть об обучении чтению. Вместо этого он сконцентрировал его внимание на отцовской рыбалке. Эриксон вытащил карту, оба стали рассматривать ее и искать места, где рыбачил отец мальчика. Они вместе попытались определить названия городов на карте. Важно отметить, что они не читали названия, а только находили их местоположение:

«Я специально путал местоположение некоторых городов, а он должен был поправлять меня. Я пытался найти на карте город Колорадо-Спрингс и показал его в Калифорнии, а он исправил меня. Но он не читал, он только исправлял меня. Он быстро научился определять местонахождение всех городов, которые нас интересовали. Он не осознавал, что читает их названия. Мы очень приятно провели время, глядя на карту и разыскивая хорошие места для рыбалки. Ему нравилось приходить и разговаривать о рыбаках и о разных видах рыб из энциклопедии. Ближе к концу августа я сказал: «Давай сыграем шутку над твоими учителями и родителями. Тебе сказали, что в начале школьного года тебе надо будет пройти тест на чтение. Твои родители волнуются, как ты с этим справишься, твой учитель тоже. Ты берешь текст первой ступени и старательно запинаешься, читая его. Читай весь текст из рук вон плохо. Когда будешь читать текст второй ступени, работай немного лучше, еще немного лучше читай текст третьей ступени. На восьмой ступени читай отлично».

Он счел, что это замечательная шутка, и все проделал именно так. Потом он с наслаждением рассказывал мне все подробности, — как побледили лица его родителей и преподавателя. Если бы он прочел текст первой ступени правильно, он признал бы себя неправым. Но когда он якобы плохо справился с ним, а затем к седьмой и восьмой ступени стал читать отлично, это сделало его победителем. Ему удалось озадачить учителя, поставить в тупик родителей и выйти победителем».

В этом случае Эриксон поддерживал «сопротивление» мальчика и использовал его для достижения рапорта и формирования сотрудничества с ним. Разрешив мальчику не учиться читать, он дал ему возможность, в конечном итоге, самому сделать правильный выбор и овладеть навыком чтения.

Как мастер гипноза и психотерапевт, Эриксон утвердил высокий стандарт совершенства в этой области, известной своей таинственностью, неопределенностью, противоречиями и тенденцией к шарлатанству и мистицизму. Он написал замечательные статьи во многих областях теории измененного состояния сознания, вызываемого трансом. Хотя его работы затрагивают разные стороны гипнотизма, Эриксон не сформулировал общих положений, объясняющих это явление. Не существует «теории гипноза Мильтона Эриксона». Он не столько совершил какие-то революционные открытия в области гипноза, сколько увеличил доверие к нему как к предмету, достойному научного изучения.

Вкладом Эриксона в изучение гипноза является и основание Американского общества клинического гипноза; Эриксон был и первым издателем американского «Журнала клинического гипноза» — его издательская деятельность продолжалась с 1958 по 1968 год. Эта профессиональная деятельность, а также преподавание получили признание и принесли ему многочисленные награды и почести. Он был пожизненным членом Американской психиатрической ассоциации и Американской ассоциации развития науки, он получил звание дипломанта, присвоенное ему американским Департаментом психиатрии. В 1976 году он стал обладателем единственной награды, присуждаемой Международным Обществом Гипноза — Золотой медали Бенджамина Франклина. Надпись на медали верно отражает значительность его вклада в изучение гипноза. Она гласит:

«Мильтону Эриксону, доктору медицины, новатору, выдающемуся клиницисту и

изобретательному исследователю, чьи идеи не только помогли выработать современный взгляд на гипноз, но глубоко повлияли на практическую деятельность психотерапевтов всего мира».

Июльский 1977 года выпуск «Американского журнала клинического гипноза» в честь 75-летней годовщины М. Эриксона был посвящен исключительно его работам. Следующим высказыванием Льюиса Р. Вольберга, доктора медицины (клинический профессор психиатрии, школа медицины при Нью-Йоркском университете), мы завершим нашу статью: «Доктор Эриксон является, может быть, самым творческим современным исследователем в области гипноза, наделенным самым богатым воображением; его вдохновляющие работы в области гипноза занимают достойное место в ряду исследований признанных классиков в этой области знания».

Примечания

1

Мандарин — китайский чиновник. (В англ. яз. иронично — косный, отсталый руководитель). *(Прим. составителей.)*

Название комитета взято из словаря английских и американских сокращений.
(Прим. составителей.)

3

В русском переводе в данном контексте трудно объяснить, что подразумевал Фрейд. Дело в том, что по-английски название статьи Фрейда звучит как «Three Contributions to the Understanding of Man», а слово «man» в английском языке имеет два значения: просто «человек» и «мужчина». Вот почему Фрейд считает, что оригинальное наименование его статьи может быть истолковано как подтверждение предубежденного отношения Фрейда к женщинам. (Прим. составителей.)

4

Определение «сексистский» является производным двух английских слов: sexual — сексуальный и racism — расизм и подразумевает дискриминационное отношение к женщинам со стороны представителей мужского пола. (*Прим. составителей.*)

Инцест — кровосмешение, половая связь между родственниками. (*Прим. составителей.*)

6

Эдип — в греческой мифологии царь фиванский, убивший по неведению своего отца и женившийся на собственной матери.

«Либи́до» (лат. *libido* — влечение, желание, страсть, стремление) — сексуальное влечение, являющееся для Фрейда основанием всей психической жизни. В процессе развития индивида либи́до локализуется в различных зонах человеческого тела. Первоначально либи́до аутоэротично, направлено на различные органы собственного тела, затем, в случае нормального развития психики, отсутствия «фиксаций» на ранних стадиях развития либи́до, сексуальное влечение направлено на внешний объект, на другого человека. В случае патологии либи́до может возвращаться на ранние стадии своего развития — этим объясняются сексуальные извращения. (Взято из примечаний к сборнику «Сумерки богов», Москва, Издательство политической литературы, 1990 г. — *Прим. составителей.*)

В греческой мифологии Нарцисс, прекрасный юноша, сын речного бога Кефиса, увидев собственное отражение в незамутненных водах источника, влюбился в свое отражение, не мог от него оторваться и умер от любви к себе. В психоанализе термин «нарциссизм» обозначает: 1) сексуальное извращение, при котором собственное тело является источником наслаждения; 2) в более широком смысле, любая форма себялюбия, производная от фазы развития детской психики, когда либидо направлено на собственное тело. Под «нарциссическим удовлетворением культурным идеалом» подразумевается бессознательное самодовольство, самолюбование членов того или иного общества или культурного круга. Имеющиеся в данном обществе культурные идеалы «инвестируются» либидо и поэтому скрепляют общественный организм; они противопоставляются идеалам других сообществ, на которые направлена бессознательная агрессивность членов данного общества. (Взято из примечаний к сборнику «Сумерки богов», Москва, Издательство политической литературы, 1990 г. — *Прим. составителей.*)

Вероятно, речь идет о телеинтервью с Юнгом, которое было снято Лоренсом ван дер Постом по заказу «Би-Би-Си».

Эта история была рассказана на семинаре, проводившемся Барбарой Ханна, который я посещал в 1955-1956 годах в Институте Юнга, в Цюрихе.

Такое заключение может быть сделано из письма Юнга Фрейду (McGuire, 1974, pp. 534–535), написанное за год до того, как Юнг увидел свой сон о Зигфриде. В этом письме Юнг открыто упрекает Фрейда (ярко выраженное изменение в обычном эпистолярном стиле Юнга по отношению к Фрейду) в том, что он обманным путем эксплуатирует своих «учеников», обращаясь с ними как с пациентами. Юнг совершенно недвусмысленно обвиняет Фрейда в том, что произошло в их отношениях, вызвав разрыв.

Это различие между Фрейдом и Юнгом отражается в их отношении к своей работе и приписывается различиям в их взаимоотношениях со своими матерями (Alexander, 1982).

«Проблемные» ящики — экспериментальные устройства различной степени сложности. *(Прим. составителей.)*

Утверждение, что такое научение имеет место без его осознания, привело к проведению множества исследований в 1950-х годах. Полученные результаты оказались в большинстве случаев отрицательными. Тщательный опрос испытуемых выявил, что испытуемые понимали: экспериментатор положительно реагирует на что-то в их действиях, хотя и не могли точно определить, на что именно. Они часто вырабатывали «скоррелированные гипотезы» о вознаграждаемом поведении и на этом основании выдавали положительные реакции на уровне, превышающем случайный (смотрите C. W. Eriksen (1962), Behavior and awareness, Durham, NC: Duke University Press).

Афазия — нарушение речи. *(Прим. составителей.)*

Энграмма — структурное и функциональное изменение, возникающее в центральной нервной системе при воздействии на организм каких-либо раздражителей и сохраняющееся длительное время. *(Прим. составителей.)*

Этот и следующие три параграфа являются переложением или цитированием другого прекрасного доклада Дениз Деллароза, также представленного на указанном выше семинаре аспирантов.

Этот отчет об исследованиях Вейсберга представляет собой пересказ содержания прекрасного доклада Марка Шлагера, прочитанного на семинаре аспирантов в университете штата Колорадо.

Rigor mortis — трупное окоченение.

Энграмма — структурное и функциональное изменение, возникающее в центральной нервной системе при воздействии на организм каких-либо раздражителей и сохраняющееся длительное время. (*Прим. составителей*)

Заглавие этого раздела представляет собой наименование книги Лея (1990).

Гомеостаз(ис) [гомео... + гр. stasis — стояние] — физиологическая совокупность сложных приспособительных реакций организма животного и человека, направленных на устранение или максимальное ограничение действий различных факторов внешней или внутренней среды, нарушающих относительное динамическое постоянство внутренней среды организма (Словарь иностранных слов, издательство «Русский язык», Москва, 1989 г., стр.140). *(Прим. составителей.)*